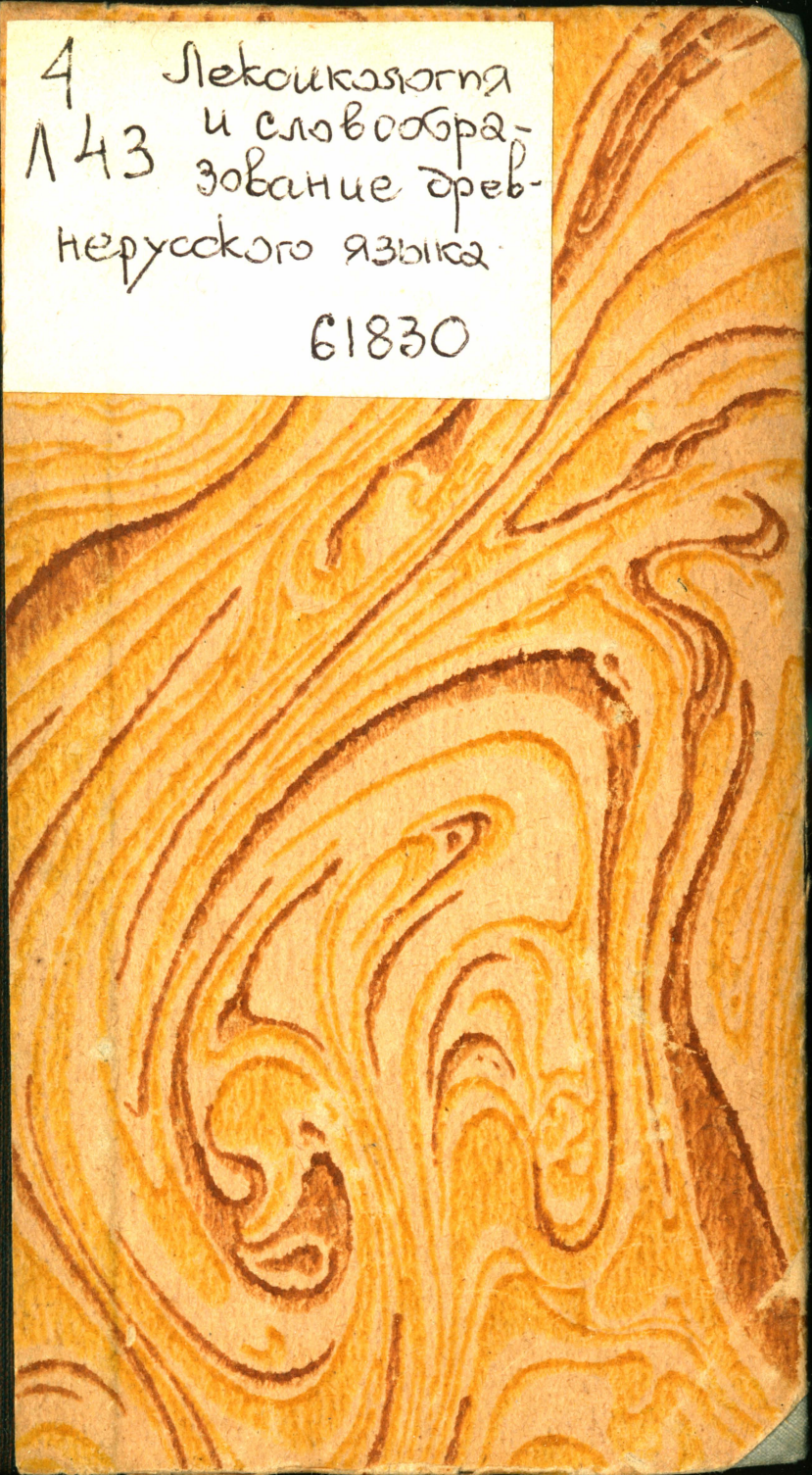
4
Л43

Лексикология и словообразование древнерусского языка

61830

1
Л-43

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

61830

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1966

Л-43
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
61830

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
член-корр. АН СССР *Р. И. АВАНЕСОВ*

7-1-2
373-66

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга подготовлена в секторе исторической грамматики и лексикологии Института русского языка АН СССР и почти целиком связана с работой коллектива этого сектора по составлению Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Картотека словаря послужила материалом для большей части работ, входящих в эту книгу. Использованы также другие источники, непосредственно памятники, а также картотека ДРС.

Книга посвящена ряду тесно связанных друг с другом вопросов лексики, семантики, словообразования древнерусского, по преимуществу книжно-литературного языка. Рассматриваются вопросы семантического развития отдельных слов и их групп, вопросы антонимии и синонимии, жанрово-стилистической дифференциации слов.

В работах по глагольному словообразованию (с префиксом *предъ-* и с префиксами *въ-*, *изъ-* выделительного значения) вопросы словообразования тесно связаны с проблемой видов и значением производящей основы, а также с вопросом о соотношении церковнославянских и собственно древнерусских (восточнославянских) элементов. В работе, посвященной сложным словам древнерусского языка XI—XIV вв., которые рассматриваются в сопоставлении с соответствующими греческими словами, делается вывод о свойственности древнерусскому книжно-литературному языку ряда моделей сложных слов. В книге затрагиваются также вопросы топономастики (микротопонимики) и антропономастики. Завершается книга материалами к частотному словарю древнерусских текстов, представляющими большой интерес для лексикологии древнерусского языка.

Графика отдельных древнерусских слов и цитат из памятников в настоящей книге упрощается. Вместо кириллицы употребляется гражданский шрифт (светлый курсив). Буквы ѥ, є заменяются *е*; ѡ — буквой *о*, ѩ, ѧ, ѧ — буквой *я*; и, ѵ — буквой *и*; ѭ — буквой *ю*; ѫ, ѯ, оу — буквой *у*, ъі — буквой *ы*, ѳ, ф — буквой *ф*; ѯ — ѱ — соответственно сочетаниями *кс* и *пс*. Надстрочные (выносные) буквы вносятся в строку и заключаются в круглые скобки. Знак титла сохраняется, титла не раскрываются [например, дн҃ь — дн(с)ь].

В ряде статей приводятся примеры из картотеки Словаря древнерусского языка XI—XIV вв., а также из картотеки Малого словаря древнерусского языка XI—XVII вв. Института русского языка АН СССР. Примеры приводятся в сокращениях, принятых для данных картотек, и сопровождаются пометами СДР или ДРС.

Г. Н. Лукина

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С ПЕРВИЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ВКУСОВОГО ПРИЗНАКА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ XI—XIV вв.

В лексике древнерусских письменных памятников, относящихся к XI—XIV и частично к XV в., можно выделить группу имен прилагательных, которые обозначают различные вкусовые признаки: *солоныи* и *сланыи* со значением ‘соленый’, *бридъкыи* и *горькыи* со значением ‘горький’, *сладьныи* и *сладъкыи* со значением ‘сладкий’, *кыслыи* — ‘кислый’ и *прѣсьныи* — ‘пресный’. Такие прилагательные, как *солоныи*, *сланыи*, *бридъкыи*, *сладьныи*, *кыслыи*, *прѣсьныи*, являются малоупотребительными словами. Они встречаются в единичных случаях: капуста же *солона* без масла (Уст. Студ., л. 208); и видѣша нагу главу. и воду текущю съ главы *слану* отъ моря (Чуд. Ник. Торж., л. 68г); тыхъ бо рожковъ вкусъ *бридокъ* (Сб. Тр. № 9, л. 3); иже тѣлу *сладно* то дш̄и см̄рть (Илар. Посл., л. 198 об.); По средѣ же у(с)тъ есть язы(к̄) чютье имыи и о горце и о *сладцѣ* о *критцѣ* [1] и о *кыселѣ* (Пал. 1406 г., л. 31а—б); В ч(с̄)тую не(д̄)лю достоить медъ ясти *прѣс(н)ыи.* квасъ житныи (Вопр. Кир., л. 523).

Прилагательные *горькыи* и *сладъкыи* широко распространены в языке памятников указанного периода. Они часто употребляются в противоположных значениях, образуя такой языковой штамп, что одно из них в ряде случаев влечет за собой другое. Кроме того, данные слова на основе первичного значения, связанного с обозначением вкусового признака, обросли целым рядом вторичных переносных значений, некоторые из них вошли в состав образной системы языка древнерусской литературы. Поэтому представляет интерес подробно рассмотреть слу-

[1] Видимо, *бритцѣ*.

чаи употребления названных слов в языке наиболее ранних памятников.

В языке памятников XI—XII вв. прилагательное *сладъкыи* в прямом значении сочетается с существительными *хлѣбъ*, *уха*, *сочиво*, *брашьно*, обозначая 'вкусный': хлѣбъ на тр‹апе›зѣ творяше. видѣти и быти и ясть. ся добръ и чистъ и *сладъкъ* (Син. пат., л. 176 об.); сыру на чясто съдрабляему. и въ вариво зелию вълагаему и *сладъку* уху сътваряющю (Уст. Студ., л. 213); и тако тепло на немь сочиво будеть. и съ безврѣдьнымь *сладъко* на вечери поставиться (Там же, л. 202 об.); то же нѣсмь тако *сладъка* брашьна въкушал. якоже нынѣ сьде (Ж. Ф. Печ., л. 48в). В сочетании с существительным *вода* прилагательное *сладъкыи* в языке древнейших памятников обозначает 'пресный', 'пригодный для питья': и наплъниша вся съсуды своя. о(т) моря *сладъкы* воды и вси прославиша ба̄ (Син. пат., л. 120); и на томь мѣстѣ вода чиста и *сладъка*. не удобь низъ текущи, нъ без гласа лѣющи ся (Ж. Ф. Студ., л. 44—44 об.).

В значении 'приятный для слуха' прилагательное *сладъкыи* может определять существительные *пѣснь*, *гъртанъ* ('речь', 'слово', 'голос'), *слово*, *гласъ*: Пътиця же многообразьны сѣдяху вьрху ихъ. пѣснь поюштя *сладъку* (Изб. 1076 г., л. 270); Грътанъ *сладъкъ* умно-[жи]ть другы. и языкъ доброглӣвъ. умъножить добру бесѣду (Там же, л. 136 об.—137); Коль *сладъка* словеса твоя паче меда устомъ моимъ (Там же, л. 3); и гласа. вьсѣхъ мънѣ *сладъкааго*, и рукы любьзны въсприимъ образа (Ефр. корм. XII в., л. 193а). Подобные же сочетания встретились в памятнике XII—XIII вв.: *сладъкыихъ* оного словесъ дивьнѣ послушевахуть (Ж. Ф. Студ., л. 77 об.); яко же в обьщимь съкровище. въ своеи дши събъраша. житие великовъздрастьно. обычаи пользьнъ. и красьную жизнь. *сладъкое* пѣние (Там же, л. 35).

Прилагательное *сладъкыи* в языке памятников XI—XII вв., сочетаясь с некоторыми абстрактными существительными, выступает в переносном значении — 'приятный', 'сладостный': рече пакы свѣтилы *сладъкы* имамъ. бо̄жия дары прѣдълежяща братие. въ мирьскыя мѣсто горькыя жлъди (Син. пат., л. 108); приобидѣти же. съмьртьное прѣщение. и болѣзньныихъ мукъ. и *сладъкыихъ* съчетания (Ефр. корм. XII в., л. 239а); и гласа

вьсѣхъ мънѣ *сладъкааго*. и рукы любьзны въсприимъ образа. елико убо отъ писании. таковыихъ сладъкы [γραμμάτων... ἡδίων] въобразити дължьнъ еси колика достояния (Там же, л. 193а). Прилагательное *сладъкыи* употребляется в указанном значении с существительными, обозначающими лицо: въ истину ты ли еси *сладъкыи* мои с҃нъ. или стѣнь ми ся нына кажеть тобою (Чуд. Ник. Торж., л. 71а); въ отъвѣтѣхъ *сладъкъ* (Изб. 1076 г., л. 61 об.).

В языке памятников XII—XIII вв. прилагательное *сладъкыи* также употребляется в значении ‘сладостный’, ‘приятный’ с абстрактными существительными и с названиями лиц: коль *сладъко* есть братие моя покаяние (Сб. Тр. № 12, л. 125); Нудить ядро глубоко рыбитва, и *сладък* того дѣля трудъ бываеть (Там же, л. 11); вьсѣмъ убо *сладъкъ*. и всему достоинъ. великыи о҃ць нашь исповѣдьникъ Федоръ (Ж. Ф. Студ., л. 33 об.).

Прилагательное *горькыи* в языке памятников XI—XII вв. встречается только в переносных значениях. В сочетаниях с абстрактными существительными *животъ*, *плѣнение*, *сънъ* оно имеет значение ‘тягостный’, ‘мучительный’: луче есть съмьрть паче живота *горька* (Изб. 1076 г., л. 165 об.); хотяще. избавитися о(т) *горькааго* плѣнения дияволя (Ефр. корм. XII в., л. 224б); тако съвьршаше бъдѣния *горькаго* сна (Сб. Тр. № 12, л. 41). Особенно употребительным является сочетание *горькая съмьрть*: А с‹ь›... таку съмрьть приять *горьку*. звѣрьмь изѣденъ (Изб. 1076 г., л. 130); ‹б҃е...› спси мя отъ *горькыя* съмьрти (Син. пат., л. 12); Иулиянъ... *горькую* и нечл҃вчьную съмьрть прия (Сказ. о Б. и Г., л. 16а); избави ны *горькыя* сея съмьрти (Чуд. Ник. Торж. XII в., л. 70в).

Иное значение наблюдается у прилагательного *горькыи* в сочетаниях с существительными *жлъдь* ‘удовольствие’, *плачь*, *сльза* (во мн. ч.), *печаль*, *мечь*: свѣтилы сладъкы. имамъ. б҃жия дары прѣдълежяща братие. въ мирьскыя мѣсто *горькыя* жлъди (Син. пат., л. 108); *горькъ* сътвори плачь и рыдание (Изб. 1076 г., л. 153 об.); блаженыи възъпи плачьмь *горькыимь* (Сказ. о Б. и Г., л. 13б); а самъ вълѣзъ въ шатьръ свои начатъ мл҃тву творити вечернюю. съ сльзами *горькыми* (Там же, л. 11а); отъ страха же и печали *горькы* и мъно-

гыхъ сльзъ (Там же, л. 12б—в); а си славяще хва-ляху ба̄ поюще и сто̄ николы иже я избави. о(т) *горкаго* меча и лютыя съмьрти (Чуд. Ник. Торж., л. 73а). Значение прилагательного в приведенных примерах можно определить как 'связанный с горем', 'вызванный горем', 'приносящий горе'. В этом же значении прилагательное *горькыи* употреблено в сочетании *горькыи вельможа*: или врѣдъмь тѣлесьныимь. или недугы. или *горькыими* вельможами [πικροῖς δυνάσταις — может быть вместо δανειστής 'ростовщик'. — *Г. Л.*] или разбоиникы, или поганыихъ нападениемъ (Ефр. корм. XII в., л. 261б).

В сочетании с существительным *судъ* прилагательное *горькыи* выступает в значении 'суровый': ананию и сапфиру о(т) своего има притяжания уимъшема. и не всея цѣны принесъшема прѣдъ ногама ап(с)льскама. нъ чясть нѣкаку удьржявъшема. *горькыи* судъ постиже (Уст. Студ., л. 219 об.).

Прилагательное *сладъкыи* в языке памятников XIII в. в прямом значении 'сладкий на вкус', 'вкусный', 'пресный' употреблено с существительными *вино*, *брашьно*, *ядение*, *вода*: едина воды ч(с̄)ты не мутящи ся другая млека не измѣняемаго сладости своея. г̄. я вина *сладка* (Ряз. корм., л. 400в); пьрвое ядение горко. изъобразуеть тьрпѣние свѣта сего. последнее же *сладкое* наслажение вѣчьныя жизни (Там же, л. 38в); *сладко* есть худое се наше брашно (Лобк. прол., л. 103а); пьрвое онъ ре(ч). яко ниневгию погыбнути. Имуть водою *сладкою* и огньмь еже и бы(с). повелениемь же биемь за грѣхы ихъ (Там же, л. 73а). Аналогичные сочетания встретились в памятнике, относящемся к XIII—XIV вв.: и никогда же насытихся таковаго *сладъкаго* брашна и питья, якоже днь(с) (Г. Амарт., л. 257б); но мокраго и *сладкаго* и добраго дъжа и всякоя болѣзни и тлѣния кромѣ су(т). и мало овоща и *сладкыя* воды приемлють (Там же, л. 31а—б).

В сочетании с существительным *воня* прилагательное *сладъкыи* в языке памятников XIII—XIV вв. обозначает 'приятный для обоняния': и давши ему зла(т) талантъ. р̄к. и *сладкыхъ* воньˢ много зѣло (Г. Амарт.,

---

ˢ В греческом оригинале этому сочетанию соответствует слово ὄδυσμα 'приправа', 'пряность'.

л. 94в). Определяя целый ряд слов с абстрактным значением, данное прилагательное в языке памятников XIII и XIII—XIV вв., как и ранее, имеет значение 'сладостный', 'приятный': свѣтъ *сладъкъ* осия ми срдце (Лобк. прол., л. 125в—г); и тако прѣдъ члвкы глти слово. блгогливо въ млтвахъ. *сладко* въ бесѣдахъ (Ряз. корм., л. 196а); и вся разрѣши еи по чину словесному и истолкованиемь *сладъкымь* (Г. Амарт., л. 94б); ‹И(с)съ. . .› бѣ бо преславьнымъ дѣломъ творець и учтль члвкмъ, *сладъкою* истиною приимающимъ (Там же, л. 144а); *сладъкаго* жития и обильныя пища о(т)врещися доже и до смрти (Там же, л. 146в—г).

Прилагательное *горькыи* в языке памятников XIII и XIII—XIV вв. встречается в прямом значении 'имеющий горький вкус', 'непригодный для питья' в следующих случаях: пьрвое ядение *горко*. изъобразуеть тьрпѣние свѣта сего. последнее же сладкое наслажение вѣчьныя жизни (Лобк. прол., л. 38в); еще же Иерихоньскую воду ицѣли млтвами. *горка* бо бѣ родомь и бѣдно пити ея (Г. Амарт., л. 117а); въ Меррѣ *горкаго* источника насладившему (Там же, л. 178в); но напослѣдокъ пища велия и сладость *горка* бы(с) ему (Там же, л. 95в).

Как и в болѣе ранних памятниках, в памятниках XIII в. часто встречается сочетание прилагательного *горькыи* в значении 'мучительный', 'тяжкий' с существительным *съмьрть*: како они нужную и *горкую* смрть подъяша (I Новг. лет. под 1238 г., л. 122 об.); искупи мужа моего о(т) *горкыя* смрти (Лобк. прол., л. 61б); *горкою* и страшною смртию убити обавника повилѣ (Ряз. корм., л. 379а—б). Столь же употребительным является сочетание *горькая мука*: послушьливымъ же ч(с)ть и непокоривымъ *горкую* муку (Лобк. прол., л. 72в—г); достоинъ бо есмь по правому слову. многымъ *горькымъ* мукамъ преданъ быти (Яр. сб., л. 79об.); мукамъ *горкымъ* и казнемъ прѣдати (Ряз. корм., л. 379в). В том же переносном значении 'тягостный', 'мучительный' встретилось прилагательное *горькыи* в сочетаниях с существительными *память*, *разлучение*, *убиистьво*: мы же на прѣднее възвратимъся. на *горкую* и бѣдную памя(т) тоя весны (I Новг. лет. под 1230 г., л. 113); трьпещю *горькаго* разлучѣния (Яр. сб., л. 192); бывшее имъ на-

прасно и *горкое* убиистьо и всепогыбелье (Г. Амарт., л. 159г).

Прилагательное *горькыи* употребляется и в другом переносном значении: ‘связанный с горем’, ‘приносящий горе’: клятвы преступление и *горькую* славу чл҃вчьскую еи г҃и б҃е си вся о(т)жени о(т) мене (Яр. сб., л. 67 об.); ⟨о дш҃е. . .⟩ плачь и скрежетъ зубныи. *горькою* свѣстию осужена хощеши быти предъ бм҃ь (Там же, л. 35); кто мя избавить о(т) огня оного *горькаго* (Там же, л. 34); тогда удьржавъся о(т) *горкаго* того въпля. нача ми гл҃ти (Лобк. прол., л. 144а); ст҃ыи феодоръ тиронъ. бѣ въ цр(с)тво максимияне. *горкаго* гонителя (Там же, л. 146а—б); да будеть же с ними петръ суринъ клятъ и проклятъ. и сергии армѣнинъ *горкаго* безбожия старѣишина (Ряз. корм., л. 380г); и напрягоша лукъ свои вещь *горку* (Там же, л. 395г); ни же различными болѣзни одержими. или напастьми. или *горкыми* должьники [3] или разбоиникы (Там же, л. 368г—369а). Прилагательное *горькыи* в данном переносном значении встретилось также в языке памятника, относящегося к XIII—XIV вв.: и бывшее имъ напрасно и *горкое* убиистьо и всепогыбелье (Г. Амарт., л. 159г); прп(д)бныи (ж) не послуша утѣшениа и прещениа *горкаго* бѣса, таче положивъ омофоръ, о(т)ре(ч)ся ст҃льства (Там же, л. 332а). В последнем примере сочетание *горькыи бѣсъ* передает греч. существительное ἀλάστωρ — ‘каратель’, ‘мститель’, ‘губитель’, ‘бич’.

В сочетании с существительным *осуждение* прилагательное *горькыи* имеет значение ‘суровый’: не меншем(у) же грѣху о(т)сечену бывшу. съблюдение нѣкому о(т) великыхъ будеть. иже волею убо въ судѣ творимыхъ осуж(д)ение *горко* (Ряз. корм., л. 334б—в).

В языке памятников XIV в. прилагательное *сладъкыи* встречается в прямом значении ‘сладкий на вкус’, ‘вкусный’: якоже масть не та добра, иже *сладъка* или горька, но яже ищѣляеть язвы. такоже и пища не та полезна, яже *сладъка* и многа, но яже къ здравью (Пчела, л. 81); коръмля не *сладка* одежа не хупава (Зл. цепь, л. 38 об. а); вареное бо разли(ч)я требуе(т) и зельи *сладкую* пищю

[3] Ср. выше в соответствующем контексте Ефремовской кормчей: *горькыи вельможа.*

являе(т) (Гр. Бог., л. 64г); си же ме(д) въ кровѣ(х) полагае(т). и сдѣловае(т) набдящему пло(д) *сладо(к)* и не оранъ (Там же, л. 82 об.); и *сладкыи* вкусъ горе(к) именова (Там же, л. 58а). Особенно употребительным в языке памятников XIV в. является сочетание *сладъкое брашьно*: утробу въздьржаще о(т) *сладкыхъ* брашьнъ (Прол., 1383 г., л. 51б); *сладко* брашно токмо гортань веселить (Юр. прол., л. 51г); ни искати великых брашенъ и *сладъкыхъ* (Панд. Ник. Черн., л. 195а); *сладкы(х)* брашенъ обѣдомъ имыи искушеванье (Гр. Бог., л. 148г). Сочетаясь с рядом существительных (*питье*, *вода*, *рѣка*), прилагательное *сладъкыи* обозначает 'пригодный для питья', 'пресный': мнози бо добра и *сла(д)ка* [πότιμα] питья небрѣгуще злаго и калнаго просять (Пчела, л. 124 об.); и аще не бы смѣсилъ *сладкыя* воды с горкою (Гр. Бог., л. 165б); есть рѣка срѣдѣ моря текущи *сладка* (Там же, л. 151 в).

Как и ранее, прилагательное *сладъкыи*, сочетаясь со словом *воня*, обозначает 'приятный для обоняния': се уже огради *слатку* подавають воню (Кир. Тур., 21); в воня мѣсто *сладкы* праха ся наимемы (Гр. Бог., л. 43а).

В языке памятников XIV в. данное прилагательное часто употребляется в переносном значении 'приятный', 'сладостный': *сладъка* е(с) бесѣда родившему дѣти свои(х) (Менандр, л. 188 об.); *сладъка* жизнь есть егда ю навыкнеть жити (Там же, л. 188 об.); всяка болѣзнь *сладъка* есть егда есть съ славою (Там же, л. 187 об.); *сладкыи* грѣхъ о(т)гнанъ будеть (Прол. 1383 г., л. 25а); ⟨старец Зосима⟩ ходив же по пустыни. . . глядаше на десно и на шюе яко ловець хытръ. кде бы уловилъ ловъ *сладокъ* (Сб. Чуд., л. 67а); тако *сладкое* учение, тако добродѣтелно наказание. тако *сладко* чюдотворение (Сб. Тр. № 9, л. 215 об.); пр̃рка дв̃да п(с)лмьское пѣние. ап(с)ла павла *сладкое* учение (Сб. Хлуд., л. 23): *сладкая* словеса и бо҃видная е҃же к вамъ бесѣдую (Ф. Студ., л.136а); работа легка е҃и *сладка* (Зл. цепь, л. 90а); и лиця ихъ яко же медъ каплющь *сладкимь* веселиемь (Мер. праведн., л. 53); свѣтъ *сладокъ* осия ми ср̃дце (Панд. Ник. Черн., л. 89 об. а); починемь не тружающе(с). в покои *сладцѣмь* и в чюднѣмь (Ф. Студ., л. 227а); иго х(с)во легко. дьяволе же тяжко. и исполненье заповѣди. и *сладко* па(ч) меду (Там же, л. 198г); то беспечалное путишествование. то *сладкая* м̃лтва (Там же, л. 45г).

Часто употребляется прилагательное *сладъкыи* в указанном переносном значении в языке сочинений Григория Богослова (список XIV в.): ни слова о(т) *сладкыхъ* повѣстии (Гр. Бог., л. 148а); евжину помяни *сладкую* преле(с) (Там же, л. 80а); *сладокъ* убо и миро съ (Там же, л. 135б); *сладка* убо ре(ч) вещь. и чювьственыи сь миръ (Там же, л. 135б—в); *сладко* у(бо) слн҃це по облацѣ (Там же, л. 195); *сладо(к)* аеръ егда преити зимѣ дряхлости (Там же, л. 195б). В языке памятников XIV в. особо следует выделить образное выражение *сладъкыи гвоздъ* (во мн. числе): и аще си учн҃къ х(с)въ пригвожденъ *сладъкыми* гвоздми (Илар. Посл., л. 201); *сладции* бо гвозди подобѣя ради вл(д)чня. и надежа ради веселья (Гр. Бог., л. 71г).

Часто встречается прилагательное *сладъкыи* в переносном значении в сочетаниях с названиями лиц, а также в предикативном употреблении: *сладокъ* и веселъ буди къ всѣмъ (Пчела, л. 21); *сладокъ* есть оц҃ъ мудрость въ гнѣва мѣсто имыи (Менандр., л. 185); будемъ бу҃годници. и чл҃вкомъ *сладци* (Прол. 1383г., л.51б); ты ли еси мои *сладкыи* сн҃ъ. или стѣнь ми ся тобою кажеть (Сб. Тр. № 9, л. 184 об.); будемъ бу҃ угодни и члвкомъ *сладци* (Сб. Хлуд., л. 109 об.); ⟨буди. . .⟩ въ отвѣтѣхъ *сладокъ* (Зл. цепь, л. 76б); кротo(к) не гнѣвливъ милосердъ. *сладо(к)* словесе(м) (Гр. Бог., л. 180г); ни в повѣсте(х) ни в рѣче(х) *сладо(к)* и радосте(н) (Там же, л. 183в).

Как и в более ранних переводных памятниках (Ефремовская кормчая XII в. и др.), в языке памятников XIV в. прилагательное *сладъкыи* передает в основном греч. ἡδύς [4]: житье исбери лучьшье и трудолюбное то бо *сладкои* [ἡδὺν] обычаи строитъ (Пчела, л. 105 об.); лъжа *сладъка* [ἡδυ] и тиха (Там же, л. 91). В ряде случаев прилагательное *сладъкыи* соответствует другим греческим словам: дѣлателю животъ удобенъ *сладокъ* [γλυκανθήσεται — от γλυκαίνω ‘делать сладким’.—*Г. Л.*] есть сонъ съдравие въ чревѣ мѣрнѣ (Пчела, л. 45 об.); аще

[4] Только в Хронике Георгия Амартола встретились случаи соответствия указанного слова греческим прилагательным διηδυς, γλυκύς (прямое и переносное значения) и ἐνήδονος (переносное значение).

или не могуть супротивити(с), то рищуть бѣгающе къ инѣмъ *сладъкымъ* словомъ [λόγους φλυάρους] (Там же, л. 52).

Прилагательное *горькыи* в языке памятников XIV в. может определять существительные типа *масть*, *зѣлье*, *былье* и др., выступая в значении ‘обладающий горьким, неприятным вкусом’: якоже масть не та добра, иже сладъка или *горька*, но яже ицѣляеть язвы (Пчела, л. 81); ⟨врачь. . .⟩ больныя уды урѣзаеть . . . и *горькая* зелья пити даеть (Там же, л. 346); *горкая* былья дають испивати (Панд. Ник. Черн., л. 152а); притча бо истинна и *горкъ* ядъ (Ф. Студ., л. 94в); вкуси убо золчи *горкыя* вкуса (Гр. Бог., л. 13в). Как и в более древних памятниках, в текстах XIV в. по-прежнему часто встречается сочетание *горькая вода* (‘имеющая горький вкус’, ‘непригодная для питья’): бѣ ту вода *горка* (Лавр. лет. 1377 г., под 986 г., л. 32); ⟨пророкъ Елисеи. . .⟩ ерихоньскыя воды. бещадныя. и *горкыя* сущая ицѣли (Прол. 1383 г., л. 85г—86а); не насытилися *горькыхъ* воды сла(. . .)наго моря сего (Илар., Посл., л. 198 об.); аще не бы смѣсилъ сладкыя воды с *горкою* (Гр. Бог., л. 165б).

В языке указанного периода прилагательное *горькыи* часто употребляется в различных переносных значениях. Так, сочетаясь с существительными *житие*, *заточение*, *тьмьница*, *работа* и др., оно обозначает ‘тягостный’, ‘мучительный’: житие со многыми печальми исполнено есть. и нужьно, и *горко*, и оканъно естьство(мъ) (Пчела, л. 130) [5]; *горка* наима [‘награды’, ‘платы’. — *Г. Л.*] у мене просиши (Там же, л. 72 об.); в *горкая* заточения посланъ бы(с) (Прол. 1383 г., л. 59б); зѣло *горка* о дше темница (Кан. К. Тур., л. 221 об.); не порабощени быхомъ оставше *горкою* си работою (Серап. Вл., 5); помилуи г(с)и плѣнныя в *горцѣи* работѣ (Илар. Мол., л. 55 об.—56); жизнь горка е. всѣ(м) праведны(м). (Зл. цепь, л. 83 об. б); о(т)женуть насъ члвѣци. зависти *горькы* ради (Панд. Ник. Черн., л. 20в); *горци* бывают зазори [‘упреки’. — *Г. Л.*] (Там же, л. 103 об. б); но мню яко изралтяне есте нѣции избавившеся о(т) руки фараоня. невидимаго и о(т) *горкаго* плинфотворения (Ф. Студ.,

[5] К этому сочетанию примыкает следующий пример: и послѣди възлюби х(с)а. и житиискую оставивъ *горкую* бурю. и бы (с) мнихъ (Прол. 1383 г., л. 105а—б).

л. 54в); избавьляюще ся о(т) всякия мукы. и мчны вѣчныхъ *горкихъ* и многоплачевныхъ (Там же, л. 132в). Как и ранее, в языке памятников XIV в. широко употребляются сочетания *горькая съмьрть* и *горькая мука*: друзии посѣкаеми бывають... *горкую* смрть приемлюще (Лавр. лет. 1377 г., под 1093 г., л. 74); *горкыя* смрти избѣжахъ (Прол. 1383 г., л. 157в); избави ны о(т) *горкыя* смрти (Сб. Тр. № 9, л. 183); *горкою* смртью умираютъ (Панд. Ник. Черн., л. 115б); ⟨Агрипина⟩... *горкымъ* мукамъ вдана бы(с) (Прол. 1383 г., л. 92в); мучи его много *горкими* муками (Юр. прол., л. 24в); претерпѣти вѣчьную и *горькую* муку (Панд. Ник. Черн., л. 173а).

В языке памятников XIV в. часто встречается прилагательное *горькыи* и в другом переносном значении — 'связанный с горем', 'приносящий горе', 'вызванный горем': иныи по вражьдѣ творить, ины(и) *горкаго* того прибытка жадая (Серап. Вл. IV, 12); *горкое* то имѣнье и кровавое к собѣ пограбити (Серап. Вл. III, 9); и съ плачемъ *горкымъ* моляшеся к г(с)у бу (Сб. Тр. № 9, л. 164); я избави о(т) *горкаго* меча. и о(т) лютыя смрти (Там же, л. 188); о сребролюбье лютое и *горкое* (Панд. Ник. Черн., л. 95 об. а); исавъ возпи глъмь велемь *горькымь* зѣло (Там же, л. 102б); велико ти потреба исповѣдание. слезъ *горкихъ* часта бдѣния (Там же, л. 170б); просите. ищѣте англьскаго чину. иже отъяся отъ насъ первие змиею. *горькимъ* свѣтомъ [съвѣтъ 'указание, совет, наущение'. — *Г. Л.*] (Ф. Студ., л. 104а); бѣгаимы свѣта *горкаго* огня (Гр. Бог., л. 42а). Довольно часто прилагательное *горькыи* в указанном значении определяет существительные, обозначающие названия лиц, и близкие к ним слова. Например: днь(с) еуга. змиеву главу стерши *горкому* ея прельстнику. на веселие. всего мира съзываеть (Прол. 1383 г., л. 19г); виною змиѣ *горкаго* (Мер. праведн., л. 173 об.); яко вооруживъшим ся добродѣтелью сами ся огра(ж)юще. удо(б) попре(м) *горкаго* наложнаго дьявола (Ф. Студ., л. 171в); о зми *горкии*. о сотона (Там же, л. 5в); что рекутьна(м) облыгатели *горции* (Гр. Бог., л. 10а); днь(с) явѣ убѣжахо(м) египта. и фараона *горкого* вл(д)кы (Там же, л. 48г—49а); что глють на(м) облыжници *горции* (Там же, л. 74а—74б);

горкы же начетники (Там же, л. 74б); *горци* обличители (Там же, л. 112б); о(т) *горкою* старцю (Там же, л. 197б); *горкыи* трудоположни(к) (Там же, л. 199г); *горка* гонителя (Там же, л. 200г); мѵтля *горкаго* (Там же, л. 203г); *горкыя* волкы о(т)ганяя (Там же, л. 201г).

Прилагательное *горькыи* в языке памятников XIV в. выступает еще в одном переносном значении — 'суровый': се на ны первое паденье и *горкии* о(т)вѣтъ ['возмездие'. — *Г. Л.*]. о(т)паденье англьскаго житья (Лавр. лет. 1377 г., под 986 г., л. 29—29 об.); и свою свѣсть *горкаго* су(д) надъ собою поставляеть (Пчела, л. 32об. — 33); глаголю азъ словеса си *горькая* (Прол. 1383 г., л. 128 г); не *горекъ* буди судии (Мер. праведн., л. 57 об. — 58); свою свѣсть *горка* судью надъ собою имѣеть (Там же, л. 29); *горка* запрѣщенья (Панд. Ник. Черн., л. 151 об. б); злое и *горкое* наказание (Ф. Студ., л. 38б); *горку* имѣя епитемью (Гр. Бог., л. 58а).

В языке памятников, дошедших до нас в списках XIV—XV вв. или начала XV в., прилагательное *сладъкыи* употребляется в тех же значениях, что и в языке памятников более древнего периода. Так, в прямом значении 'имеющий сладкий вкус', 'вкусный' оно встретилось в следующих контекстах: вжелѣнн(а) пища есть и *сладка* (Ж. Варл. Иоас., л. 14г); дньс бо брашны *сладкыми* гортань и(х) умаствив (Там же, л. 53б); *сладкы(х)* брашенъ вкусити (К.-Печ. пат., л. 180в); въ устѣхъ и(х) хлѣбъ *сладокъ* бываше (Там же, л. 175а—б); дивлю же ся и утробнѣи ти влазѣ. еже иногда тяжька бывши. о(т) *сладкыя* яди. и *сладкыя* пищи (Там же, л. 116—117); нынѣ же *сладокъ* плодъ взрасти (Пал. 1406 г., л. 67б). Как и ранее, распространены сочетания типа *сладъкая вода*: а въ егюптѣ бяхуть ны воды *сладкы* (Пал. 1406 г., л. 128в—г); нѣции источници водъ... вкушеньемъ *сладкы* су(т) (Ж. Варл. Иоас., л. 61г); ра(д)ися источниче *сладкыи* (К.-Печ. пат., л. 100а—б).

В переносном значении 'приятный', 'сладостный' прилагательное *сладъкыи* в языке памятников указанного периода встретилось в следующих случаях: востани. видь брата твоего... и зрениа *сла(д)каго* лице его насыщаася. моли о земли брата своего (Ип. (Г.-В.), под 1289 г., л. 304 об.); рѣчь твоя *сладка*. и учнья твоя

истинна (Пал. 1406 г., л. 76б); *сладкое* то учение въсприимше. горкия убо тмы и прелестныя о(т)ступаху. къ *сладком(у)*же и истинному свѣту прилагааху ся (Ж. Вар. Иоас., л. 4в—г); тѣм же своею волею чюжемъ бывше(м̄) *сладкаго* веселья (Там же, л. 39г); да услышу гла(с̄) твои. *сладо(к̄)* (Там же, л. 127г); *сладкую* пѣ(с̄) въспѣвающю (Там же, л. 62г); *сладкая* надежа. нелож-ное обѣщанье (Там же, л. 93б); видѣ сады всячьскыя многоразли(ч)ныи красныи плоды нѣкими страшными и дивными умножены. и(х̄) же бѣяху виды *сладци* (Там же, л. 111г); великы(м̄) бмъ служаще и *сладкыя* жизни и ра(д̄)стныя насыщающе(с̄) (Там же, л. 94в); *сла(д̄)кое* ча(д̄) не мое но нб(с̄)наго оца (Там же, л. 124а).

Прилагательное *горькыи* в языке памятников XIV—XV вв. также не меняет своего употребления[6]. В прямом значении, отмечавшемся ранее, оно встретилось в следующих примерах: не можаху лю(д̄)е пити воды. *горка* бо бѣ зѣло (Пал. 1406 г., л. 128в); и яко та пища же и питье притранна ми явл(я̄)ет ся и *горка* (Ж. Варл. Иоас., л. 17г); украденыи хлѣбъ пре(д) ними премѣни(с̄). и бы(с̄) акы перьсть. и *горекъ* акы пелынь (К.-Печ. пат., л. 173а—б).

В языке памятников указанного периода широко представлено данное прилагательное в переносном значении ‘тягостный’, ‘мучительный’: *горко* житье се. и всякоя болѣзни и пристрастия исполнь (Ж. Варл. Иоас., л. 19б); *горкую* тебѣ въ сладкыя мѣсто положиша жизнь (Там же, л. 89в—г); о(т) *горкия* работы дияволя свободити мя пришелъ еси (Там же, л. 69в—г); заколе(н̄)я. и плѣненья *горка* и убииства (Там же, л. 100в); ближняго своего о(т) *горкаго* свободить мчителства (Там же, л. 69б); *горкое* избрати пребыванье понужаете (Там же, л. 87б); богатыи же преданъ бывъ пламени *горкихъ* мукъ въ адѣ (Там же, л. 39в); причастять(с̄) *горцѣи* онои муцѣ (Пал. 1406 г., л. 96в); далъ еси себе *горкимъ* мука(м̄) (К.-Печ. пат., л. 169); избави мя о(т) *горкыя* сея смр̄ти[7] (Там же,

[6] Оно почти всегда передает греч. πικρός. Только в Хронике Георгия Амартола ему соответствует αργαλέος ‘трудный’, ‘неприятный’, ‘тягостный’, а в Пчеле ἀηδής ‘неприятный на вкус’.

[7] Ср. сочетание *горькая съмьртьная чаша*: и чаша та *горка* смр̄тная (Пал. 1406 г., л. 192б).

л. 126в); кого ра(д)путь сни *горкыи* шествую (Там же, л. 130в); *горкаго* заколения избѣжавъ (Там же, л. 163а).

Как и в языке более ранних памятников, второе наиболее распространенное в XIV—XV вв. переносное значение прилагательного *горькыи* — ‘связанный с горем’. Примеры: принесе *горкыя* слезы о(т) ср(д)ца печална (Ж. Варл. Иоас., л. 48в); долу же *горкии* змии зияе(т) пожрети его (Там же, л. 54а); рыдающе яко о(т) *горкаго* того оканьнаго змия (Пал. 1406 г., л. 178б); злыи *горкыи* звѣрь гряди въслѣдъ мене (Там же, л. 179г); ияковъ ... возпи съ плачемъ *горкимъ* (Там же, л. 86в); кр(с)тъ хвъ. *горкая* невѣрьства язычьская ослади (Там же, л. 129а); праоць нашь послуша *горкаго* змиева свѣта (Там же, л. 37в); и ослабу подасть о(т) скрушения *горька* (К.-Печ. пат., л. 104б—в).

Сочетаясь с существительными *слово*, *гласъ*, прилагательное *горькыи* имеет значение ‘суровый’: и въ клеветании г(с)ь избави мя. в словесѣхъ *горцѣхъ* (Пал. 1406 г., л. 97в); гла(с) дне г(с)ня *горекъ* и жестокъ учиненъ есть (Ж. Варл. Иоас., л. 41б).

Наблюдая употребление прилагательных *сладъкыи* и *горькыи* в языке памятников XI—начала XV в., можно отметить ряд сочетаний, которые неоднократно встретились в памятниках и являются характерными для всего этого периода. Это следующие сочетания: с прилагательным *сладъкыи* — *сладъкыи хлѣбъ*, *сладъкая пища*, *сладъкыи плодъ*, *сладъкое брашьно*, *сладъкая вода*, *сладъкая пѣснь*, *сладъкое слово*, *сладъкыи гласъ*, *сладъкая жизнь*, *сладъкое учение*; с прилагательным *горькыи*: *горькая вода*, *горькая съмьрть*, *горькая мука*, *горькая работа*, *горькая жизнь*, *горькыи плачь*, *горькые слъзы*, *горькое слово*, *горькыи судъ*.

Сравнивая употребление двух данных слов, можно также отметить, что они противопоставляются лишь в двух значениях: в прямом, связанном с обозначением вкусового признака, и в одном из переносных — ‘приятный’ — ‘неприятный’. Часто такие противопоставления встречаются в одном и том же контексте: якоже масть не та добра, иже *сладъка* или *горька*, но яже ищѣляеть язвы (Пчела, л. 55); ничтоже *сладъко* ни *горко* о(т) естьства поставъно есть (Там же, № 79 об.); или источьникъ изъ единого жерела источить и *горкое* и *сладъкое*

61830
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

(Там же, л. 79 об.); егда по вещи то являеться аки *сладъко*, и егда ли чресъ естьство то *горько* (Варс. корм., л. 292б); и аще не бы смѣсилъ *сладкыя* воды с *горкою* (Гр. Бог., л. 165б); *горкую* тебѣ. въ *сладкыя* мѣсто положша жизнь (Ж. Варл. Иоас., л. 89в—г); *сладкое* то учение въсприимше. *горкия* убо тмы и прелестныя о(т)ступаху (Там же, л. 4в—г). В ряде случаев такие противопоставления закреплены в ряде образных выражений, широко употребительных в литературном древнерусском языке: Димокри(т̄). Се рече, яко наказание корение имѣеть *горко*, а пло(д) *сладокъ* (Пчела, л. 55); ⟨о(т) прмдр(с̄)ти соломоня. . .⟩ корень мои *горекъ*. но плодъ мои *сладокъ* (Мер. праведн., л. 9 об.); горе гл̄щему *горкое сладкому*. а *сладкому горкое* гл̄ющии свѣтъ тму. а тму свѣтъ (Там же, л. 44 об.); горе гл̄щимъ *горкому сладъко*. горе полагающимъ тму въ свѣтъ (Панд. Ник. Черн., л. 166а—б); горе гл̄юще(м) злому доброе и доброму зло. горе прелагающимъ *горкое сладко* и *сладкое горко* (Ж. Варл. Иоас., л. 41а).

Итак, в лексике памятников древнерусской письменности XI—XIV вв. существовала группа прилагательных с первичным значением вкусового признака. Большей частью они были малоупотребительными словами (*солоныи—сланыи*, *бридъкыи*, *сладьныи*, *кыслыи*, *прѣсьныи*). Из этой группы широко представлены в языке данного периода прилагательные *сладъкыи* и *горькыи*. Эти слова, входя в состав традиционных сочетаний, зачастую могли противопоставляться друг другу по крайней мере в двух из своих значений — прямом и важнейшем переносном. Прилагательное *горькыи*, имея ряд специфических значений, оказывается менее устойчивым, чем прилагательное *сладъкыи*. Последнее в двух случаях противопоставляется не слову *горькыи* (как это обычно имеет место), а слову *бридъкыи*: болящи(м̄) кровию *бридкая* полезна, а *сладкая* пакостьна (Пчела, л. 79 об.); яко же медъ струпомъ *бридъкъ* есть, а всему естьству *сладко* (Там же).

Н. Г. Михайловская

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ЗНАЧЕНИИ 'ЗНАТНЫЙ' В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В лингвистических работах слова, имеющие значение 'знатный', обычно рассматриваются в плоскости социально-политической лексики [1]. При этом речь идет главным образом о существительных, обозначающих лиц по их принадлежности к высшему слою древнерусского феодального общества. Некоторые прилагательные также попадают в кругозор исследователей (*вящии*, *лучшии*), но изучаются они или с точки зрения их семантики вообще [2], или с точки зрения их терминологического значения [3]. Настоящая статья ставит своей целью проследить и установить, насколько это окажется возможным, жанрово-стилистический характер употребления прилагательных, имевших значение 'знатный' в древнерусском литературном языке с учетом их грамматических особенностей. Это значение имели не только прилагательные *вящии* и *лучшии*, но и целый ряд других. Они зафиксированы в языке памятников различных жанров, в разной речевой ситуации, в разнообразных смысловых связях, в нескольких вариантах грамматической формы. Анализ употребления каждого члена синонимического ряда начинается с рассмотрения его грамматических особенностей с учетом тех оттенков, которые приобретает данное прилагательное в той или другой функции в определенном сочетании, свободном или устойчивом. Далее ставятся вопросы жанрово-стилистических особенностей членов синонимического ряда. Анализ упо-

[1] См.: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949; П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956.
[2] См.: Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 229.
[3] П. Я. Черных. Указ. соч., стр. 121.

требления прилагательных показывает, что грамматический и стилистический аспекты тесно связаны и взаимозависимы.

В древнерусском языке (XI—XIV вв.) в значении 'знатный' в социальном плане употреблялось несколько прилагательных, составляющих определенный синонимический ряд. Эти прилагательные следующие (располагаем по убывающей степени употребительности в данном значении): *великыи — сильныи — добрыи — лѣпшии — лучшии — вящии* [4] *— нарочитыи — велии.*

Приводим примеры употребления каждого члена синонимического ряда: 1) Володимеръ же радъ бывъ заложи городъ на бротѣ томь и наре и Переяславль зане перея славу отроко тъ Володимеръ же *великимь* мужемъ створи того и оц̄а его (Лавр. лет., л. 42 об.—43); 2) законъ по(д̄)бенъ есть паучинѣ ... аще въпадеть убогъ и простыи мужь, то увязнеть въ немъ, аще ли бат̄ъ и *сильныи*, то рѣчью исторгавше о(т̄)идуть (Пчела, л. 111); 3) и събрачеся чернь и волочаху *добрые* можа [испорч. *мужи.* — *Н. М.*] думающе с ними кого ц(с̄)ря поставять (I Новг. лет., л. 69 об.—70); 4) люба бы(с̄) рѣчь си дружинѣ и послаш(а̄) *лѣпшиѣ* мужи ко цр̄ви (Лавр. лет., л. 92); 5) се слышавше Деревляне собрашася *лучьшие* мужи иже дерьжаху Деревьску землю и послаша по ню (Лавр. лет., л. 15 об.); 6) поиде кн̄зь ярославъ изъ новагорода кыеву на столъ поимя съ собою новгородци *вятшихъ* (I Новг. лет., л. 120); 7) послявъ нача поимати у *нарочитое* чади дѣти и даяти на ученье книжное (Лавр. лет., л. 41); 8) въ скорбехъ терпѣти ... ко всѣмъ смѣрену быти к *велим* же и с малымъ (Зл. цепь, л. 42а).

Остановимся отдельно на каждом члене синонимического ряда и постараемся установить, что общее лежит

[4] В настоящей работе формы сравнительной степени *вящии, лучшии, лѣпшии* рассматриваются как отдельные лексемы безотносительно к их «положительной» форме. С. В. Бромлей пишет: «Сравнительная степень от данной основы [*луч-*. — *Н. М.*] не имеет „положительной" того же корня и является супплетивной формой сравнительной степени к „положительной" *благ* и *добр* в древнерусском языке». И далее: «Основа *вящ-* — (ср. степ.) не имеет соотносительных (того же корня) прилагательного и наречия „положительной" степени». См.: С. В. Бромлей. История образования форм сравнительной степени в русском языке XI—XVII вв. (канд. дисс.). М., 1954, стр. 102, 147.

в основе их употребления и какие «индивидуальные» черты имеет тот или другой синоним. Наиболее употребительным является прилагательное *великыи*:

то ти кнѫже все нелюбье о(т)ложити и о(т) мала и о(т) *велика* не мщати ти ни судомь ни чим же (Новг. гр. 1270 г. Шахм. № 3); како то намъ вашеи братьи правда дати. а обиды не створити ни малу ни *велику* тако было и вамъ (Гр. риж. к кн. Мих. Конст. ок. 1300 г.); и убьенъ же бы(с) Юрьи(ч) Витановичь Илия Щепановичь инии *велиции* бояре (Ип. (Г.-В.), л. 247); бѣ бо вои Даниловъ болши и крѣплѣши бяху бояре *велиции* о(т)ца его вси у него (Ип. (Г.-В.), л. 248 об.); горожани же рекоша ... но голова намъ Краковъ тамо же и воеводы наши и бояре *велиции* (Ип. (Г.-В.), л. 301); Вѣниволь же именемь тъгда *великыи* саномь, глъ ц(с)рци небрѣгь, пояса воискаго и сана паче тѣхъ изволи православную вѣру, при ц(с)рву ногу и о(т)верже поясъ (Г. Амарт., л. 238г); санъ *великъ* есть не еже ч(с)ти гонить, но творити себе достоина чьсти (Пчела, л. 89); цѣлують же вы иже с нами стии и болѣпнии еп(с)пи и игумени и боч(с)твии ц(с)ри и *велиции* людье (Сб. Толст., л. 148 об.); вельлѣпотьнии и славнии кънязи и *велиции* боляре рѣша (Ефр. корм., л. 37 об.); аще и *великъ* бу(д)ть сановникъ еретикъ же по всему не свѣдѣтельствуеть на правовѣрнаго (Ряз. корм., л. 252г—253а).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что прилагательное *великыи* было употреблено в языке памятников различных жанров, начиная с грамот и кончая церковно-юридической литературой. Само употребление весьма разнообразно. Прилагательное может быть определением к одушевленному существительному (*велиции* бояре); к неодушевленному существительному (санъ *великъ*), может согласовываться с собственным именем, имея при себе подчиненное слово (Вѣниволь ... *великыи* саномь) [5].

---

[5] Данная конструкция тождественна конструкции *великъ* тѣломь (Лавр. лет., л. 68), *великъ* плечима (Ип. лет., л. 217) и говорит об общей склонности прилагательного *великыи* в разных своих значениях вступать в тождественные грамматические связи.

В ряде случаев прилагательное в краткой форме употребляется с предлогом *въ* в постпозиции (*великъ въ*), последующее слово или словосочетание имеет форму местного падежа и служит для указания определенного места или среды: Моисѣеви же възмогъшю бы(с̄) *великъ в* дому Фараони бывшю цр̄ви иному взавидѣша ему боляре (Лавр. лет., л. 31 об.); бѣ нѣкто ... *великъ* бывъ *въ* полатѣ ц(с̄)рвѣ (Прол. XIII в., л. 141а); аще ми ся покориши азъ тя избавлю, и *велика* створю тя *в* земли лядьскои (К.-Печ. пат., л. 163г); азъ же не егупетьска(г̄) цр(с̄)тва желаю обладати властьми и *велику* быти *в* ляхохъ ... но вышняго цр(с̄)твия ра(д̄) (К.-Печ. пат., л. 166г). Данная конструкция характерна для языка церковной литературы; пример из Лаврентьевской летописи — переложение библейского сюжета.

Наиболее многочисленны примеры, содержащие прилагательное *великыи* в роли существительного. Здесь можно отметить следующие разновидности употребления:

а) прилагательное *великыи* имеет полную форму множественного числа родительного падежа с предшествующим предлогом *отъ* (*отъ великыхъ*) и обозначает социальное положение лица, указанного в контексте существительным или местоимением: и прииде нѣкто *о(т)* киева хотя и [Никона.—*Н. М.*] искупити се жь не хотяше бѣ бо *о(т) великы(х̄)* града (К.-Печ. пат., л. 110в); быста два мужа нѣкая *о(т) великы(х̄)* града того (К.-Печ. пат., л. 140в); сего же видѣвши нѣкая жена *о(т) великы(х̄)* ... имущи б̄атьство много и власть велию (К.-Печ. пат., л. 163в). По-видимому, данная конструкция является «индивидуальной» чертой языка Киево-Печерского патерика; вариант ее отмечен в Прологе 1383 г.: бы(с) же нѣ [нѣкто.—*Н. М.*] *о(т)* б̄атыхъ *великыхъ* имы жену б̄олюбиву (л. 22г). Однако приведенный контекст допускает двоякое толкование: прилагательное *великыи* выступает в роли существительного, и тогда предшествующее прилагательное (*б̄атыи*) употребляется в качестве определения, или же, наоборот, прилагательное *б̄атыи* употреблено в субстантивированной форме, а *великыи* играет при нем роль определения. На основании

приведенных примеров из Киево-Печерского патерика мы придерживаемся первого предположения;

б) прилагательное *великыи* имеет полную форму множественного числа и употребляется в одном контексте с прилагательным *малыи*, имеющим аналогичную грамматическую форму; при этом *малыи* предшествует *великому*: поношение прикасаеться не токмо *малыхъ* но и *великихъ* (Пчела, л. 37 об.); бг имѣяи бг(с)тво нетлѣнно дая всякому просящему у него ... идуть бо малии и *велици(и)* славнии и неславнии (Прол. 1383 г., л. 10а); начнеть в небрѣжении пребывати и въ бестрашьи противу же глти *малымъ* и *великымъ* (Прол. 1383 г., л. 95а); другом же *малымъ* и *великымъ* покаряитеся или на пиръ звани будете сядите на послѣднем мѣстѣ по еуанглью (Зл. цепь, л. 4б); миръ ко всѣмъ ладно къ *малым* же и к *великимъ* (Зл. цепь, л. 8б); при(д)те бра(т)е и сестры при(д)те *м(а)лии* и *велиции* при(д)те попове и учтли правыя вѣры (Зл. цепь, л. 38а); стяжи любовь къ *малымь* же и к *великымь* и буди всѣмъ попрание (Илар. Посл., л. 201); другомъ же *малым* и *великимъ* покаряитеся (Сб. Увар., л. 72 об.). Подобные примеры употребления прилагательного *великыи* свойственны поучительным контекстам церковной литературы. Отмечен контекст, где в качестве антонима прилагательного *великыи* выступает прилагательное *худыи*: нелѣпо бо есть *худы(м) велика* прошенья просити, ни великы(м) *худаго* (Пчела, л. 25). Сопоставление предыдущих примеров с данным позволяет говорить о синонимичности прилагательных *малыи — худыи* в значении 'незнатный', 'низкого звания', противопоставленном значению 'знатный'. Своеобразие этого примера еще и в том, что при наличии одинаковой грамматической конструкции каждой пары антонимических прилагательных отмечается их разный лексический порядок;

в) прилагательное *великыи* в общем контексте с *малыи* имеет краткую форму единственного числа мужского рода и противопоставляется прилагательному *малыи* в тождественной грамматической форме, при этом отмечается повторение предлога и отрицания перед каждым антонимом, например: ни разгнѣвахъ ся ни на кого же ни на *мала* ни на *велика* (Изб. 1076 г., л. 109 об.); то ти кѣже

все нелюбье о(т)ложити и о(т) *мала* и о(т) *велика* не мщати ти ни судомь ни чим же (Новг. гр. 1270 г. Шахм. № 3). Достойно внимания, что данные примеры отмечены в языке памятников, весьма далеких друг от друга по жанру — в грамотах и Изборнике 1076 г. Вероятно, употребление данного оборота было лишено жанровой закрепленности и носило общеязыковый характер.

Примеры употребления прилагательных *великыи* и *малыи* в одном контексте подводят нас к рассмотрению прилагательного *великыи* в составе устойчивого сочетания *о(т) мала и до велика*, весьма часто встречающегося в летописях. Однако, как нам представляется, это словосочетание может употребляться по-разному: в плане социальном, что имеет непосредственное отношение к теме статьи (соответственно значения прилагательных 'не знатный' — 'знатный'), и в плане возрастном, что не является предметом исследования настоящей работы (соответственно значения прилагательных 'малолетний' — 'взрослый'). Поэтому при определении значения словосочетания *о(т) мала и до велика* необходимо тщательно учитывать объективные фактические данные, имеющиеся в самом тексте. В приведенных ниже примерах значение прилагательного *великыи* определяется как 'знатный': а нелюбья ти княже не держати к новугороду до посадника и до тысяцкого и до всего новагорода *о(т) мала и до велика* (Новг. гр. 1325—1327. Шахм. № 15). Текст имеет политико-административный характер (упоминание посадника и тысяцкого как высоких должностных лиц), что дает основание рассматривать сочетание *о(т) мала и до велика* в плане социальном. Другие примеры: и выидоша вс̄ь гра(д̄) въ оружии *о(т) мала и до велика* (1 Новг. лет., л. 149 об.); и совкупися в повъгородъ вся волость новгородьская ... и идоша в голино *о(т) мала и до велика* и стояша не(д̄)лю на бродѣ (1 Новг. лет., л. 149—150); поидите по мнѣ к Чернигову на Олгови(ч̄) доспѣваите *о(т) мала и до велика* кто имѣеть конь кто ли не имѣеть конь (Ип. лет., л. 128). В этих контекстах говорится о военных событиях, участие в которых малолетних, по-видимому, исключалось. В последнем примере (прямая речь Киевского князя), кроме того, содержится указание на имущественное положение людей: кто имѣеть конь кто ли

не имѣть конь. Все эти данные позволяют говорить об употреблении словосочетания *о(т) мала и до велика* в плане социальном, а значения прилагательных определить как 'не знатный' — 'знатный' [6]. В ряде примеров установить точное значение словосочетания затруднительно. Можно предполагать, что оба плана — и социальный, и возрастной — совмещаются; словосочетание служит для выражения и социального, и возрастного признака одновременно. В этом отношении показателен следующий контекст: игумени с попы и съ дьякопы ... начаша ся причащати(с) первое сами и потомъ бояре и с женами с дѣтми таже вси *о(т) мала и до велика* (Ип. (Г.-В.), л. 284 об.). Здесь употреблены слова, имеющие и социальное значение (бояре) и возрастное (дѣти). Поэтому возможно допустить, что словосочетание *о(т) мала и до велика* служит для выражения недифференцированного различия в значении. Недифференцированное различие в значении прилагательных является по существу отрицанием значительности, важности самого понятийного факта социальной принадлежности и возрастной градации в данной речевой ситуации. В этом случае устойчивое сочетание *о(т) мала и до велика* обозначает совокупность людей безотносительно к их общественно-социальному положению и возрасту [7]. Отмечен один пример употребления, где антонимические прилагательные *великыи — малыи* имеют полную форму множественного числа родительного падежа, причем наблюдается инверсия, необычная для данного сочетания: *великыи* предшествует *малому* — противопоставление

[6] В следующем примере словосочетание *о(т) мала и до велика* употреблено в возрастном плане: горожаномъ же *о(т) мала и до велика* мужи и жены и дѣти с плачемь великимъ проводиша своего господина (Ип. (Г.-В.), л. 303—303 об.). Здесь семантическое наполнение словосочетания конкретизируется уточнением «мужи и жены и дѣти».

[7] Примеры употребления сочетания *о(т) мала и до велика* см.: I Новг. лет., л. 164; Лавр. лет., л. 125 об., 143, 145, 156 об., 164 об.; Ип. лет., л. 127 об., 135, 209 об., 235; Ип. (Г.-В.), л. 285, 290, 293, 299 об., 306, 307 об.; Сб. Соф. XIV—XV вв., л. 109б. Вероятно, недифференцированное различие в значении прилагательного *великыи* отражает весьма раннее языковое явление, которое относится к тому периоду развития общества, когда признак 'знатный' был приложим лишь к лицу преклонного возраста, возможно, старейшему в роде. Ср. с нижеприведенным высказыванием Ф. П. Филина относительно прилагательного *вящии*.

дается по «нисходящей» линии: моляся по вся дни таку схранену быти имѣя же к нимъ мл(с̄)ть яже *о(т) великыхъ* даже *и до малыхъ* и подание ко требующимъ бе скудости (Ип. лет., л. 243 об.). Текст выдержан в стиле церковной литературы. Возможно, этим объясняется полная форма прилагательного *великыи*, которая обычно отмечается в примерах из религиозных памятников. Назидательный характер христианской догмы имеет в виду морально-нравственное уравнение людей вне зависимости от их социальной принадлежности; этот мотив и позволяет определить значение прилагательного *великыи* в данном примере как 'знатный'. Сопоставляя свободные сочетания типа *о(т) мала* и *о(т) велика*, с одной стороны, и устойчивое сочетание *о(т) мала и до велика*, с другой, мы убеждаемся, что семантическое наполнение их различно: первое служит для обозначения групп людей, стоящих на крайних социальных ступенях — низшей и высшей, тогда как второе обозначает некую совокупность людей, находящихся по общественному положению на всех ступенях социальной лестницы, начиная с низшей и кончая высшей.

Второе место по употребительности занимает прилагательное *сильныи*. Приводим примеры: подавая требующи(м̄) мл(с̄)тню судя су(д̄) истиненъ и нелицемѣренъ не обинуяся лица *сильны(х̄)* своих бояръ обидящи(х̄) меньши(х̄) (Лавр. лет., л. 149); позва же [князь Ярослав. — *Н. М.*] и зборы вся и манастыря и нищая и *сильная* и худыя (Ип. лет., л. 228 об.); прм̄дрыи Соломонъ, абы вѣщаеть мл(с̄)тня, *слнии(ж̄)* силно истязаеми буду(т̄) (Г. Амарт., л. 69б); да будеть судья нелицемѣренъ ... ни нищаго милуя не приимаи бо, ре(ч̄), лица *силнаго* (Г. Амарт., л. 215в); ибо меньшии приимателъ есть мл(с̄)тыни, *силнии* же силно испытаються (Г. Амарт., л. 217а); иже истинная правда не имѣ, лежащиа въ дш̄и своеи, но или иманье хотя взяти ... или надъ ненавидимыми месть творя, или *силна(г̄)* стыдяся, то суда исправити не може(т̄) (Пчела, л. 16—16 об.); да не сниде(т̄) на вы роса, ни дождь, зане есте горы см̄рти, яко ту о(т)пяся покровъ *силныхъ*, тѣмъ же да не одождяться верхнимъ дожьдемъ (Пчела, л. 121); притекоша ц(с̄)ри

поклониша(с) князи покорившася велможа встрепеташа *силнии* (К.-Печ. пат., л. 101а); богатыихъ жития сего не блажи *силнии* бо сильнѣо испытаеми будуть (Изб. 1076 г., л. 78); и не покори себе мужю безумьну и не обини ся лица *сильнааго* (Изб. 1076 г., л. 134); не свари ся съ члвкъмь *сильнѣмь* еда како въпадеши въ руцѣ его (Изб. 1076 г., л. 161); да не зьриши на лице нищаго не подивися лицю *сильнаго* (Сб. Тр. № 12, л. 138); изимають убогихъ о(т) *сильныхъ* (Мер. праведн., л. 83); приносити истиньныя правды и судбы ни убога обидѣти ни *силна* обидяща (Мер. праведн., л. 167).

Жанровое употребление прилагательного *сильныи* очевидно: оно является характерным для стиля церковных памятников и связано главным образом с изложением определенной религиозной догмы в различных ее вариантах — защита угнетенных от власть имущих. Примеры из летописей являются в основном библейскими цитатами и объясняются определенным предметом повествования. В данном случае показательно сравнение примеров из Лаврентьевской летописи и Златой цепи, которые не только повторяют друг друга, но взаимно дополняют и поясняют: Соломон похваляя глаголаше ... мною [премудростью. — *Н. М.*] цсрве ц(с)рвують а *сильнии* пишуть правду мною вельможа величаются и мучители держать землю (Лавр. лет., л. 51 об.); яко же глть соломонъ о(т) лица бия ц(с)ри ц(с)рвують а *силни* пишють правду и мною удержать землю (Зл. цепь, л. 115б). Учитывая содержание обоих примеров, следует, видимо, толковать «силнии пишуть правду» как 'знатные (власть имущие) творят (диктуют, предписывают) законы'[8]. Два других примера отмечены в тексте Поучения Владимира Мономаха, которое является одним из самых выразительных литературно-повествовательных памятников: а не вдаваите *силны(м)* погубити члвка (Лавр. лет., л. 80); и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь *силны(м)* обидѣти (Лавр. лет., л. 83).

Следует подчеркнуть, что прилагательное *сильныи* входит именно в библейские цитаты, с некоторыми из-

---

[8] Одно из значений существительного *правьда* — 'свод правил', 'законы' (см.: Срезневский, II, стр. 1357).

менениями повторяющиеся в тексте памятников (ср., на пример, контексты из Хроники Георгия Амартола, л. 69б л. 217а; Изборника 1076 г., л. 78). Поэтому несколько необычным выглядит употребление этого прилагатель ного в языке I Новгородской летописи: зане навелъ бг за грѣхы наша ис пустыня звѣри дивияя ясти *сильныхъ* плъти и пити кровь боярьскую (л. 138). Контекст имее назидательный смысл; такие обобщающие фразы в ле тописях обычно следуют после изложения событий древне русской действительности и служат как бы подтвержде нием закономерности происходящего. Особенностью упо требления прилагательного *сильныи* в данном значени является то, что оно встречается в контекстах общего неконкретного, афористического характера, но почти н используется при изложении живых фактов того вре мени. Отмечен один случай, когда *сильныи* входит в текс при описании конкретных событий: въ дни княжени свое(г) киевѣ стополкъ изяслави(ч) много насилие створ и домы *сильны(х)* искорени без вины (К.-Печ. пат. л. 171а). По-видимому, данный пример может быть объ яснен стилем самого памятника, Киево-Печерского па терика, являющегося типичным произведением агиогра фической литературы в поучительной ее части. Обобщаю щий смысл примеров, в которых отмечено прилагательно *сильныи*, несомненно, связан с характером употреблени этого члена синонимического ряда: за немногими исклю чениями *сильныи* имеет полную форму множественног числа и играет роль существительного. Отмечен оди случай, когда *сильныи* в той же функции имеет крат кую форму единственного числа мужского рода (см. при мер из Мерила Праведного, л. 167) и один случай упо требления формы множественного числа без конечно гласной, который может быть объяснен опиской писц (см. выше пример из Златой цепи, л. 115б; ср. с аналогич ным примером из Лаврентьевской летописи, л. 51 об.) В качестве определения *сильныи* выступает весьма редко *сильныи* чл҃вкъ (Изб. 1076 г., л. 161), *сильныи* бояр (Лавр. лет., л. 149). В одном контексте прилагатель ное *сильныи* относится к существительному *мужь*, кото рое формально опущено: аще въпадеть [в закон. — *Н. М.*] убогъ и простыи *мужь*, то увязнеть въ немъ, аще ли бат҃ъ или *сильныи*, то рѣчью исторгавшие о(т)идуть (Пчела, л. 111)

Прилагательное *сильныи* в текстах памятников часто употребляется с другим прилагательным, противоположным по значению; такое употребление в одном контексте антонимических прилагательных чаще всего имеет характер противопоставления: *сильныи — убогыи* (Мер. праведн., л. 83 и л. 167) *сильныи — меньшии* (Г. Амарт., л. 217а). Иногда прилагательное *сильныи* противопоставляется по значению сразу нескольким прилагательным, например: и тако плакавъшеся падъ нимъ [над Мстиславом. — *Н. М.*] все множество Новгородьское и *сильнии* и худии и нищая и убозѣи (Ип. лет., л. 215). В данном примере имеет место перечисление разных социальных групп. Одно прилагательное (*сильнии*) противоположно по значению трем другим (*худии, нищая, убозѣи*). Другими словами, признаки, указанные тремя последними прилагательными, с одной стороны, и признак, указанный одним первым прилагательным, с другой, взаимно исключают друг друга в одном объекте. Усложненное противопоставление по значению отмечено в Лаврентьевской летописи (л. 83, Поучение Владимира Мономаха, см. выше), где субстантивированное прилагательное *сильныи* антонимично двум сочетаниям (*худыи смердъ* и *убогая вдовица*): и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ *сильны(м)* обидѣти. Словосочетания *худыи смердъ* и *убогая вдовица* семантически объединены, они как бы находятся по одну сторону понятийного поля, а по другую им противопоставлено прилагательное *сильныи* в функции существительного, и противопоставляется оно не каждому словосочетанию отдельно (как и в предыдущем примере — не каждому прилагательному порознь), а обоим словосочетаниям вместе (как и в предыдущем примере — всем трем прилагательным одновременно).

Прилагательные *добрыи, лучшии* (*лучьшии, лутшии*), *лѣпшии* (*лѣпьшии*) употребляются в количественном отношении примерно одинаково. Приводим примеры, содержащие прилагательное *добрыи*: которая си тяжа будеть сужона смоленьскѣ или у князя или у тивуна или урядили будуть *добрии* мужи (Смол. гр. 1229 г., сп. Д); и створися пакость велика много *добрыхъ* мужь избиша (I Новг. лет., л. 13 об.); бы(с) сѣча зла ... избиша мно(г) *добрыхъ* му(ж) и бояръ новгоро(д)скыхъ (I Новг. лет., л. 159); избраша мужи *добры* смыслены числом ·і·

и рѣша имъ идѣже первое в Болгары (Лавр. лет. л. 36 об.); Володимѣръ же о(т)ряди к нему люди *добрыи* и Кафилата (Ип. (Г.-В.), л. 284); По Неронѣ жи Галвасъ ц(с)ртвова ... бѣ же *добраго* роду (Г. Амарт. л. 160в) [9].

Примеры, содержащие прилагательное *добрыи*, в по давляющем большинстве относятся к летописям, причем к тем местам текста, где говорится о конкретных фактах. Особенно употребительно это прилагательное в языке I Новгородской летописи. Оно выступает в качестве опре деления, но не употребляется в функции существительного и не имеет того обобщающего значения, которое свойственно синонимическому прилагательному *сильныи* в субстан тивированной форме. В большинстве контекстов *добрыи* не имеет антонимической пары, здесь нет резких проти вопоставлений по смыслу, которые были отмечены при рассмотрении прилагательных *великыи* и *сильныи*. Од нако некоторые контексты дают право предполагать что противоположным по значению является прилага тельное *простыи*: нѣкто же о(т) Ляховъ не бояринъ ни *доброго* роду но *простъ* сыи чл҃вкъ (Ип. (Г.-В.), л. 284) или прилагательное *черныи*: и ту створися зло велико избиша посадника Михаила ... и мно(г̀) *добрыхъ* боярь а иныхъ *черныхъ* людеи бещисла (I Новг. лет., л. 144 об.— 145). В тексте I Новгородской летописи отмечено также в качестве антонима однокоренное с прилагательным *черныи* существительное *чернь*: и събрачеся *чернь* и во лочаху *добрые* можа [испорч. *мужа.* — *Н. М.*] думающе с ними кого ц(с̀)ря поставять (I Новг. лет., л. 69 об.— 70) [10].

Однако примеры употребления прилагательного *доб рыи* в данном значении совместно с антонимической па рой немногочисленны. Правомерно предположить, что особенности такого употребления члена синонимическог ряда *добрыи*, с одной стороны, и членов синонимиче ского ряда *великыи* и *сильныи*, с другой, кроются в стил языка самих памятников. Нравоучительно-риторический характер церковных текстов требовал большей вырази

[9] Примеры употребления прилагательного *добрыи* в данно значении см. также: I Новг. лет., л. 127 об., 162; Лавр. лет., л. 25 Ип. лет., л. 148 об., 234 об.; Ип. (Г.-В.), л. 284.

[10] См. также I Новг. лет., л. 137 об.

тельности, большей искусности и даже искусственности слога. Отсюда в языке религиозных памятников при употреблении прилагательных *великыи* и *сильныи* подчеркивание противоположностей, применение антитезы как одной из стилистических фигур наряду со многими другими приемами языковой художественной выразительности [11]. В летописях при констатации определенных фактов такой «украшательности» слога не требовалось.

Приводим примеры употребления прилагательного *лучшии*: иде въ русь археп(с̄)пъ Нифонтъ съ *лучьшими* мужи (I Новг. лет., л. 16 об.); въстанъ бы(с̄) смоленьске промежи кнзьмь двдмь и смолняны и много головъ паде *лицьшихъ* му(ж̄) (I Новг. лет., л. 47); се слышавъ црь посла к Игорю *лучиѣ* боляре (Лавр. лет., л. 10 об.); собрашася *лучьшие* мужи иже дерьжаху Деревьску землю и послаша по ню (Лавр. лет., л. 15 об.); печенѣзи же ... пояша у ни(х̄) тали с сами избраша *лучьшиѣ* мужи в городѣхъ и послаша въ градъ (Лавр. лет., л. 44); Стославъ поима *лутшѣи* мужѣ Киянѣ и ѣха с ними брату своему (Ип. лет., л. 119); Изяславъ ... поиде поима съ собою ... Кияны *лутшие* (Ип. лет., л. 161) [12].

Жанровое употребление прилагательного локализовано — оно ограничивается исключительно текстами летописей. По своему характеру синоним *лучшии* близок синониму *добрыи*; в качестве определяемых слов выступают существительные *бояре* (*боляре*), *кияны*, *мужи*. Нами не отмечены примеры, где бы прилагательное *лучшии* употреблялось совместно с антонимической парой.

Приводим примеры употребления прилагательного *лѣпшии*: и яко послаша еп(с̄)па по сна его и много *лепьшихъ* людии (I Новг. лет., л. 21); люба бы(с̄) рѣчь си

---

[11] Например, контекст: *силнии* бо сильнѣе (силно) испытаеми (истязаеми) будуть (Изб. 1076 г., л. 78 м; Г. Амарт., л. 69б) — построен на разных значениях прилагательного *сильныи* в разных грамматических функциях. Отсюда своеобразная лексическая игра слов.

[12] Примеры употребления прилагательного *лучшии* в данном значении см. также: I Новг. лет., л. 19 об.—20, 140 об.; Лавр. лет., л. 15, 42, 144; Ип. лет., л. 168, 188 об.; Ип. (Г.-В.), л. 291 об., 306об.

дружинѣ и послаш(а) *лѣпшиѣ* мужи ко црви (Лавр. лет., л. 22); и тогда Стославъ сдумавъ с княгинею своею и с Кочкаремь милостьникомъ своимъ и не поведѣ сего мужемь своимъ *лѣпшимъ* думы своя (Ип. лет., л. 216 об.); посла Ростиславъ къ Стославу река ему пусти ко мнѣ дѣтя Олга ать познаеть Кияны *лѣпшия* (Ип. лет., л. 183); и плакашася по немь вся земля Новъгородьская наипаче же плакахуся по немь *лѣпшии* мужи Новгородьстѣи (Ип. лет., л. 214 об.—215) [13].

Как и прилагательное *лучшии*, синонимическое *лѣпшии* встречается только в языке летописей и только в функции определения. Прилагательное *лѣпшии* относится к существительным *кияны*, *князи*, *людие*, *мужи*. Новым, по сравнению с синонимом *лучшии*, является то, что в качестве определяемого выступает существительное *князи*, но отсутствует существительное *бояре* (*боляре*), к которому могло относиться прилагательное *лучшии*. Сочетание *лѣпшие* князи отмечено в тексте Поучения Владимира Мономаха: и пустилъ есмъ Половечскы(х) князь *лѣпши(х)* изъ оковъ ... а всѣ(х) *лѣпши(х)* князии инѣхъ ·р· (Лавр. лет., л. 82 об.); и Бъ ны поможе и полкы ихъ побѣдихо(м) и князи изьимахо(м) *лѣпшии* (Лавр. лет., л. 82 об.). Можно предположить, что сочетание *лѣпшии князи* в указанном тексте является индивидуальным употреблением в языке автора. В тексте Ипатьевской летописи наблюдаются случаи, когда синонимические прилагательные *лучшии* — *лѣпшии* относятся к существительному, обозначающему лицо по географическому признаку местожительства: *кияны лутшие* (л. 161) — *кияны лѣпшия* (л. 183), или относятся к словосочетанию, имеющему то же значение: *лутшѣи мужи киянѣ* (л. 119), *лутшии мужи Смоляны* (л. 188 об.). Очевидно, в этой конструкции прилагательные *лучшии* — *лѣпшии* означают данный социальный признак ('знатный') по отношению к человеку, принадлежащему к определенной совокупности людей, объединенных территориально. В качестве варианта наблюдаем сочетания, в которых географический признак передается не существительным

[13] Примеры употребления прилагательного *лѣпшии* в данном значении см. также: Лавр. лет., л. 141; Ип. лет., л. 133 об., 232, 234; Ип. (Г.-В.), л. 303.

(*кияны*), а прилагательным: *лѣпшие мужи Новгородьстѣи* (л. 215) [14].

Синонимическое прилагательное *вящии* отмечено нами в тексте I Новгородской летописи: позва [Всеволод. — *Н. М.*] влдку и посадьника мирошку и *вячьшии* му(ж) по снъ (л. 61); поиде князь ярославъ изъ новагорода кыеву на столъ поимя съ собою новгородци *вятшихъ* (л. 120) [15].

Факт употребления прилагательного в языке одного только памятника не наблюдался при рассмотрении других членов синонимического ряда. В тексте прилагательное *вящии* в полной форме множественного числа в определительной функции относится к существительным *мужи* и *новгородци*. В ряде случаев *вящии* употребляется в субстантивированной форме множественного числа, причем один контекст может содержать прилагательное *вящии* и в качестве определения, и в субстантивированной форме: и иде въ городъ воевода поимя съ собою попа иванка легена и инѣхъ *вячьшихъ* ... и выслаша паки пояша ихъ. · л · му(ж) *вячьшихъ* и тѣхъ исѣкоша (I Новг. лет., л. 53). В качестве антонима прилагательному *вящии* сопутствует прилагательное *меншии*, причем противопоставляются не только субстантивированные формы антонимов, но и прилагательные в роли определения: и бы(с) въ *вятшихъ* свѣтъ золъ како побѣти *меншии* (л. 133 об.); тамо измано *вячьшие* му(ж) а *меньшее* они разидошася (л. 83). Особо остановимся на одном примере, в котором весьма интересно отражены лексические отношения нескольких лексем: и *чернь* не хотѣша дати числа ... тогда издвоиша ся люди кто *добрыхъ* тотъ по стои софьи и по правои вѣрѣ и створиша супоръ *вятшии* велятся яти *меншимъ* по числу (л. 137 об.). Весь контекст по смыслу можно разделить на два отрезка. Первый: и *чернь* не хотѣша дати числа ... тогда издвоиша ся люди кто *добрыхъ* тотъ по ... правои вѣрѣ. Второй: и створиша супоръ *вятшии* велятся яти *меншимъ* по числу. В первом речевом отрезке собирательное существительное *чернь* противопоставлено субстантивирован-

[14] Ф. П. Филин считает прилагательное *лѣпшии* юго-западным (волынско-галицким) диалектизмом. См.: Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 230.

[15] См. также: I Новг. лет., л. 53, 74, 104, 126 об. —127, 147—147 об.

ному прилагательному *добрыи*. Во втором — противопоставлены две субстантивированные формы: *вятшии* и *меншии*. Учитывая содержание и взаимосвязь (причинно-следственную) обоих отрезков, которые составляют единый контекст, правомерно предположить, что в синонимических отношениях находятся не только субстантивированные прилагательные — *добрыи — вящии*, имеющие значение 'знатный', но и собирательное существительное *чернь* — субстантивированное прилагательное *меншии*, имеющие противоположное значение 'незнатный', 'простонародный'. Следовательно, в качестве потенциального антонима прилагательное *вящии* в данном значении может иметь существительное *чернь* [16].

Употребление прилагательного *нарочитыи* не столь локализовано, как употребление синонимического *вящии*, т. е. далеко не ограничивается рамками языка одного памятника, хотя общее количество примеров, содержащих прилагательное *нарочитыи*, приблизительно равно количеству примеров, содержащих прилагательное *вящии*. Примеры: и посадившие в нем(ѣ) [в городе. — *Н. М.*] мужи *нарочитыи* с воеводою стѣнемь (I Новг. лет., л. 153); нача поимати у *нарочитое* чади дѣти и даяти на ученье книжное (Лавр. лет., л. 41); устави на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити и приходити боляро(м̄) и гриде(м̄) и съцьск(ы̄)мъ и десяцьскы(м̄) и *нарочитымъ* муже(м̄) (Лавр. лет., л. 43); и посла с нимъ вое *нарочиты* бояры (Ип. (Г.-В.), л. 269); прочих Жидовъ *нарочитыхъ* ведѣ къ Навходоносору (Г. Амарт., л. 112 г) [17]; по Галфѣнѣ же

---

[16] Ф. П. Филин пишет: «Слово *вячьший* в новгородских летописях имеет два основных значения: старший по возрасту и представитель феодальной знати. Оба значения, и возрастное и социальное, исторически тесно переплетаются друг с другом и восходят ко временам родового строя» (см.: Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 230). Это положение аналогично наблюдению, высказанному выше относительно прилагательного *великыи* в сочетании *о(т) мала и до велика* и подтверждает теснейшую семантическую связь прилагательных *великыи—вящии*.

[17] Данный пример является свободным переложением библейского текста, ср.: И о(т) града взя каженика единаго, иже бѣ приставникъ людей воинскихъ, и седмь мужей *нарочитыхъ*, иже предъ лицемъ цр̄евымъ обрѣтошася во градѣ (см.: Библия. Книга пророка Иеремии, гл. 52, 25).

цр(с)твова Офонъ Лукавии ... бѣ же рода *нарочита* (Г. Амарт., л. 160г)[18].

Употребление прилагательного *нарочитыи* характерно для историко-повествовательного стиля. Примеры из церковных памятников редки и связаны с описанием событий или констатацией фактов, не имеющих сугубо религиозного значения, т. е. не относящихся к изложению христианских догм. В подавляющем большинстве примеров прилагательное *нарочитыи* имеет определительную функцию. Оно относится к существительным: *бояры*, *жиды*, *мужи*, *родъ*, *чадь*. При этом *нарочитыи* может употребляться и в полной, и в краткой форме. При сочетании с существительным *родъ* прилагательное *нарочитыи* имеет краткую форму (Г. Амарт., л. 160г; Пал. 1406 г., л. 109г; Прол. XIIIв., л. 58в); заслуживает внимания и тот факт, что синонимическое *великыи* при сочетании с этим же существительным также употребляется в краткой форме (Чуд. Ник. Торж., л. 69 г.; Сб. Тр. № 9, л. 182). Возможно, этот факт говорит о том, что выражение признака синонимическими прилагательными при сочетании их с некоторыми существительными (например, *родъ*) было связано с конкретной грамматической формой этих прилагательных. Употребление в функции существительного нехарактерно для синонима *нарочитыи*; нами отмечен лишь один пример подобного употребления: вся сущая въ Римѣ *нарочитыя* избивъ б(ѣ)ятьство ихъ възимаша (Г. Амарт., л. 143 об.). Тождество по значению между прилагательными *нарочитыи — лучшии* наглядно представлено в примере из Лаврентьевской летописи: и пославши Ольга къ Деревляномъ ре(ч) имъ д(а) аще мя просити право то пришлите мужа *нарочиты* да в велицѣ чти приду за вашь кн(я)зь еда не пустять мене людье киевьстии се слышавше Деревляне собрашася *лучьшие* муже иже дерьжаху Деревьску землю и послаша по ню (Лавр. лет., л. 15 об.). В небольшом по объему тексте в стилистических целях употреблены два синонимических прилагательных: *нарочитыи* в составе прямой речи, и *лучьшии* в составе косвенной.

---

[18] См. также: Прол. XIII в., л. 58а; Пал. 1406 г., л. 109 г.; Ж. Варл. Иоас., л. 10г.

Прилагательное *велии* в данном значении имеет единичные случаи употребления: тогда же князь съ единомысленою княгинею ... созва дх̄вныи тыи пиръ еп(с̄)па Андрѣяна Юрьевского еп(с̄)па и архимандрита Василья Печерьскаго и вс̄ь свщницкыи чинъ и учреди а не малы дары и великими почти вся о(т) *велихъ* даже и до малыхъ (Ип. лет., л. 242 об.); въ скорбехъ терпѣти · г̄ · во всѣмъ смѣрену быти к *велим* же и с малымъ величанья ненавидѣти говѣину быти (Зл. цепь, л. 41 об.б—42а)[19].

Употребление прилагательного *велии* в значении 'знатный' не является закономерным для древнерусского языка. По-видимому, оно порождено смысловым тождеством прилагательных *великыи — велии* в других значениях ('большой', 'обширный по размерам', 'сильный по характеру своего проявления')[20].

Однако приведенные примеры могут быть объяснены и стилистическими причинами. Хотя первый пример взят из текста летописи, но относится к описанию события, в котором принимали участие церковные деятели различных степеней и званий. Возможно, летописец считал нужным ввести в изложение некоторые обороты и слова, принятые в языке церковных произведений. Здесь прилагательное *велии* входит в конструкцию, сходную с оборотом *о(т) мала и до велика*, о котором говорилось выше. В данном примере прилагательные употреблены в полной форме и произведена перестановка слов. Такая же перестановка в аналогичной конструкции была

---

[19] Отмечен пример, где прилагательное *велии* относится к существительному *санъ*: ка(к̄) не испыташа о(т) нихъ ап(с̄)ли како *велии* санъ имѣша си (Панд. Ник. Черн., л. 206в). Однако нельзя утверждать, что сочетание *велии санъ* в данном случае тождественно по значению сочетанию *великъ санъ* (Пчела, л. 89), так как здесь существительное *санъ* означает не звание в общественно-социальной иерархии, а определенное духовно-религиозное положение, обусловленное морально-нравственными критериями.

[20] Большой удельный вес прилагательного *великыи* в общей лексической системе древнерусского языка (широкая употребительность в памятниках различных жанров, богатая возможность сочетаемости с существительными, разнообразными по своей семантике) приводил к тому, что прилагательное, синонимично с прилагательным *великыи* в одном, двух значениях, нередко ста новилось его синонимом и в третьем значении, оно как бы начинал «подражать» прилагательному *великыи*, по семантической структур уподобляясь ему.

отмечена в одном из примеров, содержащих прилагательное *великыи*, причем пример этот взят из текста того же памятника, что и пример, содержащий прилагательное *велии* (Ип. лет., л. 243 об., см. выше), и относится к описанию того же события. Второй приведенный пример употребления прилагательного *велии* представляет собой типичный контекст из памятника церковно-поучительной литературы. Антонимическая пара *велии — малыи* аналогична паре *великыи — малыи*, рассмотренной выше. Данный пример необычен своим синтаксическим построением; здесь имеет место неоднородное подчинение субстантивированных прилагательных сказуемому *смѣрену быти*: прилагательное *велии* употреблено с предлогом *къ* в форме множественного числа дательного падежа, а прилагательное *малыи* — с предлогом *съ* в форме единственного числа творительного падежа. Отсутствие тождественной грамматической формы антонимичной пары прилагательных в одном контексте встречается чрезвычайно редко.

Анализ употребления прилагательных *великыи — сильныи — добрыи — лѣпшии — лучшии — вящии — нарочитыи — велии*, синонимичных в значении ‘знатный’, ‘занимающий высокое положение’, позволяет сделать следующие выводы:

1. Каждый из перечисленных членов синонимического ряда является характерным для определенного стиля, свойственного языку памятников того или иного жанра.

Прилагательное *великыи* характерно для литературно-повествовательного стиля произведений исторических, агиографических и некоторых текстов летописей. В языке летописей *великыи* обычно выступает в роли определения, в языке агиографической литературы — как существительное.

Прилагательное *сильныи* встречается главным образом в языке церковных поучительных памятников, в контекстах назидательного порядка. Употребление членов синонимического ряда *великыи*, с одной стороны, и *сильныи*, с другой, в церковных текстах связано с изложением двух религиозных мотивов: в первом случае — морально-нравственное уравнение людей независимо от их социального положения; во втором случае — защита угнетенных от власть имущих. В подавляющем большинстве контек-

стов прилагательное *сильныи* употребляется в субстантивированной форме.

Прилагательные *добрыи — лучшии — лѣпшии* зафиксированы в языке летописей при изложении конкретных событий и фактов; данные члены синонимического ряда употребляются в качестве определения.

Прилагательное *вящии* является диалектной лексической особенностью языка I Новгородской летописи; подобно прилагательному *великыи*, оно может быть в тексте и определением, и иметь субстантивированную форму.

Прилагательное *нарочитыи* по своему характеру и своим особенностям также сближается с членом синонимического ряда *великыи*, хотя в количественном отношении далеко ему уступает. Прилагательное *нарочитыи* обычно играет роль определения, хотя возможны случаи употребления его в субстантивированной форме.

Употребление прилагательного *велии*, вероятно, не отражало живой языковой факт, а являлось скорее стилистической единицей церковного языка в отдельных контекстах.

2. Члены данного синонимического ряда, кроме прилагательных *лучшии — лѣпшии*, могли употребляться в одном контексте со своей антонимической парой. Нарушив порядок расположения прилагательных по убывающей степени употребительности, мы можем представить связи взаимной (или обратной) синонимии — антонимии в таком виде:

Антонимические прилагательные употребляются в одном контексте чаще всего в функции существительного и в тождественной грамматической форме: *великыи — малыи* (полож. ст.), *велии — малыи* (полож. ст.), *вящие — меньшии* (ср. ст.) и т. д. Нарушение этой закономерности наблюдается в паре *сильныи* (полож. ст.) — *меньшии* (ср. ст.) [21].

[21] Антонимическое противопоставление слов, различных по грамматической форме, подтверждает высказанное выше положение о том, что при рассмотрении синонимического ряда прилагательных каждое прилагательное, независимо от степени сравнения, нужно рассматривать как отдельную лексему.

3. Синонимические прилагательные данного ряда нельзя считать терминами, хотя они употребляются для выражения социального признака и этой стороной своей семантики относятся к разряду общественно-политической лексики. Но каждая из этих лексем имеет и другие значения, связанные с отображением и выражением иных понятий действительности. Кроме того, почти каждое из данных прилагательных способно сочетаться с существительным, уже имеющим социальное значение, ср.: *велиции* бояре, *сильнии* бояре, *добрые* бояре, *лучьшие* боляре, *нарочитые* бояры, *лѣпшии* князи. По всей вероятности, сочетаясь с существительными социального значения, прилагательные выражают не столько сам социальный признак, сколько высшую степень этого признака. Здесь мы сталкиваемся с чрезвычайно интересным примером перехода качественного признака в количественный, обусловленного лексико-семантическими связями.

4. К вопросу о синонимических прилагательных в значении 'знатный' можно подойти и с противоположной стороны — как к вопросу о значении 'знатный', выраженному рядом синонимических прилагательных. Такой подход должен неминуемо столкнуть нас с проблемой системы древнерусского литературного языка. Очевидно, факт языкового выражения данного социально-общественного понятия восемью прилагательными, весьма пестрыми и разнообразными по своему характеру, особенностям и жанровому употреблению, говорит о том, что система древнерусского литературного языка не была единой. Выражение одного признака разными лексемами является точкой соприкосновения стилей, одним из тех пробных камней, по которому литературные стили распознаются, сходствуют или различаются.

Н. Г. Михайловская, В. С. Филиппов

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ АКТЕРА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В языке древнерусских памятников зафиксирован ряд слов, которые обозначали человека, занимающегося не вполне дифференцированным, в значительной мере синкретическим, музыкально-зрелищным искусством. Эти слова (существительные) могут быть разбиты на две группы. Первую группу составляют существительные *скоморохъ — скомрахъ*, *глумьць*, *игрьць*, *игрьникъ* — слова, имеющие широкое значение, семантически не дифференцированное. Вторую группу составляют существительные *свирѣльникъ*, *свирьць*, *гудьць*, *смычькъ*, *борьць*, *плясьць*, *пѣвьць*, *пѣсньникъ*, *пѣснивьць*, *пѣснотворьць* — слова более узкого значения, употребляемые по отношению к человеку, занимающемуся отдельным видом искусства. Такое разделение представляет известное удобство при рассмотрении материала языка памятников, но само по себе имеет искусственный характер, так как при этом необходимо учитывать и специфику самой реалии, само лицо, называемое тем или другим из перечисленных слов, и семантические особенности каждой лексемы, т. е. само слово. Здесь мы имеем в виду тот факт, что слово могло обозначать «актера широкого профиля» (*скоморохъ — скомрахъ*) и быть применимо только к данной реалии и что слово могло относиться к разным реалиям, т. е. семантический объем слова допускал его употребление по отношению к актерам разных видов искусства (*глумьць*). С другой стороны, введение понятия «актера широкого профиля» и «актера узкого профиля» применительно к древнерусской эпохе в какой-то мере условно, потому что дифференциация искусства в XI—XIV вв. находилась еще в зачаточном состоянии. При дальнейшем изложении мы вынуждены также прибегнуть к модернизации некото-

рых понятий, называя, например, человека, играющего на свирели (существительное *свирѣльникъ*), и человека, играющего на смыке или на гудке (существительные *гудьць*, *смычькъ*), музыкантами-исполнителями. Это делается с целью избежать повторения описательных определений.

Со стороны словообразования рассматриваемые существительные распределяются в основном по двум группам. К первой относятся существительные, образованные от глагола с помощью суффикса *-ьць*. Эти слова сохраняют теснейшую семантическую связь с однокоренными глаголами. Существительное *глумьць* соотносится с глаголом *глумити* в значении 'забавлять', 'веселить' [1], существительное *игрьць* — с глаголом *играти* в значении 'забавляться' [2], существительное *борьць* — с глаголом *бороти* в значении 'воевать' [3], существительное *гудьць* — с глаголом *густи* в значении 'играть на струнном инструменте' [4], существительное *свирьць* — с глаголом *свирити* в значении 'играть на свирели' [5], существительное *плясьць* — с глаголом *плясати* в значении 'танцевать, плясать' [6], существительное *пѣвьць* — с глаголом *пѣти* в значениях 'петь', 'воспевать', 'прославлять', 'совершать богослужение', 'служить' [7]. С помощью суффикса *-ьць* образовано и существительное *пѣснивьць* от прилагательного *пѣснивыи* в значении 'поющий', 'певчий' [8]. Существительное *пѣснотворьць* образовано по аналогии с некоторыми словами-кальками с греческого языка. Такие образования, судя по данным языка памятников, были продуктивны в древнерусскую эпоху XI—XIV вв. Наряду с существительными, образованными от глаголов с помощью суффикса *-ьць*, в рассматриваемый круг слов входят существительные, образованные от существительных с помощью суффикса *-никъ*. И здесь мы также наблюдаем непосредственную семантическую связь между производным и производящим: существительное *игрь-*

---

[1] См.: Срезневский, I, стр. 521.
[2] Там же, стр. 1020.
[3] Там же, стр. 157.
[4] Там же, стр. 611.
[5] Там же, III, стр. 273.
[6] Там же, II, стр. 978.
[7] Там же, стр. 1790.
[8] Там же, стр. 1786.

никъ — от существительного *игра* [9] в значении 'забава', существительное *свирѣльникъ* — от существительного *свирѣль*, имеющего значение 'дудка', 'музыкальный инструмент, сделанный из тростника или из дерева' [10], существительное *пѣсньникъ* — от существительного *пѣснь* в значении 'богослужебная песнь' [11]. Особняком по своему образованию стоит существительное *скоморохъ* (неполногласная форма *скомрахъ*), этимологию которого М. Фасмер рассматривает в сопоставлении с греческим σκώμμαρχος из σκῶμμα — 'шутка' [12].

Анализ употребления слов первой семантической группы мы начинаем с рассмотрения существительного *скоморохъ — скомрахъ*. В ряде исследований исторических и этнографических подчеркивается связь скоморохов с народным искусством: «Скоморохи . . . были древнейшими в России представителями народного эпоса, народной сцены; они же, вместе с тем, были и единственными представителями светской музыки в России. . .» [13]. «Скоморохи являлись затейниками, потешниками и увеселителями народа. Они были лицедеями, объединявшими в себе специальности актера (главным образом комического жанра), певца, музыканта, плясуна, акробата, жонглера, фокусника и дрессировщика животных . . . Скоморохи участвовали и во всякого рода семейных торжествах, в свадебном обряде, на общественных и частных, в том числе и на княжеских, пирах» [14]. Обычно существительное *скоморохъ — скомрахъ* в полногласной или неполногласной форме употребляется в памятниках церковной юридической литературы. Единичные примеры отмечены в языке Лаврентьевской летописи и Пчелы. Употребление существительного *скоморохъ* в тексте Лаврентьевской летописи связано с осуждением суеверных обычаев: друзии же и закыханью вѣруютъ еже бываеть на здравье главѣ но сими дьяволъ лстить и др(у)гыми нравы всячьскыми лестьми превабляя на о(т) Бо трубами и *скоморохы*

[9] См.: Срезневский, I, стр. 1019.
[10] Там же, III, стр. 274.
[11] Там же, II, стр. 1787—1788.
[12] См.: Vasmer, II, стр. 643—644.
[13] См.: А. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси. СПб., 1889, стр. 190.
[14] См.: «История культуры Древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 503.

гусльми и русальи (Лавр. лет., л. 57 об.). В языке Пчелы слово *скоморохъ* употребляется при описании пира; при этом подробно конкретизируются действия скоморохов. В самой конкретизации, в употреблении таких прилагательных, как «студьныи», «похотьныи», сказывается весьма недвусмысленное отрицательное отношение автора к описываемым им фактам: колико бо блудьниць, колико *скоморохъ* пре(д̄) другыми стоя(т̄) окр(с̄)ть тряпезы ихъ; ови студеными рѣчьми звавъшаго и веселять, овы же безвѣстнымъ зрѣниемъ и образомъ похотныи огнь пожизающе, ови же другъ другу лающе и бьющеся домовнику смѣхъ творять (Пчела, л. 114—114 об.). Весьма интересно употребление слова *скоморохъ — скомрахъ* в Рязанской кормчей и Варсонофьевской (идентичный текст). Здесь данное существительное отмечено в контексте, который по содержанию является не описанием зрелища, а перечислением различных колдовских действий, противных христианской этике: скарѣдая творя блудник(ъ̄) съ скотомь обавникъ матежникъ чародѣи *скомрахъ* узолникъ смывая и чл̄вкы въ птичь граи вѣруя (Ряз. корм., л. 51а; Варс. корм., л. 32б—в *скоморохъ*). В данном случае *скоморохъ — скомрахъ* обозначает человека, осуждаемого церковью наравне с колдунами (*обавьникъ*, *чародѣи*) и бунтовщиками (*мятежьникъ*). В некоторых случаях существительное *скоморохъ — скомрахъ* употребляется в одном общем контексте со словами, обозначающими людей нехристианского вероисповедания: и рабъ свобожены ни преже оклеветаныи о нѣкихъ не приемлемыхъ людьскимь судомь и *скоморохъ* и елинъ и еретикъ и жидовинъ не приятни (Мер. Праведн., л. 78 об.; идентичный текст с формой *скомрахъ* см. Ряз. корм., л. 137г—138а). Иногда в подобных контекстах соседствовали два близких по значению слова — *скомрахъ* и *глумьць*: яко же се *скомраси* и *глумци* или нашея вѣры чюжи суть яко се июдеи еритици же и елини (Ряз. корм., л. 138а—б; идентичный текст см. Варс. корм., л. 102б и Мер. Праведн., л. 79); *скомрахъ* или *гудець* или *свирѣлникъ* или инъ нѣкии таковыи *глумець* аще свое житие оставльше ко иному преложенью приложаться (Ряз. корм., л. 119г). Здесь существительное *скомрахъ* обозначает актера комедийного жанра в отличие от существительных *гудьць* и *свирѣльникъ*, обозначающих музыкантов-исполнителей. Существительное же

глумьць в данном примере является как бы обобщением отдельных названий, оно включает в свой семантический объем все те значения, которые выражены существительными *скомрахъ*, *гудьць* и *свирѣльникъ*. Но значения существительных *скомрахъ*, *гудьць* и *свирѣльникъ* не исчерпывают семантический объем существительного *глумьць*, так как это слово было применимо, по-видимому, к любому человеку, занимающемуся музыкально-зрелищным искусством. На этот счет в приведенном примере имеется прямое указание: инъ нѣкии таковыи *глумьць*. Полногласная форма *скоморохъ* отмечена в примерах из Лаврентьевской летописи, Пчелы, Мерила Праведного. Неполногласная форма *скомрахъ* характерна главным образом для языка Рязанской кормчей.

В контексте из Рязанской кормчей отмечена синонимическая параллель *шпильман* [15] — *глумьць*: всякъ же съгрѣшаяи и каяся приятъ да будеть въ покаяние аще есть *шьпильманъ* рекъше *глумець* (Ряз. корм., л. 115 г). Существительное *глумьць* может употребляться в общем контексте с существительным *игрьць*. По содержанию данный пример близок рассмотренным выше: о(т) зла житья въскорѣ пришедъшаго на покаяние *игрьца* или *глумци* бывша (Ряз. корм., л. 49б). Здесь мы подходим к рассмотрению третьего слова первой группы — существительному *игрьць*. Анализ употребления существительного *игрьць* показывает, что это слово служило не только для обозначения человека, занимающегося актерским трудом, но и для обозначения человека, любящего забавы, принимающего участие во всякого рода увеселениях, например: не буди кощюньникъ ни *игрець* ни срамо — ·с̄·вни(к̄) ни буи ни гордъ ни величавъ ни гнѣвливъ ни яръ ни напрасѣнъ (Варс. корм., л. 308б); *игрець* и пьяница ст̄ль аще не останеть(с̄) то (д̄) извержеться (Ряз. корм., л. 43б). В приведенных контекстах существительное *игрьць* характеризует определенную норму поведения, индивидуальную, личную склонность человека, но не род занятия, не профессию. В этом же значении существительное *игрьць* может иметь при себе в препозиции существительное с предлогом, например: никоему же мужеви

[15] И. И. Срезневский определяет значение слова *шпильманъ* как 'лицедей', 'актер', 'плясун' (см.: Срезневский, III, стр. 1598).

в женьскую облачитися одежу ли женѣ в мужьския ни во обличья *игрець* (Мер. Праведн., л. 347; идентичный текст см. Варс. корм., л. 120а). Существительное *игрьць* в значении 'актер' зафиксировано в примерах, являющихся по своему содержанию правилами поведения для церковнослужителей, например: причетникъ или мнихъ н(а) подрумие въсходя или на браце хотящимъ внити *игрьцемъ* преже того не изидеть да извѣржется (Ряз. корм., л. 148б); не скоро изверженъ бываеть причетникъ аще егда позван бывъ на бракъ хотящимъ вънити *игрьцемъ* глумити и играти и съблажняти чл҃вкы не въстанеть преже того не о(т)идеть (Ряз. корм., л. 148б). Хотя второй пример, как и первый, своим содержанием обращен к причетникам, но здесь содержится конкретизация действий, производимых «игрецами» — «глумити и играти»; сами названные глаголы подтверждают несомненную семантическую близость существительных *игрьць*, *глумьць* и *скоморохъ — скомрахъ*. Слово *игрьць* зафиксировано также в языке Пролога XIV в.: и вскорѣ повелѣ ц(с)рь уготовити конѣ ему и оружьники и *игреци* да ѣздить в веселии (Юр. прол., л. 126—127). Интересным фактом в употреблении существительного *игрьць* по сравнению с существительными, рассмотренными выше, является то, что это слово могло применяться к конкретному лицу, например: тъ стыи мчнкъ ферфурии бѣ *игрець* и смеху тв(о)рець (Юр. прол., л. 24б); Перфурии мчнкъ бѣ при цр(с)твии иустьяни о(т) града ефесьскаго единъ сы *игрець* и хитръ бѣ плясати (Юр. прол., л. 101г). В аналогичном тексте Лобковского пролога XIII в. (л. 66) сочетанию «единъ сы *игрець*» соответствует сочетание «единъ сы о(т) *игрьникъ*». Существительное *игрьникъ* отмечено также в языке Ефремовской кормчей: людьскии закони не приемлють вьси еще же бещьстьныими сквьрнами окроплени сирѣчь *игрьници* и яже срамоту вълагаемая лиця еретици же или елины или иудѣи (Ефр. кормч., л. 165б). По своему характеру, по содержанию данный контекст аналогичен примерам, содержащим существительные *скоморохъ — скомрахъ* и *глумьць* (см. выше), где эти слова употребляются рядом со словами, обозначающими еретиков. Однокоренная синонимическая пара *игрьць — игрьникъ* сходна с однокоренными парами *свирьць — свирѣльникъ* и *пѣвьць — пѣсньникъ*, о которых

речь пойдет ниже. Таким образом, для обозначения одной и той же реалии в языке древнерусских памятников могли употребляться два однокоренных слова, тождественные по значению.

Вторую группу составляют слова, которые являются названием артистов «специального профиля». Сюда относятся существительные: *гудьць*, *свирьць*, *свирѣльникъ*, *смычькъ*, *борьць*. Существительное *гудьць* служило названием для музыканта, играющего на любом струнном инструменте, а не обязательно на гудке или смыке[16]. Об этом свидетельствует следующий пример: *гудьцю* ладящю гусли своя, и Филипъ сѣдя и рече криво ладиши, инако было и *гудець* о(т)вѣща да не тако попустить бъ гнѣвъ свои на тя, ц(с)рю яко тобѣ лучьши мне умѣти гусльная (Пчела, л. 49 об.—50). Здесь говорится о том, что гудец играл не на гудке (или смыке), а на гуслях, т. е. качественно ином струнном инструменте. Некоторые контексты заставляют предполагать, что гудец был не только музыкантом-исполнителем, но и одновременно певцом, так как сопровождал свою игру пением, например: Дионисии ц(с)рь, слушая *гудьца* добрѣ гудуща, обѣща ему дарь дати капь злата утру же бывшю, и приде *гудець* просить обѣщанаго, он же отъвѣща ты вчера гуда възвеселилъ мя еси пѣсньми (Пчела, л. 29 об.); се глше оже *борци* и *гудьци* не насыщають чрева о(т) многыя пища и въздержаться, ови гла(с) ради, ови же крѣпости дѣля (Пчела, л. 12—12 об.). В последнем примере сочетание «ови гла(с) ради» относится к гудцам, тогда как сочетание «ови же крѣпости дѣля» — к борцам. По-видимому, возможность употребления существительного *гудьць* для обозначения музыканта, играющего на любом струнном инструменте, и для обозначения музыканта, играющего только на гудке (или смыке), создавала неточность в тексте. С этой стороны интересно сравнить два примера. Первый из Рязанской кормчей: на колесницахъ урискан(и)е творя или самоборець или пѣшь урискание творя на позорищихъ или игрищемъ старѣишина или *борець*

---

[16] «Наконец, следует упомянуть гудок или смык, струнный смычковый инструмент. С его названием „гудок“ связывается представление о „гудении“ или „гудьбе“, т. е. вообще о музыкальном исполнении» (см.: «История культуры Древней Руси», т. II, стр. 498).

или *свирець* или *гудець* или *смычекъ* или *плясецъ* или корчемникъ или прѣстануть о(т) таковыхъ аще ли же ни да о(т)вергнуть(с) (Ряз. корм., л. 51а). В этом примере ряд существительных употребляется в качестве однородных членов, разделенных союзом *или*. Каждое из этих существительных («... или *борець* или *свирець* или *гудець* или *смычекъ* или *плясець*...») называет человека по его «актерской специализации». Поэтому правомерно предположить, что слово *смычькъ* не поясняет слово *гудьць*, не является своего рода приложением предшествующему слову, но каждое из этих существительных выступает в своем значении, т. е. в употреблении слова *гудьць* реализуется значение 'музыкант, играющий на любом струнном инструменте', а в употреблении слова *смычькъ* — 'музыкант, играющий на смыке, или гудке'. Второй (аналогичный) контекст находим в Варсонофьевской кормчей: на колесницахъ уристанье творя или самоборець или пѣшь уристанье творя на позорищѣхъ или игрищемъ старѣишина или *борець* или *гудець* или *плясець* или *свирѣлникъ* или корчемникъ да престанеть о(т) таковыхъ (Варс. корм., л. 32б). В этом примере существительное *смычькъ* отсутствует. Если составитель Варсонофьевской кормчей пользовался текстом Рязанской кормчей, то употребление слов *гудьць* и *смычькъ* могло быть им воспринято как тавтология. Из двух существительных было выбрано *гудьць*, во-первых, потому, что оно было более употребительным, а во-вторых, потому, что могло иметь более общее значение — 'музыкант, играющий на любом струнном инструменте' (а не только на смыке или гудке). Подобно существительным *глумьць* и *игрьць*, существительное *гудьць* имеет отглагольное образование: от глагола *густи* с помощью суффикса *-ьць*. Этот глагол употреблялся в древнерусском языке в значении 'играть на струнном инструменте' [17].

Приведенные примеры из Рязанской кормчей и Варсонофьевской отличаются еще и тем, что слову *свирьць*, употребленному в языке Рязанской кормчей, в языке Варсонофьевской соответствует слово *свирѣльникъ*. Слово *свирьць* в языке древнерусских памятников употреблялось чрезвычайно редко. Существительное *свирѣль-*

[17] См.: Срезневский, I, стр. 611.

никъ отмечено нами в сочетании с именем собственным: *свирѣлникъ* Филимонъ въ египтѣ едино дѣло велие створи в миру (Мер. Праведн., л. 49). Почти дословно совпадающий контекст находим в Прологе 1383 г.: акы онъфимонъ *свирилникъ* иже въ египтѣ едино дѣло створивъ в мѣру. (Прол. 1383 г., л. 36) [18]. Примеры употребления существительного *свирѣльникъ* см. также в контекстах, приведенных на существительное *гудьць* (Ряз. корм., л. 115г—116а, 119г). Вообще для слов, обозначающих артиста в древнерусском языке, характерно их употребление в текстах, содержащих перечисление. Поэтому в одном примере может встретиться несколько слов и в значении «актер широкого профиля» (*глумьць*, *скоморохъ*), и в значении «актер узкой специализации» (*свирѣльникъ*, *гудьць*). В контекстах такого характера находим и существительное *плясьць* в значении ‘плясун’, ‘танцовщик’ [19], см. примеры, приведенные выше на слово *гудьць*: Ряз. корм. л. 51а, 115г—116а; Варс. корм., л. 32б. Слово *плясьць* зафиксировано в контексте из Рязанской кормчей, где оно употребляется при описании языческих (эллинских) празднеств, которые христианам запрещались церковью («възбраняють хр(с̄)тяномъ таковая творити»): дионисов празникъ творяще бяху сатурь бо яко *плясци* около диониса (л. 156г). Аналогичный текст см.: Мер. Праведн., л. 348. Существительное *плясьць* не зафиксировано нами в употреблении с именем собственным. Однако можно отметить, что в одном приведенном примере на существительное *игрьць* (Юр. прол., л. 101г) содержится оборот, который по смыслу является близким значению слова *плясьць*: Перфурии мч̄нкъ бѣ при цр(с̄)твии иустьяни о(т) града ефесьскаго единъ сы *игрець* и хитрь бѣ плясати. Вероятно, существительное *плясьць* не употребляется в данном контексте в силу двух причин: во-первых, потому, что это слово имело некоторый отрицательный этический смысл подобно словам *глумьць* и *скоморохъ (скомрахъ)* и не могло применяться по отношению к «святому мученику»; во-вторых, потому, что слово *игрьць* обозначало артиста «широкого профиля», который умел плясать.

---

[18] По всей вероятности, данные примеры являются двумя разными переводами одного текста.

[19] См.: Срезневский, II, стр. 979.

Наряду с существительным мужского рода *плясьць* в древнерусском языке было и однокоренное существительное женского рода *плясица*, образованное от того же глагола *плясати* с помощью суффикса *-ица* [20]. Это слово не зафиксировано в «Материалах для древнерусского словаря» И. И. Срезневского. Оно отмечено нами в языке только одного древнерусского памятника — Рязанской кормчей: аще кто не поиметь жены бес порока и дѣвицѣ но ожениться таковою юже свои мужь пустилъ или вдовицю поиметь или рабу или *пл(я)сицю* таковыи въ сщничьскыи чинъ не можеть приятъ быти (Ряз. корм., л. 39а); или наложница имущему или вдову поимъшему жену или о(т) иного пущеную или блудницю или рабу или *плясиця* таковымъ не мощи быти еп(с)мъ (Ряз. корм., л. 143г—144а) [21]. По своему характеру приведенные контексты аналогичны другим контекстам этого же памятника, содержащим правила поведения для церковнослужителей в различного рода житейских ситуациях. Примечательно, что слово *плясица* в значении 'танцовщица' употреблено рядом не с существительными, обозначающими артистов разных жанров (как было отмечено по отношению к существительным мужского рода), а со словами *раба*, *наложница*, *въдова (въдовица)*, *блудница*. Таким образом, существительное женского рода *плясица* в древнерусском языке выступает в иной понятийно-этической плоскости, чем соответствующее слово мужского рода *плясьць*. На первый план выдвигается не лексико-семантическая специфика этого слова, а особенность самой реалии, которая, оцененная по определенным канонам христианской церкви, позволяет поставить «плясицу» на одну морально-нравственную ступень с «наложницей» и «блудницей». Отметим еще один пример из текста Рязанской кормчей: аще кто прѣже прозвютерьства жену поятъ не вѣдыи яко вдовица есть или

---

[20] Существительные женского рода с суффиксом *-ица* не обязательно соответствуют существительным мужского рода с суффиксом *-ьць*, ср.: *пророкъ — пророчица*, *цѣсарь — цѣсарица* и т. д.

[21] Теоретической основой этого правила послужил, очевидно, евангельский текст. Ср., например, Евангелие от Матфея, гл. XIX, 9: Глаголю же вамъ. яко иже аще пуетить жену свою, развѣ словесе прелюбодѣина, и оженится иною, прелюбы творить: и женяися пущеницею прелюбы дѣеть.

плясица или о(т) *глумиць* или ина о(т) възбраненыхъ сщеникомъ ... (л. 180в). Существительное *плясица* употреблено в одном контексте с существительным *глумица*. Существительное женского рода *глумица* находится в таких же отношениях к существительному мужского рода *глумьць*, как существительное женского рода *плясица* — к существительному мужского рода *плясьць*. Очевидно, слово *глумица* имело то же значение, что и *глумьць*, обозначая артистку «широкого профиля». Существительное *глумица* употреблялось в древнерусском литературном языке чрезвычайно редко и, кроме приведенного примера, нигде более нами не отмечено. Отсутствует это слово и в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Однако даже единичное употребление слова *глумица* позволяет предполагать, что в древнерусскую эпоху существовали не только актеры «широкого профиля» («глумец», «скоморох»), но и актрисы «широкого профиля» («глумица»). Содержание примеров употребления существительных *плясица* и *глумица* отражает известные общественные отношения в Древней Руси, социальную иерархию, которая получала в древнерусских произведениях, в первую очередь церковных, определенное освещение и морально-этическую оценку.

В языке древнерусских памятников, наряду с рассмотренными выше словами, было также употребительно существительное *борьць*, обозначающее актера, причастного, по-видимому, тому виду искусства, который условно можно назвать «спортивно-цирковым». Выше уже приводились примеры, содержащие это слово: ... уристанье творя на позорищехъ или игрищемъ старѣишина или *борець* или гудець или плясець ... (Варс. корм., л. 32б; то же, Ряз. корм., л. 51а); се глше оже *борци* и гудьци не насыщають чрева о(т) многыя пища и въздержаться ови гла(с) ради, ови же крѣпости дѣля (Пчела, л. 12–12 об.). Существительное *борьць* в ряде случаев выступает в значении 'воин', 'боец'[22], например: бяхуть бо *борци* стояще горѣ во броня(х) и стрѣляюще (Лавр. лет., л. 110 об.). Однако как правило это существительное

[22] И. И. Срезневский к слову *борьць* приводит греч. πολεμιστής (см.: Срезневский, I, стр. 157); Поспешиль существительное πολεμιστής толкует как 'воин', 'боец' (см.: Поспешиль. Греческо-русский словарь. Киев, 1890, стр. 764).

употреблялось и в текстах с религиозно-абстрактным содержанием не по отношению к реальным древнерусским воинам (в этой функции обычно выступали слова *вои*, *воинъ*). Можно предположить, что особенность такого употребления ведет свое начало из библейских источников. Приведем примеры: многаж(д)ы видѣхомъ *борци* падающа(ся) а по паденьи вѣнчавъшася (Пчела, л. 75 об.); видѣли плода многа суща видѣли *борьця* вѣньчаема (Сб. Тр. № 12, л. 14 об.). По-видимому, слово *борьць* было носителем не столько собственно военной семантики, а выражало понятие более обобщенное, более абстрагированное. Другими словами, семантика слова *борьць* содержит предположительное наличие лексически и семантически отраженного понятия «противник». Подтверждение этому находим в ряде примеров: иже глють, яко недостоино праведнику печали имѣти, (к)то можеть тако изрещи, яко недостоино *борьцю* противна имѣти (Пчела, л. 82); яко же *борци* смиряють тѣло да тѣмъ противнымъ одолѣють тако же и хуляче себе на супостаты стрѣлы пущають (Пчела, л. 312). Слово *борьць* стало употребляться для обозначения «спортивно-циркового» актера, как нам представляется, именно благодаря тому, что само понятие «борец» предполагало столкновение каких-то двух противных (враждебных) сил. Данные памятников древнерусского языка свидетельствуют о том, что «борци», подобно «глумцам» и «гудцам», служили для развлечения и увеселения лиц, занимающих самое высокое социальное положение. Вот что рассказывается об одном таком «борце» в Палее: сице ж(е) убо брань бѣ некогда въ вѣрѣ кр(с)тьяньстѣи при максимьянѣ ц(с)рѣ иже имѣяшеть *борца* нѣкоего преславна изрядна могуще именемь люя превеликъ бѣ и крѣпокъ и многы привящая ся ему убиваше видѣв же се уноша нѣкыи о(т) вѣры кр(с)тьяньскы именемь нестеръ ближика си стму мчнку дмитрию исполнися бж(с)твныя зависти поне же видѣ многы умрщвяемы о(т) *борца* и вельми хвалящаяся и гордяща и тече къ стму дмитрию и о(т) того утверженъ бывъ млтвою къ бу текъ на позорище снятъся с *борцемъ* и уби люя (Пал. 1406 г., л. 189а). По своему содержанию данный пример представляет собой в стилистическом отношении притчу с весьма про-

зрачным подтекстом и может быть сопоставлен с примером из Пчелы (л. 29 об., см. выше), приведенным на существительное *гудьць*.

Существовали ли в древнерусском языке слова, обозначающие человека, специальностью которого было пение? Как было сказано выше, в тексте древнерусских памятников мы находим несколько слов, имеющих в своем составе корневую морфему *пѣ-*: *пѣвьць*, *пѣсньникъ*, *пѣснивьць*, *пѣснотворьць*. Можно ли на основании материала памятников XI—XIV вв. сделать вывод о том, что слово *пѣвьць* отображало понятие артиста «узкого профиля», как, например, слово *плясьць*? Слово *пѣвьць* обозначает человека, умеющего петь, подобно тому, как слово *плясьць* обозначает человека, умеющего плясать. Но в сопоставлении с рассмотренными выше словами существительное *пѣвьць* занимает особое место, так как служило в первую очередь для обозначения церковного певчего, а не актера. Существование церковного певчего предусматривалось уставами и законами христианской церкви. Положение церковного служащего, занимавшего определенную ступень в церковной иерархии, строго регламентировалось: по семь вълѣзеть въ срѣду сторонѣ начальникъ къ поющимъ и възгласить гла(с) · Д · и поють *пѣвци* (Уст. Студ., л. 212—212 об.); понеже въ нѣкыихъ областьхъ ослаблено бысть чьтьцемъ и *пѣвьцемъ* женитися уставы стыи съборъ (Ефр. корм., л. 33 об.); заклинателя и четьца и *пѣвца* и подьяконы поставляють сельстии еп(с)пи (Ряз. корм., л. 74г). Существительное *пѣвьць* в значении, определяемом нами как 'церковный певчий', широко представлено в различных памятниках рассматриваемого периода. В некоторых случаях слово *пѣвьць* обозначало не церковного певчего вообще, а псалмопевца — значение слова становилось более узким. Такое употребление существительного *пѣвьць* относится главным образом к конкретному лицу — библейскому Давиду, например: да наполнится [вероятно, исполнится. — *Н. М., В. Ф.*] писанье сты(х) глщее блжни смиряющии яко ти снве Бьи нарекутся ... да и здѣ наполнится писанье *пѣвца* (Лавр. лет., л. 157 об.); подобно же сему и д(а)в(и)дъ *пѣвець* ре(ч) въ рг-мь п(с)лмѣ (Пал. 1406 г., л. 2г). Цитата из Лаврентьевской летописи не характерна для летописных текстов. Несомненно, что в данном случае

летописец приводит библейский текст (один из псалмов царя Давида). С подобным же случаем мы встретимся еще раз в связи с рассмотрением слова *пѣсньникъ*.

Существительное *пѣвьць* в значении 'слагатель песен и их исполнитель' встречается в небольшом количестве примеров. По-видимому, различия между реалией «певец — слагатель песен» и «певец — исполнитель песен» не существовало, и значения 'певец как слагатель песен' и 'певец как исполнитель песен' в существительном *пѣвьць* семантически не дифференцировались. Приводим примеры: поставленъ бы скопечь Мануило еп(с̄)помъ Смоленску *пѣвечь* гораздыи иже бѣ пришелъ изъ Грекъ (Ип. лет., л. 111 об.); словутьного *пѣвца* Митусу древле за гордость не восхотѣста служити князю Данилу (Ип. (Г.-В.), л. 267 об.). В первом примере И. И. Срезневский толкует значение слова *пѣвьць* как 'певец — искусник в пении', а во втором примере — как 'певец — слагатель песен' [23]. Такое разделение, на наш взгляд, неубедительно.

Слово *пѣсньникъ* имеет значение 'певец, исполняющий псалмы' и используется, как и слово *пѣвьць*, в том же значении по отношению к библейскому Давиду. Отмечен случай, когда слова *пѣвьць* и *пѣсньникъ* употребляются параллельно. Следующая цитата является непосредственным продолжением приведенного выше примера из Лаврентьевской летописи: послуша убо Ярославъ брата своего старѣишаго Гюрья и о̄ца своего митрополи(т̄) и еп(с̄)па Порфурья и взя миръ с Михаиломъ и бы(с̄) ра(д̄)сть велика и здѣ исполнися писанье *пѣ(с̄)ника* иже ре(ч̄) се дн̄ь иже створи Г(с̄)ь възрадуемъся и възвеселимся во нь (Лавр. лет., л. 157 об.). Летописец здесь цитирует текст из Библии, но вместо слова *пѣвьць* использует другое слово — *пѣсньникъ* в тождественном значении. Существительное *пѣсньникъ* употреблялось в древнерусском языке значительно реже, чем существительное *пѣвьць*, и только по отношению к библейским пророкам [24].

Существительное *пѣснивьць* употребляется в древнерусском языке в значении 'певец, исполняюший псалмы', например: се дх̄ъ прм̄дръ есть и чл̄вколюбивъ зѣло аще пастуха поиме(т̄) то *пѣснивец* створить (Гр. Бог., л. 91б).

[23] См.: Срезневский, II, стр. 1782.
[24] См.: Пал. 1406 г., л.4в.

Существительное *пѣснотворьць* обозначало певца — слагателя песен, воспевателя, например: яко же историци вѣтия, рекше *лѣтописци* и *пѣ(с)нотворци*, прикладають свои слухи въ бывшая межи ц(с)ри рати и ополченья, да украсять словесы слышащая и възвеличать крѣпко мужьствовавшая по своемь ц(с)ри, и не давшихъ в брани плещи врагомъ, и тѣхъ славяще похвалами вѣнчаеть (Кир. Тур., 57). Этот пример интересен тем, что в нем слово *пѣснотворьць* соотносится со словом *вития*, означавшим человека, не только владеющего ораторским искусством, но и предсказателя будущего [25].

Рассмотрение однокоренных существительных с морфемой *пѣ-* позволяет сделать следующий вывод относительно их семантической структуры: слова *пѣсньникъ* и *пѣснивьць* совпадают со словом *пѣвьць* в значении 'певец — исполнитель псалмов'. Слово *пѣснотворьць* совпадает со словом *пѣвьць* в значении 'певец — составитель и исполнитель песен'. Семантический объем существительных *пѣсньникъ*, *пѣснивьць* [26], *пѣснотворьць* исчерпывается одним значением.

Подведем итоги: слова, передающие понятие «актер», в древнерусском языке употреблялись главным образом в языке церковной юридической литературы, точнее — в текстах правил поведения для церковнослужителей. Характер этих текстов, их содержание говорят о резко отрицательном отношении церкви к людям, профессионально занимающимся актерским трудом в древнерусскую эпоху. Скоморохи, глумци, игрецы образовывали как бы особую касту, подвергавшуюся со стороны христианской церкви различного рода гонениям и ограничениям. Слова, обозначающие актера, получают в тексте отрицательную эмоциональную окраску. «Старинные русские писатели в своих поучениях повторяли из века в век, иногда даже с буквальной точностью, заимствованные ими из Византии, раздававшиеся там с первых веков христианства порицания и запрещения музыки, пения, плясок, переря-

---

[25] См.: Срезневский, I, стр. 496—497.

[26] Хотя И. И. Срезневский усматривает в слове *пѣснивьць* два значения: 'певец' и 'псаломщик', но примеры употребления этого слова в первом значении взяты из памятников, которые не могут быть с достаточным основанием отнесены к древнерусским (см.: Срезневский, II, стр. 1786).

живания в комические, сатирические или трагические лица, конных ристаний и иных народных увеселений, в Византии тесно связывавшихся с языческими преданиями, с языческими культами»[27]. С другой стороны, единичные примеры употребления этих слов в языке светских памятников (Лаврентьевская летопись, Пчела) заставляют предполагать, что само упоминание о каких бы то ни было зрелищах и увеселениях являлось чем-то неэтическим, неуместным. Можно, однако, заметить, что существительное *игрьць*, обозначая ту же реалию, т. е. то же лицо, что и *скоморохъ* — *скомрахъ* и *глумьць*, было словом более нейтральным и могло применяться по отношению к «святым мученикам».

Существительные с корневой морфемой *пѣ-* лишь в некоторой степени отображали понятие «актер» и не могут быть безоговорочно отнесены к той же группе слов, в которую входят существительные *скоморохъ*, *игрьць*, *гудьць* и другие рассмотренные выше слова.

---

[27] См.: А. С. Фаминцын. Указ. соч., стр. 13.

О. И. Смирнова

ОДИН СЛУЧАЙ ЭНАНТИОСЕМИИ

Явление энантиосемии возникает, как известно, в результате различных лексических стратификаций: эмоционально-смысловой (ср. *лихой* ‘приносящий беду’, ‘злой’ и *лихой* ‘смелый’, ‘отважный’), социально-бытовой (ср. *баловать* ‘нежить’, ‘холить’, ‘доставлять удовольствие’ и *баловать* ‘разбойничать’, ‘распутничать’), диалектной (ср. *благой* ‘хороший’, ‘добрый’ и *благой* ‘плохой’, ‘злой’).

Предлагаемая статья рассматривает один из случаев энантиосемии: развитие отрицательных значений в слове *благой*.

Слово *благыи* ‘хороший’, ‘добрый’, так же как и другие слова того же корня: *блаженный* ‘счастливый’, ‘праведный’, *благо* ‘добро’, ‘богатство’, ‘блаженство’; *блажити* ‘хвалить’, ‘чтить’, ‘почитать’, заимствованные из церковнославянского языка, искони имели «положительные» значения.

Лексическое значение слова определяется совокупностью его лексико-семантических вариантов (термин А. И. Смирницкого). Чем больше у слова лексико-семантических вариантов. тем шире круг «вещей», которые данное слово способно обозначать, и тем более «общим» становится лексическое значение слова. В своем применении такое слово становится почти «универсальным». Прилагательное *благыи* (кр. форма — *благъ*) в церковнославянском языке выступает в роли подобного «универсального» слова, способного выражать разнообразнейшие «положительные» качества «вещей» и лиц (если исходить из религиозных, моральных и этических представлений, характерных для греко-славянского мира периода XI—XVII вв.).

Поскольку «нечеткие слова общего характера больше зависят от контекста, чем слова специализированного значения» [1], мы приведем ниже некоторые примеры из памятников древнерусской письменности, исходя из которых можно более или менее дифференцировать лексико-семантические варианты, оттенки и употребления слова *благыи*. В сочетании с существительными, обозначающими лицо (главным образом со словами *богъ* и *господь*), слово *благыи* можно понять как 'милосердный', 'милостивый': *благъ* гь трьпящиимь ему (Библ. Генн., Пл. Черем. III, 25. 1499 г. — ДРС); та бо чудотвориа не мы, но *блгыи* нашъ бъ твори(т) (ВМЧ, Апр. 22—30, 713. XVI в. — ДРС). В сочетании с теми же существительными могло значить 'добрый', 'добродетельный', 'благочестивый' или 'счастливый', 'праведный', 'благоденственный': мужь *блгъ*, и разума и премудрости исполненъ бѣ (Скрижаль II, 813, 1656 г. — ДРС); *благыи* рабе, вниди в радость господа своего (ВМЧ, Окт. 4—18, 1256. XVI в. — ДРС); князь *благъ* въ странахъ, тихъ, увѣтливъ, кротокъ съмѣренъ, по образу божию есть (Псков II лет., 5, сп. к. XV—н. XVI в. — ДРС); жена *блга* любить страду и въздержание от всего зла (Менандр, 50, сп. XIV в. — ДРС). Иногда употребляется в значении существительного, обычно в антонимической паре со словом *злый*: царская власть дана от бога на отмъщение *злымъ*, а на похваление *благимъ* (Лет. Рус., 61, XVII в. — ДРС); ко *злымъ* же и *благимъ* не быстро распрозрителен (Ин. сказ., 124. XVII в. — ДРС). Часто в предикативной функции сочетается с творительным падежом существительного, обозначая различные физические достоинства человека: дщери бяху ему три, *блгы* образомъ (ВМЧ, Дек. 6—17, 699. XVI в. — ДРС); къ дшьному мужьству и тѣломь *блгъ* выше и крѣпокъ [Савва] (Ж. Сав. осв., 37. XIII в. — ДРС). В сочетании с отглагольными отвлеченными существительными, значение которых содержит положительную оценку, усиливает их положительное качество: не упущюся *благаго* воздержания (ВМЧ, Дек. 1—5, 450. XVI в. — ДРС); *благое* покорение и послушание

[1] С. Ульман. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 37.

(АЮБ 1, 64, 1461 г. — ДРС). В сочетании со словом *земля* могло значить 'плодородная': земля *благая*, приемлющи дождь, плодъ даеть (ВМЧ, Дек. 6—11, 845. XVI в.— ДРС). Слово *благыи* могло обозначать также различные качества «вещей», действие которых на органы чувств вызывает приятные ощущения: тѣло святого ... *благу* воню имуще (Соф. I лет., 90, под 1019 г. — ДРС); вино *благо* от Хельвона (Библ. Генн., Иезек. XXIV, 18, 1499 г. — ДРС); и се старѣишины веси внидоша сторонними дверми, носяще праведному овцы и ягнята, куры и голуби, хлѣбъ и вино и прочюю потребу. Си(х) вземши жена и прилѣжно прии(м)шися, устрои брашна многа и *бл҃га*, и мно(г) похва(л) достоина (ВМЧ, Дек. 1—5, 27. XVI в. — ДРС) и т. п.

Широкие смысловые границы слова *благыи* и исключительная свобода сочетаемости сделали его весьма «популярным» у переводчиков. Сколь широко использовалось слово *благыи* и его дериваты при переводе греческих текстов, свидетельствует такой любопытный пример: дш҃а высокости сущи всему ругается, душа же нищетныи горкое *бл҃го* является (Библ. Генн., Притч. XXVII, 7. 1499 г. — ДРС), где *благо* соответствует греч. γλυκεῖα 'сладость', 'сладкое', обычно же словом *благыи* переводились греч. χρηστός, ἀγαθος, реже καλός [2].

Как видно из приведенных выше примеров, система значений слова *благыи* в церковнославянском литературном языке XI—XVII вв. характеризуется известной традиционностью, устойчивостью. Это система тех значений, которые условно можно назвать «положительными». В том же «положительном» значении употребляется слово *благой* в современном русском литературном языке: *благой* 'хороший', 'добрый', 'полезный' (в словаре это значение дается с пометой *устар.*), однако в том же словаре мы находим омоним *благой* 2 с пометой *обл.* в значении 'сумасбродный', 'взбалмошный', 'блажной' [3]. Последнее обстоятельство давало повод думать, что здесь

[2] Что же касается передачи греч. χριστός 'помазанный' или 'помазанник' словом *благъ*, например: царие евреистии *блази* суть господеви (χριστος εἰσι) (ВМЧ, Окт. 19—31, 1854. XVI в. — ДРС), то здесь возможна ошибка при переводе: χριστός могло быть понято как χρηστός.

[3] Словарь русского языка в 4-х томах, т. I. М., 1957, стр. 109.

имеет место развитие одинаково звучащих слов из двух различных корней. Так, Миклошич, Бернекер и Френкель отличали основу слов со значением 'упрямый', 'своенравный', 'глупый', 'капризный' от группы слов со значением 'добрый', 'хороший' [4]. Бернекер возводил основу с «отрицательным» значением к греч. βλάξ, βλᾶκος 'мягкий', 'вялый', 'расслабленный', лат. flaccus 'обвислый', 'вялый'. Френкель считал «отрицательную» группу родственной старо-литов. blagnas 'плохой', 'злой', 'непригодный'. Хаверс, Преображенский, Зеленин, Фасмер [5], Славский [6] отрицают подобную точку зрения.

Путь к разгадке возникновения «отрицательных» значений слова *благой*, думается, наиболее верно указал Преображенский: «Значения *благой — глупый*, *блаженый — глупенький*, *блажь — глупость*, *каприз*, *блажить — капризничать*, *блажной — своенравный* развились на русской почве из *блаженный*, употреблявшегося в качестве эпитета юродивых; здесь надо искать разгадки, каким образом с этим словом связалось значение *глупенький*, *дурачок*, *чудак*» [7].

Юродство как особый вид религиозного подвижничества появилось на Руси с принятием христианства. С официально-религиозной точки зрения, рассматривавшей это явление с его внутренней стороны, юродство расценивалось как явление положительное, как подвиг во имя веры, во имя спасения души, состоящий в том, что человек отказывается от обычного, общепринятого образа жизни, становится добровольным скитальцем и нищим, сознательно принимает на себя вид безумного. Такие подвижники признавались блаженными, т. е. счастливыми, благополучными, праведными. *Блажени нищии духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное* — 'нищие духом, смиренные, т. е. считающие себя недостойными, а потому стремящиеся святою жизнию удостоиться высших благ небесных' (Матф. 5, 3; Лук. 6, 20) [8]. «Той бо, рече, блаженный человѣкъ, иже терпить напасть; яко искушенъ

---

[4] См.: V a s m e r, I, стр. 103; П р е о б р а ж е н с к и й, I, стр. 27.

[5] V a s m e r, там же.

[6] См.: S ł a w s k i, I, стр. 35.

[7] П р е о б р а ж е н с к и й, I, стр. 27—28.

[8] Гр. Д ь я ч е н к о. Полный церковнославянский словарь. М., 1899, стр. 46.

бывъ, прииметь вѣнець жизни, яже предъуготовалъ богъ любящимъ его» (ВМЧ, Окт. 19—31, 1807.XVI в. — ДРС). Церковь причисляла юродивых к лику святых, признавала их «пророческие» способности. После смерти юродивых мощи их объявляли священными, им приписывали чудодейственную силу, приносящую исцеления от недугов, ср. с такой летописной записью: «в лето 7096 проявися блаженный Василий Нагий Московский, и быша от мощей его многа исцѣления» (Псков. I лет., 320 — ДРС).

Однако существовал и другой взгляд. Далеко не всегда юродивые среди своих современников считались носителями божественной благодати. С внешней, бытовой стороны юродство могло восприниматься как явление отрицательное: внешний вид юродивых часто вызывал отвращение, их поведение мало чем отличалось от поведения неразумных животных или умалишенных. Нередко юродивые своим буйством, криками, метаниями, приставаниями сами напрашивались на оскорбления, видя в этом особый подвиг, многие из них были в этом «буйстве» своего рода артистами, играющими «на публику». «О Симеоне юродивом въ „Чет.-Мин". читаем: „На большее мнимаго своего юродства показание, отлагаше стыдѣние человѣческое, и множицею обнаженъ по торжищу хождаше"; о нем там же находим: „во утрие дню недѣльну бывшу, вниде в церковь начинающейся литургии, имѣяше в недрѣхъ орѣхи, первѣе убо нача погашати свѣщи, и егда изгнати его хотяху, опъ востекъ на амвонъ, меташе орѣхи на женъ и едва со многимъ трудомъ возмогоша его изгнати изъ церкве"» [9]. Люди религиозные почитали и боялись юродивых, приписывали им дар прорицания, считали их близкими к богу. Возможно, что иногда из табуистических соображений вместо слова *юродъ* (*уродъ*), имевшего еще и значение 'поврежденный умом', 'глупец', употреблялось слово *блаженный*, но маловероятно, что отрицательные значения слова *блаженный* возникли из подобного табуистического употребления. Как видно из житийной литературы, народ далеко не всегда относился к юродивым с должным почтением и страхом [10]. Скорее

[9] И. Ковалевский. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. М., 1895, стр. 4.

[10] Ср. также со следующим высказыванием: «Основою всякого подвига, как и вообще иночества, как мы видели, должно служить смирение, а оно всегда удобнее достигается и сохраняется вслед-

отрицательные значения возникли в силу переосмысления церковно-книжного слова *блаженный* в бытовом употреблении.

Такому переосмыслению способствовало и то обстоятельство, что, выступая в качестве постоянного эпитета к имени юродивого (*блаженный* Михаил, *блаженный* Василий), а затем — в качестве синонима к *юродивый*, слово *блаженный* попало в один ряд с такими древнерусскими словами, как *буи* 'глупый', 'несмысленный', *похабъ* 'поврежденный умом', 'сумасшедший', *уродъ* 'глупец', 'безумец', 'поврежденный умом', иногда употреблявшимися при переводе греч. μωρός 'юродивый', ср. с такими примерами: *буя* мира избра богъ да посрамитъ премудра (Кор. I. I, 25 — Срезн., т. I, стр. 191); буди *похабъ* мене дѣля (Жит. Анд. Юр. I, 6. — Срезн., т. II, стр. 1313); *похаба* себе створивъ (Там же X, VII. — Срезн., там же); и поча по миру ходити, тако же *уродом* ся творя (Пов. вр. л. 6582 г. — Срезн., т. III, стр. 1256); мы *уроди* Христа ради, вы же мудри о Христе (Кир. Тур. Посл. Вас. 123 — Срезн., там же) и т. п.[11]

ствие людского бесчестия. Для того, чтобы получить иноку от людей бесчестие, нет более верного способа, чем путь юродства» (см.: И. К о в а л е в с к и й. Указ. соч., стр. 77). То же находим и Дьяченко: «Для этого подвига потребны великое самоотвержение, чрезвычайное к себе беспристрастие, т е р п е н и е н е п р е с т а н н ы х п о р у г а н и й, п р е з р е н и я о т н а р о д а» (разрядка наша. — *О. С.*) (см.: Гр. Д ь я ч е н к о. Указ. соч., стр. 47).

[11] Ср. также использование синонимов к *юродивый* в сцене из «Бориса Годунова» Пушкина:

. . . Т р е т и й: Чу! шум. Не царь ли?

Ч е т в е р т ы й: Нет, это *юродивый*. (Входит юродивый в железной шапке, обвешанный веригами, окруженный мальчишками).

М а л ь ч и ш к и: Николка, Николка — железный колпак!. . . Тр-р-р-р-р. . .

С т а р у х а: Отвяжитесь, бесенята, от *блаженного*. — Помолись, Николка, за меня грешную.

. . . . . .

Ю р о д и в ы й: Борис, Борис! Николку дети обижают.

Ц а р ь: Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Ю р о д и в ы й: Николку маленькие дети обижают. . . Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

Б о я р е: Поди прочь, дурак! схватите *дурака*! (А. С. П у ш к и н. Стихотворения в 3-х томах, т. 3. Л., 1954, стр. 326—328).

Юродивый — нейтральное слово, *блаженный* — о том же лице с оттенком почтения, уважения и, может быть, страха. Бояре называют юродивого *дураком* за его обличительную «дурацкую» речь, направленную против царя и выражающую народную точку зрения на убийство царевича Димитрия.

В толковом словаре Даля мы находим слово *блаженный* в значениях, отражающих закрепленные в языке две точки зрения на юродивых: с одной стороны, *блаженный* ‘благополучный’, ‘благоденствующий и благоденственный’, ‘счастливый’, ‘законно живущий’ (главным образом, в традиционно-книжном употреблении), а с другой стороны, *блаженный* ‘блажной’, ‘шалун’, ‘повеса’, ‘проказник’ (пск., твр., пен.); ‘калека’, ‘уродливый’, ‘юродивый’, ‘божий человек’, ‘малоумный дурачок’ (влд., влгд., арх., ниж.) (Даль, I, стр. 95). Ср. также: *блаженный* ‘любящий проказничать и шалить’ (Пенз. Пенз., Псков. Опоч.); ‘дряхлый’, ‘уродливый’ и ‘малоумный’ (Владим. Владим., Волог); ‘блажной’, ‘полоумный’, ‘глупый’ (Арханг. Шенк.) (Опыт. обл. сл., стр. 10); *блаженной* ‘блажной’, ‘полоумный’, ‘идиот’ (Шенк.) (Подвыс.).

«Связи семантической группы укрепляют за каждым словом его традиционное значение; если же случайно какое-либо из основных слов данного семантического гнезда изменяет свое значение, оно увлекает за собой и все другие слова в новом направлении» [12]. Так изменения в семантике слова *блаженный* вполне закономерно вызвали соответствующие изменения значений слов, связанных с ним генетически и принадлежащих к той же семантической сфере. Глагол *блажить* стал употребляться в значении ‘дурить’, ‘дурачиться’, ‘шалить’, ‘баловать’, ‘проказить’, ‘упрямиться’; ‘сумасбродить’, ‘сходить с ума’, ‘бредить’, ‘грезить наяву’, ‘нести вздор, чепуху’ (Даль, I, стр. 95). Прилагательное *благой*, которое в церковно-книжном употреблении наряду со словом *блаженный* часто использовалось как эпитет святых, праведников, «божьих людей», ср.: видѣ его нища и убога, видѣ ж тиха и *бл҃га*, и млстива: гс̃дь бо бѣ не оставляя и (ВМЧ, Дек. 1—5, 13. XVI в. — ДРС); инии *бл҃ги* бываютъ безчадни и убози (Скрижаль IV, 82 — ДРС); извѣренъ умъ творитъ си чл҃вкъ, иже ненави(ди)ть нрава и бесѣдъ *бл҃гыхъ* му(ж) (Ис. и Варн., 12 — ДРС) и т. п., в народно-разговорной речи развивает «отрицательные» значения. Сочетаемость слова *благой*, имеющего «отрицатель-

[12] Ж. Вандриес. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937, стр. 184.

ные» значения, несколько у́же, чем у его омонима в церковнославянском языке. В сочетании с существительными, обозначающими лицо, оно обозначает различные дурные свойства характера: ‘дурковатый’ (Кур.), ‘беспокойный’, ‘несмирный’ (Волог., Ряз., Тамб.) (Опыт обл. сл.); ‘злой’, ‘сердитый’, ‘упрямый’, ‘упорный’, ‘своенравный’, ‘неугомонный’, ‘беспокойный’, ‘дурной’, ‘тяжелый’, ‘неудобный’ (Даль, I, стр. 90); ‘капризный’, ‘бешеный’, ‘болезненный’, ‘плаксивый’ (Смир. Каш. сл.); это такой *благой* (злой) человѣкъ, что к нему и приступу нетъ (Даль, I, стр. 90); у меня ли младой да свекор батюшка *благой*, он благой, благой да он неласковый такой! Не пущает молоду да гулять вечером одну (ВНП, т. II, 437 — ДРС). В сочетании с творительным падежом (главным образом существительного *лицо*) значит ‘дурной’, ‘некрасивый’: благой лицом, некрасивый, уродливый (Даль, I, стр. 90). В значении существительного употребляется в антонимической паре со словом *добрый*: лучше с добрым потерять, чем с *благим* найти (Даль, I, стр. 95). В значении существительного иногда значит ‘слабоумный’: Это у нас *благой*, он ничего не смыслит (Даль, I, стр. 90). В значении существительного среднего рода употребляется как бранное слово: *Благое* тебя побери (Смл.) (Даль, I, стр. 90); *Благо тебя* побери — обезумей! Чтоб ты с ума сошел (Смл.) (Опыт обл. сл.). В значении ‘плохой’, ‘негодный’ слово *благой* употребляется в качестве определения к существительным (чаще всего о пути, дороге): *благая* дорога (Опыт. обл. сл.); сказали про ту дорогу Сухоной рѣкой, что мы ѣхали той рѣкой Сухоной в рядъ по двѣ лошади, на девяти лошадяхъ, что той Сухоной рѣкой не бывали тяжелые возы, а у нихъ той рѣкой кони грязли, сломывались по *благимъ* мѣстамъ (Д. Шакловит. III, 96. 1689 г. — ДРС); а оной лес никуда не угодих ольховой самой *благой* (Челобитная крестьян. В арх. Б. Палех, № 100. 1742 г. 3/VII — ДРС); сталась *благая* пора, что и зерна хлѣба не добудешь (Даль, I, стр. 90); ныне дорога *благая*, ѣхать благо, почитай езды нет (Даль, I, стр. 90).

Выше говорилось о традиционном употреблении слова *благый* в книжном языке, однако, несмотря на традиции, черты живого, народно-разговорного языка все же проникали в литературный язык. Употребление слова *благой* в «отрицательном» значении в Хожении за три моря

Афанасия Никитина — отражение живой речи тверичей XV в.: да за ним *благой* слон идеть, а весь в камкѣ наряжанъ, да обиваеть люди, да чепь у него велика железна во ртѣ да обивает кони и люди, чтобы кто на султана не наступилъ блиско (Аф. Ник., 25). Это — самая ранняя запись употребления слова *благой* в значении, которое, как нам кажется, можно было бы определить как 'злой', 'свирепый', 'бешеный' [13]. Ср. у Даля: Лошадь *благая*, берегись, убьет (т. I, стр. 90). Морфологическое оформление этого слова тоже отличается от традиционно-книжного: *благ-ой*, а не *благ-ый*, но сохраняется традиционное сокращение в написании корня: *блг*[14]. По поводу различных написаний этого слова (с титлом и без титла) находим любопытное замечание в «Лексиконе» Памвы Берынды [15]: «*Благо*: гды пишется без титлы, в росской мовѣ значитъ: не гораздъ, мдле, недобре, оуломне, зимно, лѣниво, гнюсне, не охотне, блѣдо, сине, що трупѣю фарбу мает»; и там же: «*Блгий*: добрыи, без — mdly» [mdly — 'слабый', 'бессильный', 'вялый', 'тщедушный'. — *О. С.*]. Написания с титлом или без титла — своеобразная попытка графического различения омонимов.

Когда произошли указанные выше семантические изменения в группе слов *блаженный*, *благой*, *блажить*? По-видимому, до XV в., об этом свидетельствует не только пример из Хожения за три моря, но и факты украинских диалектов, и польские заимствования из украинского языка, относящиеся к XVI в.[16]: укр. *благий* 'плохой': коли хліб благий, то його не жнуть, а косять. Радом. у.; 'ветхий': благенькі сорочечки, драночки; 'немощный, слабый', ум. *благенький*, *благонький*, *благесенький*: вiз у його благенький. Драг., 118 (Гринч. I); польск. *błahy* 'плохой', 'жалкий', 'незначительный', 'никчемный' [17]; то же в белор. *благі* 'дурной', 'худой', 'скверный', 'плохой': благі уплыў — 'дурное влияние'; 'нездоровый',

---

[13] Перевод слова *благой* в данном контексте как 'выученный' кажется нам неудачным (см.: Хожение за три моря 1466—1472 гг. Афанасия Никитина. М.—Л., 1948, стр. 67).

[14] См. л. 385 рукописи Троицкого списка Хожения за три моря Афанасия Никитина, хранящейся в ГБЛ (М 8665).

[15] См.: Берында, II, стр. 7.

[16] См.: Sławski, стр. 35.

[17] П. П. Дубровский. Полный словарь польского и русского языка. Варшава, 1908, стр. 21.

'болезненный'; *блага* разг. 1) нареч. 'дурно', 'нехорошо', 'плохо', 'худо', 'скверно': адчуваць сябе блага — 'чувствовать себя дурно'; 2) в знач. безл. сказ. 'дурно', 'плохо', 'нехорошо': яму стала блага — 'ему стало дурно'; 3) в знач. сказ.: блага, што вы так многа курыце — 'нехорошо (плохо), что вы так много курите' [18].

Изменения в семантике слов *благой*, *блаженный*, *блажить* привели к образованию нового словообразовательного ряда. Слова, входящие в этот ряд, имеют лишь «отрицательные» значения: *благонько*, *благовато*, арх. *благошко*, нар. 'дурно', 'плохо', 'неудобно', гов. особ. о пути, дороге; *благущий*, сев. *благующий* 'самый благой, злой и упрямый'; *блажь* 'дурь', 'шаль', 'дурость'; 'упорство', 'упрямство', 'своенравие'; 'юродство'; 'притворная дурь'; 'временное помешательство', 'сумасбродство'; 'мечты', 'бред', 'грезы наяву'; 'вздор', 'нелепость', 'чепуха'; 'несбыточные мысли', 'желания': На него блажь находит, он дурит. Ты что напустил на себя блажь. Я блажь из тебя выживу. Несет какую-то блажь и не поймешь его. Блажью кричать, благим матом, недарово, изо всех сил; *блажѣть* (влгд.) 'сходить с ума', 'становиться блажным'; *блажной* или *блажный* 'полоумный', 'шальной', 'взбалмошный'; 'глупый', 'бестолковый', 'сбреховатый', 'вспыльчивый', 'горячий', 'крикливый', 'суетливый'; 'беспокойный', 'неугомонный', 'своенравный', 'шаловливый'. С блажным не сговоришь. С жиру ино и неблажной блажит. Смирное дитя одну руку, блажное обѣ отымает. || Смл. 'шутник', 'краснобай', 'лясник'; *блажливый человек* 'шаловливый', 'беспокойный', 'на кого находит блажь, шаль, дурь'; *блажливость* 'шаловливость', 'склонность проказничать, чудить'; *блажникъ*, м. — *-ница*, ж. 'блажной', 'шалун' || *блажница* 'дом умалишенных' (Даль, I, стр. 95). Ср. в укр. *благуватий* 'малоумный'. Благувата трохи. Вас. 209 (Гринч., т. I).

* * *

Итак, слова *благыи* и *блаженныи*, заимствованные из церковнославянского языка, искони имели положительные значения и входили в один семантический ряд (*бла-*

[18] Белорусско-русский словарь. М., 1962.

гой с очень общим значением ‘хороший’, ‘добрый’, *блаженный* — с конкретным ‘счастливый’, ‘праведный’).

В церковнославянском литературном языке особенно «популярным» было слово *благыи*. Выполняя роль «универсального» слова, способного выражать различные положительные качества, оно обладало почти безграничной сочетаемостью [19]. Вероятно, под влиянием церковнославянского языка, оно стало очень употребительно и в народно-разговорном.

Слово *блаженный* очень часто употреблялось в древнерусском языке в качестве эпитета к имени юродивого, а затем в качестве синонима к *юродивый*. В «книжном» языке XI—XVII вв. слово *блаженный* имело традиционное «положительное» значение, тогда как в народно-разговорном языке оно, вероятно, было переосмыслено и получило значения ‘глупый’, ‘блажной’, ‘капризный’, ‘уродливый’ и т. п., которые с социально-бытовой точки зрения, по-видимому, более соответствовали тому явлению, которое обозначалось словом *блаженный*.

Слова *благыи* и *блаженныи*, принадлежавшие к одному семантическому ряду, по-видимому, «чувствовали себя» среди слов этого ряда как самые близкие «родственники», так как кроме семантических связей имели еще и генетические. Изменение семантического содержания одного из них привело, очевидно, к вполне закономерному семантическому изменению другого. Так, *благой* приобретает через *блаженный* соответствующие отрицательные значения ‘бешеный’, ‘своенравный’, ‘капризный’, но поскольку слово *благой* имело более широкую сферу употребления, оно, по-видимому, далее развивается по линии обобщения: от обозначения отрицательных свойств характера ‘буйный’, ‘бешеный’, ‘своенравный’, ‘капризный’ к — ‘злой’ и, наконец, ‘плохой’. В последнем значении оно опять становится «универсальным» словом, способ-

---

[19] На редкость интересный материал представляют слова, сложенные с *благо-*, ср., например: *благоуродивый* и *благоюродивый*: Маия въ 14 день житие Исидора *благоуродиваго* в том же двоекратномъ [соборнике] (Указец Арс. Высокого, 12, 1584 г. — ДРС); и благочестивый царь Феодоръ о томъ не мало поскорбѣ и втайнѣ пролия многие слезы, а взыскания учинити не возможе, понеже *благоюродивъ* бысть отъ чрева матери своея и ни о чемъ попечения имѣя, токмо о душевномъ спасении (Пов. Кат.-Ростовского, 564. 1626 г. — ДРС).

ным обозначать различные, но уже «отрицательные», качества «вещей». Сферы употребления «отрицательных» и «положительных» значений различны: «отрицательные», развившиеся, по-видимому, на основе народно-разговорного субстрата, употребляются только в диалектах, «положительные» — по традиции — в литературном языке.

Г. И. Белозерцев

О СООТНОШЕНИИ ЭЛЕМЕНТОВ КНИЖНОГО И НАРОДНОГО ЯЗЫКА В ПАМЯТНИКАХ XV—XVII вв.

(на материале глаголов с приставками *вы-* и *из-* выделительного значения)

1—2. Структурно-семантический тип выделительных глаголов. 3—6. Два синонимических ряда лексем. Содержание их противопоставленности. 7. Функционально-стилистическая дифференциация выделительных глаголов с приставками *вы-* и *из-*. 8. Цели настоящей статьи. 9. Статистическая таблица употребления выделительных глаголов. Лексико-стилистический комментарий. XV в. 10. Куликовский цикл. 11. Повести о Московском взятии от царя Тахтамыша, о Меркурии Смоленском, о Луке Колочском. 12. Афанасий Никитин. XVI в. 13. Максим Грек. 14. Грозный. 15. Пересветов. 16. Курбский, История о вел. кн. Московском. 17. Казанский летописец. 18. Пов. об осаде Пскова Ст. Баторием. XVII в. 19—24. Повести периода «Смуты». 25. Азовские повести. 26. Котошихин. 27. Бытовая новелла. 28. Пов. об основании... Отроча монастыря. 29. Демократическая сатира. 30. Аввакум. 31. Епифаний.

1. Уже давно было замечено, что в древнерусских памятниках ряд глаголов встречается в двух вариантах: *изити—выити*, *излѣзти—вылѣзти*, *изяти—вы(н)яти* и т. д. Глаголы с приставкой *вы-* были рано определены как русизмы, в противоположность старославянскому языку, знавшему практически лишь основы с *из-* (появление нескольких глаголов с *вы-* в Синайской псалтыри и Клоцеве сборнике объясняется обычно влиянием переписчиков западнославянского происхождения).

Постепенно в работах отечественных лингвистов (Максимович, Буслаев, Лавровский, Будде, Шахматов)[1] утверждалось мнение о том, что среди представленных

[1] Обзор литературы вопроса см.: Г. И. Белозерцев. Соотношение глагольных образований с приставками *вы-* и *из-* выделительного значения в древнерусских памятниках XI—XIV вв. «Исследования по исторической лексикологии русского языка». М., 1964, стр. 161—217.

в русском литературном языке глаголов с приставкой *из-* можно в свою очередь выделить разнородные генетически лексемы — исконно русские и старославянские по происхождению. Специально этим вопросом занялся Б. М. Ляпунов [2]. Именно он четко противопоставил в генетическом плане два структурно-семантических типа глаголов с *из-*: выделительный (*изити*, *избѣчь*) и полноты, исчерпанности действия (*избить*, *изорвать*, *иссѣчь*) — и доказал, что глаголы второго типа были исконно свойственны русскому языку.

2. В структурно-семантическом типе выделительных глаголов объединяются лексемы с приставками *вы-* и *из-* двух близких семантических подтипов. Глаголы одного из них выражают действие, направленное изнутри какой-то среды наружу (*избѣчи*, *истечи*, *вылѣзти*), глаголы второго — извлечение одного предмета из другого (или части из целого), вызванное действием основы (*выбить*, *выломить*, *изъяти*) [3]. Таким образом, в глаголах этого структурно-семантического типа обнаруживается первичное и наиболее «сильное» значение названных префиксов.

3. Выделительные глаголы древнерусского литературного языка можно представить в виде двух обширных рядов лексем, четко противопоставленных с формальной стороны:

I. *выгънати*, *выити*, *вылѣзти*, *вылетѣти*, *вымчати*, *выпотрошити*. . .

II. *изгънати*, *изити*, *излѣзти*, *излетѣти*, *изврѣщи*. . .

Соотносительные между собою (по общности основ) лексемы этих рядов отличаются словообразовательными формантами (можно говорить о словообразовательной вариантности). Однако в определении места подобных соотносительных глаголов в разных типах русского литературного языка правильнее будет говорить о лексической противопоставленности. Нельзя не учитывать, что в характеристике тех и других образований одним из

---

[2] Б. М. Ляпунов. Семасиологические и этимологические заметки в области славянских языков: приставка *из-*. «Slavia», 1929, roč. VII, seš. 4, стр. 754—765.

[3] Те ограничения и исключения, которые были нами специально оговорены в указанной статье, действительны и для настоящей (*изглаголати*, *изрещи*, *измолити*, *испросити*; *вынить*, *выгорѣть*, *выпить*; *вывѣдывать*, *выслушать* и т. п.).

основных критериев служит различие типичных для них контекстных условий. Так, глаголы с *из-* обнаруживают гораздо бóльшую устойчивость синтагматических связей и лексического окружения (закрепленность в штампе), широкую сочетаемость с отвлеченными существительными, возможности метафорических переосмыслений. При этом о свободе взаимозамены вариантов с *из-* и *вы-* для массы контекстов говорить не приходится.

4. Несколько слов относительно состава и характера лексем I и II ряда.

Длина того и другого ряда, а также набор составляющих их лексем далеко не идентичны. В каждом из них есть лексемы, не находящие соответствий в другом. Так, для ряда I не противопоставленными (в выделительном значении) оказываются глаголы: *вымчати*, *выньзти*, *выпороти* (что из чего), *выпровадити*, *выискати*, *вышибити*, *выѣхати* и др.; для ряда II — *изрѣяти*, *источити*, *извлѣщи* (с неполногласием в корне), *изврѣщи*, книжные глаголы с осложненной приставкой: *испоувръщи*, *произвести* и т. п. Однако наличие определенной словообразовательной модели в условиях взаимодействия между рядами (наличие дублетных пар типа *избърати—выбърати* и т. п.) открывало принципиальную возможность для возмещения недостающих в каждом ряду лексем за счет окказиональных образований (ср.: *выплѣчи* в Киево-Печерском патерике; *выврѣщи* у Ивана Грозного; *вытребити* у Максима Грека).

Следует подчеркнуть еще одно обстоятельство, относящееся к составу лексем каждого ряда. Ряд II (*из-*), включающий, как показывает исследование этих лексем, слова книжного, искусственного языка, первоначально ограниченного по преимуществу церковно-богословской тематикой, отличается большей замкнутостью, ограниченностью набора входящих в него лексем. Привлечение новых, даже крупных по объему церковно-догматических произведений почти ничего не прибавляет к этому набору, увеличивая лишь общий индекс употребительности лексем.

Что же касается ряда I (*вы-*), он отличается гораздо большей «протяженностью» и разнообразием в составе лексем, характерными для динамичного живого языка. В этом ряду многочисленны лексемы, используемые для обозначения действий, наиболее «специализированных»

по своему характеру: *вымчати*, *выпороти*, *выпровадити*, *вырискати* и т. п.

Известным своеобразием в условиях функционирования глаголов I и II ряда обусловливаются некоторые отличия в их семантической активности.

Слишком частое использование большинства книжных глаголов с *из-* в шаблонных сочетаниях [4] и стандартных ситуациях ведет к тем явлениям, о которых применительно к некоторым современным текстам писал М. В. Панов: «Глагол нередко является семантически ослабленной частью фразеологизмов; зато очень разнообразны и гибки именные конструкции» [5]. В качестве возможной иллюстрации приведем используемые автором Плача о пленении и о конечном разорении. . . Московского государства (13) [6] словосочетания, сложившиеся на базе глаголов *излияти(ся)*, *изливати* (наиболее устойчивая часть): и *крови многочисленнаго народа*. . . яко рѣка, *излияша* (225) [7]; *бесчисленыя крови* христианския *излиялъ* [Отрепьев] (227); не до конца сему врагу [Лжедимитрию] попусти [бог] *всезлобный ядъ излияти* (228); Той же окаянный [Отрепьев] *коликихъ бѣдъ и злобы* въ велицѣй России *не излия!* (226); и *тмочисленное излияся* [в России] *лукавство* (228); и по успении *рѣки чюдесъ* православнымъ *изливающе* (221); на всякъ часъ кающимся *пучину милосердия* своего *изливаетъ* [бог] (234).

В этом отношении восходящие к живому языку лексемы с приставкой *вы-*, встречающиеся почти исключительно

---

[4] Степень свободности входящих во второй ряд глаголов с приставкой *из-* очень неравномерна. Одни из них, наиболее частотные (*изити*, *изгънати*, *извести*), хотя и встречаются в церковно-книжных штампах, однако степень закрепленности их далека от абсолютной. Именно подобные лексемы оказываются наиболее освоенными, «нейтрализованными» народно-литературным типом языка, т. е. широко используются наряду с *вы-* в аналогичных условиях. Другие же (*излити*, *испущати*), встречающиеся в церковнославянских памятниках преимущественно в составе штампов, почти исключительно в таком виде переходят и в памятники народно-литературного типа языка.

[5] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 100.

[6] Приводимая в скобках после названия произведения цифра отсылает к соответствующему номеру перечня изданий в конце статьи.

[7] Заключенные в скобки цифры после цитируемого примера соответствуют номеру страницы или столбца издания, указанного в конце статьи.

в свободных сочетаниях, характеризуются относительно большей информационной способностью («предельная смысловая наполненность» глагола [8]).

5. Бóльшая часть лексем второго ряда имела лексические корреляты в первом ряду (*изгънати—выгънати* и т. п.). Семантические расхождения между ними были как правило незначительными. Главное значение выделительных глаголов определялось соотнесенностью их с конкретными видами движения или физического действия и отличалось устойчивостью. Поэтому в условиях «нейтрального» контекста мы можем расценивать отношения между подобными соотносительными лексемами как «абсолютно синонимичные».

6. На основании изучения материала древнерусских памятников [9] есть все основания утверждать, что лексемы второго ряда в выделительном значении [10] составляли в исторический период слой книжной лексики, по происхождению своему восходящей к старославянским текстам.

Появление в древнерусском литературном языке двух рядов соотносительных лексем было обусловлено, в частности, тем, что в сознании древнерусского писателя сосуществовали языковые системы церковнославянского и живого русского языка, стихия которого окружала русского книжника и неизбежно должна была если не подавлять языковую систему, усвоенную с образованием, то активно и динамично воздействовать на нее.

7. Между лексемами этих двух рядов в XI—XVII вв. несомненно существовала стилистическая противопоставленность функционального характера, которая проявлялась прежде всего в закрепленности тех и других лексем за определенными сферами употребления. Полярными

---

[8] См.: «Русский язык и советское общество. Проспект», стр. 99.

[9] См.: Г. И. Белозерцев. Указ. соч. — Допускаем, что какие-то коррективы в этом отношении могло бы внести изучение материалов русских говоров и фольклора.

[10] Подчеркиваем этот момент, так как к некоторым из глаголов второго ряда имелись исконно русские омонимичные образования, относившиеся ко второму структурно-семантическому типу (невыделительному): Половци же. . . всѣдоша на конь. и *ѣхавше изъѣхаша* городъ Гюрнаевъ. и острогъ взяша. и дворъ зажгоша. . . и двѣ жены его яша (Ипат. лет., л. 232). Эти глаголы выражали эффективность действия, достижение результата и отличались своеобразными синтаксическими связями.

сферами в письменной речи оказывались памятники церковнославянские, с одной стороны, и письменно-деловой речи, с другой. Нарушение подобной закрепленности происходило в памятниках народно-литературного типа языка, представлявших собою сложный и внутренне неоднородный синтез элементов живого и книжного языка [11].

Таким образом, решающим фактором, определявшим выбор между возможными вариантами, оказывался жанровый характер памятника, связанный в свою очередь с его целевой направленностью — культовой, историко-политической, законодательно-правовой и т. п.

Однако даже в XV—XVII вв., когда основные типы литературного языка были более четко противопоставлены по сравнению с киевским периодом, не часто можно указать тексты, стилистически совершенно однородные [12].

8. Специфика выделительных глаголов с приставками *вы-* и *из-* как объектов изучения позволяет выделить два особых, хотя и внутренне взаимосвязанных аспекта: 1) лексикологическая по преимуществу характеристика отдельных лексем того и другого ряда, по возможности в их парных противопоставлениях [13]; последующая оценка места таких лексических пар (или отдельной лексемы в случае непротивопоставленности) по отношению к другим составляющим этих рядов; 2) выяснение условий функционирования лексем того и другого ряда в различных типах литературного языка и в языке отдельных про-

---

[11] О проявлении этой неоднородности применительно к выделительным глаголам с *вы-* и *из-* см.: Г. И. Белозерцев. Указ. соч., раздел II.

[12] «. . . типы далеко не всегда реализуются в чистом виде в композиции целого произведения» (В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 67). Об известной условности разграничения типов древнерусского литературного языка см.: В. Д. Левин. Краткий очерк истории русского литературного языка. М., 1958, стр. 76—77.

[13] Неоднородность судьбы книжных лексем с приставкой *из-* уже на почве древнерусского литературного языка лишний раз подтверждает верность мысли Г. О. Винокура, хотя и высказанной по поводу поздней истории церковнославянизмов: «Размежевание русских и церковнославянских вариантов одного и того же слова имеет разную историю применительно к каждому отдельному слову» (Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 451).

изведений внутри одного типа. Вопросы, относящиеся ко второму аспекту, и составляют основное содержание настоящей статьи.

9. Приводимая ниже статистическая таблица характеризует количественные соотношения выделительных глаголов с *вы-* и *из-* по отдельным памятникам. В последней графе таблицы указывается общее количество образований с *вы-*, встреченных в памятнике (включая невыделительные глаголы, а также существительные и прилагательные). Все они объединяются одним общим с генетической стороны признаком — не являются южнославянизмами.

Обследованы были главным образом памятники XV—XVII вв., представляющие литературно-художественную ценность. Круг использованных церковно-религиозных текстов, а также деловых памятников довольно узок. Однако выбор типа выделительных глаголов для этих категорий текстов можно предполагать с достаточной вероятностью.

Приводимые в таблице данные свидетельствуют о том, что применительно к каждому веку можно назвать тексты, в которых в соответствии с преобладающим здесь типом литературного языка заметен резкий уклон в сторону книжных или народных форм выделительных глаголов.

Решительное предпочтение глаголам с *вы-* отдается в языке Задонщины (к. XIV в.), Хожения Афанасия Никитина (XV в.), сочинений Пересветова и некоторых посланий Грозного, Повести об осаде Пскова Баторием (XVI в.) и большей части светских произведений середины—второй половины XVII в., когда в светских жанрах литературы решающее влияние начал приобретать язык народный. Эти формы оказываются основными даже в языке идеологов раскола Аввакума и Епифания. Разумеется, сами по себе эти факты вовсе не означают, что в произведениях второй половины XVII в., специально ориентированных на церковнославянский язык, не было перевеса форм книжных.

Однако для языка большинства обследованных текстов вплоть до середины XVII в. наиболее характерными были церковнославянские формы выделительных глаголов с *из-* (см. повести XV в., сочинения Максима Грека и наиболее «славянизированные» послания Грозного). При этом последние использовались не только в контекстах мотивированных (характер ситуации, типичное лексико-

www.ruslang.ru

Название произведения	Количество выделительных основ с приставкой		Количество употреблений выделительных глаголов				Всего словоупотреблений с приставкой *вы-*
			в числовом выражении		в % выражении		
	из-	*вы-*	*из-*	*вы-*	*из-*	*вы-*	
к. XIV—XV в.							
Задонщина (2)	1	5	1	5	17	83	7
Сказание о Мамаевом побоище (1)	10	4	18	9	67	33	14
Летописная пов. о Мамаевом побоище (5)	3	—	4	—	100	—	3
Слово о житии вел. кн. Дмитрия Ив-ча (5)	3	—	3	—	100	—	—
Повести: о Петре и Февронии (1), о Темир-Аксаке (1), о царице Динаре (1), о новгородском посаднике Щиле (16)	3	—	12	—	100	—	—
Пов. о взятии Царьграда турками (1)	8	6	34	8	81	19	8
Повести: о Меркурии Смоленском (1), о Тимофее Владимирском (1), о воеводе Дракуле (1), о Петре, царевиче Ордынском (1) . .	9	5	16	9	64	36	11
Пов. о Московском взятии от ц. Тахтамыша и о пленении земли Русской (1) . .	5	6	8	6	57	43	7
Пов. о Московском взятии от Тахтам. (1)	2	2	2	3	40	60	3
Афанасий Никитин. Хожение за 3 моря (7)	1	6	1	30	3	97	32
XVI в.							
Максим Грек. Сочинения, т. 2, 3 (8)	40	8	214	10	96	4	16
Иван Грозный. Послания:							
Посл. в Кирилло-Белоз. монастырь (9), Посл. Полубенскому (9) . . .	8	—	11	—	100	—	—
1-е посл. Курбскому (9)	16	5	27	5	84	16	5

(*Продолжение*

Название произведения	Количество выделительных основ с приставкой		Количество употреблений выделительных глаголов				Всего словоупотреблений с приставкой вы-
			в числовом выражении		в % выражении		
	из-	*вы-*	*из-*	*вы-*	*из-*	*вы-*	
Послания от имени бояр (9)	7	3	11	3	79	21	8
2-е посл. к швед. королю Иоганну III (9) . .	1	2	1	3	25	75	5
Посл. к англ. королеве Елизавете (9), Посл. к польск. королю Стефану Баторию (9) . . .	—	8	—	9	—	100	18
Посл. Вас. Грязному (9), Посл. Симеону Бекбулатовичу (9)	—	4	—	4	—	100	4
1-е посл. Вас. Грязного — Грозному (17)	—	4	—	4	—	100	7
Курбский. История о вел. кн. Московском (10)	25	17	92	33	74	26	52
История о Казанском царстве (12)	37	12	122	28	81	19	31
Пов. об осаде Пскова Ст. Баторием (1)	8	13	11	15	42	58	31
Пов. о Луке Колочском (1)	2	1	2	2	50	50	2
Иван Пересветов. Сочинения (11)	6	10	8	31	21	79	37
XVII в.							
Пов. о Юлиан. Лазаревской (16), Сказ. о явлении Унженского креста (16) . . .	5	—	7	—	100	—	—
Сказание Авраамия Палицына (13)	20	—	32	—	100	—	—
Плач о пленении . . . государства Моск. (13)	13	—	24	—	100	—	—
Пов., како восхити... престол Б. Годунов (13)	11	—	16	—	100	—	—
Пов. князя Сем. Ив-ча Шаховского (13)	15	—	21	—	100	—	—

(*Продолжение*)

Название произведения	Количество выделительных основ с приставкой		Количество употреблений выделительных глаголов				Всего словоупотреблений с приставкой *вы-*
			в числовом выражении		в % выражении		
	из-	*вы-*	*из-*	*вы-*	*из-*	*вы-*	
Житие царевича Димитрия по сп. Милютина (13) . . .	8	—	16	—	100	—	—
Повести: о видении некоему мужу духовну (13), о видении мниху Варлааму в Вел. Новгороде (13), о некоей брани, належащей на великую Россию (13), о смерти и о погребении Шуйского (16)	12	—	19	—	100	—	1
Пов. кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского (13)	15	2	36	2	95	5	2
Пов. кн. Ив. Андр-ча Хворостинина (13)	12	1	21	1	95	5	1
История о первом патриархе Иове Моск. (13)	8	2	13	2	87	13	4
Сказ. о царстве царя Феодора Иоан-ча (13)	11	9	28	14	67	33	19
Так называемое Иное сказание (13)	21	13	48	24	67	33	33
Сказание о Гришке Отрепьеве (13)	7	6	9	6	60	40	7
Новая пов. о преславном Российском царстве (13) . . .	7	5	10	8	56	44	8
Пов. об основании тверск. Отроча монаст. (16)	2	1	9	2	82	18	2
Пов. о Горе и Злочастии (6)	1	2	1	3	25	75	4
«Историческая» пов. об Азове (2)	1	3	1	4	20	80	5
«Поэтическая» пов. об Азове (2)	1	10	2	19	10	90	36
«Сказочная» пов. об Азове (2)	2	16	3	33	8	92	51
Григорий Котошихин. О России (14)	3	25	7	105	6	94	149

Название произведения	Количество выделительных основ с приставкой		Количество употреблений выделительных глаголов				Всего словоупотреблений с приставкой
			в числовом выражении		в % выражении		
	из-	вы-	из-	вы-	из-	вы-	
Пов. о Савве Грудцыне (3)	8	5	19	11	63	37	12
Пов. о Карпе Сутулове (4)	1	1	3	4	43	57	1
Пов. о Фроле Скобееве (3)	1	2	1	6	14	86	7
Демократическая сатира XVII в.							
Сказ. о роскошном житии и веселии (4)	2	1	3	1	75	25	1
Сказ. о Куре и Лисице, II ред. (4)	4	3	7	5	58	42	5
Служба кабаку (4)	5	9	7	10	41	59	13
Калязинская челобитная (4)	1	5	1	5	17	83	5
Пов. о Шемякином суде, I ред. (4)	1	3	1	6	14	86	10
Пов. о Шемякином суде, II ред. (4), Пов. о Ерше — три редакции (4), Сказ. о Фоме и Ереме (4), Сказ. о попе Саве (4), Сказ. о крестьянском сыне (4), Лечебник на иноземцев (4), Слово о мужах ревнивых (4), Притча о старом муже и молодой девице (16), Пов. о бражнике (4), Роспись о приданом (4), Азбука о голом и небогатом человеке (4)	—	23	—	47	—	100	59
Житие Аввакума, им самим написанное (15)	11	22	26	33	44	56	45
Житие Епифания, им самим написанное (15)	6	7	9	12	43	57	13

фразеологическое окружение глагола, шаблонность сочетания), но и в контекстах «нейтрального» характера, лишенных перечисленных признаков. Особенно резко преобладание варианта с *из-* проявляется в языке исторических произведений начала XVII в. (периода «Смуты»). Это относится и к тем из них, которые представляют наибольший интерес в литературно-художественном отношении (Плач о пленении и о конечном разорении. . . Московского государства, Сказание Авраамия Палицына, «Летописная книга» Катырева-Ростовского). Чаще, однако, в языке текстов XV—XVII вв. элементы книжные и живые встречаются в сочетании, хотя степень отклонения в ту или в другую сторону может быть очень разной. О конкретных причинах, обусловливающих мотивированные отклонения, а также о случаях неустойчивости норм выбора между книжными и народными вариантами, речь пойдет ниже.

Приводимые в таблице статистические показатели остро нуждаются в специальном комментарии, особенно для тех памятников, где одновременно представлены лексемы того и другого типа. Естественно, что по самому характеру темы этим памятникам при разборе уделяется наибольшее внимание.

10. Проявление контрастных тенденций в выборе выделительных глаголов с приставками *вы-* и *из-* можно видеть на материале произведений к. XIV—н. XV в., связанных с именем Дмитрия Донского.

В духе пышной церковно-книжной риторики выдержана так называемая Летописная повесть (Побоище вел. кн. Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем) и еще в большей степени Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича (5). Соответственно здесь выделительные глаголы представлены только с приставкой *из-*. Правда, в Слове о житии. . . они встречаются исключительно в церковно-книжных штампах или стандартных ситуациях, где для появления народного варианта с *вы-* не было условий: огненыя слезы изо очию *испущааше* [жена умершего Дмитрия], утробою распалаашеся (108); во всю землю *изиде* слава его [Дмитрия] и въконець вселеныя величьство его (110).

Аналогичные условия для проявления выделительных глаголов наблюдаются и в языке Летописной повести (5)

к. XIV в., где отмечены: *извлѣщи*[14], *изити* 2, *испущати*. В цитате: яко же рече Христосъ: отъ насъ *изидоша*, а на ны быша (90); в штампе: И рече. . . Мамай: «. . . очи наши не могуть огненыхъ *слезъ испущати*» (95). Однако и в контекстах менее традиционно мотивированных предпочтение отдается глаголам с *из-*: Въста отъ молитвы [Дмитрий], *изиде* изъ церкви и посла по брата своего. . . (91); они же [русские и татары] *извлекоша* оружия своя обоюду остри въ рукахъ ихъ (94).

Трижды в Летописной повести встречается отглагольное существительное *выходъ* в обычном для договорных грамот специализированном значении 'дань', 'подать': и хотѣ [Дмитрий] ему [Мамаю] *выходъ* дати. . . по своему докончанию, как съ нимъ кончалъ. . . (92).

Тенденцию другого рода, с последовательным предпочтением живых глагольных образований с приставкой *вы-*, отражает текст З а д о н щ и н ы (2): *выдать*, *выступать*, *высѣсть*, *вычерпать*, [*выщекотать*] [15], *выѣхать*, *выходъ*. Единственный встретившийся здесь выделительный глагол *избрати* был хорошо освоен русскими книжниками.

Довольно многочисленны как те, так и другие образования в языке С к а з а н и я о М а м а е в о м п о б о и щ е (1), хотя количественный перевес оказывается все-таки на стороне книжных лексем. С приставкой *из-* здесь отмечены: *избрати* 5, *избѣчи*, *извести* 2, *изгонити*, *изити* 2, *изрыти*, *ископати*, *искупити*, *испровръщи* 2, *испустити* 2. С приставкой *вы-*: *выити*, *выкопать*, *выступить* 3, [*вышить*] 2, *выѣхать* 4; прилагательное *выборный* 3.

В содержании Сказания довольно органично сочетаются публицистическая тенденция, связанная с возвеличением великого князя Московского, и картины воинские, более выдержанные в народно-поэтическом духе. Публицистичность, опирающаяся прежде всего на церковнославянскую языковую традицию, особенно сильна в начале Сказания, окрашенном сильным религиозным колоритом (моления Дмитрия, ореол христианского благочестия вокруг великого князя).

---

[14] Отсутствие индекса в словнике выделительных глаголов встретившихся в памятнике, — значащее: оно соответствует единице.

[15] В квадратные скобки в словниках заключены глаголы с приставкой *вы-*, не входящие в разряд выделительных.

Именно в этой части (стр. 16—23) используются исключительно выделительные глаголы с приставкой *из-* (8 словоупотреблений — *изгонити*, *избѣчи*, *извести*, *изити* и др.), при этом даже в контекстах «нейтральных» по характеру ситуации. Так, нередки славянизмы даже в тексте пересказываемого здесь «написания» Олега рязанского к литовскому князю Ольгерду: Издалеча есми слышал московского князя Дмитрея *изгонити*, а Москвою владети. Ныне нам приспе время, яко великий царь Мамай грядет с силою своею (17). Книжной традиционностью отличается и несомненно обработанная речь Дмитрия к князьям: Братия моя милая, гнездо есми великаго князя Владимера Киевскаго, иже *изведе* нас от закона еллинскаго. Ему же откры господь бог познати православную веру (21).

С переходом к повествованию о воинских событиях заметно изменяется общая стилистическая тональность (церковнославянский элемент и здесь значителен, но далеко не в той мере). И в этой части основным средством выражения выделительного значения становятся глаголы с приставкой *вы-*. Правда, последние не однородны по своему характеру. Так, пока в обследованных текстах вообще не найдено церковнославянского эквивалента выделительному глаголу *выѣхать*. Дважды встречающийся здесь невыделительный глагол *вышить* семантически отличался от глагола *исшити*: чернаго знамения, на нем же *вышит* образ владыки господа нашего Иисуса Христа (30). Однако здесь же, в эпическом эпизоде единоборства Пересвета с татарином, используется глагол *выити*, который в других текстах XV в. гораздо чаще предстает в книжном облике: Ис полку же татарского *выде* печенег муж велик бо, мужеством подобен древнему Голияфу (30).

Что же касается выделительных глаголов с *из-*, то в этой части текста они встречаются только в составе штампов и цитатных извлечений: *испусти* [Мамай] глас свой великий (29, 34); зле окаянный [Мамай] душу свою *испроверже* (38); Олег зле *испроверже* живот (38); ров *изрый ископа* и впадеся в яму (38), но ср.: повеле [Дмитрий] на поле Куликове ямы копати великие [для убитых]. . . всех же ям *выкопаша* великих 330 (37).

11. Примером своеобразного сочетания элементов книжного языка и живого, с ощутимой дифференциацией между ними, могут служить данные Повести о Московском взятии от царя Тах-

т а м ы ш а (1) [16], возникшей, очевидно, в среде московского торгово-ремесленного посада [17].

Количество выделительных глаголов здесь невелико: *выпустити*, *излияти*; *выити* 2 — *изити*. При всем том распределение их в тексте очень показательно. Основной формой авторского повествования, несомненно, были живые лексемы с *вы-*: *выпустиша* из града митрополита, прочих с ним ограбивше (39). Глаголы с *из-* здесь определенно тяготеют к штампам, закрепленным давней традицией. Своеобразно отношение вариантов *выити — изити*. В прямой речи князей-изменников, обращенной к москвичам, используется книжная форма в характерном для летописей стандартном сочетании *изыдете в стретение* [18], а следом в авторском повествовании форма того же глагола с *вы-*: а ополчился есть [Тахтамыш] на великого князя, а от вас ничего же иного требует, но токмо *изыдете в стретение* его со князем вашим, с легкими дары... Они же, емше сему веры и отверзше врата, *выйдоша* преже со князем лучшии люди с дары многыми, а по них чин священничскы (40).

В одном узком отрезке сочетаются здесь также глаголы *излияти* и *выити*, хотя лексическое окружение того и другого существенно отличается: и видеша град [Москву] пожжен, . . .а трупия мертвых многа суща вельми, и *многы слезы излияша*, и повелеша телеса мертвых погребати, и даваша от 80 мертвецов по рублю, и *выиде* того 300 рублев (41).

Ту же тенденцию тяготения глаголов с *из-* к контекстам церковно-религиозного содержания, при одновременном использовании глаголов с *вы-* в контекстах обиходно-бы-

---

[16] Ее необходимо отличать от так называемой Повести о Московском взятии от царя Тахтамыша и о пленении земля русскыя. Последняя, как показал М. Н. Тихомиров (см.: «Древняя Москва». Изд-во МГУ, 1947, стр. 192—196), является расширенной контаминацией двух более ранних повестей об осаде Москвы, существенно отличавшихся; одна из них, более демократичная по содержанию и языку, рассматривается здесь.

[17] Н. И. Т о т у б а л и н. Повесть о Московском взятии от царя Тахтамыша. В кн.: «Русские повести XV—XVI вв.». Сост. М. О. Скрипиль. М.—Л., 1958, стр. 373.

[18] Так, только вариант *изити* используется применительно к этой ситуации в Повести временных лет. См.: О. В. Т в о р о г о в. К вопросу об употреблении старославянизмов в Повести временных лет. «Труды отдела древнерусской лит-ры», т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 211.

тового характера, можно видеть в языке Повести о Меркурии Смоленском (1). В небольшом по объему тексте (менее двух страниц печатного набора) зафиксированы варианты *изити* 4 — *выити* 1. Книжный вариант встречается в следующих контекстах: рече [богородица]: «О человече божии, скоро *изыди* ко оному кресту, идеже молится угодник мой Меркурий. . .» (106); *исшедши* ис церкви пречистая богородице со архистратиги господни (107); И взем [Меркурий] благословение от нея [богородицы], и *изыде* из церкви (107), а следом: и *исшедъ* из града (107). Заметно отличается своим бытовым колоритом контекст, в котором встречается вариант с приставкой *вы-*, хотя и здесь многочисленны славянизмы: И дошед [обезглавленный Меркурий] врат Мологинских, ту же *вышла* по воду некая девица и зря святаго без главы идуща и начат святаго налепо бранити (107).

Иллюстрацией того же типа различий в использовании двух вариантов выделительных глаголов служит материал Повести о Луке Колочском (1) XVI в., в которой эпизоды, типичные для местной церковной легенды (явление иконы в лесу, чудеса исцеления, тема прегрешения, покаяния и прощения), сочетаются с яркими бытовыми картинами. Для нас этот момент представляет особый интерес, поскольку с таким двуплановым содержанием повести связано и распределение отмеченных в ней выделительных глаголов: *изити*, *изнести*; *выпустить* 2: земледелец же той, поклонение пред нею [найденной иконой богородицы] сотворя, *изнесе* ю из леса (116); Ей же [иконе] *во сретение изиде* сам благоверный князь Андрей Дмитриевич со кресты со всем освященным собором и с своими боляры. . . (117). Ср.: Некогда ловцы. . . уловили медведя люта и везяху его в ларе мимо дом Лукин. Его же узре Лука и повеле медведя того *выпустить* из ларя на своем дворе. Медведь же *выпущен*. . . Луку достигши, смяте, и еле жива отняша его (118).

12. Выразительным показателем демократичности языка Хожения за три моря Афанасия Никитина (7) служит представленный здесь тип выделительных глаголов. Церковнославянская прослойка в языке Никитина вообще очень невелика. «. . . Никитин, в соответствии со светским содержанием своих записок, гораздо чаще пользуется просторечием или формами делового языка, чем книжно-литературной, славянизирован-

ной речью»[19]. Однако, будучи начитанным книжником, не расставававшимся с книгой даже в заморском путешествии, Никитин не мог не чувствовать различий между своим родным языком и языком книжным. В этом убеждает, в частности, изменение слога и языка в повествовательной части его Хожения и написанных им же молитвах.

Отсутствием установки на литературную изысканность изложения обусловлено использование здесь живого, народного варианта выделительных глаголов: *выбить*, *выити* 13, *вы́резать* 5, *выходи́ть*, *вы́ѣзжать* 5, *вы́ѣхать* 5; существительное *вырезъ*. С приставкой *из-* выделительного значения встретился единственный глагол (*изити*): Въ пятый же Великый день възмыслилъ ся на Русь. *Изыдохъ* же из Бедера града за месяць до улубаграма бесерменьского. . . а Велика дни христьаньскаго не вѣдаю Христова въскресения, а говѣйно же ихъ говѣхъ с бесермены, и розговѣвся с ними, Великый день взяхъ в Келберху отъ Бедеря 20 кововъ (27). Примечательно, что этот отрезок всего шестью строками отделен от рассказа о выходе войск индийского султана, где десятикратно повторен перфект от глагола *выити*: *вышло* двора его 10 тысячь конныхъ; *вышло* рати. . . 40 тысячь (стр. 27). Не вызывает сомнений книжный характер лексемы *изидохъ*. Показательно при этом не только количественное соотношение (*выити* 13—*изити* 1). В архаическом духе, соответственно содержанию, выдержан весь цитированный отрезок текста. Этим обусловлено и появление здесь ряда форм аориста (*изидохъ*, *говѣхъ*, *взяхъ*), тогда как основной повествовательной формой прошедшего времени в Хожении является перфект. Не случайно, что при 18 употреблениях формы перфекта от глаголов с приставкой *вы-* в тексте Хожения не встречено ни одного аориста или имперфекта от этих глаголов.

13. В связи с выяснением отношений церковнославянских и народных языковых элементов в различных типах литературного языка нами обследованы тексты 2 и 3-го томов сочинений Максима Грека (8). Для помещенных в первом томе полемико-догматических сочинений можно с достаточной вероятностью предполагать еще бо́ль-

[19] В. П. Адрианова-Перетц. Афанасий Никитин — путешественник-писатель. В кн.: Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.—Л., 1948, стр. 110—111.

шую приверженность к образцам языка церковно-книжного.

Приглашенный с Афона в Москву для правки книг, Максим Грек первоначально работал с помощью переводчиков. Церковнославянским литературным языком он овладел уже будучи в Москве, однако «язык даже позднейших его трудов отличается своеобразными словами и необычными синтаксическими сочетаниями. . .»[20].

Язык большинства сочинений Максима Грека, посвященных преимущественно церковно-богословской тематике или обсуждению актуальных вопросов церковно-монастырской жизни и политики, отличается внутренней однородностью. Как же представлены здесь интересующие нас соотносительные лексемы?

При 214 употреблениях выделительных глаголов с *из-* (40 основ), встретившихся в обследованных текстах, отмечено лишь 10 употреблений (8 основ) выделительных глаголов с *вы-*. Парными соответствиями представлены следующие основы: *избирати* 2, *избрати* 29 — *выбирать*; *изити* 26 — *выити* 2; *изнести—вынести*; *износити* — *выносить*. Только с приставкой *вы-* отмечены: *вывертеть*, *выдать* 2, *выплывать*, *выплюнуть*. Имеется несколько глаголов с этой приставкой невыделительного значения: *вытереть*, *вычистить*, *вытребить* 3, *вытребиться*, *вытреблять*. Таким образом, с приставкой *вы-* отмечены преимущественно основы, крайне редко или совсем не встречающиеся в церковных памятниках. Что же касается выделительных глаголов достаточно употребительных, то с приставкой *вы-* они появляются у Максима Грека лишь в определенных условиях — непринужденный рассказ, с заметной опрощенностью языка. Таких текстов у Грека немного. Обычно это рассказ о конкретном эпизоде, виденном или слышанном. Примером такого типа может служить следующий контекст из VI слова (здесь в толковании неясных мест из Григория Богослова Максим Грек сообщает некоторые сведения о легендах, обычаях, реликвиях других народов): Таже по. . . раззорении Трои, пришедшу Агамемнону во царство свое, и влѣзша въ баню мытися царица Клитемнистра принесла к нему сорочку безъ ворота (т. 3, стр. 39). И именно в тексте этого

---

[20] А. С. О р л о в. Древняя русская литература XI—XVII вв. М.—Л., 1945, стр. 273.

Слова встречаются два глагола с приставкой *вы-*: *выбираху* [граждане Менди града] лучшаго козла и храняще его въ хлѣвинѣ честнѣ. . . и покланяхуся ему, аки Богу (т. 3, стр. 35); нынѣшнии же люди португальстии, испанстии, со всякимъ опаствомъ *выплываютъ* [через Гадир] корабли великими, не давно почали (т. 3, стр. 37). Ср. также в XXV слове: и приступивше два татарина сняли его [повешенного] и *вынесли* на поле, и тамо, нагрѣвше воды, измыли его и въ саванѣ обвивше его, погребоша милостивно, а не гнушалися трупа его (т. 3, стр. 142); в слове XIV: И *вышелъ* царь и его сынъ и вси людие на брегъ из кораблевъ и учали ѣсти и пити и веселитися, а сынъ царевъ учалъ на томъ мѣстѣ гулять и съ травы цвѣтки рвати и отъ своего отца . . . отгулялъ прочь подалѣ (т. 3, стр. 93, см. также стр. 94).

Впрочем, обиходно-бытовое содержание контекста способствовало общему опрощению речи и выбору разговорного варианта с *вы-*, но не обусловливало его обязательно. См., например, появление глагола *выплюнуть* в сильно славянизированной прямой речи: Вѣру же азъ соблюду Богу моему чисту, елика ми сила есть, тебе же [турка, предложившего свою дочь за вероотступничество] и стяжании твоихъ и дщерь и прелесть самую и безбожнаго Моамефа съ радостию *выплюну* (т. 3, стр. 196).

Очевидно, окказиональным словосочетанием, которому в церковнославянских текстах соответствовало обычно *изяти звѣницу*, следует считать употребление глагола *вывертеть* в таком примере: единого отъ градъ горнихъ Фиваидъ епископъ, мужъ благочестивъ, чюдотворецъ, его же во время гонениа *око вывертели* гонителие (т. 3, стр. 210).

С полным основанием можно относить к числу окказионализмов Грека и невыделительные глаголы *вытребить*, *вытреблять* в соответствии с обычными *истребити*, *истребляти*. Ср. совершенно аналогичные контексты: (о тверском пожаре) Самую же стѣну всю окрестъ, великую соборную церковь . . . и ины многи священные храмы и дворы . . . вкупѣ *вытребилъ* [огонь] въ малѣ времени (т. 2, стр. 291) и там же: на обновление огнемъ *истребленнаго* древняго украшения покланяемаго храма твоего (т. 2, стр. 293); ср. также: глады и пагубы напусти [бог на прогневавших его] . . . сими тщася искорене *вытребити* душегубительную *злобу ихъ* (т. 2, стр. 72), но: мой гнѣвъ

на васъ грядетъ... доколѣ до конца *истребитъ* отъ васъ *всякия злобы* (т. 2, стр. 270—271).

14. Исключительное разнообразие в жанровом отношении литературного наследия Ивана Грозного (9) дает возможность увидеть, насколько глубоко могли отличаться в языковом отношении тексты одного лица, в зависимости от их жанра и целенаправленности.

Примечательно, что выделительные глаголы с *вы-* и *из-* в языке Грозного служат довольно точными показателями основной стилистической тональности произведения и чутко отражают ее изменения.

Остро-публицистическое первое послание Курбскому опирается, несомненно, на церковнославянскую языковую основу. Уже в тоне своего послания Грозный хотел дать понять величие власти самодержца. Торжественно-риторический тон письма сразу был уловлен Курбским («широковещательное и многошумящее писание твое приях̆ъ, и вразумѣхъ, и познахъ»). Основной тон послания и обилие библейско-богословского цитатного материала (ср. издевку Курбского: «цѣлыми книгами, и паремьями цѣлыми, и посланьми») обусловили решительное преобладание в словоупотреблении именно книжных форм выделительных глаголов. На 27 употреблений выделительных глаголов с *из-* здесь приходится лишь 5 глаголов с приставкой *вы-*. При этом, если лексемы с *из-* довольно равномерно распределяются на протяжении всего текста послания, то все лексемы с *вы-* сконцентрированы в одном месте (стр. 34—35). Это, очевидно, наиболее эмоционально напряженные страницы послания (острые обиды детских лет, воспоминания о боярских бесчинствах) [21]. Здесь заметно снижается преобладающая в послании книжная искусственность речи [22]. Речь становится взволнованной, рассказ перебивается риторическими вопросами: пришед к нам в ызбу в столовую... болярина нашего Федора Семеновичя Воронцова изымавши позоровав, *вынесли*

---

[21] Именно по поводу этого места острил Курбский: «Туто же о постеляхъ, о телогрѣяхъ... воистинну, яко бы неистовыхъ бабъ басни».

[22] Психологически верно наблюдение Д. С. Лихачева: «Грозный мог быть торжественным только через силу... на время вынужденный к торжественности тона, [он] в конце концов переходит к полной естественности...» (Д. С. Лихачев. Иван Грозный — писатель. В кн.: «Послания Ивана Грозного». М.—Л., 1951, стр. 461).

из избы да убить хотели. . . И тако ли годно. . . с нами холопу з государем ссылатися, и государю у холопа *выпрашивать*? Тако ли пригоже прямая служба?. . . А о гонении их же что и глаголати, каковы тогда случишася? . . .наустиша народ художайших умов, будто матери нашея мать . . . с своими детьми и людьми сердца человеческая *выимали* и таким чародейством Москву попалили . . . и тако тех изменников научением болярина нашего, князя... Глинсково, воскричяв, народ июдейским обычяем изымав[23] его, . . . в пределе . . . *выволокши*, . . . безчеловечно убиша и кровию церковь наполниша и, *вывлекши*[24] его мертва . . . и положиша на торжище, яко осуженника. И сие убийство во церкви всем ведомо, а не яко ты, собака, лжеши! (34—35).

Набор выделительных глаголов с приставкой *из-* в послании совершенно обычен для славянизированных текстов: *избирати* 2, *избрати*, *избѣжати* 2, *изводити*, *изгнати* 2, *изгонити*, *изити* 5, *изливати*, *излиятися*, *изложити*, *изнести*, *износити*, *исступити* 2, *исторгнути* 2, *исходити* 3.

Абсолютно все контексты, в которых встречаются указанные лексемы, имеют типичный церковно-книжный облик. В одних случаях это вариации библейско-евангельской темы или точная цитация: . . .моавитин же и аммонитин — ты [Курбский] еси. Яко же убо они от Лота *изшедши* . . . всегда на Израиля воеваху, тако убо и ты: еже убо от властительского племяни *изшел* еси, и на ны безпрестани советуеши пагубу (62); или: яко же рече Иисус ко пришедшим к нему яти его: «Яко на разбойники ли *изыдосте* со оружием и з дреколием яти мя» (61); Воспомяни же, егда бог *изважаше* Израиля из работы (23); в других — это почерпнутый из историко-богословских сочинений материал: и елико убо хто от них [язычных еллинов] коею страстию одержим бяше, то подобна и бога себе *избираше*, и в онь верующе, яко же Ираклия блуда, Крона же ненависти и вражды (44—45); в-третьих, — это церковно-книжные шаблонные сочетания: Вы же,

---

[23] Дважды встречающийся здесь глагол *изимати* относится ко второму (невыделительному) структурно-семантическому типу глаголов с *из-* (соотносителен по виду с глаголом *имати* 'брать', 'хватать').

[24] В одном контексте с приставкой *вы-* сочетается корень в полной и краткой огласовке (*выволочь — вывлѣчь*).

. . .подобящеся ехидну, отрыгания *яд изливающе* (19); многи *излиящеся* наших слез и воздыхания и стенания сердечнаго (55); тако же и ты . . . *иступив ума* неистовяся . . . писал еси (69).

Наиболее обычным является использование подобных книжных лексем в речи Грозного в сочетании с отвлеченными существительными различной степени абстракции: своим изменным обычаем литовским послом . . . нашу *думу изнесе*, нас укоряя (40); [к царю] яко к худейшему чесому надменная *словеса* неистове *изношаху* [советники Сильвестра] (38); злодейственный *совет исторгнути* (20); а от сердец ваших *исходят* помышления и злодеяние и пагуба смертная к разорению (20); от языка ж *исходит благословение и клятва* (21).

Наконец, выбор книжной формы с *из-* мог быть обусловлен общей стилизацией контекста: И аще убо се от отца твоего, дьявола, восприем, много ложными словесы соплетши, яко веры ради *избежал* еси. . . (13). Ср. употребление того же глагола в устойчивом сочетании: *избежавше от рук наших* (63).

В послании предводителю польских войск Александру Полубенскому Грозный также обосновывает правомерность самодержавной власти. Основную аргументацию, как и в послании Курбскому, Грозный ищет в библейско-евангельских параллелях. Для появления народно-разговорных лексем с приставкой *вы-* здесь просто нет почвы.

Исключительно с приставкой *из-* встречаются выделительные глаголы и в послании в Кирилло-Белозерский монастырь (9): *избирати*, *изити*, *излияти*, *износити*, *исходити*; отглагольные существительные *изгнание*, *иступление*, *исходъ*. При всей неоднородности стилистической тональности этого послания ведущим, особенно в первой части его, оказывается приподнято-торжественный тон. Правда, беседу с монастырскими старцами здесь ведет уже не столько властный самодержец, сколько начитанный в писаниях «раб божии».

Контрастную картину по отношению к рассмотренной дают послания Грозного к Симеону Бекбулатовичу и Василию Грязному. Жанр челобитной или дружеского письма избавлял Грозного от необходимости придерживаться определенных языковых канонов. И это прямо отражается на выборе типа выделительных глаголов.

В коротком (одна страница печатного набора) послании Симеону Бекбулатовичу (9), умело пародирующем униженно-заискивающий тон челобитной [25], встречены два выделительных глагола с приставкой *вы-*. Очень характерно их лексическое окружение: Государю великому князю Семиону Бекбулатовичю всеа Русии Иванец Васильев с своими детишками, с-Ыванцом да с Федорцом, челом бьют, чтоб еси, государь, милость показал, ослободил людишок перебрать . . . а ослободил бы еси пожаловал изо всяких людей *выбирать* и приимать. . . А которых людишок приимем, и ты б, государь, милость показал, . . . ис поместьишок их им хлебишко и денженка и всякое их рухлядишко пожаловал, велел отдати, и людишок их не ограбя велел *выпустити* (195).

В ответном послании Грозного на не дошедшее до нас письмо думного дворянина опричника Василия Грязного (9), написанном в тоне непринужденной беседы, также отмечены два глагола с приставкой *вы-*: Тебе [т. е. Грязному] *вышедчи* ис полону, столко не привесть татар, ни поимать, сколько Дивей кристьян пленит. И тебя, ведь, на Дивея [находившегося в русском плену] *выменити* не для кристьянства — на кристьянство: ты . . . приехав по своему увечью лежать станешь, а Дивей приехав учнет воевати. . . (194).

Примечательно, что и в ответном письме Василия Грязного (17) в изобилии представлены формы живого языка с приставкой *вы-*: *выдать*, *выити*, *выменить*, [*вымереть*], [*повымереть*], [*выработать*], *выслать*. Ни одного выделительного глагола с приставкой *из-* здесь не отмечено. В качестве характерного для письма Грязного образца приведем следующий колоритный пример, хотя представленные в нем глаголы с приставкой *вы-* не входят в разряд выделительных: не даи умерети з голоду [бедному своему полонянику], а хлеб дорог . . . а животина *вымерла* и лошади *повымерли* и мертвова ести не добудут.

---

[25] Необычайны обстоятельства появления этой «челобитной». Осенью 1575 г. Грозный передал свой титул великого князя всея Руси служилому татарскому хану Симеону Бекбулатовичу. Исследователи расходятся в определении причин этого «политического маскарада» (см.: Я. С. Л у р ь е. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. В кн.: «Послания Ивана Грозного», стр. 482—483).

А сижю в пустом городе в кадомах — *выработат* нелзя и не у кого (256).

Особое положение занимают дипломатические послания Грозного, обычно отличающиеся внушительно-сдержанным и серьезным тоном. В основе этих документов лежит деловой язык приказов, хотя и с элементами книжного. Этим обусловливается выбор соответствующей формы выделительных глаголов. Так, в обширном послании Стефану Баторию (9) эти глаголы встречаются исключительно [26] с приставкой *вы-*: *выбить*, *выбирать*, *выдавать*, *выимать*, *выпустить*, *выступить*, [*вычесть*] (грамоту); существительные *выступ*, *вытесненье*, *выход* 6.

Обозначаемые этими глаголами действия отличаются физически конкретным характером; наиболее колоритный пример: а твои [Батория] люди собацким обычеем делали, *выбираа* [на оставленном поле боя] воевод и детей боярских лутчих мертвых, да у них брюха възрезывали, да сало и жолчь *выимали* как бы волховным обычеем (219).

Глаголы с приставкой *вы-* характерны и для языка послания к английской королеве Елизавете и 2-го послания к шведскому королю Иоганну III.

15. Публицистические сочинения Ивана Пересветова (11) (некоторые из них написаны в форме челобитных к царю) опирались на иную языковую основу, чем публицистика Грозного и его политического противника Курбского. С достаточными основаниями их относят к демократическому стилю литературного языка. Церковнославянская фразеология занимает здесь довольно скромное место. В соответствии с этим находится и употребление выделительных глаголов. Глаголы с приставкой *вы-*: *вывезти* 7, *вывести*, *выгребать*, *выдать* 12, *выити*, *выклонити*, *(по-)выноси́ть*, [*е́ luносить*] 2, *выпустить* 2, [*выробитися*], *вы́ѣзжать*, *вы́ѣхать* 4; отглагольные образования *выслуга*, *вы́ѣзжий*, *вы́ѣзд*. Гораздо ограниченнее как круг основ, так и частота употребления выделительных глаголов с *из-*: *избирати*, *избрати*, *извести*, *изгнати*, *испустити*, *испущати* 3. При этом все эти словоупотребления четко мотивированы характером контекста.

---

[26] Есть основания предполагать, что встретившийся здесь глагол *известись* («с обе стороны не один государь *извелся*, и тые уже отошли на божии суд». — Там же, стр. 231) относится ко второму (невыделительному) структурно-семантическому типу.

Рассмотрим вначале те глаголы, которые представлены парными соответствиями.

Извести—вывести. Первый встречается в изложении библейской ситуации, хотя и в апокрифической интерпретации: и Господь Богъ милосердие свое учинил, волною страстию своею святою Адама *извелъ* изо ада (67); Адама *изгнал* из рая (там же). Глагол *вывести* используется в собственном рассказе Пересветова, при этом в сочетании с отвлеченным существительным: и Махметъ правый суд въ царство свое ввелъ, а ложь *вывелъ* (73).

Испустити, испущати 3—*выпустить* 2. Вариант с *из-* используется только в шаблонном сочетании *испустити оружие*. В трех случаях введение этого штампа мотивировано общим типично книжным характером контекста: ангели божии, небесныя силы, ни на единъ часъ пламяннаго *оружия* из рук *не испущаютъ* (74, то же 65), ср. применение этого штампа по аналогии к светскому объекту [27]; а войско царьское с коня не ссѣдаетъ, николи же и *оружия* из рукъ *не испущаютъ* (74). Несомненно мотивирован выбор варианта с *из-* и в следующем контексте: и вѣру християнскую умножить [благочестивый царь], и славу божию возвысить, и паче царя Александра Македоньскаго *меча* из рукъ *не испустит* (70). Вне этого штампа, даже в контексте церковного содержания и в сочетании с отвлеченным существительным, используется глагол *выпустити*: А онъ да (sic!) скончания вѣку своего Бога в сердцы своем имѣл и вѣры християнския из мысли не *выпустил* (84), ср. употребление того же глагола в другом, «светском» по содержанию, контексте: а виноватого своего, хощет [Махмет-султан] ис темницы *выпустит*, и воленъ его и изрѣзати (73).

Только в книжном варианте представлены здесь глаголы *избрати, избирати*: велѣлъ Богъ, от премудрости великия человѣка *избравъ* мудраго, и ему приказати царева казна збирати и праведно судити (80).

Что же касается выделительных глаголов с приставкой *вы-*, то большинство их используется в авторском повествовании, почти лишенном церковнославянских элементов: а язъ, холопъ твой, на то же *выѣхалъ* на твое

---

[27] Эта аналогия опирается на параллель «небесное — земное»; см. замечание самого Пересветова: яко ж небесное по земному, а земное по небесному (74).

имя царево во всем тебѣ, государю, вѣрно служити (60). Примечательно, что сильно стилистически опрощается даже речь, вкладываемая в уста бога: Глас с небеси небесный сшелъ от Бога к Настасию патриярху, а рек тако: . . .А Язъ имъ [поганым] святыни не *выдал* на поругание: видели есте знамение Мое святое небесное (82).

16. Из произведений Андрея Курбского коснемся здесь лишь Истории о великом князе Московском (10), в которой соотношение выделительных глаголов с *вы-* и *из-* отличается заметным своеобразием.

С приставкой *вы-* здесь отмечены: *выбить*, [*вывѣдаться*] 2, [*вывѣдываться*] 2, [*выграбить*], [*выгубить*], [*выиграть*] 2, *выимать*, *выкладать*, *выложить*, *выманить*, [*вычуть*], [*выписать*], [*выпить*], *выплыть*, *выправить* 3, *выпроводить*, *выпустить* 3, *выпущать*, *вырвать*, [*выслужить*] 2, [*выслухать*], *выѣзжать* 2, *выѣхать* 5; *вытечка* 5.

С приставкой *из-* следующие выделительные глаголы: *избирати* 2, *избрати* 14, *избѣгнути* 2, *избѣжати*, *избѣчи* 2, *извлачати*, *извлѣщи* 3, *излияти* 2, *изнести* 2, *искупити*, *исторгати*, *источити*, *исходити* 10; кроме того, с осложненной приставкой: *произвести* 5, *произвестися*, *производити* 3, *произити*, *произнести*, *произносити*.

Глаголы, представленные двумя вариантами: *вывести* 2 — *извести* 1; *выгнать* 2 — *изгнати* 7, *изгоняти* 2, *изгонятися*; *выити* 4 — *изити* 26, *исходити* 10; *вытекать* 3 — *истекати* 1.

Таким образом, в Истории о великом князе Московском довольно широк круг глаголов с каждой из рассматриваемых приставок. Однако при всем том количество основ, зафиксированных в двух вариантах, очень невелико [28]. Сравнение состава и характера основ, сочетающихся с каждой из этих приставок, позволяет увидеть несомненную тенденцию: сократить, если не устранить, возможную вариантность, дублетность основ в выделительном значении. При этом количественные показатели при наиболее употребительных выделительных глаголах (*изити*, *исходити*, *изгнати*, *избрати*) говорят о резком уклоне в сторону традиционно-книжной формы. Дублетные варианты *выити*, *выгнать* — это редкие вкрапления

[28] Это становится особенно очевидным на фоне многочисленных дублетных пар, которые характерны для южнорусских летописей.

элементов живой речи. Характер других лексем с *вы-*, не имеющих здесь дублетных соответствий, убеждает в том, что Курбский привлекает лексемы живого языка лишь в случае необходимости. Тэк, глаголы с *из-*, соответствующие представленным здесь глаголам *выкладать*, *выманить*, *выплыть*, *выѣзжать*, *выѣхать*, не были характерны для церковнославянских текстов. Глаголы *выбить*, *выимать*, *вырвать* (здесь можно снова назвать и глагол *выѣхать*) давали возможность избежать омонимического совпадения с исконно свойственными русскому языку глаголами *избить*, *изимать*, *изорвать*, *изъѣхать*, относившимися ко второму структурно-семантическому типу глаголов с *из-*. Лексемы *вытекать*, *вытечка* выступают у Курбского исключительно как военные термины ('совершить вылазку', 'вылазка'). Ср.: бусурманы ... ово бияще со града, ово, *вытекающе*, вручь сѣкошася, и падаху со обою странъ множество люду (184), но: монастырь ... идѣ же и *бесчисленные чудеса* прежде *истекали* благодатию Христа Бога нашего (320). За глаголом *изложити* давней старославянской и церковнославянской традицией было метафорически закреплено узкое значение 'сообщить', 'рассказать'. Ср. у Курбского: паки дела [орудия] нѣкоторые съ кораблеи *выложены*, яже предъ полки хождаше (180). Глаголам *выпустить* 3, *выпущать*, используемым Курбским в контекстах «светского» содержания, могло быть отдано предпочтение вследствие исключительной распространенности соответствующего варианта с *из-* в штампе *испустити* (*слезы* и т. п.). Ср. у Курбского: царь же Казанский *выпустилъ* войска конского изъ мѣста, аки пять тысящ (181).

Разумеется, возможность объяснить причины проникновения инородных элементов в текст, созданный на церковнославянской языковой основе, не отменяет существа наблюдаемого здесь процесса — видоизменения, своеобразной «порчи» церковнославянского языка.

Бóльшая часть встречаемых в Истории Курбского употреблений выделительных глаголов с *из-* приходится на контексты «светского» содержания, где есть все условия для появления народного варианта с *вы-*. Ср. совершенно аналогичные условия следующих контекстов (с поправкой на гораздо бóльшую частотность лексем с *из-*): тогда повелѣлъ [царь], предъ шанцы *выведши* [заложников], привязати ихъ хъ колью (189), но: тако же и пешихъ,

аки пятьнадесять тысящеи, *изведе* стрельцовъ и казаковъ (187); тои же царь Перекопскии, хотяще ... самого того князя великого *выгнати* изъ царства его, и поиде яко левъ кровоядецъ, рыкая (286), но: великого царя Ордынского *изгналъ* и юртъ его разорилъ (215—216).

Иногда как книжный, так и живой вариант сосуществуют даже рядом, в узком отрезке контекста, хотя это, конечно, исключительные случаи: И шли есмя ихъ землею ... четыредесять миль, и *изыдохомъ* бо въ землю въ Ифлянскую съ великого мѣста Пскова, а *вышли* есми ...сь ихъ земли, ажъ на Иваньградъ (227); а отъ града во все врата *вытекали* [басурманы] въ тотъ же часъ на наши шанцы. . . И единова *изыдоша* сами карачи зъ двором царевымъ ... на тѣ шанцы, идѣжа быша дѣла великие заточены (185).

17. Материалы Истории о Казанском царстве (Казанского летописца) (12), также относящейся к XVI в., в соотношении глаголов выделительного значения дают картину, существенно отличную от Истории Курбского. Сходство здесь можно видеть скорее с южнорусскими летописями.

Основное содержание Казанского летописца составляет конкретно-исторический материал. В изложении его в полной мере проявляется индивидуальность авторской манеры. Несомненна субъективная ориентировка автора Казанского летописца на традиционно-книжные образцы. Показателем этого, в частности, служит сильный уклон в сторону книжных моделей выделительных глаголов (81%). Однако по сравнению с Историей Курбского здесь гораздо шире круг основ, представленных дублетными вариантами. Автор Казанского летописца невольно сбивается на свойственный его речи тип с приставкой *вы-*.

Соотносительные лексемы, представленные здесь в двух вариантах: *выбѣгать—избѣжати* 3, *избѣчи* 2; *вывести* 2—*извести* 11; *выгнать* — *изганяти*, *изгонити* 2, *изгнати* 5; *выити* 4 — *изити* 14; *выходить* — *исходити* 13; *выломляти* — *изломити* 2; *выпустити* — *испустити* 13, *испущати* 4.

Только с приставкой *вы-*: *выплыть*, *выпрянуть*, *выслать*, [*выстоять*], *выѣзжать* 6, *выѣхать* 8; *выход* 2.

Обширен круг выделительных глаголов, отмеченных только с приставкой *из-*: *избирати* 2, *избрати* 17, *(пона-)избрати*, *извлачити*, *(по-)извлѣщи*, *изврѣщи*, *издавати*,

издати, *(про-)изити* 2, *излазити* 3, *излѣзти* 2, *изливатися*, *излити*, *излияти* 2, *излиятися*, *излетѣти*, *изнести*, *изрыти*, *изъяти* 2, *ископати* 2, *искупити* 2, *испáсти*, *исскочити*, *истекати*, *истечи* 2, *исчерпати*.

Было бы очевидной натяжкой пытаться найти мотивировку каждому случаю употребления глаголов с *из-*, так как книжные и народные варианты зачастую встречаются рядом, в частности в контекстах конкретно-исторического содержания: и нощию *избегоша* [вельможи] исъ Казани въ Руския полки на имя самодержцово. По нихъ же ини мнози *выбегаху* людие, доколѣ градъ не затвориша (130); Онъ же [царь Едигер] вонъ прошашеся изъ града *изыти* съ пришедшими своими. . . и не *выпустиша* [казанцы] его (122).

Выделительные глаголы, представленные в языке Казанского летописца в двух вариантах, встречаются нередко в совершенно аналогичных условиях. Правда, здесь необходимо уточнение: глагол с *из-* всегда возможен в контекстуальной позиции глагола с *вы-*; последний же часто, но не всегда, возможен в контекстуальной позиции первого (ограничение распространяется на церковно-библейские ситуации, некоторые стандартные ситуации летописей, всякого рода штампы). Ср. контексты, типичные для глаголов *изити* 14—*выити* 4, *исходити* 13 — *выходить* 1: Они же [бояре-воеводы]. . . велиимъ страхомъ объяти быша, безумни, убояхуся, и трепетаху. . . изъ града *выти* (25), но: черемиса же лугавая. . . *изыдоша* изъ остроговъ своихъ (169); стрежаху [московские воеводы] прихода Казанцов, боязнию одержими и не смѣющи на нихъ *выходити* изъ градовъ (34), но: не дадуще же [черемиса] гражаномъ Русиномъ, Руси, на дѣла своя изъ града *исходити* (186).

Совсем иную картину дают довольно часто встречающиеся в Казанском летописце глаголы *выѣхать* 8, *выѣзжать* 6, отмеченные только с приставкой *вы-*. Соответствующий книжный вариант с приставкой *из-* выделительного значения не встречен ни разу в обследованных нами памятниках XI—XVII вв.; не отмечается он ни одним из известных словарей старославянского языка. Русские книжники, очевидно, осознавали этот глагол как нехарактерный для церковнославянской традиции. Таким образом, в данном случае автор Казанского летописца был лишен возможности выбирать между двумя вариантами.

Глаголы *выѣхать*, *выѣзжать* нередко используются в контексте рядом с другими выделительными глаголами с приставкой *из-*, более обычными для церковно-книжной традиции и потому хорошо освоенными. Ср.: и *выѣхавъ* [бояре московские] на поле, за посадомъ, и кланяющеся ему [царю Шигалею] до земля. Тако же и самъ князь великии отъ радости не може усидети въ полате своеи, но скоро *истекъ* встрети его на полатныхъ *лѣстницахъ* (33); и самъ *выеде* [Шигалей] исъ Казани съ воеводою, радуяся, . . . аки младенецъ *испущенъ* на свѣтъ и родися, или мертвецъ ото ада *испущенъ* (92).

Рассмотрим пару глагольных дублетов *выпустить* 1 — *испустити* 13, *испущати* 4, поскольку количественные отношения между ними противоположны представленным в Истории Курбского.

Среди контекстов, в которых используется книжный вариант, можно выделить несколько примеров, где употребление этих глаголов наиболее соответствует церковнославянской традиции: ни гласа своего *испустивше* [казанцы] (38); *испусти* [русская земля] вопли безгласны ко всесилному Богу (148); яко левъ рыкание страшно *испусти* [царь] (147). Однако бóльшая часть употреблений этого глагола приходится на контексты конкретно-исторического содержания, в которых К у р б с к и й предпочитал исключительно вариант *выпустить*: и всѣхъ осуженныхъ на смерть и въ темницахъ седящихъ на волю *испусти* [Иван IV] (179); и пять тысячь (съ) собою затвориша [казанцы] иноземскихъ купцевъ. . . не *испустивше* ихъ изъ града (130). Только единственный раз в аналогичном контексте Казанского летописца встречается глагол *выпустить*: Он же [царь Едигер] вонъ прошашеся и(зъ) града изыти . . . и не *выпустиша* его [казанцы] (22).

18. П о в е с т ь о б о с а д е П с к о в а С т е ф а н о м Б а т о р и е м (1), автором которой был псковский иконописец Василий, может иллюстрировать не частое для историко-литературных текстов XVI в. преобладание свойственных живому языку лексем с приставкой *вы-* (42% *из-*, 58% *вы-*) [29].

Относительно стилистической неоднородности этой повести Н. И. Тотубалин пишет: «Автор обнаруживает . . .

[29] Эти факты особенно примечательны на фоне показателей для *вы-* и *из-* в Повести о взятии Царьграда турками Нестора-Искандера XV в. (81% — *из-*, 19% — *вы-*).

склонность к церковно-книжному витийству. Он явно рассчитывает поразить воображение читателя пышным строем речи. . . Передавая фактическую сторону событий, автор отвлекается от торжественного стиля и шумной риторики. Речь его становится лаконичной, деловой, иногда чисто документальной. . .» [30]. «Стилистическим образцом во всех этих случаях для автора была форма летописных записей и служебных документов» [31].

Основную часть текста составляют материалы последнего рода. Если и здесь риторические украшения с соответствующей церковнославянской фразеологией не являются редким исключением, они все-таки не могут оттеснить многочисленных примет живого языка. Среди последних оказываются и выделительные глаголы с приставкой *вы-*: *выбить*, *выбѣгать*, *вывести*, [*выжигать*], *выити*, *выкопать* 4, [*выморить*], *вынести*, [*выпрашаться*], *выразить*, *выскочить*, [*выстоять*] 2, *выступить*, *высыпать*, *выторгать*, *выѣхать*; *вылазка* 9, *выходец*, *безвыдачно*.

Состав выделительных основ с *из-* гораздо у́же: *избрати* (в форме страдат. причастия) 4, *избѣчися* 2, *извлачати*, *изити*, *излияти*, *изрыгатися*, *изрыгнути*, *изъяти*, *испущати*. Почти все эти глаголы мотивированы в своем употреблении давней книжной традицией: слезы же яко струя ото очию *испущающе* (126); прикры их [псковичей] сень смертная и [несть] иже *измет* их из руку нашу (148); и велехвальный свой помысл не токмо на Луки *изрыгну* [Баторий], но и вельми превознесеся гордостию на Великий Новград (129); Распалением же сердца и разгордения ради своея неутолимыя утробы вред своея лютости горлом и языком наружу *изрыгаяся* (133).

Во всем тексте повести имеется не более двух-трех контекстов, где бы можно было ожидать появления лексем с приставкой *вы-* на месте представленных здесь глаголов с *из-*. Ср.: И сими кнуты [с крюками], егда из града за стену противу литовских подсекателей [подкопщиков стены] ударяху, . . . острыми крюками, яко ястребими носы ис под кустов и на заводях утята *извлачаху*; кнутяными же теми железными крюками егда литовских хвастливых градоемцев за ризы их и с телом захватавше и теми их из под стены *выторгаше* (159).

[30] Н. И. Тотубалин. Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием. В кн.: «Русские повести XV—XVI вв.», стр. 473.
[31] Там же, стр. 474.

19. Довольно большой круг обследованных исторических произведений начала XVII в. («Смутного времени») позволяет утверждать, что доминирующим здесь был церковнославянский тип литературного языка.

Рассмотрим материалы хотя бы нескольких из этих сочинений.

В знаменитой Летописной книге, приписываемой Катыреву-Ростовскому (13), по количеству употреблений решительно преобладают выделительные глаголы с *из-*: *избрати* 5, *избратися* 4, *избѣжати*, *изводити* 2, *изврѣщи* 2, *изгнати* 2, *изити* 4, *изливати* 2, *излияти* 5, *изложити*, *изнести*, *испустити*, *испущати*, *исторгати*, *исходити* 4. С приставкой *вы-* отмечены лишь два глагола: *выходить*, *вытечь*.

По сравнению с другими произведениями периода «Смуты» своеобразие использования выделительных глаголов с *из-* у Катырева-Ростовского состоит в том, что почти все они функционируют в авторской речи в свободных сочетаниях, вне столь обычных для церковнославянской традиции штампов. До минимума сведен здесь и библейско-евангельский материал. В рассказе Катырева, насыщенном историческими фактами и почти лишенном традиционной нравоучительности, церковнославянская фразеология занимает довольно скромное место. Таким образом, последовательное предпочтение выделительных глаголов с *из-* обусловлено лишь осознанием этого типа лексем как наиболее отвечающих представлениям о хорошем литературном слоге [32].

Вот несколько примеров типичного для Катырева использования глаголов с *из-* в нейтральных (не мотивированных характером ситуации или устойчивостью сочетания) контекстах: Въ то же время случися князю Дмитрѣю Пожарскому быти на селѣ своемъ, отъ разорения Московского *избѣжавшу* (613); отроковицы красно растущия изъ домовъ *изводятъ* [поляки] и поимаютъ въ жены себѣ (607); во фторникъ, свитающу дневи, восходящу солнцу . . . людие же градцкие по обычаю своему *изшедше* изъ домовъ своихъ на церковное правило, овии

[32] Г. О. Винокур пишет по поводу языка Катырева-Ростовского: «. . . что особенно интересно, заметно стремление избежать одновременного употребления обоих вариантов [старославянского и русского. — *Г. Б.*] того же слова» (Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 63).

же на куплю свою (606); Московскии же начальницы и воеводы . . . съ полки своими *исходятъ* на брань, и тамо брань смертную спускаютъ (612), но ср.: и тако Поляцы *выходятъ* изъ града пѣши . . . и тако на нихъ [московских воинов] нападаютъ и смертную брань спускаютъ (610). Во второй редакции Летописной книги, более славянизированной, встречаем здесь вариант *исходятъ* (697).

Второй глагол с приставкой *вы-* в Летописной книге — это *вытечь*, в специализированном, как и у Курбского, значении 'совершить вылазку': Людие же града того [Калуги] из града мужески *вытекоша*, и на войско царево нападоша ... людей же царевыхъ безчисленно побиша (585).

Сказанное выше совсем не означает, что выделительные глаголы в составе штампа совершенно исчезают из языка Катырева. Так, глагол *излияти* встречается только в сочетании с существительными *словеса*, *щедроты*, *свѣтъ*; *испустити (испущати)* — *слезы*.

20. Выделяющаяся среди произведений периода «Смуты» сочувственной оценкой Годунова Повесть князя Ивана Андреевича Хворостинина (13) написана изысканным книжником, «вѣдущим книжная любомудрия» (550); несомненно с гордостью приводит Хворостинин обращенные к нему слова патриарха Гермогена: «ты болѣ всѣхъ потрудихся во учении, ты вѣси, ты знаеши» (550). Язык повести — это искусно, без чрезмерного увлечения «плетением словес», используемый язык церковнославянской традиции. Довольно многочисленные здесь выделительные глаголы представлены исключительно с приставкой *из-*: *избрати* 2, *избѣгнути*, *извергатися*, *изврѣщи* 2, *издати*, *издатися*, *изити* 4, *изнести*, *изринути*, *изрѣяти*, *испущати*, *исходити* 3.

Единственный встретившийся здесь глагол с приставкой *вы-* является своего рода псевдорусизмом: Возграждая [Отрепьев] храмины въ свое юношеское бытие, на среду тризнища приводя смѣхотворными образы, *выверзая* гнѣвомъ, а немилостивно погубляя благородныя, — и отъ сего дѣяния и существо бытия своего объяви (537).

21. История о первом патриархе Иове Московском (13) в жанровом отношении не представляет собою канонического жития. Скорее это историко-хроникальный обзор событий, связанных с определенным лицом.

Среди выделительных глаголов решительно преобладают книжные формы с *из-*: *избрати*, *изврѣщи* 2, *изгнати* 2, *изити*, *износити*, *испущати* 3, *исступити*, *исходити* 2. Однако наряду с ними здесь отмечены 4 глагола с приставкой *вы-*: *выбѣчь*, [*выжечь*], *вынести*, [*выпѣвать*].

Контексты, в которых встречаются глаголы с *из-*, особенно связанные с рассказом о страданиях патриарха, отличаются эмоционально-приподнятым тоном: яко неправедно *изгнаша* сего святѣйшаго Иова патриарха, отца отцемъ (938); Отъ сего же злодѣя Гришки Ростриги сей Иовъ патриархъ съ своего престола *изгнанъ* бысть (926); И егда перваго святѣйшаго Иова патриарха, святаго и праведнаго обличителя Растригина, иже отъ престола его *извергоша* (938).

Между тем глаголы с приставкой *вы-* встречаются в контекстах, отличающихся более обиходно-бытовым характером, картинной конкретностью эпизодов: Тогда бо соборныя церкви клирицы во вси церковныя двери *выбѣгоша*, вопль и крикъ съ плачемъ сотвориша о Иовѣ патриархѣ (936); и *вынесли* [жители деревни Петрово] дѣвицу [к мощам св. Иова], именемъ Иулитту, Харитонову дочь, бѣсным недугом обдержима годищное время (947), но ср.: и *износя* изо устъ своихъ *злые рѣчи* на всякаго человѣка (943); И угодницы его [Годунова] первие запалиша въ Чертольѣ Колымажной дворецъ и все Занеглинье *выжгли*, даже и до Пушочного двора и до Трубы (931).

22. Написанная яростным противником Годунова Повесть, како восхити неправдою... престол Борис Годунов отличается сильной риторичностью и «плетением словес». Язык строго архаичен, перегружен церковнокнижными штампами. Выделительные глаголы, в полном соответствии с церковнославянской традицией, представлены только с приставкой *из-*: *изблювати*, *избрати* 3, *извлѣщи* 2, *изврѣщи*, *изити*, *излияти*, *изрыти*, *изъяти* 2, *ископати*, *испроврѣщи*, *исходити*.

Бóльшая часть этих глаголов отмечена в типичных церковнокнижных штампах: (о Годунове) И паки нача отверзати лукавая уста своя и *изблювати*, аки змия, смертоносный ядъ свой (149); и *излия* [царевич Димитрий] кровь свою неповинно (156); не попусти [бог] дивиему звѣрю [Отрепьеву] поядати *избранного* своего стада сло-

веснаго овчате (166); в цитировании: «ров *изры*, *ископа*, и впадеся въ яму, юже содѣла» (22); злосмрадную свою душу изовну злосмраднаго своего тѣлеси *испроверже* [Отрепьев] (166).

Эти же книжные глаголы используются и в изложении чисто исторического материала: И по малѣ времяни *изыде* [Отрепьев] и отъ Чюдотворца Николы . . . и вселися въ предѣлѣхъ града Костромы в общее мѣсто, въ монастырь . . . на Желѣзном Борку (155); И содѣла [Отрепьев] обоюду челюстей его [потешного идола] отъ мѣди бряцание велие: егда же разверзетъ челюсти своя . . . и велие бряцание *исходитъ* изъ гортани его (164); и повелѣ [Отрепьев] того преждепомянутого святоубийцу Бориса изъ Архангела отъ царскихъ родителей *изовлещи* съ поруганиемъ на сонмище (160); И тако *извлеченъ* [убитый Отрепьев] изовну града и поверженъ на торжищи, ото всѣхъ проклинаемъ и поругаемъ и попираемъ (167).

23. Необходимость дифференцированного подхода к тексту при анализе соотношения элементов книжного и живого языка становится особенно очевидной, когда мы обращаемся к материалам Так называемого Иного сказания (13).

Это довольно сложное по своему составу произведение компилятивного характера. На соотношение элементов книжных и народных здесь сильно повлияла стилистическая разнородность материалов, положенных в основу. Поэтому приводимые в таблице общие статистические показатели сами по себе могут вводить в заблуждение.

Основу текста 1-й половины Иного сказания составляет рассмотренный выше текст Повести, како восхити . . . престол Борис Годунов, правда, значительно риторически усиленный. Эта повесть образует как бы идеологическую основу Иного сказания, на которую ложатся исторические материалы, заимствованные из других источников.

Отсутствием выделительных глаголов с приставкой *вы-* в указанной повести о Годунове обусловливается отсутствие их и на стб. 1—18 Иного сказания, где встречаются: *изблевати*, *избирати*, *избрати* 4, *извлѣщи*, *изити* 2, *излияние*, *износити*, *исторгнути* 2, *исходити*. Но к рассказу о побеге Отрепьева в Литву здесь добавлен «Извет старца Варлаама по убиении Расстригине царю Василию Ивановичу». И именно в этом тексте появляются первые лексемы с *вы-*: Да королю же *вызнавали* его [Отрепьева]

и называли царевичемъ княземъ Дмитриемъ Ивановичемъ (23); А меня, бивъ и мучивъ, велѣлъ [Отрепьев] въ кандалы оковати и въ тюрму вкинути . . . и пана Юрья панья да дочи Марина меня *выкинули* и свободу мнѣ дали (24); и какъ меня *выпустили* панья Юрья Мнишка зъ дочерию 25).

Следом за показаниями Варлаама исторические события эпохи «Смуты» излагаются на основании другого источника, заметно отличающегося от антигодуновской Повести, како восхити . . . престол . . . Годунов. Здесь ощутимо изменение идейной направленности (искреннее сожаление по поводу прегрешений Годунова при общем сочувствии к нему) и характера языка. В целом язык здесь гораздо менее архаичен. И в этой части решительный перевес оказывается на стороне образований с *вы-*: *вызнанъ* (25); на *выручку* града (30); и градъ *выручаютъ*, и войско съ войскомъ скоро сходится (30); Онъ же Гришка съ хитростию на бой нарядився: кони ихъ и люди въ медвѣжиихъ кожахъ, и овчии кожи *навыворотъ* (31); *выплѣнить* (35); тако же и на *выласку* вонъ изъ града битися *выхожаху* (36). Однако местами здесь вводятся отрывки из упоминавшейся повести о Годунове. Именно к ее тексту восходят несколько встречающихся в этой части глаголов с *из-* выделительного значения: И прещедрою своею десницею *изъятъ* [бог] того [Димитрия] отъ Борисова погубления (28, ср. Повесть 158); *избранного* овчате словеснаго стада (32, ср. Повесть 157); со своимъ полкомъ *избраннымъ* (33); царь Борисъ гнѣва своего ярость *излия* (34).

Затем снова (стб. 47—66) появляется несколько переработанный текст второй половины повести о Годунове (соответственно употребляются: *изъяти* 2, *извлѣщи* 2, *изложити*, *исходити*, *избрати* 2, *изрыти*, *ископати*, *испровръщи*, *изврѣщи* и ни одного глагола с приставкой *вы-*).

Стб. 66—71 занимает грамота царя Василия Шуйского к воеводам и дьякам. Здесь, особенно в зачине, обличающем «христопродавца Гришку Отрепьева», отдана дань обычной церковнокнижной фразеологии, но затем язык более сближается с языком приказных документов: Да по своему злодѣйскому умыслу нарядъ весь пушечной *вывезъ* [Отрепьев] (68), дважды встречается *вычесть* (грамоту), один раз — *избирали* [государя].

Грамоту к воеводам и дьякам сменяет текст целовальной грамоты (записи), «по которой сам царь целовал крест»

(стб. 71—88). Язык этой грамоты еще более сближается с живой речью (в изобилии вводится прямая речь). Соответственно здесь появляется целый ряд выделительных глаголов, исключительно с приставкой *вы-*: велѣлъ де я [т. е. Отрепьев] *вывести* за городъ нарядъ весь, бутто для потѣхи, а. . . велѣлъ туто *выѣхати* за городъ, бутто для стрѣлбы (77); и Григорей де учалъ говорити: . . . я де . . . не токмо что головы поскусаю [изменникам], и чрева изъ нихъ своими руками *вытаскаю*! (79); здесь четырежды употребляется глагол *выѣхать*, один раз *выѣзжать*; дважды — *вычести* (грамоту). Заключительная часть грамоты выдержана в традиционно-книжном духе. И здесь в сильно славянизированном контексте мы встречаем два выделительных глагола с *из-*: того врага и богоотступника [Отрепьева], вскорѣ злобѣсную его душу *испровергъ*, а на Российское государьство *избравъ* насъ, великого государя. . . (82).

Стб. 95—125 охватывает целая серия исторических заметок, чередующихся с многочисленными краткими записями о символических чудесах, видениях, знамениях. Церковнославянский язык является здесь вполне оправданной основой повествования. Соответственно на эту часть приходятся выделительные глаголы исключительно с приставкой *из-*: *избрати* 3, *изгнати*, *изити* 2, *изливати*, *излиятися* 3, *изнести*, *испустити* 2, *исходити* 3. Здесь встречаются лишь два глагола с *вы-*: Всѣдаетъ же борзо и самъ царь Василей Ивановичь на свой бранной конь и . . . храбро *выѣзжаетъ* исъ царствующаго града Москвы (108) — об этом глаголе речь шла выше.

Довольно редким является употребляемый здесь глагол *выбрать* в ситуации, обычно передаваемой глаголом *избрати*: мнози отъ народа сице рекоша къ нимъ [мятежникам]: . . . *выбрали* его [Шуйского] быти царемъ болшие бояре и вы, дворяне и всѣ служилые люди (120). Материалы повестей об Азове и сочинения Котошихина показывают, что применение к процедуре выборов глагола *выбрать* было совершенно обычным в обиходной речи.

Наконец, в заключительной части Иного сказания сосредоточены сжатые записи об исторических событиях, относящихся преимущественно к Москве и Новгороду Великому. По своему характеру они очень близки к летописным погодным записям. И в этой части снова почти совершенно исчезают (за исключением штампов) выдели-

тельные глаголы с *из-*: *выручить*; а нѣмцы *вышли* изъ города того же дни въ вечерѣ (134); *выѣхать* 2; А князя Василья . . . Голицына *вывезли* изъ Литвы его тѣло мертвое къ Москвѣ (136); а какъ премирные лѣта *выйдутъ* (141); *выгорѣть* 3. Но ср. в рассказе «О принесении Христовы срачицы»: неоскудно отъ тоя святыни *источаетъ* многочисленная исцѣления въ честь и славу Господу (138).

24. На фоне однообразно-трафаретных рассуждений, столь свойственных большинству произведений «смутного времени», заметно выделяется конкретностью исторических деталей и фактов (иногда, несомненно, вымышленных) и ярким бытовым колоритом Сказание о царстве царя Феодора Иоанновича (13). Рассказ заметно оживляется введением прямой речи, многочисленными диалогами. Сказание (особенно в некоторых частях) заметно сближается с языком живым. В качестве примера характерной бытовой зарисовки можно назвать сцену испытания в палатах Годунова «чаровницы» Варвары: И тотчасъ повелѣ [Годунов] у суки утробу разрезати, и *выкинувши* щенятъ, и посмотрѣ Борисъ щенятъ, и как она сказала, так и есть (761).

В Сказании отмечены следующие глаголы с приставкой *вы-*: *выбирать*, *выбрать*, *вывезти*, *вывести* 3, [*выгорѣть*], *выдавать*, *выкинуть* 2, *вынять* 2, [*выпить*] 3, *вырубить*, *выѣхать* 2; существительное *выходъ*.

Глаголы с приставкой *из-*: *избирати* 5, *избрати* 5, *извлѣщи* 4, *изврѣщи*, *изрыти* 3, *изъяти*, *ископати* 3, *испроврѣщи*, *испустити* 2, *исторгнути* 2, *исходити*.

В авторском повествовании иногда довольно причудливо совмещаются книжные и живые формы выделительных глаголов: Граждане жь повелѣша тѣлеса их [убийц Димитрия Угличского] въ ровъ зарыть для смраду великаго; наутрие жь тѣлеса ихъ окаянныя лежатъ *выкинуты* наверхъ земли; и не въ одно время покушахуся въ ровъ загребати, и ихъ земля вонъ *извергаетъ* (771); какову чашу налилъ [Годунов] государю своему царю Феодору Иоанновичю. . ., такову и самъ *выпилъ*, и тако свою окаянную душу *испусти* возлюбленному своему отцу сатанѣ (806).

Однако ни о каком безразличии в употреблении здесь большинства выделительных глаголов с *вы-* и *из-* говорить не приходится: последние функционируют либо в штампах, либо традиционно закреплены за определенной си-

туацией (случаи смешения можно отметить лишь для глаголов *избирати* 5, *избрати* 5 — *выбирать* 1, *выбрать* 1).

Кроме того, использование книжных глаголов с *из-* в ряде мест обусловлено влиянием другого источника. Так, более выдержанное в традиционно-книжном духе описание гибели Отрепьева имеет много общего с изложением этих эпизодов в Повести, како восхити неправдою... престол Борис Годунов (ср. приводимые в соответствующем месте примеры): изъ ушей [потешного идола] дымъ непремѣнно *исхождаше*, изнутри же великии звукъ и бряцание (819); И тако *извлеченъ* бысть [труп Отрепьева] изнутри града Москвы и поверженъ на торжище, отъ всѣхъ проклинаемъ и поругаемъ и ногами пхаемъ (829); а на третии же день *извлекоша* его [Гришку] вонъ изъ града Москвы на поле, понеже бо всѣмъ зрящимъ на его трупъ гнусно и смрадно велми (830).

25. Относящиеся к середине XVII в. повести об азовских событиях (2) [33] созданы на иной по сравнению с историческими произведениями периода «Смуты» языковой основе. Связывая стилистические принципы азовских повестей со своеобразной «полуканцелярской, полулитературной письменной культурой» канцелярии Войска Донского, А. Н. Робинсон с полным основанием подчеркивает и заметные отличия: «...язык повести [речь идет о так называемой «исторической». — *Г. Б.*], по сравнению с языком документов, значительно и, видимо, нарочито архаизирован» [34]. Этот налет архаизации чувствуется в языке каждой повести, хотя и в неравной степени.

Почти исключительное употребление выделительных лексем с *вы-* в тексте всех трех повестей — хороший показатель демократичности их языка.

Глаголы с приставкой *вы-*, отмеченные в «исторической» повести об Азове: *выбрать* 2, [*вывѣдать*], *выволочить*, *вырвать*;

---

[33] Имеются в виду: Повесть о взятии Азова в 1637 г. (2), «историческая» по терминологии А. С. Орлова; Повесть об азовском осадном сидении в 1641 г. (2), так называемая «поэтическая»; возникшая позже на легендарной основе Повесть о взятии Азова и осадном сидении (2) — «сказочная».

[34] А. Н. Робинсон. Повести об азовском взятии и осадном сидении. В кн.: «Воинские повести Древней Руси». М.—Л., 1949, стр. 184.

в «поэтической»: *выбирать*, *выглянуть*, *выдать*, [*выжечь*], *выити* 7, *выкопать*, [*вымышлять*], *выручить*, *выступать*, *выступить*, *выходить* 4, *выѣзжать*; существительные *выкуп*, *вылазка* 7, *вымышленик* 2, *выручка* 4;

в «сказочной»: *вывести*, *выгрузить*, *выдавать* 2, *выдать*, *выити 9*, *выкатить*, *выкопать* 3, *вылѣзти*, *выносить*, *вынять*, [*вырубить*] 7, *выскочить* 5, *выступить*, *выслать*, [*высѣчь*], *выходить* 3, *выѣхать* 2; существительные *выкуп* 3, *выпись* 4, *выручка* 3.

Характерен состав выделительных основ, отмеченных с приставкой *из-*: в «исторической» повести *исходити*, в «поэтической» *избрати* 2, в «сказочной» *избрати* 2, *изити*. Следует иметь в виду, что от основы *избрати* здесь используется преимущественно адъективированное страдательное причастие, рано развившее дополнительный семантический оттенок значения ‘лучший’, ‘наиболее достойный’: станут вас всех, казаков, называти — Дону славнаго рыцари знатныя, казаки *избранныя* («поэтич.», 65); Гой еси казаки добрые молодцы, храбрая ваша дружина, . . . казачество волное, войско свирепое, молодцы *избранные*, людие божие, царя небеснаго! («сказочн.», 95). В обозначении же процедуры выборов предпочтение отдается глаголу *выбрать*: И после молебново пения *выбрали* себе старшину атаманством Михаила Иванова сына («историч.», 50); И учредивше войско на четыре полки и в те полки полковников и ясаулов себе *выбраша* («историч.», 51). Ср.: (в речи турецких посланников) *избра* его [царя турецкого] бог на свете едина от всех царей («поэтич.», 63).

Второй выделительный глагол, который отмечается в «сказочной» повести с приставкой *из-*, — *изити* 1 при *выити* 9, *выходить* 3. В авторской речи всюду последовательно используется народный вариант, даже в рассказе о явлении богородицы: И абие видеша казаки того же дня воста от северныя страны великая туча, а по той тучи *вышла* дева, а с нею множество прекрасных избранных юношей (110). Но вот богородица начинает «вещать» к султану Брагиму: «Ой еси, злочестивый царю поганый! Доколе тебе людей божиих томити! Да *изыдеши* отсюду, дондеже не умреши смертию» (111).

Менее определенна мотивированность единственного выделительного глагола с *из-* в «исторической» повести об Азове. Отметим лишь, что он используется в начале

(более традиционном) повести, в архаической форме имперфекта: И после того разорения в том граде Азове живяху поганския люди и *изхожаху* во Всероси(й)ское государьство и в украйные городы, . . .разоряя престолы святых божих церквей (48).

Приведем хотя бы несколько наиболее интересных контекстов, где встречаются лексемы с *вы-*: И приведоша [казаки] бусы ко брегу, и *выгрузиша* живот на берег («сказочн.»., 86); И велел атаман телеги развязывать; и *вылезли* ис телех все четыреста человек («сказочн..», 90); И повеле царь всему войску своему *выдавать* денежное и хлебное жалованье («сказочн.», 91); ср. употребление подобного же глагола в молитвенном обращении: Господь, сотворитель небу и земли, не *выдай* нечестивым создания рук своих («поэтич.», 73).

Интересны следующие примеры, демонстрирующие словотворчество автора «Поэтической» повести об Азове (в тексте дважды встречается невыделительный глагол *вымышлять*): Да с теми же пашами было для приступных промыслов многие немецкие люди-городоемцы, приступныя и подкопныя мудрые *вымышленики*, славные многих государьств *измышленики* (60); По повелению пашей и *умышленików*-городоемцов повели [турки] другую гору (74).

26. Демократичность языка сочинения Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (14) хорошо подкрепляется обширным набором свойственных живому языку лексем с приставкой *вы-*. Размеры статьи вынуждают нас ограничиться только приведением словников глаголов с той и другой приставкой.

С приставкой *вы-*: *выбиваться*, *выбирать* 12, *выбить* 2, *выбрать* 4, *выбраться*, *вывезти*, *вывести*, *выводить*, *вывозить* 2, *выдавать* 12, *выдать* 24, *выити* 8, *выколоть*, [*вылыгать*], *выменять* 2, [*вымышлять*], *вынимать* 3, *выписать* 4, [*выпить*] 2, *выпущать* 2, [*выразумѣть*], *вырѣзать* 5, *вырѣзывать*, *высвободить*, [*выславлять*] 2, *выслать*, [*выслужить*], [*выслушать*] 7, [*высматривать*], [*выстылать*], *высылать* 2, *выходи́ть* 12, *вычесть*, *вычитать*, *вынять* 2; *выблядокъ* 6, *выборныи* 4, *выкуп*, *выморочный* 2, *вымышление*, *высвобождение*, *выслуга*, *высылка*, *высѣвки*, *выход* 5, *вычет*, *выѣзд*.

С приставкой *из-* здесь представлены выделительные глаголы: *избирати* 2 (при *выбирать* 12), *избрати* 3 (при *выбрать* 4), *испустити* 2 [35].

27. Материалы бытовой новеллы XVII в. могут хорошо демонстрировать неоднородность соотношения элементов книжного и живого языка даже в произведениях одного жанра. Определялась эта неоднородность прежде всего различиями в содержании и целенаправленности произведения. Если Повесть о Фроле Скобееве предназначалась преимущественно для развлекательного чтения, то в Повести о Савве Грудцыне, при всей новизне ее бытового и авантюристического элемента, основное место отводится церковно-дидактическому назиданию.

В Повести о Фроле Скобееве (3) преобладание языка живого над традиционно-книжным проявляется, в частности, в последовательном предпочтении выделительных глаголов с приставкой *вы-*: *выити* 5, *вынять*, [*выпросить*]. Ср.: и какъ *вышел* Фрол Скобеевъ из нужника, и стал говорит(ь) мамке... (61); И по отшествии (sic!) литоргии, *вышел* Фрол Скобеевъ ис церкви и сталъ ждать тою мамку (63).

Единственный здесь выделительный глагол с *из-* (*избрати*) относится к числу наиболее нейтрализовавшихся, освоенных русскими книжниками церковнославянских выделительных лексем: Аннушка легла со Фролом Скобеевым, а сама рекла: «лутче сеи девицы не *изобрала* себе спат(ь) в товарыщи» (62).

Язык Повести о Савве Грудцыне (3) отличается сильной архаизацией, распространяющейся не только на формы грамматические, но и на лексический состав. Как же представлены здесь интересующие нас выделительные глаголы?

С приставкой *из-* отмечены: *изблевати*, *избѣчи*, *изгнати*, *изити* 11, *изливати* 2, *(про-)испустити*, *исстu-*

---

[35] Кроме того, здесь встретились не учитываемые показателями таблицы глаголы *изойти* 4 (*исходить* 9), *изойтись* 1 в специализированном значении 'израсходоваться', 'истратиться' («и по смѣте тѣхъ рыбныхъ запасовъ *изойдетъ* въ годъ... болши ста тысячь рублевъ» — стр. 79), а также глагол *извести* 1 'погубить — зельем, отравой'. Учитывая своеобразие семантики и синтаксических связей этих глаголов, представляется затруднительным рассматривать их наряду с обычными выделительными глаголами. Во всяком случае для суждения о них необходимы дополнительные разыскания.

пити, исходити. С приставкой *вы-*: [*выпивать*], *выручить, выслать, выходить, выѣзжать* 5, *выѣхать* 3.

На протяжении всего текста используются почти исключительно выделительные глаголы с *из-*. Картина резко меняется в исторических эпизодах, связанных с осадой занятого поляками Смоленска. Язык здесь заметно отклоняется в сторону живого [36]. И как раз в этой части, занимающей немногим более одной (из шестнадцати) страниц печатного текста, тесно сконцентрированы почти все употребления выделительных глаголов с приставкой *вы-*: по глаголу же бѣсовскому, *выслан* бысть из града [Смоленска] нѣкии воин, страшен зѣло, на конѣ скакаше, искаше себѣ из московских полковъ противника, но никто же смѣяше *изыйти* противу его. Савва же, обявляя себе в полках, глаголя: «... азъ бы *изшел* на брань противу сего неприятеля царска». ... Савва же, по глаголу брата своего бѣса ... *выѣзжает* противу оного полского богатыря, и скоро сразивъ ево, и приводитъ с конемъ в полки московския ... Во вторыи же день паки из Смоленска *выѣзжаетъ* страшныи исполин; противу же его *выѣзжаетъ* тои же Сава ... В третии же день еще *выѣзжает* из града Смоленска нѣкии славны воин паче первых ... Савва же ... по словеси бѣсовскому, немедленно *выѣзжаетъ* ... Савва же ... нападаетъ на поляка оного, и убивает его ... Потом же начаша из града войско *выходить* (34).

Обращает на себя внимание сложная мозаика книжных и живых форм в пределах данного узкого отрезка. Соотношение представленных здесь выделительных лексем лишний раз подтверждает мысль, что в изучении судьбы славянизмов в литературном языке необходимо особое внимание уделять индивидуальной судьбе конкретных лексем. Следует обратить внимание на сочетание в указанном эпизоде глаголов *выѣзжать* 5, *выѣхать* 3 и *изити* 2. Последний глагол широко распространенный в старославянских и церковнославянских текстах, как говорилось выше, был хорошо освоен и нейтрализован уже южнорусскими летописцами, хотя заметно тяготение его к не-

[36] Выделяется это место и своеобразным развитием действия по тройственной формуле, столь обычной для фольклорных произведений (по предсказанию беса должен троекратно состояться поединок Саввы с богатырем-поляком, с решающей развязкой в третьем).

которым устойчивым сочетаниям. Именно в таких сочетаниях *изити* встречается в приведенном отрывке среди форм глаголов *выѣхать*, *выѣзжать*, о которых говорилось в связи с Казанским летописцем (*изыйде противу*, *изшел на брань противу*, но ср. в том же отрезке в свободном сочетании *из града войско выходить* и, с другой стороны, *выѣзжаетъ противу*).

Очевидно, отсутствие соответствующего церковнославянского эквивалента с *из-* способствовало использованию глагола *выручить*, при этом вкладываемого даже в уста богородицы (в финале повести): Она же рече ему [Савве]: «что убо мниши, како ти. . . *выручити* рукописание свое из ада?» (37).

28. На фоне памятников XVII в., обнаруживающих основные тенденции в распределении элементов книжного и живого языка в их наиболее «чистых» и контрастных проявлениях, заметно выделяется Повесть об основании тверского Отроча монастыря (16). Язык ее, восходящий в своей основе к церковнославянской традиции, обнаруживает неустойчивость норм выбора между возможными книжными и живыми элементами в контекстах нейтрального характера.

Круг выделительных глаголов здесь очень узок, но исключительно своеобразно соотношение активных лексем *изити* 8 — *выити* 2; *избрати* 1.

Об обусловленности выбора книжной формы *изити* определенно можно говорить в следующем случае: (речь богородицы к отроку) Ты же . . . не многое время будеши ту жити и *изыдеши* от жития сего к богу (446). Однако бóльшая часть контекстов, где употребляется этот глагол, носит конкретно-бытовой характер и выбор книжной формы не мотивирован характером ситуации. Так, этот глагол вводится даже в прямую, книжно-обработанную, речь: Девица же в то время рече отроку: «*Изыди* ты от мене и даждь место князю своему . . .» (443—444); и рече великий князь отроку своему Григорию: «*Изыди* ты отсюду и изыщи себе ты иную невесту . . .» (444). С другой стороны, в авторском повествовании появляется народная форма, а рядом с нею соседствуют церковнокнижные: Божиим же изволением прииде [отрок Григорий] близ града Тфери по той же реке Тферце на устье и *вышед* на реку Волгу и позна, яко град Тферь есть . . . и *избра* себе место [для монастыря] немного далее от

Волги на Тферце (446). Мена книжных и живых форм наблюдается даже в пределах одного устойчивого сочетания: Девица же рече всем ту седящим: «Восстаните вси и *изыдите во сретение* своего великого князя» (443); а рядом чередование обоих вариантов в очень узком отрезке текста: великий князь повеле боляром своим и с болярынями и своим дворовым и всему граду, да *выдут на встретение* великия княгини . . . Вси же слышавше от великаго князя, с радостию *изыдоша* весь град, мужи и жены, и младенцы . . . и сретоша ея на брезе у церкви Архангела Михаила (445).

29. На демократической языковой основе создано в середине второй половине XVII в. довольно большое количество сатирических произведений. Взаимодействие церковнославянских элементов с живой, народной речью проявляется в них довольно многообразно. Так, количество церковнославянских примет сведено до минимума в Повести о Ерше, Повести о Фоме и Ереме, Сказании о попе Саве, Лечебнике на иноземцев и многих других мелких сочинениях. Широко представленная в Сказании о крестьянском сыне (4) церковнославянская речь в виде общеизвестных цитатных извлечений чисто механически подключается к обиходно-разговорному языку авторского повествования. На контрасте возвышенного тона церковно-религиозной фразы и житейского содержания ситуации основывается здесь эффект комического: И вор и нашел под кроватью ларец с казною да коробью с платьем, и он вытащил к себе. . . . и выбрал из них, и что в них было, и то вычистил. . . а сам рече: «Твоя от твоих к себе приносяще о всех и за вся» (111). Во многом аналогично этому и использование церковнославянской фразеологии в Службе кабаку, хотя здесь соединение ее с речью обиходно-бытовой гораздо органичнее.

Особой близостью к языку живому среди сатирических произведений XVII в. выделяется П о в е с т ь о Е р ш е Е р ш о в и ч е (4), пародирующая ход судебного разбирательства. Здесь довольно разнообразны выделительные глаголы, которые отмечены только с приставкой *вы-*: *выбить*, *вывернуться* 3, *выволочь*, *выдать* 4, *выжить*, *выметать*, *вынимывать*, *выходить*. Характер контекстов, типичных для этих глаголов, могут иллюстрировать следующие несколько примеров: А где он [Ерш] впроситца начевать, и он хочет и хозяина-то *выжить* (10); и он

[бражник] купит ершев на полденьги, возмет много есть, а более того хлеба разплюеть, а досталь собакам за окно *вымечють* или на кровлю *выкинуть* (11); а брата моево [сома] на берег *выволокли* да обухами и з детми прибили (12).

Несколько глаголов с приставкой *вы-* встречаются в устойчивых сочетаниях, характерных для делового языка: И *выдали* Лецу с товарищи Ерша щетину *головою* (12); А я, господа, . . .ни вор, ни тать и ни разбоиник, а *полишнаго* у меня никакова не *вынимывали* (9).

В языке более архаизированной Повести о Шемякином суде (вторая разновидность) (4) среди ряда глаголов с *вы-* (*вынять* 4, [*вырасти*] 3, *выслать*, [*выслушать*], *выставить*) единственный раз отмечен выделительный глагол с приставкой *из-*: После же суда *изыдоша* исцы со ответчиком ис приказу (22). Примечательно, что в стихотворном переложении Повести о Шемякином суде (4), где гораздо меньше архаических примет, этому месту соответствует: И убоги за ними ж [истцами] ис приказу вон *выходит* (28).

Лишь в очень немногих из произведений демократической сатиры XVII в. выделительные глаголы с *из-* составляют по отношению к *вы-* достаточно высокий процент. Рассмотрим соотношение этих глаголов в языке Службы кабаку (Праздника кабацких ярыжек) (4).

Профессионально точно соблюдаемую схему церковной службы автор наполняет житейским содержанием, умело облекая его в церковно-книжную фразеологию, хотя рассеять впечатление искусственности такого соединения ему не удается: Бубенная стукота созывает пьющих на шалное дуровство, велит нам нищеты ярем восприяти, глаголет винопиица: приидите, возвеселимся, вмале сотворим с плечь возношение платью нашему, на вине пропивание, се бо нам свет приносит наготы, а гладу время приближается (47). Однако сильное местами стремление к церковно-книжной стилизации не сковывает автора Службы. Он зачастую свободно комбинирует церковнославянские и просторечные слова и фразеологизмы. Все это проявляется и в характере взаимодействия в языке Службы выделительных глаголов с *вы-* и *из-*.

С приставкой *вы-* здесь отмечены: *выводиться*, *выдать*, *выити* 2, *выкупать*, *выкуповать*, *выманить*, *вы(н)ять*, [*выпить*], *выползти*, *вырвать*, [*вырастить*]. С приста-

кой *из-*: *избрати* 3, *извести*, *износити*, *исступити*, *исходити*.

В языке Службы, однако, нет произвольного смешения книжных и разговорных выделительных глаголов, дифференциация их несомненна.

Большинство глаголов с приставкой *вы-* встречается в описании бытовых ситуаций, при этом в лексическом окружении, совершенно не характерном для церковнославянских текстов: тем же и на полати г... сáжю уготовался терти, *выйди* за печь в Пробойную улицу, чтобы тя з голоду не уморили (60); егда... пьяной из мошны денег *выимет* (59); З голодом звонят [пьяницы], с босотою припевают, глядят из запечья... что жуки ис калу *выползли*, пищат, что щенята, просят денешки на чарку (49); хватился за ковш, ковша не *выпил* [37], а поушник схватил, спасибо сказал: яз виноват. Б... сына *вырвал*... (53). Можно указать лишь единственный пример, где отмечен глагол с приставкой *вы-* в контексте, пародирующем церковный текст: (стихира) Самозван еси, человече, прииди на кабак, видя на суши тонущих без воды, а ты хочешь сух *вытти*, мечты творишь во уме: немножко посижю для уныния (60).

Совсем иные лексико-семантические связи характерны здесь для выделительных глаголов с приставкой *из-*. Они встречаются исключительно в сочетании с существительными отвлеченного характера, зачастую в штампах: (запев) *изведи* из непотребнаго пьянства душу мою (48); смрадяху бо телеса их [пьяниц], от афендров их *исхожаху* лютый безмерный смрад (64); созывая множество искусных в разуме, во тму прелагая, ...принырая во глубину пьянства, *износят* безумныя класы (57); *иступи* же нагота, и безумием наполнихся (47); из добрыя воли *избраша* себе убыток (48).

Дифференциацию выделительных глаголов с приставками *вы-* и *из-* мы можем наблюдать и в языке Сказания о Куре и Лисице (4). Рассматриваемая здесь вторая, стихотворная, редакция восходит, очевидно, к самому началу XVIII в. Текст ее насыщен церковно-

---

[37] Заслуживают внимания отношения в Службе кабаку между глаголами *испити* 6, *испивати* 1 и *выпить* 1. Очевидно, судьба лексемы *испити* (*испивати*) в русском языке иная, нежели рассматриваемых выделительных глаголов.

книжными образами, цитатами, фразеологизмами, «смехотворными» толкованиями церковных заповедей. Автором хорошо осознается возможность изъясняться высоким, риторическим слогом и низким, непритязательным. Высокий слог для него — это желанный образец. Так, Лисица «книжными словесами услаждает» Кура (84); она хвалит его за умение вести «красную беседу» «мудрыми словесами», а потом в раздражении упрекает: «Мастер ты книжнаго чтения и пения, а не имаши праваго разсуждения» (89), «научился [пред богом] пустова много вякати» (86).

Несомненно осознается и возможность трансформирования одного содержания из сферы библейской символики в сферу фольклорно-поэтическую, с соответствующим изменением лексических средств:

(Кур — Лисице)

Ведаешь, что один раб двема господином не может работать.
А мирская, госпожа моя, пословица... молвитца:
По которой реке плыть, та и вода пить.
А у кого жить, того и воля творить (106).

Среди выделительных глаголов, представленных в этой редакции Сказания, по количеству употреблений незначительно преобладают глаголы с *из-*: *избирати*, *избрати* 4, *изгнати*, *изринути*. С приставкой *вы-*: *выити* 2, *выпускать*, *выходить* 2.

Все выделительные глаголы с *из-* встречаются в широко распространенных штамповых сочетаниях или в стандартных ситуациях: Благое дело *избрал* еси, чадо, вниди ныне во *избранное* мое стадо (99); Губит господь глаголющих лжу конечно, а за неправду *изринет* в муку вечно (96); Воспомяни ты перваго на земли человека Адама, древа (ради) из раю *изгнанна* (85); О, чадо мое, нас ли, зверей, видети желаеши или в сей пустыни купнаго жителя себе избираеши? (80).

Большинство же контекстов, где употребляются глаголы с приставкой *вы-*, отличаются ярким бытовым колоритом: И в толикой скорби и в печали *вышел* [Кур] на улицу погуляти (78); А в некое время *выходил* я за гуменное одверья и видев на земли брата моего одно перья (94). Впрочем, дважды глаголы с *вы-* использованы в составе сочетаний более устойчивого характера, где обычно в дру-

гих памятниках мы находим соответствующие варианты с приставкой *из-*: имя твое, курушко, . . .никогда из уст моих не *выпускающе* (83); а к тебе на встретение *выдут* все мои духовные дети (94).

30. Настойчиво усиливающуюся с середины XVII в. тенденцию к демократизации языка отражают не только произведения «светского» содержания. Та же тенденция проявилась и в языке сочинений идеологов раскола Аввакума и Епифания. Свои автобиографические «жития» они создавали одновременно, в период Пустозерской ссылки, когда письмо оказывалось для них единственной возможной формой общения с единомышленниками. Понятность и доступность их письменного языка оказывались необходимыми условиями политического воздействия на широкую народную массу.

Демократичность языка Жития Аввакума (15) в полной мере отразилась и на характере выбора между возможными вариантами выделительных глаголов.

С приставкой *вы-* здесь отмечены: *выбрести*, *выбивать* 2, *выбить*, *выбѣжать*, [*вывѣдывать*], *вывезти* 2, *вывести*, *выдать* 3, *выдернуть*, *выити* 4, *выкупить*, [*вымыть*], *вынять* 2, *выползти*, [*выпросить*] 2, [*вырасти*] 4, *вырѣзать* 3, *выскочить*, *выслать*, *выступить*, *высунуться*, *вытаскать*, *вытащить* 3, [*вытереть*], *выходить* 2, *вышатать*, *выѣхать* 3; *выблядок*, *выговор*, *выписка*.

Выделительные глаголы с приставкой *из-*: *избрати* 3, *извести*, *изгнати* 4, *издати*, *изити* 6, *излияти* 3, *излиятися*, *испасти* 3, *испустити* 2, *исступити*, *источити*.

Сравнение состава лексем с каждой из этих приставок убеждает, что основной повествовательной формой для Аввакума были именно народные формы с *вы-*. Что же касается выделительных глаголов с *из-*, то они, несомненно, осознавались как характерные для церковнокнижной традиции. Почти все их употребления у Аввакума четко мотивированы (использованием в книжном штампе, характером библейской ситуации, закреплением за традиционным для житий объектом — изгнание беса).

Не менее показательным является и характер распределения выделительных глаголов с *из-* относительно образований с приставкой *вы-* в тексте Жития.

Наиболее выдержана в традиционно-книжном духе вступительная дидактическая часть Жития; она же наиболее насыщена библейскими цитатами. Этому точно

соответствует и концентрация здесь выделительных глаголов с *из-*: на судище десныя ти [богу] страны причастник буду со всеми *избранными* твоими (139); По Дионисию: коли уж истинны *испали*, тут и сущаго отверглись. Бог же от существа своего *испасти* не может (139); здесь трижды встречается *испасти*, дважды *испадение*; *изступив* (139) в цитате из Дионисия Ареопагита; и сего ради бог *излиял* фиал гнева ярости своея на Рускую землю (140); духу святому *исхождение* (142) — дважды; за благость щедрот *излия* себе от отеческих недр сын—слово божие в деву чисту богоотроковицу (142).

Между дидактической частью и собственно автобиографическим повествованием Аввакума нет резкого скачка: рассказ о первых годах священнической деятельности Аввакума заметно оживляется, широко вводится народно-языковая струя, но традиционно-книжные формы лишь постепенно уступают место формам языка живого. Здесь примерно в равной степени представлены образования с *вы-* и *из-* выделительного значения, причем последние используются вне цитат, в собственном рассказе Аввакума, хотя и в стилизованных контекстах. Ср.: а я осиротел молод, и от своих соплеменник во *изгнании* быхом (143); Аз же от *изгнания* преселихся во ино место (143); И егда наполнилась гортань ево [начальника] крови, тогда руку мою *испустил* из зубов (144), но там же: По сем двор у меня отнял, а меня *выбил*, всево ограбя (144), а ниже снова: и я, грешник, по Христе ревнуя, *изгнал* их [скоморохов] (144); А се помолил бога сице: «Ты, господи, *изведый* мя из чрева матере. . .» (145), а рядом: Егда же привезоша мя на двор, *выбежала* жена ево Неонила (145); Помале паки инии *изгнаша* мя от места того вдругоряд (145), а тремя строками ниже: и *вытаща* меня ис приказа собранием. . . среди улицы били батожьем и топтали (145); *изгнали* (145); написав ис книг *выписки* о сложении перст (146); по реченному. . .: аще возможно духу антихристову прелстити и *избранныя* (146); и *вывели* меня [из тюремной палатки], журят мне: «Что патриарху не покорисся?» (147); *Излиял* бог на царство фиял гнева своего! (148).

Судя по характеру приведенных контекстов, лексемы с приставкой *вы-*, перемежающиеся с выделительными глаголами с *из-*, несомненно отличаются более просторечным характером.

Половина всех употреблений выделительных глаголов с *из-* в Житии Аввакума приходится именно на эти первые страницы текста (139—146).

Затем на протяжении всего последующего текста автобиографии выделительные глаголы с *из-* (и отглагольные существительные) появляются среди многочисленных глаголов с *вы-* лишь как редкие вкрапления (в составе книжных оборотов или цитат). Их легко перечислить: Я ко *исходу* душевному и молитвы проговорил (157); (в молитве) «Господи, *источивый* ис камени в пустыни людям воду, жаждущему Израилю (162); Сего ради соблазны попущает бог, да же *избрани* будут, да же разжегутся (165), а рядом: *Выпросил* у бога светлую Россию сатона (165). В пересказе евангельского сюжета: Некогда и друг ближний Петр отрекеся и, *изшед* вон, плакася горко, и слез ради прощен бысть (169). Очевидно, к церковнославянскому типу восходит и сочетание *издать книгу*: А што много говорить? Плюнуть. . . на книги-те их [никониан] *новоизданныя* (159).

Количество выделительных глаголов с *из-* резко возрастает в заключительной части Жития, где в духе обычных житийных традиций рассказывается о «чудесах» — изгнании бесов. Так, в сценах с братом Евфимием (стр. 172—173) выделительные глаголы представлены многократно только в книжном варианте: брат мой Евфимей говорил кафизму непорочную и завопил высоким гласом. . . И, *испустя* книгу из рук, ударился о землю, от бесов поражен бысть (172); (в молитве) душе немый и глухий, *изыди* от создания сего и к тому не вниди в него (172—173); бес же скорчил в колцо брата и, пружався, *изыде* и сел на окошко (173); *изити* здесь встречается еще дважды. Впрочем, ниже, даже в рассказе об изгнании беса (из Филиппа), встречаем и вариант с *вы-*: Бес же, видев неминучюю, опять *вышел* вон ис Филиппа (175), но: Бес же *изыде* из нея [девицы Анны] (177).

Однако, за исключением указанного выше эпизода с Евфимием, и здесь, в финальной части, преобладают все-таки выделительные глаголы с *вы-*: просвиру *вынял* (173); как я ис Сибири *выехал* (174); *вышел* (175); И он [бесноватый Федор], *вышатав* пробой, . . . ушел на двор к болшому воеводе (175); на Русь *выехала* (177), но на последней странице — снова библейская ситуация: Адам был в раю, да сластолюбия ради *изгнан* бысть (178).

31. Выделительные глаголы в языке Жития Епифания (15) представлены вообще беднее, чем у Аввакума. Связано это прежде всего с различиями жизненного материала, легшего в основу того и другого Жития. Для рассказа о динамичной, полной энергии и активной борьбы жизни Аввакума выделительные глаголы, в соответствии с их семантикой, были одним из наиболее необходимых лексических компонентов. В Житии Епифания, отличавшемся большей созерцательностью и психологической углубленностью [38], потребность в подобных по значению лексемах была гораздо меньше.

С приставкой *из-* здесь отмечены следующие выделительные глаголы: *изгнати*, *изити* 4, *излияти*, *исползти*, *истечи*, *исходити*. С приставкой *вы-*: *выесть*, *выити* 4, *выломить*, *вынести* 2, *вырезать* 2, *выскочить*, *вытрясти*, [*вытесать*].

Выделительные глаголы с той и другой приставкой представлены почти в равной мере (11 употреблений *вы-*, 9 — *из-*). Бóльшая часть тех и других глаголов используется в свободных сочетаниях, в контекстах преимущественно обиходно-бытового характера. При первом впечатлении можно предполагать совершенно безразличное употребление как тех, так и других форм. Ср.: а другаго Ивана *вынес* [бес] ис келии в сени и *выломил* ему руку (180); тремя строками ниже: едва ис келии *исползе* [Иван] на брюхе и на коленах (180). Более мотивированно использование глагола с *из-* в рассказе об изгнании беса: И благодатию христовою, и образом вольяшным медяным пречистыя богородицы *изгнан* бысть бес ис келия тоя (182), а двумя строками ниже: А как я вольяшной медяной образ пречистыя богородицы ис келии от старца Кирила *вынес* во свою пустыню и во свою келию, да и сам *вышел* от него, так бес и опять к нему в келию пришел жить с ним (182).

Иногда формы народного и церковнославянского языка сочетаются в узком отрезке текста, хотя употребление последних мотивировано наличием штампа (в рассказе о муках после отсечения пальцев и языка): аз же падох на землю и бысть весь в поту, и начал умирати . . . да не умер, *душа* моя ис тела моего *не вышла*. Так аз стал

---

[38] См.: А. Н. Робинсон. Жизнеописания Аввакума и Епифания. М., 1963, стр. 64—66, 80—81, 83.

тужить, глаголя: «Что будет, смерти нету, а лутче сего времени ко *исходу души* на што?.. Благодарю тя, господи, яко сподобил мя еси пострадати за вся сия и *кровь мою излияти*... И аз востав со земли и на лавку лег ниц, а руку мою сеченую повесил на землю, помышляя в себе сице: «Пускай *кровь-та выдет* из мене вся, так я и умру». И много *крови вышло*, и в темнице стало мокро, и стражи сена наслали, и пять дней точил кровь ис тела моего (193), ср.: и *истече крови* много в келье (180).

Чаще контексты, в которых встречаем глаголы с *вы-*, отличаются несколько большей степенью обиходности, бытовизма (а отсюда — своеобразный характер лексико-фразеологического окружения этих лексем): тогда на пути из мене, грешнаго, вмале души не *вытрясли* на телегах (195); а я ныне в темнице, яко во гробе, сижу, ... дым горкой глотаю, глаза дымом и копотию, и всякою грязию *выело* (197); или см. описание физически-конкретной борьбы с бесом: и того у мене труда было много над бесом, и не вем, как из рук моих *выскочил* и ушол (186).

О несомненной осознанности автором этого жития книжного характера выделительных глаголов с *из-* свидетельствует наблюдаемая здесь зависимость между соответствующей приставочной основой и выбором формы прошедшего времени: от глаголов с приставкой *вы-* — только формы перфекта; от глаголов с приставкой *из-* выделительного значения — формы аориста и имперфекта, употребление которых в XVII в. поддерживалось только книжной традицией. Такая зависимость между видом приставки и выбором формы прошедшего времени здесь особенно наглядна, поскольку эти глаголы зачастую выступают у Епифания в цепи однородных временных форм. Ср.: и *делал* креста два дни, и слова *вырезал* на кресте, и *покрыл* его, и помощию христовою вся *построил* о нем (190); Найде бо на мя тогда яко сон, и не *слыхал*, как палачь язык мой *вырезал*, — толко вмале, вмале ощутив, яко во сне, что палачь ми *отрезал* язык (195). См. также некоторые из цитированных выше примеров. Иногда, правда, Епифаний начинает эпизод в одних формах, а затем переходит к другим, но при всем том выбор временной формы глагола находится в точном соответствии с характером префиксации: аз же, грешный, *внидох* во свою темницу, и *возгореся* сердце мое во мне и вся внутренняя моя огнем великим, аз же *падох* на землю и *бысть*

весь в поту, и *начал* умирати, и три накона *умирал*, да не *умер*, душа моя ис тела моего не *вышла* (193), но: Он же [Симеон] *отмыл* от руки моея запекшуюся кровь, и. . . *помаза* ми раны те серою еловою, . . . и *обяза* ми больную мою руку платом, со слезами, и *изыде* ис темницы плача (194).

В заключение необходимо сделать одно уточнение. Приводимые в таблице соотношения выделительных глаголов с *вы-* и *из-* в житиях Аввакума и Епифания в процентном выражении идентичны. Однако на самом деле здесь есть принципиальное отличие. Бóльшая часть выделительных глаголов с *из-* у Аввакума приходится на вставки из библейских и богословских текстов, которыми Житие Аввакума насыщено гораздо больше, чем Епифания. В собственном повествовании Аввакума эти глаголы с *из-* используются крайне ограниченно. Что же касается Жития Епифания, книжные формы с *из-*, так же как и народные лексемы с *вы-*, являются органичной частью языка авторского повествования.

Эти различия в употреблении выделительных глаголов в языке Аввакума и Епифания хорошо согласуются со следующим выводом В. В. Виноградова: «Сочинения протопопа Аввакума особенно ярко отражают эту тенденцию стилистического «смешения», широкого ввода в литературу народного разговорного языка, в то время как у иных вождей раскола, например у Епифания, преобладает тенденция стилистического «опрощения» церковно-славянской речи» [39].

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИЙ, ПО КОТОРЫМ ОБСЛЕДОВАНЫ ТЕКСТЫ

(1) Русские повести XV—XVI вв. Сост. М. О. Скрипиль. Ред. Б. А. Ларин. М.—Л., ГИХЛ, 1958.
(2) Воинские повести Древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. «Литературные памятники». М.—Л., 1949.
(3). Русские повести XVII—XVIII вв., I. Под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1905.
(4) Русская демократическая сатира XVII в. Подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц. «Литературные памятники». М.—Л., 1954.
(5) Софийские летописи. — ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853.

[39] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2. М., Учпедгиз, 1938, стр. 36.

(6) Повесть о Горе и Злочастии. Подгот. к печати П. Симони. Изд. 2. СПб., 1907.
(7) Хожение за три моря 1466—1472 гг. Афанасия Никитина. Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. «Литературные памятники». М.—Л., 1948.
(8) Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии, ч. 2. Казань (без года); ч. 3, 1897.
(9) Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. «Литературные памятники». М.—Л., 1951.
(10) Сочинения князя Курбского, т. I. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914.
(11) В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в. М., 1908.
(12) История о Казанском царстве. — ПСРЛ, т. 19. СПб., 1903.
(13) Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. — РИБ, т. XIII. СПб., 1891.
(14) Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. Археогр. комиссии. Изд. 4. СПб., 1906.
(15) А. Н. Робинсон. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963.
(16) Хрестоматия по древней русской литературе. Сост. Н. К. Гудзий. Изд. 5. М., Учпедгиз, 1952.
(17) С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. М., Учпедгиз, 1952.

И. С. Улуханов

ГЛАГОЛЫ С ПРИСТАВКОЙ *ПРЕДЪ-* В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ XI—XVII вв.

В литературе о русских приставках почти полностью отсутствуют работы, посвященные описанию словообразовательной и функциональной роли приставок, заимствованных из старославянского языка.

Настоящая работа посвящена глаголам с приставкой *предъ-* в древнерусском языке. Изучение этих образований представляет определенный интерес вследствие некоторых специфических особенностей приставки *предъ-*: она не обладает, в отличие от большинства других приставок, развитой системой значений, что позволяет в наиболее чистом виде выделить главные особенности ее функционирования; степень ее «спаянности с основой» незначительна, поэтому значение слова, содержащего ее, легко членится на компоненты, соответствующие значению приставки и остальной части слова.

Приставка *передъ-*, употреблявшаяся в древнерусском языке для образования имен (*передъбаньникъ*, *передъбанье*, *передъдворье*, *передъгородье*, *передъклетье*, *передъмостье*, *передъмѣръ*, *передъмышленье*, *передъсенье*, *передъсѣньцо*, *передъмѣстьныи*, *передъпечьныи*) [1], совершенно отсутствует в глаголах. Заимствованной из старославянского языка модели «*предъ* + глагол» в древнерусском языке не противостояла аналогичная модель с приставкой *передъ-*.

Почти все глаголы, представленные в классических памятниках старославянского языка [2], употребляются

[1] Приведены все слова с приставкой *передъ-*, отмеченные в «Материалах. . .» И. И. Срезневского и картотеках СДР XI—XIV вв. и ДРС, хранящихся в Ин-те русского языка АН СССР.

[2] Имеются в виду те собственно старославянские памятники, которые использованы в словаре Садник и Айтцетмюллера («Hand-

и в древнерусских памятниках [3]. Поэтому остановимся прежде всего на старославянских глаголах с приставкой *прѣдъ-*.

Статистические данные, приводимые А. Досталом, позволяют судить о степени употребительности и — опосредствованно — о степени древности различных старославянских глаголов. Не излагая его классификации старославянских памятников в их отношении к относительной хронологии различных старославянских глаголов, мы используем эту классификацию для рассмотрения глаголов с приставкой *прѣдъ-*.

К группе глаголов, зафиксированных в евангелиях и других текстах, принадлежат: *прѣдъти* (6 примеров в Зогр., Пс., Супр.), *прѣдълагати* (4 примера в Зогр., Пс., Супр.), *прѣдъложити* (14 примеров в Зогр., Пс., Euch, Супр.), *прѣдъстояти* (10 примеров в Зогр., Клоц., Супр.), лишь в евангелии зафиксирован глагол *прѣдъполагати*; кроме того, основываясь на трижды употребленном в евангелиях существительном *прѣдъсѣдание*, А. Достал говорит о глаголе *прѣдъсѣдати*, не зафиксированном в памятниках старославянского языка [4].

В нескольких неевангельских текстах зафиксированы глаголы: *прѣдълежати* (16 примеров в Клоц., Лавров., Супр.), *прѣдъстати* (5 примеров в Пс., Супр.), *прѣдътещи* (3 примера в Праж., Хил., Супр.).

Только в Супрасльской рукописи отмечены следующие глаголы: *прѣдъваритн* (1 пример), *прѣдъваряти* (1), *прѣдвести* (1), *прѣдъизводити* (1), *прѣдъпоказати* (1), *прѣдъпослати* (1), *прѣдъпоставити* (1), *прѣдърадати* (1), *прѣдърещи* (1), *прѣдъставити* (5), *прѣдъсѣсти* (1).

Приведенные данные позволяют судить об относительной хронологии указанных глаголов. К древнейшим из них следует отнести *прѣдъити*, *прѣдълагати*, *прѣдъложити*, *прѣдъстояти*. Вряд ли менее древними являются

---

wörterbuch zu den altkirchenslawischen Texten». Heidelberg, 1955, и в работах: S. Słoński. Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim). «Prace Towarzystwa naukowego warszawskiego», 1937, wydział I, 14 (в дальнейшем — Слоньский); A. Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnštine. Praha, 1954 (в дальнейшем — Достал).

[3] Исключения: *прѣдъизводити* — 'приводить', 'представлять' προφέρω (зафиксирован лишь в Супр., 330) и отмеченный в испорченном месте (Супр., 475) глагол *прѣдърадати* (Достал, 399).

[4] Достал, стр. 519.

глаголы *прѣдълежати*, *прѣдъстати* и *прѣдътещи*. Выясняется, таким образом, что древнейшие основы, с которыми соединилась приставка *прѣдъ-*, представляли собой довольно узкую группу, к которой относились глаголы движения, статальные глаголы и соотносительные с ними каузативные глаголы [5].

Возникнув независимо от одноструктурных греческих слов [6], эти древнейшие образования с приставкой *прѣдъ-* в дальнейшем постоянно употреблялись для их перевода: *прѣдъити* переводит греч. πρόἐρχεσθαι, προπορεύεσθαι, προάγειν, *прѣдълагати* и *прѣдъложити* — греч. παρατιθέναι, προτιθέναι, *прѣдълежати* — греч. προκεῖσαι, *прѣдъставити* — греч. παριστάναι, *прѣдъстати* — παριστάναι, *прѣдъстояти* — παριστάναι, προκεῖσθαι [7].

Глаголы *прѣдъсѣсти* (προκαθίζειν) и *прѣдъсѣдати*, очевидно, несколько более поздние по сравнению с перечисленными глаголами. Приставочные образования от *сѣсти* вообще менее употребительны в старославянских памятниках, нежели образования от основ со значением 'стать', 'стоять', 'лежать'. Так, по данным Достала, зафиксировано 8 приставочных образований от глагола *стати* [8], 10 приставочных образований от глагола *стояти* [9], 8 приставочных образований от глагола *лежати* [10], в то время как от глагола *сѣсти* зафиксировано лишь 5 приставочных образований, причем 4 из них (с приставками *по-*, *об-*, *прѣдъ-* и *съ-*) зафиксированы лишь по одному разу и только глагол *въсѣсти* употреблен 16 раз [11], а вторичные имперфективы на *-сѣдати* еще более малочисленны (*разсѣдати* — 3 примера, *съсѣда-*

---

[5] Что касается глагола *прѣдъставити*, зафиксированного лишь в Супрасльской рукописи, то изложенные соображения о характере древнейших основ дают возможность предположить, что его отсутствие в более ранних памятниках старославянского языка является случайностью. Об этом свидетельствуют и наличие общесл. *staviti (хотя ст.-сл. *ставити* тоже зафиксировано лишь в Супр.), и многочисленные префиксальные образования с этим глаголом, зафиксированные во многих (в том числе и евангельских) старославянских текстах.

[6] Некоторые из них, как показывают параллели в славянских языках, возникли, по-видимому, в праславянскую эпоху.

[7] Греческие параллели заимствованы из работы Слоньского.

[8] См.: Достал, стр. 271.

[9] Там же, стр. 458.

[10] Там же, стр. 457.

[11] Там же, стр. 266.

тися — 1 пример, а глагол *прѣдъсѣдати*, как уже говорилось выше, отражается лишь в отглагольном *предъсѣдание* [12]).

Более поздние образования с приставкой *прѣдъ-* сложились, по-видимому, в процессе перевода греческих текстов как кальки с греческих глаголов с приставками προ- и παρα-. Так, по мнению А. Достала, глагол *прѣдъполагати*, зафиксированный 1 раз в Зогр., создан для перевода греч. παρατιθέναι [13]; В. Ягич пишет, что «*варити* (προάγω, προφθάνω) было позднее приближено к греческому посредством *прѣдъварити*» [14].

Аналогично возникли, вероятно, и следующие глаголы: *прѣдъвести* (προάγειν), *прѣдъизводити* (προφέρειν), *прѣдъпоказати* (προδεικνύναι), *прѣдъпослати* (προπέμπειν), *прѣдъпоставити* (παριστάναι), *прѣдърешти* (προαγορεύειν) [15]. В некоторых из них, как видим, приставка *прѣдъ-* присоединяется к приставочному глаголу; это лишний раз указывает на поздний характер перечисленных глаголов.

* * *

В старославянских памятниках зафиксирован 21 глагол с приставкой *прѣдъ-* (включая *прѣдъсѣдати*). Общее же количество глаголов с этой приставкой, зафиксированных в памятниках древнерусского языка XI—XVII вв. (книжно-славянского типа) превышает это число примерно в 10 раз. Старославянская модель послужила образцом для многочисленных древнерусских образований книжного характера. Этому способствовало то, что бóльшая часть глаголов с приставкой *прѣдъ-*, отмеченных в старославянских памятниках, широко употреблялась и в древнерусских памятниках, отражающих книжно-славянский тип языка. Более того, почти все наиболее употребительные в древнерусских памятниках глаголы с приставкой *предъ-* зафиксированы в старославянских памятниках. Круг этих глаголов, представляющих собой основу модели, образец для новообразований, выделяется

---

[12] Достал, стр. 519.
[13] Там же, стр. 584.
[14] V. Jagic. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 283.
[15] Греческие параллели заимствованы из работ С. Слоньского и А. Достала.

довольно четко [16]: *предъварити*, *предъварѧти*, *предъити*, *предълагати*, *предълежати*, *предъложити*, *предъписати*, *предърещи*, *предъставити*, *предъстати*, *предъстоѧти*, *предътещи*. Бо́льшая часть их отмечена уже в памятниках XI—XII вв.

Значительно менее употребительны в древнерусских памятниках глаголы *предъполагати*, *предъпослати*, *предъпоставити*, *предъсѣдати*; *предъвидѣти*, *предъводити*, *предъглаголати*, *предъзьрѣти*, *предълагатися*, *предъпоити*, *предъположити*, *предъсѣдѣти*, *предъявити* (только первые 4 глагола зафиксированы в старославянских памятниках). Все эти глаголы довольно древние — они отмечены в памятниках XI—XIV вв. и продолжают употребляться в более позднюю эпоху. Так, например, глагол *предъвидѣти* зафиксирован, по нашим материалам, в Мин. 1097 (Срезн. II, 1633), Г. Амарт. и немногочисленных памятниках XV—XVII вв.; глагол *предъглаголати* — в Мин. 1096 г. (Срезн. II, 1634), Г. Амарт., Панд. Ник. Черн. 1296 г., Ж. Варл. Иоас., Лобк. прол. XIII в., Прол. н. XIV в. (Син., 239) и в ряде памятников XV—XVII вв. и т. п.

Ряд глаголов, также впервые зафиксированных в памятниках XI—XIV вв., представлен единичными употреблениями: *предъбрати*, *предъбыти*, *предъвъзгласити*, *предъвъзити*, *предъвѣщавати* [17], *предъгонити*, *предъизвѣщати*, *предъизложити*, *предъклепати*, *предънарещи*, *предъносити* [18], *предъображати*, *предъобразоватися* [19], *предъписатися* (ср. более употребительное *предъписати*); *предъповелѣти*, *предъповѣдати*, *предъподвизати*, *предъпоити*, *предъпоставитися* (ср. более употребительное *предъпоставити*), *предъпоставляти*, *предъпочьстити*, *предъпущати* [20], *предъсияти*, *предъскакати*, *предъспѣти*, *предъстьлати*, *предъсъвѣдѣтельствовати*, *предътекати* (ср. более употребительное *предътещи*),

---

[16] Выводы об употребительности глаголов делаются на основании данных картотек СДР XI—XIV вв., ДРС, а также изученных памятников и словарей.

[17] *Предъвѣщати* не зафиксирован ранее XVI в.

[18] *Предънести* не зафиксирован ранее XVII в.

[19] *Предъобразовати* не зафиксирован ранее XVII в.

[20] *Предъпустити* зафиксировано только у Миклошича (M i k l o s i c h , стр. 724). Глаголы, отмеченные только в этом словаре, привлекаются лишь для сопоставления.

предътруждатися, *предъутвьржати*, *предъчинѧти*, *предъчьсти*.

По-видимому, указанные глаголы, употреблявшиеся как правило в переводных памятниках, возникали лишь для передачи греческого приставочного глагола и, возможно, вообще не являлись воспроизводимыми лексическими единицами. Во всяком случае какой-либо устойчивой традиции употребления они не имеют. Отсутствие такой традиции характерно и для многочисленных глаголов, впервые зафиксированных в памятниках книжного характера XV—XVII вв.: *предъвладовати*, *предъвъзглашати* (ср. ранее зафиксированное *предъвъзгласити*), *предъвложити*, *предъвънити*, *предъвъспомянути*, *предъвъспѣти*, *предъвъчинятися* [21], *предъизбыти*, *предъизбърати* [22], *предъизвѣщатися* (ср. более раннее *предъизвѣщати*), *предъизлагати*, *предъисточити*, *предъисходатати*, *предъкоснутися*, *предъназнаменати*, *предъназначити*, *предънаписати*, *предънаписатися*, *предънарековати*, *предънастати*, *предъначальствовати*, *предънести*, *предъобѣщатися*, *предъотъсылати*, *предъочистити*, *предъочиститися*, *предъочистовати*, *предъочищати*, *предъпасти*, *предъписовати* (ср. более раннее *предъписати*); *предъповѣствовати*, *предъподавати*, *предъпоказовати* (ср. более раннее *предъпоказати*), *предъпоминати*, *предъпомянути*, *предъпостьлати*, *предъизложити* (ср. более раннее *предъизлагати*), *предъпривести*, *предъпроповѣдати*, *предъпрославити*, *предъпѣвати* [23], *предъразумевати* [24], *предърискати*, *предърицати* (ср. более раннее *предърещи*), *предъсвятити*, *предъсмотрѣти*, *предъспѣвати* (ср. более раннее *предъспѣти*), *предъстаяти* (форма, отразившая южное влияние, зафиксирована в Пучковской редакции Жития Михаила Клопского), *предъстрадати*, *предъступити*, *предъсънабдѣти*, *предътворити*, *предъубѣдити*, *предъудържати*, *предъуразумѣвати*, *предъуставити*, *предъхожати*, *предъхождати* (ср. более раннее *предъходити*), *предъчьствовати*.

---

21 *Предъвъчинѧти* — Miklosich, стр. 724.
22 *Предъизбирати* — Miklosich, стр. 724.
23 *Предъпѣти* — Miklosich, стр. 726.
24 *Предъразумѣти* — Востоков, т. 2, стр. 240; Miklosich, стр. 726.

Перечисленные глаголы употреблены в памятниках книжного характера, отразивших языковые особенности стиля «вития словес». Их сложная структура (многие из них имеют по две приставки) соответствует общей усложненности стиля. Рассмотрение стилистических функций этих глаголов выходит за рамки данной статьи.

Можно говорить об устойчивой традиции употребления глаголов *предъвозвѣстити*, *предъвъзвѣщати*, *предъвѣщати*, *предъопределити*, *предъпосылати* (ср. ранее зафиксированное *предъпослати*), *предъпочитати*, *предъпочести*, *предъпочьтити*, *предъуспѣвати*, *предъуспѣти*, *предъшьствовати*, которые чаще, чем перечисленные выше глаголы, употребляются в памятниках XV—XVII вв. Показательно, что многие из них употребляются и в современном языке.

* * *

Глаголы, содержащие приставку *прѣдъ-*, разнообразны с точки зрения своей морфемной структуры и своих словообразовательных отношений. Рассмотрим способы образования этих глаголов в связи с изменением их видовых значений, но предварительно кратко коснемся вопроса о происхождении самой рассматриваемой модели.

Слияние элемента *прѣдъ* с древнейшими основами (о которых см. выше) означало превращение этого элемента в приставку и возникновение модели.

Приставочные глаголы с *прѣдъ-* возникли путем слияния *прѣдъ* в наречном значении с глаголом[25]. Возможно, что в древнейших старославянских текстах такие синтагмы еще имеются, ср.: и *прѣдъ ходяште* и въ слѣдъ ходяштеи вьпиѣху глюште (Мар., 160).

Синтаксический параллелизм: *прѣдъ ходяште — въ слѣдъ ходяштеи* указывает на то, что мы можем усматривать здесь не глагол *прѣдъходити* (как у Достала,

---

[25] Сочетание *прѣдъ* в наречном значении с именем, имевшее наряду с местным еще и сравнительное значение, явилось исходной конструкцией для превращения *прѣдъ* в предлог. Подробное рассмотрение самостоятельного функционирования элемента *прѣдъ* выходит за рамки настоящей статьи. См. об этом: А. Белич. Падежная система и происхождение предлогов. «Јужнословенски филолог», XXII, 1. Београд, 1957; В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961, стр. 341.

стр. 511), а синтагму «наречие+глагол». Позднее, с полным превращением элемента *прѣдъ* в приставку, в аналогичных конструкциях стали употребляться наречия *прѣди* и *прѣжде* (последнее — только во временно́м значении).

Постоянное употребление *прѣдъ* перед глаголом, наличие достаточно развитой системы более древних приставочных глаголов способствовало возникновению глаголов с этой приставкой.

Слияние глагола с приставкой *прѣдъ-* чаще всего не оказывало влияния на вид глагола. Объясняется это, по-видимому, тем, что приставка *прѣдъ-* не имела значений, которые бы качественно меняли характер действия, его протекание во времени (т. е. указывали, например, на начало или конец действия, его прерывистость и т. п.). Ее функция близка к функции наречия — она лишь указывает на место («впереди») и время («раньше») протекания действия, не характеризуя само протекание, ср., например, ст.-сл. и др.-рус. *прѣдъстояти* ‘стояти перед чем-л’., *прѣдълежати* ‘лежать перед чем-л.’ в отличие от *постояти*, *полежати*, где приставка ограничивает время действия. Глаголы с о с т о я н и я вообще, как известно, слабо перфективируются, ибо статальное значение подвержено временно́й модификации в незначительной степени (ср., например, неупотребительность перфективов с начинательным значением от глаголов состояния). Естественно, что глаголы *предълежати*, *предъстояти*, *предъседати*, *предъсѣдѣти*, как в старославянском (где зафиксированы только первые три глагола), так и в древнерусском языке, устойчиво употребляются только имперфективно.

* * *

В отличие от статальных к а у з а т и в н ы е глаголы, которые «тяготеют к предельности» [26], перфективируются при префиксации (если бесприставочные глаголы не были уже перфективными).

---

[26] Ю. С. М а с л о в. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958, стр. 30.

Глагол *предъставити*, как и все приставочные образования от каузативного *ставити*, употребляются только перфективно, например: и вьведе и вь клѣтьку свою. и умывъ ему нозѣ. и вьса любовьная обавивъ. *прѣдъстави* ему хлѣбъ и молитвы многы сьтвори (Супр., 524); Первое убо корень лапатою слово окопавше, и отъ кореши древо всѣмъ покажемъ, и сладость плода всѣмъ предъставимъ (Ник. л. под 1204 г., 42 — ДРС).

А. Достал (стр. 89) полагает, что глагол *ставити* в праславянском и старославянском языках был перфективным. Если это и соответствует действительности [27], то для древнерусского языка противопоставление имперфективного *ставити* 'ставить', 'устанавливать', 'представлять' (примеры см.: Срезн. III, 485—486) и перфективного *предъставити* — несомненно.

Перфективным глаголом является и *предъложити*: призъва едного обычнѣ слугуюштааго емоу льва. и *прѣдъложи* ему яди многы (Супр., 558); приде келарь къ сему блаженому гля. яко въ сии днъ не имамъ чьто *прѣдъложити* на ядь. се бо ни съварити чьто имамъ (Ж. Ф. Печ., л. 50б).

Производящий глагол *ложити* не зафиксирован в старославянских [28] и малоупотребителен в древнерусских текстах [29].

* * *

Глаголы д в и ж е н и я, содержащие приставку *предъ-*, наиболее своеобразны с точки зрения видовых значений, поскольку многие из них употребляются как перфективно, так и имперфективно. Во многих случаях видовое значение выявляется достаточно ясно, однако имеются и употребления, поддающиеся двоякой интерпретации. В следующем контексте глагол *предъити* имеет, по-видимому, перфективное значение, на что указывают параллельно употребленные перфективные гла-

---

[27] Некоторые употребления глагола *ставити* в старославянском языке можно, по-видимому, интерпретировать иначе, например: Егда ли пакы вѣие носяштя и сьрѣтаюштя христоса · и ликы *ставяштя*. и стеляштя ризы съмоштрю (Супр., 332). Употребление действительного причастия настоящего времени от *ставити* в конструкции с причастиями от имперфективных глаголов характеризует глагол *ставити* в этом тексте как имперфективный.

[28] См.: Д о с т а л, стр. 418.

[29] См.: С р е з н е в с к и й, II, стб. 43.

голы (наличие значения будущего времени у презентной формы не является для древнего периода показателем перфективности глагола): . . . тогда явится заутра свѣтъ твои. и ризы твоя вьскорѣ восияють. и *пре(д)идеть* пре(д) тобою правда твоя. и слава бия объиме(т) тя (Ж. Варл. Иоас., л. 44 в.).

В древнерусских памятниках этот глагол употребляется и в имперфективном значении, при этом чаще всего в форме причастия настоящего времени: иерѣови несущю. кр(с)тъ на главѣ. . . и прѣдъ обѣма единои свѣщи горящи и *предъидущи*. оходять келия братия поюще. (Уст. Студ., л. 15). Приходяще убо мужю блгобоязниву. и боящюся ба вижю англы бжья *предъидуща* свѣтлы вѣтоносны (= светоносны. — *И. У.*) молъниобразны. бѣсы же далече стояща (Панд. Ник. Черн., XIV в., л. 89 в); показываще ему. о десну првдныя. в весельи *пр(е)дъидуща* в раи. а о шюю грѣшники идуща в муку (Лавр. лет., л. 36 об.); Дн(с) *предъидущеи* въслѣдствующеи въсклицають, глглще (Матф. XXI, 9; Кир. Тур., 6). Ср. в Мар., 74: народи же ходяштеи *прѣдъ* нимъ. и вь слѣдъ. зъвааху глюште; ср. также имперфект: и ведяше я Г(с)дь путемъ по пустыни къ Черьмному морю. и *предъидяше* предъ ними столпъ огненъ. а въ днь облаченъ (Лавр. лет., л. 32).

Интересен пример употребления имперфекта этого глагола для передачи греческого настоящего исторического: *Прѣдъидѣаста* ему Иякович и Иоанъ προσπορεύονται (Остр. ев., Мр. X, 35). Греческий и церковнославянский текст, по-видимому, надо понимать по-разному; в греческом: «и вот идут к нему навстречу. . .», в церковнославянском: «шли (а не «пошли», как у Срезн. II, 1635) к нему навстречу, подходили к нему. . .» (ср. аорист в Мар., 157: и прѣдъ нимъ *идете* Иѣковъ и Иоанъ). Поэтому прав, по-видимому, Ульянов, который видит здесь имперфективное употребление глагола *предъити* [30].

В старославянских памятниках нет бесспорных имперфективных употреблений глагола *прѣдъити* [31]. По-

[30] Г. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II. Варшава, 1895, стр. 140.

[31] Достал (стр. 282) и Слоньский (стр. 340) относят ст.-сл. *прѣдъити* к числу перфективных глаголов.

этому рассмотрим примеры, допускающие такое толкование, но не отрицающие возможности наличия префективного значения.

Повелѣ же вьсѣмъ анфупать *прѣдъити*, къ прѣди суштии вьси глаголемѣи. серукоминъ. ту бо капишта многа бѣаху поставьена. и прѣбывъ ту на утрия сѣдъ (Супр., 117). Значение 'идти заранее' косвенно поддерживается тем, что в аналогичной же ситуации (приказать что-то сделать заранее, до своего прибытия) употребляется и глагол *прѣдъвести*, и — что важнее — сочетание *прѣди вести*: и на утрья повелѣ анфупатъ стааго [Кондрата. — *И. У.*] *прѣдъвести* къ елиспонтъскууму острову. и прѣшедъшу антупату рундакъ рѣку. изидошя противу ему князъ... съ народом'... желаюштемъ видѣти христосова стастотрьпьца [т. е. Кондрата. — *И. У.*] (Супр., 116—117), ср.: Анфупатъ же повелѣ и *прѣди вести* вь кесарию. въшъдъ же анфупатъ въ градъ на утрия пожръ бѣсомъ. и повелѣ блаженааго кодрата прѣдъставити ему (Супр., 112).

Некоторые контексты (в древнерусских памятниках) более определенно указывают на имперфективное употребление глагола *предъвѣсти*, например: яко же ап(с)лъ рече нѣкыихъ чл҃вкъ грѣси. проявлени суть. *предъведуща* на судъ. инѣмъ же и въслѣдують. тѣмь убо не исповѣдимая. и не ицѣлимая о(т) своея лѣности. и безболѣзнья и бестрашья бия недугують (Панд. Ник. Черн., XIV в., л. 196 в); како ся сами *предъведете*. овы убо во узилища. овыи же въ желѣза всажаете. овыи же во ужа вяжюще за выя. на студъ творяще на все братьство (Ф. Студ., л. 67—68). Бесспорных примеров на перфективное употребление этого глагола не имеется; можно отметить лишь перфективное употребление возвратного глагола *прѣдъвестися*: Прѣмудрыи словесы *прѣдъведеться*. и чл҃вкъ мудръ годѣ будеть вельможамъ (προάξει ἑαυτόν) (Изб. 1076, ср. Вост. 2, стр. 238).

Двувидовым является и глагол *предътещи*. Старославянские памятники не дают достаточного материала для суждения о виде этого глагола. Прав, по-видимому, Слоньский (342), который интерпретирует как имперфективное употребление глагола в следующем контексте: и ови другъ друга инуду сьвязьня господеви привождаху. и ини мучителя вязааху. и друзии вѣчьныя сьвязьня

испуштааху. а друзии служааху въскорѣ. и ови въходяшту вънутрьюду хсу *прѣдътечааху*. ови же яко богу и цѣсару. и побѣдителю прѣстояху (Супр., 467).

В древнерусских книжных памятниках также встречается употребление глагола *предътещи* в имперфективном значении: тако и г(с)у нашему и(с)су х(с)у по. г. днвнѣмь его воскр(с)нии. взносящюся на нбо. англи *предътекуще* вопияху горнимь силамъ (Пал., 1406 г. л. 54в), ср.: *Преди* же *течаху* англ(с)кыя силы (Кир. Тур., 54); и тако предстанутъ вси на велицѣмъ и грознѣмъ судѣ его, идѣже престоли страшнии суть, Ангели трепещутъ, книги разгибаются дѣлѣ нашихъ, и рѣка огнена *предтечетъ* (Посл. митр. Фил., 131). В последнем примере на имперфективное значение глагола указывают предшествующие имперфективные глаголы, ср. стилистически и тематически близкий контекст, где, наоборот, окружающие перфективные глаголы указывают на перфективное употребление глагола *предътещи*: како стерпиши страшное оно пришествие г(с)не. на испытанье вселеныя. идѣже нбо о(т) сквары бия воскурить.(с). идѣже звѣзды спаду(т). идѣже слнце померькнеть. идѣ(ж) анги(л) возмятуть(с). идѣже силы *пре(д)текуть*. идѣже хиравими возопию(т). и сирафи(м) воскрича(т) (Сб. Паис, л. 102—102 об.).

Иногда, наряду с окружающими глаголами, можно найти и другие косвенные указания на видовое значение глагола, ср. отрывок из слова Григория Богослова: и сице изидеши от егупта... хлѣбъ одождится. камен(н) источни(к) буде(т)... рѣка възвратится. слнце постоить. луна удержится. забрала расыплю(т)ся. и без хитрости свержени сершени *пре(д)теку(т)*. пу(т) творяще излю (Гр. Бог., л. 69 б; Второз. VII.20). В толкованиях на это слово читаем: осы *пре(д)потеку(т)* (Гр. Бог., л. 69 г); приставочный глагол употреблен в этом месте и в южнославянской рукописи XI в.: предъпоидуть (προδραμοῦται)[32]. Перфективное употребление глагола сохраняется и в более

[32] А. С. Будилович. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи императорской публичной библиотеки XI в. СПб., 1875, стр. 263.

поздних памятниках: Приидох же паки скоро семо, ты же не вем како мя *предтече* и напред мя зде обретеся (Пов. о П. и Ф., 235).

У глаголов перемещения *предъгрясти*, *предърискати*, *предъшьствовати* зафиксированы только имперфективные употребления, у *предънести* — только перфективные.

Таким образом, почти все глаголы перемещения, имеющие в своем составе приставку *предъ-*, могут употребляться как в перфективном, так и в имперфективном значении. Объясняется это, по-видимому, двоякой возможностью рассмотрения самого движения: в том случае, когда контекст указывает на не ограниченное во временно́м отношении движение впереди или заранее, приставочный глагол имперфективен; в том случае, когда контекст указывает на определенную фазу движения («*подойти* к. . .» или «*пойти* впереди»), приставочный глагол перфективен.

В отличие от рассмотренных глаголов так называемые глаголы «быстрого движения» (термин А. Достала) всегда указывают на движение, ограниченное во времени (*стати*, *сѣсти*).

Остальные глаголы, образованные с помощью приставки *предъ-* от бесприставочных глаголов, не отличаются в видовом отношении от производящих глаголов. Перечислим их без приведения контекстов, так как их видовое и лексическое значение определяется с большой очевидностью: *предъбрати* — 'сражаться впереди', 'сражаться в защиту кого-нибудь', *предъвидѣти* — 'предвидеть', *предъвласти* = *предъвладовати* — 'обладать высшей властью', *предъвзрѣти* — 'видеть перед собой', 'предвидеть', *предъклепати* — 'заранее знаменовать', 'предвещать', *предъначальствовати* — то же, что *предъвласти*, *предъповѣствовати* — 'заранее рассказывать', *предъсвѣдѣтельствовати* — 'заранее свидетельствовать'; *предъсвѣтити* — 'светить впереди'; *предъсиять* — 'заранее сиять'; *предъсмотрѣти* — 'видеть, указывать будущее'; *предъчьствовати* — 'почитать прежде всего'.

Видовое значение глагола *предъписати* не устанавливается с той же очевидностью. Это объясняется однообразием контекстов с этим глаголом, встречающимся в книжных формулах: и сие бо *предъписаное* расуженье (Панд. Ник. Черн., XIV в., л. 203); сиа же паки, яко и

преже то же врачевание дасть ему, еже *предписах.* (Пов. о П. и Ф., 238.) Надо полагать, что завершенность действия в подобных контекстах не выражена, как не выражена она в современном «об этом я уже писал выше». Ср. также семантическое тождество *предъписати — прежде|писати* (у престола *прѣжде|писанаго* мужа. . .— Ефр. корм., л. 54б), и корреляцию *предъписати — предъна|писати* (Яко же *прѣ(д)написа(х)* въ малѣ (Библ. 1499 г.— Срезн. III, 229 (доп.). Перфективация глагола *предъписать* связана, по-видимому, с лексическим значением «приказать», развившимся не ранее XVIII в. Вторичный имперфектив *предъписывати* не зафиксирован до XVIII в.

Перечисленные глаголы представляют собой imperfektiva tantum, чем они отличаются от таких глаголов, как *предъчьсти* — 'предпочитать' и *предъглаголати* — 'предсказывать'.

Глагол *предъчьсти* зафиксирован только в Ефр. корм. и Панд. Ник. Черн. XIV в., например: съвьршающая же отъ злата или иного вещьства въ руку мѣсто нѣкака приимания. къ бжьствьнууму дару приятию и тѣми прѣчистааго обьщения съподобляющаяся. никако же приемлемъ. яко *прѣдъчьтущихъ* бездушьное вещьство и подъ рукою сущее паче образа бжия (προτιμῶντας) (Ефр. корм., л. 69а). Он был соотносителен с перфективным глаголом *предъпочьсти*, однако вскоре вышел из употребления, и вместо него в коррелятивные отношения вступил вторичный имперфектив *предъпочитати*.

Глагол *предъглаголати* находился в коррелятивных отношениях с перфективным глаголом *предърещи*.

Имеются глаголы, образованные с помощью приставки *предъ-*, наряду с которыми существуют образования, внешне напоминающие видовые коррелятивы, однако таковыми не являющиеся. Интересна судьба глаголов *предъспѣти* и *предъспѣвати*. По-видимому, они не находились, как можно было бы предполагать, в коррелятивных видовых отношениях. Оба глагола употребляются только имперфективно: и яко въ манастырехъ ли въ мирьскыхъ повиновении и послушании и о(т)сѣчение воль. *предъспѣють* и паче раци дияволу и дѣломъ его повинуются и покараются и яко не брѣгуще ихъ ради и тъщивии падають (Панд. Ник. Черн., 1296, л. 46; переводит греческий презенс — προκόπτουσιν, см. Срезн. II, 1639); понеже

лукавнии человѣци и волховнии *предспѣваютъ* на горшая. (Гр. митр. Фотия псковичам. 1416 г. — ДРС). Надо полагать, что глагол *предъспѣти* довольно рано вышел из употребления (последняя известная фиксация — Илар. Зак. Благ.; Сбор. 1414 г. — Срезн. II, 1639). Глагол *предъспѣвати* возник, по-видимому, не как видовой коррелят, а как образование аналогического характера к вторичным имперфективам на *-спѣвати* (*преспѣвати*, *успѣвати*).

Присоединясь к перфективным бесприставочным глаголам, приставка *предъ-*, естественно, не меняла видового значения глагола. К числу этих глаголов относятся, во-первых, образования от глаголов «быстрого движения»: *стати — предъстати*, *сѣсти — предъсѣсти*; во-вторых, образования от перфективов, имевших соотносительные бесприставочные имперфективы: *варити* (ср. *варяти*) — *предъварити*, *явити* (ср. *являти*) — *предъявляти*.

Особых замечаний требует глагол *предърещи*. Он встречается в таких же книжных формулах, как и рассмотренный выше глагол *предъписати*: в дьни бо *прѣдъреченааго* крьстиянааго цѣсара костантина (Супр., 186); ни о(т) кого же прѣдъре(ч̄)ны(х̄) играемъ. (Панд. Ник. Черн., 1296 г., л. 134); Яко же и *предрекохомъ* (Фот. м. поуч. ок. 1410 г. — Срезн. II, 1639).

Приставка *предъ-* в этих глаголах вносит лишь значение ‘ранее’ и не оказывает влияния на видовое значение глагола. Об этом говорит тождественное употребление таких предложений:

но мы на *предъреченая* взиде(м̄) (Лавр. лет., л. 159).

и он *предреченный* каменный гроб устроят (Пов. Ск.-Шуйск., 319).

яко *предрекохъ* (Курб. Пис., 458).

мы же на *пре(ж̄)ре(ч̄)ная* взиде(м) (Лавр. лет., л. 164 об.).

яко да *предиреченныи* каменный гроб устроят (Пов. Ск.-Шуйск., 320).

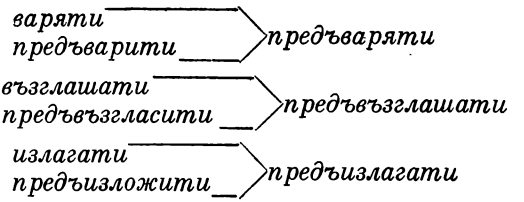
Яко же *преже рѣхомъ* (Зак. Судн., л. 25).

Видовое значение глагола *предърещи* (зафиксированного лишь в формах аориста и страдательного причастия прошедшего времени) определяется видовым значением глагола *рещи*. А. Достал (стр. 67—69) полагает, что

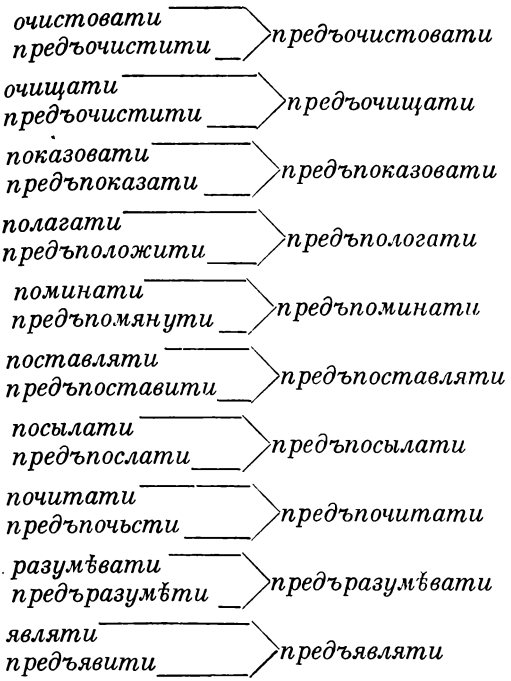
в старославянском языке глагол *рещи* — перфективный. Отклонения от перфективного употребления он видит лишь в форме причастия настоящего времени. Ружичка считает, что древнерусское *рещи* — глагол с неустоявшимся видовым значением [33]. Надо полагать, что глагол *рещи* в формах аориста и страдательного причастия прошедшего времени выражает завершенное действие (ср. Достал, стр. 67, 69, где говорится о «цельном» действии). Поэтому *предъреченыи* надо, по-видимому, понимать как 'ранее названный', 'ранее сказанный' в отличие от *предъписанный* — 'тот, о котором писалось, говорилось', а *предърекохъ* — 'ранее сказал' в отличие от *предъписахъ* — 'ранее писал'. Это определяется разницей видовых значений глаголов *писати* и *рещи*.

Присоединяясь в качестве второй приставки к приставочному перфективному глаголу, приставка *предъ-* также не меняла видового значения глагола. Ср. ст.-сл. и др.-рус.: *прѣдъпоказати*, *прѣдъположити*, *прѣдъпослати*, *прѣдъпоставити*; др.-рус.: *предъвъзгласити*, *предвъзвити*, *предъвъложити*, *предъвънити*, *предъвъспомянути*, *предъвъспѣти*, *предъизбърати*, *предъизложити*, *предъисточити*, *предъисходатати*, *предъназнаменати*, *предъназначити*, *предънаписати*, *предънарещи*, *предънастати*, *предъочистити*, *предъповелѣти*, *предъповѣдати*, *предъпоити*, *предъпостълати*, *предъпочьсти*, *предъпочьстити*, *предъпочьтити*, *предъпривести*, *предъпрославити*, *предъсънабдѣти*, *предъубѣдити*, *предъудържати*, *предъуставити*, *предъучинити*.

Ряд имперфективных глаголов, содержащих приставку *предъ-*, имеет двоякую соотносительность — с перфективным приставочным глаголом и имперфективным бесприставочным, ср.:

[33] R. Ruzicka. Der Verbalaspekt in der altrussischen Nestorchronik. Berlin, 1957, стр. 58.

Глаголы *предъваряти*, *предъвъзглашати* и т. п. возникли, по-видимому, в результате действия аналогии: *предъваряти* вступило в такие же отношения с *предъварити*, в каких *варяти* находилось с *варити*.

Глаголы перемещения *предъводити*, *предъносити*, *предъходити* также явились результатом аналогии (*ити* : *ходити*=*предъити* : *предъходити* [34]).

Эта аналогия отличается от рассмотренной выше тем, что отношения между членами противопоставлений неодинаковы — *ити* и *ходити* (так же как и *вести* — *водити*, *нести*—*носити*), противопоставлены по признаку крат-

[34] Об аналогических процессах при образовании приставочных имперфективных глаголов перемещения см.: C. F. R e g n é l l. Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes. Lund, 1944, стр. 60—65; А. В. И с а ч е н к о. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. II. Братислава, 1960, стр. 327—330.

ности, а приставочные глаголы могут противопоставляться по видовому значению.

Значение кратности у глаголов *предъводити*, *предъносити*, *предъходити*, насколько можно судить по имеющимся примерам, отсутствовало: сего ради црквный чинъ. поставляеть пѣвця. чьтця. и подъяконы. и прозвутеры. пѣвця оубо пѣтия ради. и въспѣвати съ красотою и съ гл(с). и пѣ(с)ми. и *предъводити* люди на стыи бе и на про(к)мены. и иже хѣрови(м) и кенаникы (Панд. Ник. Черн., 1296 г., л. 126 об.—127); о(т)вѣщавши жена глющи. мужь свѣтелъ ч(с)тнъ свѣтлы ризы нося. въ образѣ старца чт(с)на *предънося* коверъ сети наю (Сб. Тр. № 9, л. 194); Всесвѣ(ть)лы явися стлъпъ, *прѣдъходя* цркъви, прподобьне. (Мин 1097, л. 80 — Срезн. II, 1642).

Вторичный имперфектив *предъхожати* (*предъхождати*) отражает болгарское влияние на русские книжные памятники: сила бо нѣкая небесная и бестелесная, звѣзды образъ подошедший, благому Мариану *предхожаше* зѣло явнѣ и познавательнѣ (ВМЧ, Сент. 14—24, 1206 — ДРС); . . . овие вѣтвие отъ финика держаху въ рукахъ, *предхождаху* (Лож. и отреч. кн., XVII в. (О страд. Хр., 92 — ДРС).

Для образования отдельных приставочных имперфективных глаголов перемещения не всегда, по-видимому, необходимо было наличие всех членов приведенной пропорции. Так, в наших материалах имеется глагол *предъгонити*, но отсутствует глагол *предъгънати*; глагол *предънести* зафиксирован в XVII в., а глагол *предъносити* — в XIV в. Возможно, что глаголы *предъносити* и *предъгонити* были образованы по аналогии к другим приставочным глаголам на *-носити*, *-гонити*. Правда, поскольку речь идет о малоупотребительных глаголах, фиксация их в памятниках может быть и случайной. Скорее всего эти глаголы являлись потенциально возможными, воссоздаваемыми, но невоспроизводимыми лексическими единицами.

Это относится и к некоторым другим имперфективным глаголам с приставкой *предъ-*, производящие приставочные перфективы которых не зафиксированы: *предъвѣщавати*, *предъизводити*, *предъизвѣщати*, *предъображати*, *предъобразовати*, *предъотсылати*, *предъподавати*, *предъподвизати* (отсутствует *предъподвигнути*), *предъскакати* (отсутствует *предъскочити*), *предъуразумѣвати*,

предъутвьржати, *предъчинѧти*: более употребителен глагол *предъвѣщати*.

Наоборот, глаголы *предълагати*, *предъставлѧти*, *предърекати (предърицати)*, *предътекати (предътицати)* можно соотнести только с соответствующими приставочными перфективами (ср. выше), поскольку бесприставочные *-лагати* и т. п. — отсутствуют.

* * *

Возвратные глаголы, содержащие приставку *предъ-* как правило структурно и семантически соотносятся одновременно с соответствующими приставочными невозвратными и бесприставочными возвратными. Так, например, *предъочиститися* 'заранее очиститься', соотносится как с *предъочистити* 'заранее очистить', так и с *очиститися*. Аналогичный характер имеют словообразовательные связи глаголов *предъвъчинѧтися*, *предъизвѣщатися*, *предънаписатися*, *предъобразоватися*, *предъписатися*, *предъпоставитися*, *предъудьржатися* [35], ср. также *предъобѣщатися* — 'заранее давать обет' при незафиксированном *предъобѣщати*.

Глаголы *предъвестися* 'руководствоваться чем-либо', *предълагатися* и *предъложитися* соотносятся только с приставочными невозвратными глаголами, так как глаголы *вестися* (см. Срезн. I, 247) и *ложитися* (см. Срезн. II, 43) малоупотребительны и семантически несоотносительны с *предъвестися* и *предъложитися*, а глагол **лагатися* вообще отсутствует.

Как возвратные возникли, по-видимому, глаголы *предъкоснутися* (προσκόπτω) и *предътружда̀тися* (προαγωνίζομαι) — эпизодические образования, созданные для передачи греческих приставочных глаголов. Соответствующие бесприставочные невозвратные глаголы не зафиксированы. Характеристика функций аффикса *-ся* не входит в задачу данной статьи.

Таковы основные вопросы, касающиеся структуры глаголов с приставкой *предъ-*. Новые глаголы с этой приставкой возникали в книжно-славянском типе языка на протяжении всего изучаемого периода [36].

---

[35] *Предъудьржати* зафиксировано только у Миклошича.

[36] Значительное количество глаголов, содержащих приставку *предъ-*, впервые зафиксировано после XVII в. (*предъвкушать*,

Приставка *предъ-* первоначально присоединялась, как было показано выше, к глаголам, объединенным значением «нахождение в пространстве» (в состоянии покоя или движения). Естественно, что приставка *предъ-* в сочетании с этими глаголами указывала направление движения или место в пространстве. Пространственное значение приставки целиком и полностью определялось семантикой основы, а не выражалось ею эксплицитно. Собственная функция приставки заключалась в выражении идеи предшествования — безотносительно к пространственному или временному характеру этого предшествования. Это ясно прежде всего из того, что в более поздних (как старославянских, так и древнерусских) образованиях временно́е и пространственное значение приставки являются позиционными вариантами общего значения «предшествования», зависимыми от значения основы. Временно́е значение возникает у приставки тогда, когда этому способствует значение основы, с которой она соединяется. Значение временно́го предшествования, содержащееся, например, в семантике ст.-сл. *варити*, *варяти* обусловило временно́е значение приставки в глаголах *пр҃ѣдъварити*, *пр҃ѣдъварѧти*.

Временно́е значение отмечено лишь в более поздних (ср. выше) старославянских глаголах: кроме *пр҃ѣдъварити*, *пр҃ѣдъварѧти*, еще в *пр҃ѣдъпоказати* и *пр҃ѣдърещи*.

Пространственное значение приставки *предъ-* и в дальнейшем развивается как правило только у глаголов, обозначающих расположение или перемещение. К их числу относятся многие глаголы, значения которых на протяжении рассматриваемого периода претерпели разнообразные и во многом общие семантические изменения, оказавшие влияние на степень прозрачности морфемной структуры глаголов. Ниже будут рассмотрены изменения

предохранять, *предначертать*, *предостерегать*, *предпринимать* и мн. др., а также отыменные: *предводительствовать*, *представительствовать* и т. п.). Интересно, что книжные новообразования возможны и в современном языке:

Все непременным чередом идет,
Двадцатый век наводит свой порядок,
Подрагивает, словно самолет,
Предслыша небо серебром лопаток

(Белла Ахмадулина. Моя родословная. «Юность», 1964, № 1, стр. 44).

значения приставки *предъ-* в статальных, каузативных глаголах и глаголах перемещения, связанные с изменением значений самих глаголов.

В старославянских и древнерусских памятниках все приставочные с т а т а л ь н ы е глаголы (*предълежати*, *предъстояти*, *предъсѣдати*, *предъсѣдѣти*) могли употребляться в исходном значении 'находиться перед чем-нибудь или впереди':

предълежати: нѣстъ бо чкъ творяи *прѣдълежяштаа* да будутъ тѣло и кървъ хва (Клоц., I, 414); прѣподобныи оць нашь феодосии... иде въ *прѣдълежащюю* гору киликиискую. и обрѣте ту камень великъ (Лобк. прол., л. 140а);

предъстояти: богату и убогууму та жде трепеза *прѣдъстоитъ* (Супр., 491); в суботу княгини(ж) его беспрестани плакашеся. *пре(д)стоящи* у гроба (Ипат. л., л. 303 об.);

предъсѣдати — Мирские богатины на обѣдѣ у себе посажаемъ; ... не на брацѣхъ ли у нихъ мы *предъсѣдаемъ?* (Посл. ц. Ив. Вас. Кир. Белоз. мон., ок. 1578 г. — Срезн. II, 1641);

предъсѣдѣти: и възрѣв же на нь *прѣдъсѣдящь* ц(с)рь бесовьскъ глше меситу (Лобк. прол., л. 75а).

В этих значениях приставочные глаголы соотносились с бесприставочными *лежати*, *стояти*, *сѣдати*, *сѣдѣти* и поэтому отчетливо членились на морфемы.

Развитие вторичных значений у рассматриваемых слов происходило по-разному. Наиболее активно оно шло у глагола *предълежати*. Употребления его в первичном значении единичны уже в древнейших памятниках, а после XIII в. не встречаются вовсе. Подавляющее большинство употреблений приходится на вторичные значения, при этом пространственные представления уступают место временным. Одно из этих значений тесно связано с книжной формулой типа: мы же на *пре(д)лежащее* възвратимъ(с) (Пал., л. 136а). В составе этой формулы употребляется только причастие, перешедшее по существу в существительное (передает греч. τὰ προκείμενα [37]).

[37] K. S c h u m a n n. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Wiesbaden, 1958, стр. 50.

Приставка приобретает значение временно́го предшествования.

В других контекстах значение предшествования получает оттенок предопределенности, долженствования; например: и яко и мнихомъ. *предълежить* даяти мл(с)тню (Панд. Ник. Черн., 1296, л. 63г).

На основе оттенка предопределенности возникает своеобразное совмещение прошедшего и будущего, например: не веси ли яко опщая смерть всѣмъ *предлежитъ* и общь судъ всѣхъ ждеть (Варл. Хут., 181 — ДРС), т. е. предопределена заранее и поэтому предстоит в будущем. Интересно, что одно из этих значений может переходить в другое, ср. рассмотренные ниже *предъидущии* (первоначально 'будущий', затем 'предшествующий').

Глагол *предъстояти* значительно дольше сохранял связь с *стояти*, так как употреблялся чаще всего в однородных контекстах, рассказывающих о стоянии перед каким-либо «высоким» лицом (богом, царем) и т. п., ср. в памятнике XVII в.: Блажени мужие твои и блажени отроци твои, иже *предстоятъ* передъ тобою, всегда слышащи смыслъ твой (Посл. Ю. Крижанича ц. Фед. Ал. (после 1676 г.), 7 — ДРС). В связи с тем, что речь часто шла о слугах (ср., например: слуга бо не сѣдить, но *предстоитъ* (ВМЧ. Сент. 14—24, 842 — ДРС), возникает субстантивированная форма *предстоящии*, которая может употребляться для называния слуги безотносительно к тому, стоит ли он в данный момент или нет, например: и, паки пошед от нея, въстрете некоего от *предъстоящих* брату его и рече ему. . . (Пов. о П. и Ф., 235).

На основе исходного значения возникает значение 'защищать', собственно 'стоять впереди, защищая', например: жену имамь дѣти питаю, дому *предстою*, житейский человѣкъ есмь (ВМЧ. Сент., 14—24, 1059 — ДРС) и временно́е значение 'предстоящее', 'будущее', близкое к значению глагола *предълежати*: . . . яко извѣстити съ епархиискыими *прѣдъстоящее* (τά παριστάμενον) (Ефр. корм., л. 259); Се бо чяда моа приближися днь рока и врѣмя прѣ(д)стоить ми нарочное нудит(т) мя на ошествие мое (Кн. Иохова, I, XIII в. (XV в.), 53— ДРС).

В глаголах *предъсѣдати* и *предѣсѣдѣти* приставка не развила вторичного временно́го значения.

* * *

Существенные семантические изменения претерпели приставочные к а у з а т и в н ы е глаголы *предъложити*, *предъставити*, *предъположити*, *предъпоставити*. Общее направление развития — утрата конкретно-пространственного значения и развитие вторичных значений, связанных с понятиями «абстрактно-психического» плана. Естественно, при этом стирается пространственное значение приставки *предъ-*. Общее направление развития проиллюстрируем на примере глагола *предъложити*.

Как в старославянских, так и в древнерусских памятниках он употребляется в исходном значении 'положить что перед кем' (почти всегда о пище), например: и *прѣдъложи* ему яди многы. и гла ему обило яждъ (Супр., 558); Сергии же приимь сиа [гнилые хлебы. — *И. У.*] и *предложи* а пре(д) собою (Епиф. ж. Серг., 86 — ДРС). По-видимому, так надо понимать контексты типа: ... и рыбу повелить *прѣдъложити* (Уст. Студ., л. 205 об.) Уже в старославянских памятниках находим употребления этого глагола по отношению к явлениям нематериальным: ину притъчу *прѣдъложи* имъ гля (παρέθηκεν) (Мар., 44); подобаеть же прочее и на пользьнѣишая въкупь. и любьзная увѣщания. въ нынѣшнихъ книгахъ *прѣдъложити* (Уст. Студ. XII в., л. 216—217). Насколько можно судить по имеющимся материалам, в течение рассматриваемого периода глагол не употреблялся в сочетании с инфинитивом.

Только в пространственном значении отмечен лишь малоупотребительный глагол *предъпостьлати* 'постелить перед чем': поставлять внѣ храма предъ дверми пречистую икону на престолѣ, *предпославше* коверъ предъ престоломъ (М. Гр. III, 98).

* * *

Глаголы «быстрого движения» (*предъстати*, *предъсѣсти*), в отличие от рассмотренных выше, не претерпели существенных семантических изменений; приставка *предъ-* сохраняла пространственное значение.

В глаголах п е р е м е щ е н и я пространственное значение выступало в трех вариантах, зависимых от окружающего контекста: 1) действие происходит впереди;

2) действие направлено к чему-либо; 3) действие направлено просто вперед.

Эти варианты пространственного значения приставки могут выявляться в разных употреблениях одного и того же глагола.

Так, глагол *предъити* может означать, во-первых, 'идти впереди', например: *предъидуще (м)* черноризце(м) свѣщѣ держаще в рукахъ. и по ни(х) дьякони... (Лавр. лет., л. 61); во-вторых, 'подходить (подойти) к чему-либо', 'являться (явиться) перед чем-либо', например: моиси ре(ч) страцемъ ... се же аронъ и оръ с вами а чему лучитися *предъиду(т)* к нима (Пал., л. 132б) и, в-третьих, по-видимому, 'идти вперед': показа Володимеру запону. на неиже бѣ напи(с)но судище Г(с)не. показываше ему. о десну првдныя. в весельи *пр(е)дъидуща* въ раи. а о шюю грѣшники идущя в муку (Лавр. лет., л. 36—36 об.) (Д. С. Лихачев переводит «идущих в рай» [38]).

Первый и второй варианты пространственного значения представлены также у глаголов *предътещи* и *предъходити*. Примеры: *предътещи* — 'идти впереди': Бжие жилище въ црквь стую приводиться, Бца Мриа, плътию три лѣтъ сущи, и тои стять двы, *предътекуще* (Мин. 1097 г., л. 124 — Срезн. II, 1612); 'явиться перед чем', 'прийти к чему': силы нб(с)ныя двигн(у)тся и *пре(д)теку(т)* пре(д) полки и(х) молнии огнены и вихорь великъ (Изм. 280, перв. пол. XVI в. (XIV—XV в.) — ДРС); *предъходити* — 'идти впереди': Анна бжия блгдть яви блгдтьну чсту и приснодву водить съ веселиемь въ црквь бжию, призъвавъши же *прѣдъходити* еи отроковица свѣща носящи, глщи... (Мин. ноябрьск. 1097 г. — ДРС); 'идти к чему-либо': Свѣтьло знамение. *прѣдходя* на стую Дѣву. (Сл. Ио. Бог. (Свѣд. и зам., № 38, с. 68) — Срезн. II, 1642), хотя в этом тексте можно усматривать и контаминацию с глаголом *преходити*.

Первый и третий варианты отмечены у глагола *предърискати* 'бегать перед кем': И створи црь рова(м) ору-

---

[38] См.: Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 272.

жиа мѣдяная в того мѣсто. и постави на(д) ними властеля о(т) *пре(д)рищущи(х)* пре(д) ни(м) и на хранение дому црви (3. Цар. XIV. 27. Библ. Генн. 1499 г. — ДРС) (в этом тексте выступает уже, по-видимому, субстантивированная форма, имеющая значение 'стражи', 'телохранители'; ср. рассмотренное выше *предъстоящии* — 'слуга'); 'выбегать', 'выскакивать вперед': Они ж... огнь метаху на овны и на порокы и воя биаху. унѣшии и мнози, *пре(д)рыщуще*, покровы о(т)сѣкаху и нападаху на(д) стоящаа по(д) ними (Иос. Флав. О полон. Иерусал. V. Волокол. оп., л. 162 об. — ДРС).

Глаголы *предъгрясти*, *предъпасти*, *предъпоити*, *предъскакати* обозначают, судя по нашим материалам, действие, происходящее перед кем, впереди кого (первый вариант пространственного значения):

предъгрясти — 'идти впереди': *пре(д)грядущимъ* кологеромъ, свѣща дръжаще, и по нихъ диакони съ кандилы и по нихъ презвитери (Переясл. лет. XV в., 49 — ДРС);

предъпасти — 'упасть перед кем': ядоша и поклониша (с) вси мучнии земля прѣ(д) нимь *пре(д)падуть* вси нисходящии в землю. (Пс. XXI, 30. Библ. Генн. 1499 — ДРС);

предъпоити — 'пойти перед кем': и будеть пришьствие ихъ показание немилостивно. *прѣ(д)поиду(т)* же прѣ(д) ними на землю язвы... пагуба губительство тлѣ и запустение (Откр. Меф. Пат., II, XVI в., 109 — ДРС).

предъскакати — 'скакать перед чем': Предъ домомь же *предъскакати* (Новг. крм. 1280 г. (Бусл. 384) — Срезн. II, 1639).

В том случае, если эти пространственные отношения обозначены в предложении предлогом *предъ*, приставка ослабляет свое значение, превращаясь в усилительное средство. Такую роль играет приставка в глаголе *предъсвѣтити*, не относящемся к рассмотренным семантическим группам: и на утрия повелѣ ми црь *пре(д)стити* пре(д) собою. и самъ сѣде на пр(е) (с)тлѣ своемь злато(м)... (Пов. об Акире, XV ~ XI — XII в. — ДРС).

Глаголы *предъвънити*, *предънести*, *предъносити* означают действие, направленное к чему-либо (второй вариант пространственного значения):

предъвънити — ‘явиться перед чем’: всемогуще слово твое г̑и исходящи о(т) нб̑си о(т) цр̑ьскы(х) пр(с)тлов жестокъ побранитель посре(д) истреблении земли *предъвниде* (Прем. Сол. XVIII, 14—15. Библ. Генн., 1499 — ДРС);

предънести, предъносити — принести (приносить) кому, представить (представлять) перед кем: и ту его вину и преступленье передъ королемъ *предънесутъ* и в книги сонмовые запишутъ Лескли (ДРС); см. также пример на стр. 140.

Малоупотребительный глагол *предъгонити* обозначает, по-видимому, действие, направленное вперед (третий вариант пространственного значения): . . . востани в помощь мнѣ и суни оружие и заври *предъгонящихъ* ми (Чт. Б. и Г., л. 24б; Пс. XXXIV, 3).

На основе указанных пространственных значений возникают переносные значения. На основе первого варианта пространственного значения возникли переносные значения глаголов *предъвестися* ‘руководствоваться’, см. пример на стр. 133), *предъводити* ‘руководить’: и даже до днесь *предводитъ* же и наставляеть всѣхъ (Фирс. (Похв. сл. Иоанну), 1660 г., 97 — ДРС).

Из второго варианта пространственного значения («действие, направленное к чему-либо») развилось, по-видимому, переносное значение глагола *предъпривести* — ‘сообщить’, ‘указать’, ‘привести что-либо’: Ову убо (правилу), не въпрошающе отречениа отъ нихъ на крещение, иже не *предприведенныхъ* отъ епископъ, повелѣвшу (Посл. М. Фот. Псков. 1410—1417 — Срезн. II, 1639). Близкое значение имеет зафиксированный только в Супр. старославянский глагол *предъизводити*: . . . тръпитъ вьзбѣсьнѣвъшиимъ. цѣлить отъвѣтомъ обяштрение. попинае писания. *прѣдъизводитъ* съвѣдѣтьства творяштиимъ (Супр., 330). Правда, у обоих приведенных глаголов можно усматривать временно́е значение приставки [39].

В составе глаголов перемещения приставка *предъ-* под влиянием контекста может легко менять исконное пространственное значение на временно́е. Оба эти значения могли сосуществовать у приставки в составе одного

[39] Срезневский (II, 1639) видит у глагола *предъпривести* пространственное значение приставки, а Достал (584) у глагола *предъизводити* — временно́е.

и того же глагола. Причастная форма глагола *предъгрясти* получает значение 'будущий', 'грядущий': и реклъ ему судия. въ *предъгрядущии* день осужденъ будетъ насмерть (РД, 292 — ДРС). То же значение получила причастная форма глагола *предъити*, например: и на *прѣдъидущю* временѣ правителя о(т)падъ помысла стр(с)тию ять будеть (Ряз. корм., л. 334б) [40]. Это значение возникало непосредственно на основе пространственных представлений: «идти впереди в пространстве» — «следовать впереди во времени». Современное значение слова *предыдущий* возникло на основе временно́го значения приставки *предъ-* 'ранее', 'перед', причем, по-видимому, не ранее XVIII в.; важную роль сыграло противопоставление более древним *послѣдующии*, *послѣдьствующии*; ср. наиболее ранние известные нам фиксации слова в значении 'следовавший перед, до': . . . онъ не находитъ согласия между *предъидущимъ* и *послѣдующимъ* въ предложении господина депутата Глазова (Днев. зап. ком. Нов. Ул. 1768, 81 — ДРС); Егда *пре(д)идущее* о(т)рицается о(т)рицается и *послѣдствующее* (Наука краснор., 38 — ДРС). Это противопоставление восходит, по-видимому к аналогичным контекстам с пространственными значениями обоих слов: . . . яко толику бесчисленно народу суще, *предидуще* и *последствующи*, яко звезд небесных (Пов. Ск.-Шуйск. 320). Употребление во временно́м значении других форм глагола *предъити* было, очевидно, эпизодическим и не отразилось на изменении значений причастной формы. В церковном памятнике конца XV в. мы находим форму *пре(д)шло* в значении 'было', 'прошло': что *пре(д)шло* знаю, что же пришествие буде(т) не вѣ(м) (3 Ездр. IV, 46. Библ. Генн. 1499 — ДРС), хотя *предъидущии* в значении 'будущий' постоянно употребляется до конца XVII в.

Временно́е значение развила приставка *предъ-* и в глаголах *предътещи* 'опередить' и *предъходити* 'предшествовать', например: И прииде к брату, рече ему: Приидох же паки семо, ты же не вем како мя *предтече* и напред мене зде обретеся (Пов. о П. и Ф., 235); всякыа

[40] Причастная форма глагола *предътещи* также развила это значение; известны, правда, лишь примеры из памятников XVIII в.: и такъ в *предтекущее* время могутъ. . . чрезъ короткое время сыскать много скважинъ (Днев. зап. Ком. Нов. Ул., 1768; 198 — ДРС).

злобы сладость *пре(д)ходить* (Сл. избр. Климента Смолят., XV в. 173 — ДРС). Глагол *предъходити* в этом значении уступил место глаголу *предъшьствовати*.

* * *

Пространственное и временное значения совмещали еще некоторые глаголы.

Глагол *предъзрѣти* употреблялся в значениях: 1) 'видеть перед собой', ср. часто цитируемый в церковных произведениях текст: *Предзрех* господа предо мною выну, яко одесную мене есть (Ж. Епиф., 196; Пс. XV, 8); 2) 'смотреть на кого-либо, находящегося впереди': Овѣхъ мастномъ лицемъ смотряще, а другы(х) яромъ *предзряше* (Прох. Жит. Ио. Богосл. — Срезн. II, 1634); 3) 'предвидеть': сего глада *предъзря* пр҃рькъ гл҃ше. (Сб. Соф. XIV — XV в., л. 109 г). Глаголы *предъвидѣти* и *предъсмотрѣти* зафиксированы в наших материалах только во временно́м значении.

В сочетании с причастными формами от глагола *быти* приставка *предъ-* может приобретать как пространственное значение, например: Аще и неволею Фекла о(т) учителя о(т)лучися, нъ тебе *предъсуща* зьряше въ врѣмя твоего страдания (Мин. 1096 г. (сент.), л. 140. — Срезн. II, 1641), так и временно́е: Яко рачителное движение благаго *предсуще*, въ благомъ просто и самодвижно суще, и отъ блага происходя, пакы въ тожде възвращается (ВМЧ, Окт. 1—3, 469, 470 — ДРС).

* * *

Заканчивая описание глаголов с пространственным или с пространственным и временным значением приставки, рассмотрим вариации пространственного значения немногочисленных глаголов, не входящих в рассмотренные выше семантические группы.

Глагол *предъбрати* зафиксирован лишь в переводных текстах XI и XII вв., где он, точно передавая структуру греческих приставочных глаголов, употреблялся в значении 'за кого-нибудь воевать': Възбраняя, прѣтя, поимы творя, *прѣдъборя* странамъ, градомъ, комужьдо (προπολεμεῖν) (Гр. Наз. XI в., 60 — Срезн. II, 1633); За дружину *прѣдъборюще* (πρόμαχοι) (Ио. Лѣств. XII в. (В) — Срезн., Там же). Указанное значение имеет в основе простран-

ственное представление: 'бороться впереди, защищая тех, кто сзади'; ср. *предъстояти* в значении 'защищать'.

Значение глагола *предъявити*, калькированного, по-видимому, с греческого προδηλόω — 'делать явным', 'обнаруживать', можно связать со вторым вариантом пространственного значения — 'движение к чему', ср. аналогичное развитие значений у глаголов *предъпривести*, *предъизводити* (см. выше).

Трудно говорить о значении приставки в глаголе *предъкоснутися*, поскольку оно стерлось еще, по-видимому, в греч. προσκόπτω 'ударять', оскорблять', структуру которого неточно воспроизводит этот оказиональный глагол[41]: Бояшеся *предкоснутися* бозѣхъ своихъ (προσκοροβσαι, ne offenderet) (Афанас. о Мелхед. — Срезн. II, 1635).

* * *

Во всех остальных глаголах, отмеченных в памятниках XI—XVII вв., приставка имеет только временно́е значение — 'ранее' или 'заранее'. Значения основ чрезвычайно разнообразны и не поддаются объединению в семантические группы. Можно выделить лишь группу глаголов со значением извещения, сообщения, говорения и т. п.: *предъвъзвѣстити*, *предъвъзгласити*, *предъвѣщати*, *предъгласити*, *предъизвѣщати*, *предъизлагати*, *предъклепати* — 'заранее объявлять', *предъзнаменати*, *предънарековати*, *предънарещи*, *предъображати* — 'заранее посылать знамение', *предъобразовати* (то же значение), *предъповѣдати*, *предъпоказати*, *предъпоминати*, *предърещи*, *предъсъвѣдѣтельствовати*.

Ослабление временно́го значения можно усматривать лишь у глаголов *предъчьсти*. *предъпочьсти*. *предъпочьтити* и т. п., означавших. собственно. 'ранее. прежде всего почтить (почитать)'.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Элемент *пръдъ* в наречном значении, присоединившись к статальным глаголам, соотносительным с ними

41 Более точным переводом было бы *прикоснутися*, поскольку приставка προσ- означает 'приближение', 'присоединение'. Переводчик использовал приставку *предъ-*, очевидно, под влиянием греческой приставки προ-.

каузативным глаголам и глаголам движения, превращается в приставку. Возникает новая словообразовательная модель.

Почти все старославянские глаголы с приставкой *прѣдъ-* отмечены и в древнерусских памятниках. По образцу этих наиболее употребительных глаголов на протяжении всего рассматриваемого периода в пределах книжно-славянского типа языка возникали новые глаголы с приставкой *предъ-*, многие из которых представляли собой, по-видимому, окказиональные образования, не имевшие устойчивой традиции употребления, однако определенное число новообразований закрепилось в языке (*предпочитать*, *предшествовать*, *предъявить* и т. п.).

Видообразующая роль приставки *предъ-* крайне ограничена. Это объясняется отсутствием у нее значений, оказывающих влияние на характер протекания действия во времени. Лишь каузативные глаголы и глаголы перемещения перфективируются присоединением приставки *предъ-*. При этом каузативные глаголы как глаголы, обозначающие действие, направленное к достижению определенного результата («предельное» значение), присоединяя приставку *предъ-*, всегда перфективируются; глаголы перемещения, предельность которых менее выражена, перфективируются лишь в определенных контекстных условиях: при указании на определенную фазу движения.

С точки зрения морфемной структуры выделяются следующие типы глаголов с приставкой *предъ-*:

I. Глаголы, соотносительные с бесприставочными глаголами, которые в свою очередь, делятся на две группы:

1) отличающиеся видовым значением от производящего глагола (сюда относятся, как было сказано, каузативные глаголы и глаголы перемещения: *ставити — предъставити*, *ити — предъити* и др.);

2) не отличающиеся видовым значением от производящего глагола, делящиеся на имперфективные (*предъвидѣти*) и перфективные (*прѣдъварити*).

II. Глаголы, соотносительные с приставочными перфективными глаголами, не отличающиеся видовым значением от производящего глагола (*предъпоказати*, *предъвъзгласити*).

III. Глаголы, несовершенного вида, соотносительные с перфективными приставочными глаголами и имперфективными бесприставочными (*предъварѧти*, *предъходити*),

возникшие в результате действия аналогических процессов двух типов:

а) *варити* : *варяти*=*предварити* : *предъварятн*;

б) *ити* : *ходити*=*предъити* : *предъходити*.

IV. Глаголы несовершенного вида, соотносительные только с приставочными глаголами совершенного вида (*предъставлятн*).

V. Возвратные глаголы, соотносительные чаще всего как с приставочными невозвратными, так и с бесприставочными возвратными (*предъочититися*), реже — только с приставочными невозвратными (*предъложитися*).

Общее деривационное значение приставки *предъ-* 'предшествование'. Пространственное или временно́е значение приставки определяется значением производящей основы. Пространственное значение приставка имеет в глаголах, означающих расположение и перемещение. Эти же глаголы — наиболее древние среди глаголов с приставкой *предъ-*, поэтому пространственное значение древне́е временно́го, которое может развиваться в качестве вторичного у статальных глаголов (*предълежати*, *предъстояти*) и у глаголов перемещения (*предъидущии*); пространственное значение, а следовательно, и соотношение с производящим глаголом, постепенно утрачивается. Каузативные глаголы, утрачивая пространственное значение, развивают вторичные значения абстрактно-психического плана. Таковы главные пути изменения пространственного значения глаголов с приставкой *предъ-*, а следовательно, и изменения значения приставки. Первичное временное значение приставки возникает у глаголов, единственным объединяющим признаком которых является отсутствие значений расположения или перемещения.

Л. В. Вялкина

ГРЕЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ XI—XIV вв.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сложные слова, очень употребительные в древнерусском литературном языке XI—XIV вв., были известны уже древним индоевропейским языкам. В работах Мейе [1], Селищева [2] и др. отмечается, что сложения употребляются в произведениях определенных жанров. Славянские языки в историческую эпоху создали много новых сложных слов, следуя сохранившемуся индоевропейскому типу.

Что касается сложений, возникших на русской почве, то их очень трудно отграничить от слов, созданных по старославянскому образцу. В исследовании, посвященном Хронике Георгия Амартола, В. М. Истрин [3] пишет о том, что грани между старославянизмами и образованными по тем же моделям древнерусскими книжными словами очень зыбки и неясны. На это же указывает и В. В. Виноградов: «Можно думать, что старославянизмы, вливаясь в речь не только древнерусского духовенства, но и других грамотных слоев древнерусского общества, здесь создавали модели для образования новых слов из восточнославянского лексического материала. Морфологические элементы, восходящие к старославянскому языку, могли вступать в новые сочетания с чисто русскими морфемами. Таким образом возникали разряды славянорусизмов» [4].

---

[1] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.

[2] А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II. М., 1952.

[3] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. II. Л., 1930.

[4] В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 50.

Исследование материалов грамот показывает, что сложные слова были известны и разговорно-бытовому языку XI—XIV вв. Так, нам встретились примеры употребления слов *земледьржьць*, *простоволосыи*, *коуноѣмьца* и др.

Многие типы словосложений возникли на русской почве под влиянием переводов с греческого. Стремясь точнее передать смысл греческого оригинала, переводчик создавал много слов-калек. Но слепого подражания не было. Переводчик постоянно изменяет греческую модель, используя словообразовательные возможности древнерусского языка той эпохи.

В работах М. Н. Сперанского [5], В. И. Пономарева [6], Е. А. Василевской [7], Т. В. Собанской [8] ставится вопрос о происхождении сложных слов. Древнерусские compositа в их сравнении с греческими исследованы еще недостаточно. Кроме указанных работ М. Н. Сперанского, В. М. Истрина, и В. И. Пономарева, подобный подход мы находим лишь у Вейнгардта [9]. Но все исследователи, кроме Истрина, изучали более поздний период, после второго южнославянского влияния.

В настоящей статье для анализа берется малоисследованный материал переводных памятников XI—XIV вв. — Хроники Георгия Амартола, Ефремовской кормчей, Древнерусской Пчелы (конец XIV в.) и XIII слов Григория Богослова по рукописи XI в. Выбор материала определился тем, что это немногие из древнерусских переводных памятников, к которым имеется параллельный греческий текст. При исследовании Хроники Георгия Амартола использовался также словоуказатель, составленный Истриным [10]. Относительно трех первых памятников есть предположение, что их первый перевод был сделан на Руси [11]

---

[5] М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

[6] В. И. Пономарев. К истории сложных слов в русском языке. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», 1953, № 4.

[7] Е. А. Василевская. К проблеме сложного слова. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1940, № 48, вып. 10.

[8] Т. В. Собанская. Типы сложных прилагательных в языке русской письменности XI—XVIII вв. Ростов-на-Дону, 1954.

[9] M. Weingardt. Byzantinskě kroniky v literaturě cirkevněslovanske, č. I. Bratislava, 1922.

[10] См.: В. М. Истрин. Указ. соч.

[11] М. Н. Сперанский. Указ. соч.; В. М. Истрин. Указ. соч. и др.

Для сравнения приводятся данные XIII слов Григория Богослова по сп. XI в. (несмотря на то, что перевод этого памятника был сделан в Болгарии [12]), материалы картотеки Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Института русского языка АН СССР, а также некоторые примеры из «Материалов для словаря древнерусского языка» Срезневского [13].

Материал переводных памятников для нашей темы наиболее интересен, так как сравнение перевода с оригиналом дает наглядную картину того, как происходила передача на русский язык греческого сложного слова, какие слова калькировались, а какие переводились иначе. Особенно интересны те случаи, когда греческое сложное слово переводилось русским простым словом [14] или словосочетанием, а также такие, когда русским compositum передавалось греческое простое слово.

Рассматривая различные способы передачи на русский язык греческих composita, мы делаем попытку установить, существовала ли в древнерусском языке XI—XIV вв. своя модель сложного слова, и если да, то в каком отношении она находилась к модели греческой. Интересным представляется выяснить взаимоотношения слов, заимствованных из греческого языка (в данном случае нас интересуют лишь семантические заимствования-кальки), и слов, образованных по греческой модели, но из русских корней.

Итак, в статье исследуются все сложные слова, встретившиеся в упомянутых выше памятниках. Количественный состав их следующий:

Хроника Георгия Амартола	— 1011
Ефремовская кормчая	— 440
Пчела	— 250
Григорий Богослов	— 295
Итого	— 1996

[12] А. С. Будилович. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи императорской публичной библиотеки XI в. СПб., 1871.

[13] Указания на памятники в этих примерах даются в сокращениях, принятых для данного словаря. Примеры приводятся с пометой: (Срезн.).

[14] Термин «простое слово» употребляется в данной статье в противоположность термину «сложное слово».

Материал рассматривается в следующей последовательности: 1) русская калька греческого сложного слова (без замены мест компонентов и с изменением структуры compositum); 2) синонимы в составе composita (лексические и словообразовательные); 3) русское сложное слово на месте простого греческого; 4) словосочетание на месте греческого compositum; 5) русское сложное слово на месте греческого словосочетания.

РУССКАЯ КАЛЬКА НА МЕСТЕ ГРЕЧЕСКОГО COMPOSITUM

При переводе на русский язык памятников древнегреческого языка большую роль играло калькирование. Кальками передавались многие сложные слова в памятниках XI—XIV вв. Но как показал анализ материала этих памятников, калькирование было хотя и значительным, но не основным фактором развития языка. В рассмотренных нами примерах способом калькирования передано 850 слов, т. е. менее 50% всех встреченных нами composita. Большинство из них составляют сложные слова с первой частью *благо- бого-*, *зъло-*, *мъного-* и др. Все это так называемые старые кальки, известные еще старославянскому языку.

В связи с вопросом о кальках несколько слов следует сказать о сложных глаголах. Из всех сложных слов исследователи меньше всего внимания уделяли сложным глаголам. Большинство работ о сложных словах посвящается анализу структуры сложных существительных или прилагательных. А между тем глаголы тоже представляют некоторый интерес. В сложных глаголах ярче, чем в остальных частях речи, выступает связь между сложным словом и словосочетанием. Но вопрос о том, что считать сложным глаголом, а что — словосочетанием, остается не выясненным до конца.

В одних случаях видно, что перед нами не словосочетание, а compositum. Это относится к таким примерам, где в первой части существительное: *кумирослужити* (Ефр. корм., 273б). Перед нами сложное слово с формальным признаком — соединительным гласным. Но там, где первым компонентом является прилагательное или наречие, дело обстоит сложнее. Действительно, трудно сказать, произошла ли в древнерусском языке лексикализа-

ция словосочетаний *добро дѣяти*, *благо творити* и т. п. Еще более спорными являются случаи с наречием в первой части: *мимо ити*, *рано приходити* и др. При выяснении этого вопроса большое значение имеет сравнение с греческим текстом.

Как показал исследуемый материал, при передаче греческого сложного глагола наиболее распространенным способом является калькирование. Так, кальками с греческого являются 102 глагола из 161 рассмотренного[15]. В первой части этих глаголов могут быть *благо-*, *бого-*, *басно-*, *вьсе-*, *веле-*, *дълго-*, *добро-*, *зъло-*, *законо-*, *лъже-* и др.: *благодарьствовати* — εὐχαριστεῖν (Г. Амарт., 299, 29); *благочьствовати* — εὐσεβεῖν (Г. Амарт., 478, 15); *благовѣствовати* — εὐαγγελίξομαι (Ефр. корм., 70б); *добромыслити* — εὐνοεῖν (Пчела, 12 об.); *знаменословити* — τερατολογεῖν (Г. Амарт., 85, 7) и др.

Но возможны и другие способы передачи. Как и в других частях речи, в сложных глаголах наблюдаются случаи синонимии при переводе с греческого языка на русский. Это возможно даже в группе слов с *благо-*, бо́льшая часть которых является кальками. На месте греч. εὐεργετέω — 'благодетельствовать' русские *благодѣиствовати* (ГБ, 8δ) и *благосъдѣлати* (Там же, 329δ). Греч. παρέρχεσθαι 'проходить мимо' передается русскими compositа *мимоити* (Г. Амарт. 185, 22) и *мимоходити* (Там же, 265, 24).

Еще более частыми являются в глаголах случаи словообразовательной синонимии. Так, *лицемѣроватися* (ГБ, 109δ) и *лицемѣрьствовати* (Ефр. корм., 225в) передают греч. ὑποκρίνομαι (καθυποκρίνομαι 'притворяться', 'прикидываться', 'представляться'). Греческий глагол σωφρονεῖν 'быть благоразумным, почтительным' передается тремя русскими: *цѣломудрити* (Пчела, л. 108); *цѣломудровати* (Там же, 12 об.) и *цѣломудрьствовати* (Там же, л. 13).

Словообразовательная синонимия в глаголах может быть связана и с видовыми различиями: один и тот же греческий глагол передается русскими глаголами различных видов. Греч. εὐδοκεῖν 'нравиться', 'быть по душе'

[15] В этом разделе исследуются только спрягаемые формы глагола. Что же касается причастий, то трудно определить, образовано ли это причастие от сложного глагола или независимо от него — из словосочетания. Поэтому сложные причастия целесообразнее рассматривать в разделе о сложных прилагательных.

соответствуют *благоволити* (Пчела, л. 102 об.; ГБ, 297δ и др.) и *благоизволити* (Г. Амарт., 272, 1). Глаголы совершенного вида *благосъмворити* (Г. Амарт., 275, 15) и несовершенного *благотворити* (Пчела, л. 42 об.) передают один и тот же греческий глагол εὐποιεῖν. То же самое в *зълотворити* (Г. Амарт., 511, 13) и *зълосъмворити* (Г. Амарт., 133, 11) на месте κακοποιεῖν. Видовые различия русских глаголов могут быть переданы и при помощи различных суффиксов: *благословити* (Пчела, л. 23; Ефр. корм., 97б и др.) и *благословлѧти* (Ефр. корм., 189б) на месте греч. εὐλογεῖν.

При передаче на русский язык греческого сложного глагола переводчик не всегда точно отражал и залог греческого глагола. Очень часто греческий средний залог передается русским действительным. Греч. εὐαγγελίῤοξαι 'сообщать приятное известие' передается глаголами действительного залога *благовѣствовати* (Ефр. корм., 70б); *благовѣстити* (ГБ, 12β; Г. Амарт., 490, 16) и др. Есть, правда, один пример употребления страдательного залога: *благовѣститися* (Ефр. корм., 217а). Действительный залог на месте медиального имеем в глаголе *человѣколюбьствовати* — φιλανθρωπεύομαι (Ефр. корм. 82а). И, наконец, обратный случай передачи греческого действительного залога русским страдательным: *велемудроватися* — μεγαλοφρονέω 'быть высокомерным' (Г. Амарт., 558, 15).

Очень большую группу составляют образования с неизменяемым прилагательным или наречием в первой части. Это так называемые сращения, которые являются кальками с греческого и для которых остается невыясненным вопрос об их лексикализации. В первой части этих сращений могут быть *преже- (прежде-)*. *пакы-*, *удобь-*, *неудобь-*, *особь-*, *супротивъ-*, *противу-*.

Исследование глагольных сочетаний с *преже-* (*прежде-*) показывает [16], что они не были в древнерусском языке живой категорией. Почти все кальки с *преже-* (*прежде-*) являются искусственными, но не выходящими часто за пределы одного памятника. Процесс лексикализации коснулся лишь небольшой группы глаголов, в первую

[16] См. об этом подробнее: Л. В. Вялкина. Глагольные сочетания с *преже-* в древнерусском языке XI—XIV вв. «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М., 1964.

очередь глаголов говорения: *рѣчи*, *глаголати*, а также глаголов *варити*, *писати*, *написати*. По отношению к ним можно говорить о сложных словах с первой частью *преже-* (*прежде-*). Все же остальные подобные образования являются искусственными, составленными в подражание греческому образцу.

Интерес представляют и сращения с другими первыми компонентами.

Греч. πάλιν- 'назад', 'обратно' передается русским *пакы-* в словах *пакыбытие* (ГБ, 983); *пакырождение* (Г. Амарт., 218, 6), соответствующих греч. παλλιγγενεσία 'возрождение'.

Русскими *удобь-*, *неудобь-* передаются греч. εὖ- 'благо' и δύσ — частица, которая самостоятельно не употребляется, но в сложных словах обозначает отрицание. Такая передача очень последовательна в тех случаях, когда перед нами калька: *неудобьисцѣлитися* — δυσίατος 'трудно исцелимый', 'неисправимый' (Г. Амарт., 257, 16); *неудобьпогыбнути* — δυσάλωτος 'трудно уловимый', 'неуловимый' (Г. Амарт, 142, 16); *неудобьпостижьныи* — δυσέφεκτος (Ефр. корм., 232а).

В Ефремовской Кормчей имеется калька греч. εὐκαταφρόνητος (καταφρονέω — 'презирать', 'пренебрегать') — *удобьпреобиденный* (87б). Но в том же памятнике (л. 214б) имеется пример *удобьпокаряющиися*, соответствующий греч. συμβουλεύος (συμβονλέυω 'советоваться', 'совещаться'). Здесь нет точной передачи значений компонентов греческого compositum, какую мы видели в первом примере.

Аналогичную картину наблюдаем мы и в compositа с первой частью *особь-*: *особьсъставьныи* — ἰδιοσύστατος, (ἴδιος 'своеобразный', 'особенный') (Ефр. корм., 269а); *особьписаныи* (Ефр. корм., 279а) — ἰδιοπερίγραφον; особьслужение (Ефр. корм., 252а) — ἐθελοθρησκεία 'добровольное служение'.

Образования с наречием в качестве первого компонента еще не были закреплены в языке, но лексикализация их уже имела место, и данная модель сложного слова была известна переводчику, иначе он не смог бы образовать по этой модели сложное слово — «некальку». Но все эти compositа—«некальки» не выходили за пределы одного памятника, хотя и раннего (в наших примерах — за пределы Ефремовской Кормчей XII в.).

Часто переводчик старался приспособить сращения к нормам древнерусского литературного языка. Древнерусскому языку были свойственны compositа с соединительным гласным *о*. И, передавая сращение, переводчик иногда присоединяет наречие ко второй основе тоже при помощи соединительного гласного. В словах Гр. Богослова XI в. на л. 35γ греч. ἀντίτεχνος 'соперник по ремеслу' передается русскими *супротивъхытрьць* и *супротив-о-хытрьць*.

Чаще всего греч. ἀντί- соответствует русское *противъ-* (*противу-*) в качестве компонента сложного слова (подробнее об этом см. в разделе о синонимах). Но в одном случае переводчик использует модель с соединительным гласным и прилагательным с суффиксом *-ьн* в первой части: *противьн-о-вьрстыи* — ἀντίθετος 'противоположный' (ἀντιτίθημι 'класть', 'полагать против чего-то') (Ефр. корм., 116а).

МЕНА МЕСТ КОМПОНЕНТОВ

Обычно при калькировании не происходит мены мест компонентов, хотя в ряде случаев такая мена оказывается возможной. Так, например, греч. φρενοβλάβεια соотвэтствует русское *врѣдоумие* (Г. Амарт., 415, 2), хотя точнее было бы перевести *умоврѣдие*, так как в греческом языке φρήν — 'душа', 'сердце', βλάπτω — 'вредить'. Но русскому языку такой структурный тип compositа не был свойствен.

В русских сложных словах, имеющих в своем составе основу *закон-*, данная основа всегда занимает первое место. Поэтому при переводе с греческого нет слепого подражания греческой модели. Переводчик передает слово в соответствии с особенностями русского языка: *законопреступление* — παρανομία (Г. Амарт., 120, 23); *законопреступьникъ* — παράνομος (Там же, 306, 18), тем более что в греческом языке в состав сложного слова в данном случае входит приставка παρά-, переводящаяся как 'отступление от истины'. В греческих compositа приставка находится в препозиции, при переводе же на русский язык соответствующий ей компонент переходит на второе место.

В Словах Гр. Богослова на месте греч. ἐπιορκία (ὅρκιον 'клятва') имеем *преступоклятие* — 156γ. Правда, русскому

языку были свойственны и такие сложные слова, в которых *клятво-* выступает в роли компонента А: *клятволюбьць* (Переясл. л. 6686 г. — Срезн.), *клятвопреступьникъ* (Ефр. корм., Вас. 64 (Уст.) — Срезн.). В том же памятнике (Г. Бог.) данному греческому соответствует и словосочетание *преступление клятвѣ* (334α). Греч. μισέω 'ненавидеть' в составе сложного слова в русском языке при переводе как правило ставится на второе место: μισότεκνος — *чядоненавидьныи* (Г. Амарт., 179, 18) (τέκνον 'дитя'); μισάγιος — *святозавидьць* (Там же), (ἅγιος 'святой'); μισάνθρωπος — *человѣконенавидьць* (Пчела, л. 23 об.) и лишь в единственном случае мы имеем точный перевод: *ненавистočеловѣчие* — μισανθρωπία (ГБ, 17δ).

Особенность русского языка наиболее ярко отразилась при передаче compositа, относящихся к лексико-семантической группе, в которой один компонент является объектом действия, заключенного в другом компоненте. В словах, соответствующих данной модели, компонент, в котором заключено действие, всегда занимает второе место. Данный структурный тип очень древний. Слова типа *плодородие*, *земледержьць* и др. были широко представлены в индоевропейском и общеславянском языках. Много слов по данной модели было образовано и в древнерусском языке. Они были известны не только литературному, но и разговорно-бытовому языку (см. примеры употребления подобных слов в грамотах).

Передавая греческие compositа этой группы, переводчик старался приспособить их к нормам своего языка. Именно поэтому в древнерусских памятниках XI—XIV вв. не встретилось ни одного случая постановки компонента *зъло-* на второе место. Все греческие слова с корнем κάκον — 'зло' в русском языке изменяют свою структуру: μνησικακία — *зълопоминание* (Ефр. корм. 239а); μνησικάκειν — *зълопоминати* (Там же, 218а), (μιμνήσκω 'помнить'). Но случаев мены мест сравнительно немного. В рассмотренных нами памятниках их всего 12, не считая примеров, соответствующих греческим сложным словам с φίλο-. Об этих словах следует сказать особо.

В греческом языке φίλο- почти всегда занимает первое место: φιλοκερδής 'корыстолюбивый'; φιλοπάτωρ 'любящий отца' и др. Но этот компонент не был устойчивым, и поэтому мы встречаемся с такими случаями, когда в одном и том же слове φιλο- может быть компонентом

А и В: русское *боголюбивыи* соответствует греческим φιλόθεος и θεόφιλεις. О возможности параллельного функционирования этих слов говорит хотя бы тот факт, что они употребляются в одном и том же контексте. Так, в греческом тексте Ефремовской Кормчей в соответствии с *боголюбивыи* на листе 1б имеем φιλόθεος, а на л. 36а — θεόφιλεις. То же самое и в Г. Амарт.: *боголюбимыи* — φιλόθεος и θεοφιλής. Правда, значение этих слов в греческом языке неодинаково: первое означает 'любящий бога', а второе — 'любимый богом', но нас в данном случае интересует лишь место компонента φιλο-. В Пчеле (л. 19) θεοφιλέστατος — сравнительная степень прилагательного θεόφιλεις [17].

При передаче на русский язык греческих compositа с φιλο- нет единообразия. Эти compositа в древнерусском языке относились к той же лексико-семантической группе, что и образования с *зъло-*. Поэтому большинство сложных слов с φιλο- в первой части передано на русский язык с *-любо* + s + n — во второй (где s — суффикс, а n — окончание). Но передача эта не является единообразной. Очень часто в разных памятниках одно и то же слово передается по-разному: то точной калькой, то калькой «перевернутой», то словосочетанием. Иногда разные случаи передачи оказываются возможными даже в пределах одного памятника.

Примеры: *чьстолюбие* — φιλοτιμία (τιμη 'честь, 'почесть', 'уважение') (Ефр. корм., 121б; Г. Амарт., 244, 8). Но в той же Хронике Георгия Амартола данному греческому слову соответствует *любочьстие* (75, 3) или *чьсть и любовь* (143, 3). Нет единства при передаче данного compositum и в XIII словах Григория Богослова, где встречается *любочьсти* (293α), *любьзьна чьсть* (23β) и *любьзьна почьсть* (74γ). В двух случаях слово передано простым русским *чьсть* (Г. Амарт., 191, 11) и *почьсть*

[17] Следует отметить, что греческая сравнительная и превосходная степени в русском языке передавались положительной. Это особенно относится к compositа с первой частью *благо-*, *бого-*. Дело в том, что в греческом языке сложное слово выполняло определенную стилистическую функцию, являясь образным языковым средством. Эта образность достигается употреблением сравнительной и превосходной степеней. Что же касается перевода, то здесь первая часть compositum *бого-*, *благо-* уже является принадлежностью высокого стиля, что и делает излишним употребление в русском тексте сравнительной или превосходной степеней.

(ГБ, 26б); φιλάμαρτος (ἁμαρτανω 'грешить') в тексте Г. Амарт. переводится то сложным словом *грѣхолюбьць* (118, 20), то словосочетанием *любя грѣха* (395, 4). Очень часто разную передачу одного и того же греческого compositum имеем в различных списках одного и того же памятника. Так, в Прологе 1383 г. (л.106в) имеется слово *любо-трудьныи*, которому в соответствующем месте Пролога XIV в. (2) (л. 112в) имеется параллельное образование *трудолюбьныи*. Срезневский в «Материалах...» приводит пример употребления слова *любонародьникъ* (Никон. Панд. сл. 36) и указывает, что в другом переводе ему соответствует *народолюбьць*. Наряду с *человѣколюбие* (ГБ, 77а) в соответствии с φιλανθρωπία на листе 8а compositum *любочеловѣчьство*; *человѣколюбьныи* — φιλανθρωπότερος (Ефр. корм., 196а); *человѣколюбивыи* — φιλάνθρωπος (ГБ, 79б), но тут же на л. 11β — *любочеловѣчьнъ*; φιλοδοξία (φιλοδοξέω любить славу) — *славолюбие* (Г. Амарт., 239, 3; Пчела, л. 114 об.; Ефр. корм., 238б), но *любославие* (Г. Амарт., 247, 21); φιλόσοφος (σοφία 'мудрость') — *мудролюбьць* (Г. Амарт., 248, 20; Пчела, л. 30); *премудролюбьць* — (Г. Амарт., 240, 3). В тексте Пчелы, кроме того, встречаем *любомудрие* как в соответствии с греч. φιλόσοφος (л. 7), так и на месте греч. φιλοφρόνος (φρονέω 'быть благоразумным') (л. 6 об.). В том же тексте Пчелы греч. φιλοσοφία передается русскими *мудролюбие* (л. 27) и *любомудрие* (л. 53). В Г. Амарт. греч. φιλαλῆθες (ἀληθής 'истинный', 'справедливый') переводится как *истиньнолюбие* (284, 26) и как *любя истину* (277, 14).

Греч. φιλόλογος соответствует русское *словолюбьць* (Г. Амарт., 30, 5). Этим же словом переводится здесь и φιλογράφος (γράφω 'писать'). Но в Словах Григория Богослова греческому сложному соответствует русское словосочетание: *любяи словеса* (357β); φιλήδονος передается в тексте Пчелы сложным словом *сластолюбьць* (л. 5 об.). Но в древнерусском языке XI—XIV вв. были и слова, где *люб-* оказывалось компонентом. Г. Амарт.: *любосластие* (Панд. Ник. Черн., 130 об.), (Гр. Бог. XIV в., 62в), *любосластьныи* (Яр. сб. XIII в., л. 186 об.). В тексте Гр. Богослова XIV в. наряду со сложным словом имеется и соответствующее словосочетание: и отъ *добродѣтелии любцемъ* сласть есть (141г).

Наряду с compositum *златолюбие* — φιλοχρηματία (χρῆμα 'вещь', 'предмет', 'деньги') (Ж. Варл. Иоас., 55г;

Г. Амарт., 347, 26) имеем словосочетание *любы злата* (ГБ, 131δ); φιλόπονος, φιλοπονία (πονέω 'делать', 'работать') — переводятся то как *трудолюбивыи*, *трудолюбие* (Ефр. корм., 222б), то как *страдолюбьць* (Пчела, л. 88), *страдолюбие* (Там же, л. 87). В Гр. Богослове XI в. сложное греческое переводится русским словосочетанием *любы труда* (192β) — φιλοπονία; *любъи трудъ* (196γ), *любьзьнъ и трудьнъ* (203δ) — φιλόπονος; то же в Г. Амарт.: φιλοπονεῖν — *любьзьно страдати* (312, 3).

По-разному передается и греч. φιλοσαρκία (σαρξ 'плоть', 'тело', 'мясо'): *плътолюбьць* (Ефр. корм., 203а), но *плотьска любы* (Г. Амарт., 35, 11). Греч. φιλόσοφος (σοφία 'мудрость') в Г. Амарт. (240, 3) соответствует compositum *премудролюбьць*. В Г. Бог. XI в. в русском тексте только словосочетание: *любивъ премудрости* (76, 8), *любяи премудръихъ* (48γ), *любы премудрости* (69γ), *любьзьна премудрость* (45γ), *любяи премудръ* (48γ).

Относительно XIII слов Григория Богослова XI в. следует сказать, что здесь наиболее часто греческие composita с φιλο- передаются словосочетаниями. Даже там, где в русском тексте имеется сложное слово с первым или вторым компонентом *люб-*, почти всегда имеется соответствующее словосочетание: φιλαδελφία — *братолюбие* (293а), *любобратия* (233δ), но здесь же φιλάδελφος — *любивъ братии* (95а, 363а); см. еще примеры: φιλέορτος — *любовеликодьньникъ* (282δ), *праздьнолюбьць* (154а), но *любяи великъ дьнь* (333β); φιλότιμος (τιμή 'честь', 'уважение') — *доброчьстьныи* (296а), но *любьзьнъ чьстию* (30а); φιλοξενία (ξένος — 'чужой', 'гость', 'чужеземец') — *страньнолюбие* (293а), но *любы страньныихъ* (114а). В тексте Пчелы это слово всегда передается сложным. φιλομαθής — *любяи учения* (335γ) (μαθεῖν 'учиться') по сп. XI в. В списке XIV в. — *ученолюбие* (195в).

В ряде случаев в XIII словах Григория Богослова сп. XI в. греческие composita с φιλο- передаются только словосочетаниями, тогда как в других памятниках имеются параллельно существующие сложные слова: φιλοχρύσος — *любивъ злату* (49β). Но в Хронике Георгия Амартола — *златолюбьць* (529, 10), то же в Пчеле (л. 6 об., 43 об.) и др. В XIII словах Григория Богослова — φιλόπτωχος (πτωχός 'нищий', 'бедный') — *любивъ убогымъ* (95а), но в тексте Пчелы имеется compositum *убоголюбие* (л. 26 об.). В ГБ XI в. φιλόκαλος (καλός 'красота') переводится

только словосочетанием *любьзьнъ и добръ* (78γ), а в Ефремовской кормчей ему соответствует сложное — *добролюбьныи* (215б).

Греч. φιλαρχια передается в ГБ XI в. как словосочетание *любы старѣишиньства* (187γ), а в Ефремовской кормчей сложному φίλαρχος (αρχή 'власть') соответствует сложное же *властолюбьць* (15б). В соответствии с φιλαυτία (ἀυτός 'сам') в тексте Пчелы compositum *самолюбие* (125 об.), а в ГБ XI в. — словосочетание *самъ ся любяи* (363β).

В отличие от XIII слов Г. Богослова сп. XI в. в Ефремовской кормчей греческие сложные слова с φιλο- регулярно передаются русскими сложными словами. Что же касается Хроники Георгия Амартола и Пчелы, то здесь никакой закономерности в этом вопросе установить нельзя.

Изучение письменных памятников древнерусского языка XI—XIV вв. показывает, что compositа, содержащие в своем составе *-любо-* в качестве первого или второго компонентов, были очень распространены в языке. Данная модель сложного слова является очень старой, о чем свидетельствуют данные старославянского языка. В «Материалах. . .» Срезневского приводится много примеров этой группы слов: *боголюбивыи* (Зап. Ев. 1355 г. л. 176) (Син. 70); *мудролюбьць* (Златостр. сл. 7); *нищелюбие* (Панд. Ант. XI в., л. 214; Уст. мон. д. 1200 г.) и др. Но в передаче соответствующих им сложных слов греческого языка с компонентом φίλο- нет единообразия. Как уже говорилось выше, русскому языку была свойственна постпозиция компонента compositum, обозначающего действие, направленное на какой-то объект. Образования с *-любо* относятся именно к этой группе, поэтому и оказывается возможным изменение греческой модели путем мены мест компонентов, с одной стороны, и путем замены греческого compositum русским словосочетанием — с другой. Но немалую роль играла и аналогия. Образованные по аналогии с греческими, сложные слова с *любо-* в первой части являются кальками. Как показывают примеры, в этом единоборстве национальная струя одерживает верх.

О продуктивности данной группы слов говорит и то, что образования с *любо-* во второй части могут осложняться в русском языке различными суффиксами.

В исследованных нами памятниках встретилось 191 образование с компонентом *любо-*. В 141 случае *любо-* является компонентом А и в 50 — компонентом В. Все

примеры условно можно разделить на две группы:

I. Composita различаются только местом компонента *любо-*, т. е. имеют одинаковые основы A и B, суффиксы (s) и окончания (n). Они полностью соответствуют модели:

$$\left.\begin{array}{l} A + o + \textit{люб} + s + n \\ \textit{люб} + o + B + s_1 + n_1 \end{array}\right\} \text{где } A = B;\ s = s_1;\ n = n_1$$

Данной модели соответствуют 14 пар сложных слов:

боголюбьныи (Новг. корм., 606а) — *любобожьныи* (Jo. лѣств. XII в. — Срезн.);

блудолюбьныи (Изб. 1076 г., 99б) — *любоблудьныи* (Ф. Ст., 93в);

властолюбьць (Ряз. корм., 41б; Варс. корм., 22 г) — *любовластьць* (Панд. Ник. Черн., 145);

мудролюбие (Ип. лет., 243; Ж. Варл. Иоас., 125в) и др. — *любомудрие* (Ж. Ф. Студ., 99 об.);

нищелюбие (Новг. корм., 517а; Мер. Праведн., л. 21) — *любонищие* (Изб. 1073 — Срезн.);

плътолюбие (Ряз. корм., 379б; К. Печ. Пат., 162в) — *любоплътие* (Ф. Студ., 121б);

сластолюбивыи (Чт. Б. и Г., 31а; Ряз. корм., 207б) — *любосластивыи* (Jo. екз. Бог., 33г — Срезн.);

сластолюбие (Яр. Сб. 180, Стихир., л. 103) — *любослaстие* (Панд. Ник. Черн., 130 об.);

сластолюбьныи (Ряз. корм., 331г) — *любосластьныи* (Яр. Сб., 186 об.; Изб. 1076 г., л. 102);

словолюбьць (Син. пат., л. 110) — *любословьць* (Ж. Ф. Студ., 84 об.);

трудолюбие (Ип. лет., 243 об.; Ряз. корм., 17б) —*люботрудие* (Гр. Бог. XIVв., л. 8б);

трудолюбьныи (Прол. XIV в. (2), л. 112в) — *люботрудьныи* (Прол. 1383 г., л. 106в);

человѣколюбьныи (Гр. Бог. XIV в., 121а; Ряз. корм., 57а) — *любочеловѣчьныи* (Гр. Бог. XIVв., 20б);

чьстолюбие (Ефр. корм., 121б; Г. Амарт., 244, 8) — *любочьстие* (Ряз. корм., 281а; Панд. Ник. Черн., л. 104).

II. Composita имеют одинаковые компоненты A и B, но различаются не только местом основы *люб-*, но и суффиксами или окончаниями. Они соответствуют модели

$$\left.\begin{array}{l} A + o + \textit{люб} + s + n \\ \textit{люб} + o + B + s_1 + n_1 \end{array}\right\} \text{где } A = B, \text{ но } s_1 \neq s;\ n_1 \neq n.$$

Данной модели соответствуют 46 образований с основами:

бого- *боголюбимыи* (Г. Амарт., 301 — Срезн.), *боголюбие* (Ряз. корм., 336а) и др., *боголюбьць* (Зл. цепь, 46 об. б) и др. — *любобожьныи* (Jo. лѣств. XII в. — Срезн.);

брато- *братолюбьць* (Гр. Бог. XIV в., 211б), *братолюбьныи* (Там же, 212г), *братолюбие* (Гр. Бог. XI в., 233б) — *любобратия* (Гр. Наз. XI в., 233 — Срезн.);

блудо- *блудолюбие* (Ряз. корм., 270а) — *любоблудьныи* (Ф. Студ., 93в);

власто- *властолюбьць* (Варс. корм., 22г) — *любовластие* (Панд. Ник. Черн., 167 об.; Ф. Студ., 121б);

грѣхо- *грѣхолюбьць* (Г. Амарт., 118, 20) — *любогрѣховие* (Ф. Студ., 121б);

дѣло- *дѣлолюбыи* (Гр. Наз. с толк. Ник. Ир. XIV в. — Срезн.) — *любодѣльныи* (Изб. 1073 г. зап. — Срезн.);

мудро- *мудролюбьць* (Ж. Варл. Иоас., 70г) — *любомудрьство* (Ф. Студ., 158б), *любомудрити* (Гр. Бог., XIV в., 25а.).

В данных образованиях случаи постановки *любо-* на первое место более часты. Отношение composita с *любо-* в первой и второй части 10 : 2.

нище- *нищелюбивыи* (Син. пат., л. 19), *нищелюбьныи* (Панд. Ант. XI в., 279 — Срезн.) — *любонищие* (Изб. 1073 — Срезн.);

плъто- *плътолюбивыи* (Изб. 1076, 75 об.; Ряз. корм., 179а) — *любоплътьныи* (Ф. Студ., 72г);

страдо- *страдолюбие* (Пчел. И. Публ. б., л. 87 — Срезн.) — *любострадьныи* (Ж. Фед. Студ., 39 об.);

сребро- *сребролюбие* (Син. Пат., 108 об.), *сребролюбьць* (Новг. корм., 516б) — *любосребрьство* (Ж. Пар. Ф. Мин. чет. февр. — Срезн.);

сластo- *сластолюбьць* (Пчела, л. 5 об.) — *любосластивыи* (Jo. скз. Бог. 332 — Срезн.);

словo- *словолюбие* (Мин. XII (июль), 114 об.) — *любословьць* (Г. Амарт., 27, 1);

трудo- *трудолюбьць* (Ряз. корм., 392в); *трудолюбьствовати* (Диоптр. Филип. XV в. (оп. II. 2. 456) — Срезн.); *трудолюбьникъ* (Ряз. корм., 392в) } *люботрудьныи* (Прол. XIV в. (2);

учениe- *учениелюбие* (Гр. Бог. XIV, 195в) — *любоучимыи* (Ник. Панд. Огл. — Срезн.);

человѣкo- *человѣколюбьныи* (Ефр. корм., 196а); *человѣколюбие* (ГБ XI в., 77а) } *любочеловѣчьство* (ГБ XIVв., 8г).

В 27 образованиях *любo-* всегда на первом месте: *любосварие* (Апост. посл. по сп. 1220 (Мат. 21 — Срезн.), *любоначальство* (Мер. Праведн., XIV в., л. 6), *любоходьць* (Ф. Студ. (Поуч.) 139б), *любодаръ* (Ряз. корм., 29б) и др. Сюда же относится и большая группа слов со вторым компонентом *дѣ-*: *любодѣи* (Гр. Бог. XIVв, 35г); *любодѣиство* (Панд. Ник. Черн., 159); *любодѣяние* (Там же, 130 об.), но они не являются кальками с греческого языка. Им соответствуют в греческом простые слова, о чем будет сказано особо.

В 29 образованиях компонент *любo-* занимает только второе место. В первой части этих compositа возможны *благo-*: *благолюбие* (Ипат. лет., 244 об.), *благолюбьць* (Ж. Варл. Иоас., 133б); *другo-*: *друголюбьць* (Изб. 1076 г., 61 об.), *друголюбивыи* (Син. Пат. XI в., л. 119); *златo-*: *златолюбьць* (Изб. 1076 г., 61 об.; Зл. цепь, 76б); *златолюбьство* (Мер. Праведн., 21 об.); *мученикo-*: *мучениколюбьць* (Мин. XIV в. (май, 2), л. 13 об.); *христo-*: *христолюбие* — *христолюбивыи* (Лавр. лет., 47 об.) и др.

В некоторых случаях греч. φίλο- передается русскими *любве-* (основа косвенных падежей существительного *любы*) или *любъзьно-*; *любве-* или *любъзьно-* могут входить в состав сложного слова в качестве одного из его компонентов или же в состав словосочетания, соответствующего греческому compositа. Примеров таких немного, и все они из Хроники Георгия Амартола: *боголюбьзьныи* — θεοφιλής (228, 13); *любъзьнославление* — φιλοδοξία (δόξα

'слава') (76, 9), в другом месте это слово передано compositum с *любо-*: *любославие* (274, 21); *любьзьнодобродѣтельникъ* — φιλάρετος (ἀρετή 'добродетель') (395, 4); *любьзьнодобродѣтельныи* — φιλάρετος (395, 4); *любьзьностадати* — φιλοπονεῖν (πονέω 'делать', 'работать') (312, 3); *любьзьноистьць* — φιλαλήθης (ἀλήθεία 'истина', 'правда') (225, 17); *любьзьнъ учитися* — φιλομαθής (388, 9).

В Словах Гр. Богослова XIV в. имеется единственный пример с компонентом *любве-*: *любведобрыи* (ГБ, 185*а*).

В работе Е. А. Василевской «Словосложение в русском языке» [18] высказывается мнение о том, что при калькировании национальная специфика русского языка проявляется в том, что основа *любо-* в первой части греческих сложных слов в русском языке всегда ставится на втором месте. Материал, рассмотренный нами, показывает, что для периода XI—XIV вв. это замечание не вполне справедливо. Как уже было сказано, особенностью русского языка является постпозиция члена compositum, выражающего действие по отношению к компоненту, являющемуся объектом действия. Это и оказало влияние на передачу в русском языке греческих сложных слов с первой частью φιλο-.

СИНОНИМЫ В СОСТАВЕ COMPOSITA

а) Лексические синонимы

При передаче греческого текста переводчик не только стремился как можно точнее отобразить греческий оригинал, но и вносил много своего, используя национальное своеобразие и богатство русского языка. Переводчик широко использует греческую модель, но по этой модели он создает свои слова. Это в первую очередь отразилось в том, что одни и те же слова греческого языка он передает разными русскими, в соответствии с одним словом греческого языка в русском мы имеем compositа с синонимами в первой или второй части, при этом синонимы могут быть как лексическими, так и словообразовательными.

---

[18] Е. А. Василевская. Словосложение в русском языке. М., 1962, стр. 46.

Остановимся сначала на явлениях лексической синонимии.

Исследованный нами материал дает возможность наметить следующие синонимические ряды в составе компонентов русских compositа: *добро — благо*, *нищии — убогыи*, *великыи — велии*, *кумир — идол*, *чистыи — священыи*, *противу — прекыи*, *начальство — правитель*, *пророк — вълхвъ*, *крамольникъ — борьникъ — хулникъ*, *преже (прежде) — древле*, *само — себѣ* и др.

Условно все эти слова можно разделить на две группы. С одной стороны, это такие случаи, когда два русских синонима соответствуют одному греческому слову, и с другой — когда, кроме того, каждое русское имеет свою параллель в греческом языке.

Очень большую группу составляют compositа с первым компонентом *благо* || *добро*. В «Материалах для словаря древнерусского языка» Срезневского значения этих слов определяются следующим образом: *благо* — ἀγαθὸν — 'добро' и *добро* — 'благо'. Следовательно, в сходстве значений данных слов не может быть сомнений. Кроме того, они могут выступать в одних и тех же условиях, в одном контексте [19]. Пример тому — множество слов, имеющих одинаковую вторую основу при синонимичной первой. Многие из этих пар слов соответствуют одному и тому же слову греческого языка, тогда как в других случаях каждое из синонимических слов имеет свой греческий эквивалент.

Греч. εὖ передается то как 'благо', то как 'добро'. Но такие слова, как καλός, ἀγαθός, переводятся только 'добро'. Лишь в одном случае мы имеем *благо* на месте ἀγαθός.

Употребление *благо* и *добро* в качестве первого компонента возможно со следующими вторыми основами: *-вазн* + s + n; *-твор* + s + n; *-дьнь* + s + n; *-дѣ* + s + n; *-чьсть* + s + n; *-чин* + s + n; *-род* + s + n; в данных основах русским *благо* и *добро* в греческом языке соответствует одно слово.

---

[19] В данном случае следует исходить из того положения, что всем словам соответствуют определенные словосочетания, члены которых при образовании compositum становятся его компонентами. Поэтому, говоря об употреблении слов в одном контексте, мы в данном случае имеем в виду их возможность быть членами одного и того же словосочетания.

Русский язык	Греческий язык
добровазаньство (Пчела, л. 37) *добровазание* (Пчела, л. 179) *благовазньство* (Пчела, л. 105 об.)	εὐτυχία
добротворити (Пчела, л. 28; Ефр. корм., 89а) *благотворити* (Пчела, л. 42 об.; Г. Амарт., 306, 16)	ἀγαθοποιέω
благодьние (Г. Амарт., 492, 19) *добродьние* (ГБ, 258γ)	εὐημερία (данное греческое слово может переводиться русским *благожитие* — ГБ или словосочетанием *доброе житие* — Г. Амарт.)
благодѣтель (ГБ, 65β) *добродѣтель* (Г. Амарт., 333, 11)	εὐεργέτης
благодѣтельствовати (ГБ, 8δ) *добродѣтельствовати* (Г. Амарт., 470, 14)	εὐεργετέω
доброчьстие (ГБ, 241β) *благочьстие* (ГБ, 23δ)	εὐσέβεια
доброчинение (Ефр. корм., 2а) *благочинение* (Ефр. корм., 273а; Пчела, л. 138)	εὐταξία
доброродие (ГБ, 293) *благородие* (Пчела, л. 117)	εὐγένεια
доброродьныи (Г. Амарт., 392, 26) *благородьныи* (Пчела, л. 117; ГБ, 102β)	εὐγενής

В приведенных выше примерах одно греческое слово соответствует разным русским compositа с синонимами в основе А. Кроме того, имеется ряд примеров, в которых, несмотря на синонимы в первой части русских compositа, в греческом языке в соответствии с ними — разные слова:

доброволение (ГБ, 294δ)	αρετή 'доблесть', 'достоинство'
благоволение (ГБ, 326α; Г. Амарт., 128, 13)	εὐεργεσία 'благоволение'
добродарие (ГБ, 235)	χαριστηριος- 'дар'

благодарение (Ефр. корм., 25а)	εὐχαριστία
добронравие (ГБ, 12β)	το κάλον ἕξις (ἕξις 'имение', 'обладание')
благонравие (ГБ, 52α)	εὐπείθεια
доброобразьныи (Пчела, л. 93) *благообразьныи* (Пчела, л. 86)	εὔμορφος εὐειδής εὐσχήμων (Пчела, л. 84; Ефр. корм., 57а; Г. Амарт., 533, 9)
добромудрьствовати (Г. Амарт., 426, 2)	εὐανδρέω
благомудрие (Г. Амарт., 46, 3)	εὐφροσύνη
доброугодие (Пчела, л. 5 об.)	ἀρετή
доброугодьникъ (Пчела, л. 85)	εὐάρμοστος
благоугодьныи (Пчела, л. 70)	εὐάρεστος
доброродьство (Г. Амарт., 570, 3)	εὐγένεια
благородьство (Пчела, л. 117 об.)	δόξα
доброумьныи (Пчела, л. 79)	εὐφρονοῦσιν
доброумие (Пчела, л. 8)	εὐβουλία
доброумьникъ (Пчела, л. 30)	εὐγνώμων
благоумие	εὔνοια (ГБ, 37β) εὐδαιμονία (ГБ, 34а) εὐφροσύνη (Г. Амарт., 147, 21) εὐκοσμία (Пчела, л. 92 об.).

Большинство из приведенных примеров отмечено в Пчеле. Возможно, что наличие разных греческих слов в соответствии с русскими синонимичными compositа объясняется тем, что в основу этого сборника легли разные списки рукописи.

В четырех случаях греч. εὐ- переводится в первой части русского сложного слова основой *скор-*: εὔπιστος (ГБ, 262γ) — 'очень верный', 'надежный' — *скоровѣрьныи*; εὐφώρατος (Пчела, л. 90) (φωράω 'искать', 'распознавать') — *скороразумьныи*; εὐρίπιστος (ῥίπτω 'бросать', 'кидать') — *скоропослушьливыи* (Г. Амарт., 363, 15); εὐκίνητος — 'проворный', 'подвижный' (ГБ, 250α) — *скоропошьстьнъ*. К двум из них имеются соответствующие образования с *благо-*: *благовѣрьныи* и *благоразумьныи*. В данном случае можно говорить лишь о частичном совпадении значений. В «Материалах ...» Срезневского для слова *ско-*

рый в качестве одного из его значений дается 'быстрый', 'успешный' и приводится пример: Чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища и о *скорѣмь* его учении (Нест. Жит. Феод. 2). Вероятно, то же значение выступает и в первой части приведенных выше compositа. В тех же случаях, когда имеется в виду *скорый* 'быстрый по степени своего проявления', русскому слову соответствует греческое compositum аналогичного значения: скорописьць — ὀξυγράφος, ταχυγράφος (ὀξύς, τάχυς 'быстрый', 'скорый').

В одном случае греч. εὖ передается русским *красьн-*: εὔστερνος (στέρνον 'грудь') — *красьнопьрсьць* (Г. Амарт., 428, 30). Здесь оказали влияние compositа с первой частью *добро-* на месте греч. εὖ., т. к. εὖ в первой части сложных слов могло соответствовать русским *благо-* и *добро-*. А последнее, кроме того, передавало еще и ἀγαθός. Получается следующая картина:

εὖ — *благо*
εὖ — *добро* → ἀγαθός

Одним из значений прилагательного ἀγαθός в греческом языке было 'красивый', 'прекрасный', которое выступало в русском *добро*. По аналогии оно могло перейти и на синонимичное с ним *благо*. Отсюда подобный перевод в Хронике Г. Амартола.

Другую группу составляют compositа с *веле-* || *велико-* в первой части. Как и в случаях с *добро-* || *благо-*, здесь имеются греческие слова, которые могут переводиться на русский язык двояко: то с *веле-*, то с *велико-*: *великолѣпьныи* (Г. Амарт., 229, 8) и *велелѣпьныи* (Г. Амарт., 27, 13) передают греч. σεμνοπρεπής (σεμνός — 'досточтимый', 'почтенный'; πρέπω 'отличаться', 'выдаваться'). Прилагательное μέγας в первой части русских compositа также передается по-разному. В словах с одним и тем же вторым компонентом[20] в качестве первого возможно и *веле-*, и *велико-*: *великолѣпьство* — μεγαλοπρέπεια[21] (ГБ, 300β), но *велелѣпьныи* — μεγαλοπρεπής (Г. Амарт., 559, 13); *велелѣпота* — μεγαλοπρέπεια (Г. Амарт., 129, 19).

Русскому *веледушьныи* соответствует греч. μεγαλόψυχος (Г. Амарт., 393, 22; ГБ, 237а) или μεγαλόφρων (Пчела,

[20] Говоря об одинаковом втором компоненте, мы имеем в виду однокоренные образования, различающиеся лишь суффиксами.

[21] Там, где перевода греческого слова не дается, его значение полностью соответствует значению русского слова.

л. 34). Но в Словах Гр. Богослова на л. 78β есть слово *великодушие*, соответствующее греч. μεγαλοψυχία. Как *велемέγας* переводится в словах: *велегласьныи* — μεγαλόφωνος (ГБ, 90γ); *велемудрие* — μεγαλοφροσύνη (Г. Амарт., 166, 2); *велехваление* — μεγαλανχία (Г. Амарт., 80, 16); *велехвальныи* — μεγάλαυχος (ГБ, 16а) и др. и как *велико-* в словах: *великоблажение* — μεγαλοφωνία (ГБ, 82б); *великокрилатыи* — μεγαλοπτέρυγος (πτέρυξ 'крыло') (Г. Амарт., 115, 15) и др.

В исследовании, посвященном Хронике Георгия Амартола[22], Истрин отмечает форму *вель-* (*веле-*) как подражание старославянскому языку, где оно употребляется наряду с *велико-*. Для русского языка было характерно *велико-*, а *веле-* (*вель-*) является только принадлежностью высокого стиля. В рассмотренных нами примерах случаев, когда в первой части compositum *велико-*, гораздо меньше. Соотношение *веле-* || *велико-* в соответствии с греческим μέγας в качестве компонента А составляет 22 : 9.

Греческие compositа с первой частью ἀντι- передаются русскими сложными словами с *противу-* || *преко-*. И здесь, как и в описанных выше случаях, возможно одно греческое слово в соответствии с двумя русскими синонимами: *прекописание — противуписание* в соответствии с ἀντίγραφα (Г. Амарт.). Кроме того, одному из русских синонимов может соответствовать свое, отличное от другого синонима, слово в греческом языке.

Примеров с *преко-* немного, их всего 3, и все они из Хроники Г. Амартола: *прекословьць* — ἀντίλογος (105, 21); *прекословие* — ἀντιλογία (101, 2); *прекописание* — ἀντίγραφα (312, 14) (имеется еще глагол *прекословити*, но он передает простое греческое слово — ἀπειθεῖν, πείθω 'убеждать'.) В большинстве примеров ἄντι- переводится русским *противу-*: *противуобразьныи* — ἀντίξηλος (ξῆλος 'предмет') (Г. Амарт., 81, 11); *противутворящии* — ἀντιποιούμενος (Ефр. корм., 273а), *противурастоящиися* — ἀντιδιαστελλόμενος (Там же, 185б) и др.

На месте греч. πτωχός — 'нищий', 'бедный' возможно в первой части русского compositum *нище-* и *убого-*. В Ефремовской кормчей имеем: *нищекърмильць* — πτωχοτρόφος (295а); в другом месте это слово переведено как *нищекърмьць* (303а).

В других памятниках однокорневые образования переводятся иначе: πτωχοτροφία — *убогокърмля* (ГБ, 293а).

[22] См.: В. М. Истрин. Указ. соч., т. II.

В Хронике Г. Амартола πτωχός тоже передается как *убогыи*: πτωχομαγίστρος — *убогомагистръ* (Г. Амарт., 510, 9).

Синонимами являются также *преже* и *древле*. В «Материалах...» Срезневского одно из значений слова *древле* определяется как 'преже'. Возможным оказывается параллельное употребление указанных слов в качестве первого компонента compositum в соответствии с одним греческим словом: *древлебыти* и *прежде быти* передают греч. προὔπάρχειν (Г. Амарт., 414, 8 и 313, 12), а также προϊστημι (ГБ, 331γ); *древленареченъ* — προειρημένος (Г. Амарт., 67, 12) и *прежеглаголати* — προείρηκα (ГБ, 9α) и др.

Русские *идолослужьникъ* (Ефр. корм., 181б) и *кумирослужьникъ* — (ГБ, 43δ), *идолослужение* (Ефр. корм., 143а) и *кумирослужение* (Г. Амарт., 60, 25) передают греч. εἰδωλολάτρης (в русском тексте XIII слов Григория Богослова находим compositum *капищетворение* — 17δ).

Древнерусским *чистолѣпьныи* (Ефр. корм., 118а) и *священолѣпьныи* (Там же, 120а) соответствует греч. ἱεροπρεπής 'священный'. Вероятно, в древнерусском языке слова 'священный' и 'чистый' (в одном из своих значений) могли выступать в одном синонимическом ряду.

Местоимение αὐτός в составе compositа тоже передается на русский язык по-разному: αὐτόνομος 'живущий по собственным законам', 'независимый' — *самовластьныи* (Пчела, л. 110 об.) и αὐτεξούσιος (ἐξουσία — 'власть') — *себѣвластьныи*.

До сих пор речь шла о синонимах в первой части русского compositum, но такое же явление возможно и на месте компонента В. В Ефремовской кормчей на л. 107б греческое слово πάροδος — 'дорога мимо чего-то' один раз передано русским *мимохожение* и один раз — *мимошьствие*. Греч. ἐγγαστρίμυθος (γαστής — 'чрево'; μῦθος — 'речь') тоже имеет разные соответствия в русском языке. В Хронике Г. Амартола: *чревовълшьныи* (44, 18), а соответствующий глагол в ГБ (272δ) передается как *чревокощюньствовати*.

В Ефремовской кормчей (л. 241а) *скотоблудьство* и *скоторастьлѣние* соотносятся с греч. ζωοφθορία (ζῶον — 'животное', φθείρω — 'убивать', 'губить'). Синонимы во второй части русских сложных слов выступают и в словах *единородьныи* (Г. Амарт., 232, 24) и *единочадьныи* (Г. Амарт., 355, 20) на месте греч. ὁμόγενος, ὁμογενής — 'родной', 'одинакового происхождения', а также в словах *единоколѣньникъ* (Г. Амарт., 277, 18) и *единоплеменьникъ*

(Г. Амарт., 562, 24), сопоставимых с греч. ὁμόφυλος (φυλή — 'род', 'племя'; ὁμός — 'общий', 'равный').

Второй компонент греческого compositum μάχος может передаваться русскими синонимами *-борьникъ*: *богоборьникъ* — θεομάχος (ГБ, 155γ); *-крамольникъ* : *святокрамольникъ* — χριστομάχος (Г. Амарт., 480, 4); *-хульникъ* — *иконохульникъ* — εἰκονομάχος (Г. Амарт., 494, 21).

Compositum τοποτηρητής (τόπος — 'место', τηρέω — 'хранить, 'беречь') соответствуют русские *землесъмотрьникъ* (Г. Амарт., 462, 22) и *землехранитель* (Г. Амарт., 344, 8). В том же памятнике имеется сложное слово с синонимом в компоненте А — *мѣстосъмотрьникъ* (Там же, 412, 22).

Синонимами являются и компоненты В в словах *идоложьреныи* (Ефр. корм., 277а) и *идоложьртвьныи* (Там же, 87б), соответствующие греч. εἰδωλοθύτος (θύω 'приносить жертву').

Все приведенные примеры показывают, что при передаче на русский язык греческих сложных слов слепого подражания греческому оригиналу не было. Переводчик использует греческую модель для создания новых слов согласно словообразовательной системе древнерусского языка исследуемой эпохи. Об этом же говорят и многочисленные примеры словообразовательной синонимии.

б) Словообразовательные синонимы

Передавая греческое сложное слово, переводчик сохраняет греческий структурный тип, точно передает значение обоих корней compositum, но при этом использует русские словообразовательные средства. Не изменяя общего смысла греческого сложного слова, он осложняет корни различными аффиксами.

Греч. εὐλάβεια — 'осторожность', 'предусмотрительность' могут соответствовать два русских слова: *благобоязнь* (ГБ, 208а) и *благобоязньство* (Ефр. корм., 225б); *добротворие* (Ефр. корм., 89а) и *добротворение* (Пчела, л. 24) соответствуют сложному слову εὐποιία (ποιέω 'делать'); в соответствии с εὐγένεια (γένος — 'род') в Хронике Георгия Амартола — *доброродьство*, а у Гр. Богослова — *доброродие* (293γ).

По-разному переводится καθημερινός 'повседневный', 'ежедневный': *вьседьньныи* (Пчела, л. 134 об.) и *вьседьневьныи* (Ефр. корм., 133б; Г. Амарт., 282, 18). В Ефремов-

ской кормчей имеется прилагательное *вельлѣпотьныи* (36а), а у Гр. Богослова (245а) и в Г. Амарт. (559, 13) — *вельлѣпыи*, но в греческом тексте они соотносятся с одним и тем же словом: μεγαλοπρεπής. Греч. εὐσεβής — 'благочестивый', 'набожный' в Ефр. корм. (л. 1а) и в Пчеле (л. 68) передается прилагательным *благочьстивыи*, а в Г. Амарт. — *благочьстивьныи* (380, 4); νομοθέτης 'законодатель' переводится в ГБ (24α) сочетанием *уставьникъ закону*, тогда как в Пчеле (л. 110) и Г. Амарт. (106, 19) имеется compositum *законодавьць*. Русские *единосоущьныи* (ГА, 323, 15) и *единосоущьствьныи* (Ефр. корм., 284а) соотносятся с греч. ὁμοούσιος.

Нет единообразия и при передаче русских сложных слов, первым компонентом которых является *цѣло-*, а вторым — производные от основы *мудр-*; и в существительных, и в прилагательных, и в глаголах в соответствии с одним греческим словом возможны русские, осложненные разными суффиксами: σωφροσύνη 'здравый смысл', 'рассудок' передается русскими *цѣломудрие* (Пчела, л. 71; Ефр. корм., 234б) и *цѣломудрьство* (Ефр. корм., 44а). σώφρον — 'благоразумие', 'скромность'. В тексте Пчелы имеем *цѣломудрьныи* (л. 134 об.); то же в Г. Амарт. (90, 23). Но в этих же памятниках возможно и *цѣломудрыи* (Пчела, л. 13; Г. Амарт., 87, 4). В тексте ГБ данное слово тоже передается compositum, но с синонимичным вторым компонентом: *цѣлоумьныи* (39β, 40γ), хотя здесь тоже есть *цѣломудрьныи* (12α).

При передаче слов этой группы нет единства даже в рамках одного памятника. Так, в тексте Пчелы греческое σωφρονεῖν передается трояко: *цѣломудровати* — л. 12 об., *цѣломудрити* — л. 108 и *цѣломудрьствовати* — л. 13. Вообще, как уже отмечалось, в пределах одного памятника часто наблюдается передача одного греческого слова русскими compositа с разными аффиксами. Примеры из XIII слов Григория Богослова по рукописи XI в.: ἀρετή 'доблесть', 'достоинство': *доброволение* (294δ), *добровольствие* (8β); μικρολόγος — *малословьць* (14δ) и *малословесьникъ* (29β); μεγαλουργία 'величие в поступках', 'великолепие'; *великодѣлание* (154β) и *великосъдѣлание* (331β); μεγαλόφρων — 'имеющий возвышенный образ мыслей': *высокомысльныи* (57δ) и *высокосъмысльныи* (50γ).

То же самое и в Ефремовской кормчей. На месте греч. ἀξιόλογος — 'достойный внимания': *достословьныи*

(178б) и *достословесьныи* (183б); *богочьстие* (274а) и *богочьстивие* (218а) передают греч. θεοσέβεια.

В ряде случаев суффиксом осложнена первая основа, но рядом имеется образование с бессуффиксной первой основой. В Ефр. корм., например, *достовѣрьныи* (243а) и *достоиновѣрьныи* (209а) — в греческом языке ἀξιόπιστος 'достоверный', 'надежный'. Или: *дѣтотворение* (214а) и *дѣтинотвореныи* (278б) в соответствии с греч. παιδοποιία, παιδοποιός (πάις 'дитя', ребенок').

В Хронике Георгия Амартола наряду с греч. φωτοειδής 'светообразный' (φῶς 'свет', εἶδος — 'вид', 'образ') имеются русские *свѣтообразьныи* (332, 27) и *свѣтлообразьныи* (362, 18); ματαιολογία (μάταιος 'пустой', 'напрасный') переводится то как *пустословие* (318, I), то как *пустошьнословие* (83, 14).

Вообще Хроника... дает наибольшее количество примеров словообразовательной синонимии: *законодавание* (231, 23), *законодание* (176, 7), *законодавьствие* (456, 12) мы встречаем на месте греч. νομοθεσία — 'законоположение'; εἰδολομανία (μανία — 'бешенство', 'сумасшествие') переводится в разных местах тремя русскими composita: *идолобѣсие* (311, 8), *идолобѣсование* (149, 23) и *идолобѣсовьствие* (61, 24). Русским *мъногобожьствие* (28, 19) и *мъногобожьство* (354, 25) соответствует греч. πολυθεία (πολύθεος 'имеющий много богов', 'принадлежащий разным богам'). Двумя русскими *студенопитие* (426, 6) и *студенопияние* (292, 4) передано греч. ψυχροποσία (ψυχρός 'холодный, 'прохладный', πόσις 'питье', 'напиток'), а для греч. χειροτονία (χείρ 'рука', τόνος 'натягивание', 'напряжение') — 'подача голосов посредством поднятия рук' имеется три русских параллели: *рукоположьствие* (369, 15), *рукоположение* (392, 22) и образование с синонимом во второй части — *руковъскладание* (477, 23).

В данной группе примеров возможны случаи с префиксом второй основы: *дѣтотворение — дѣтосътворение* (Ефр. корм., 305б) — в греч. παιδοποιία. Суффикс второй основы выступает и в слове *зълосъмысльныи* в соответствии с *зъломыслъ* (Ефр. корм., 15а). Правда, в греческом тексте им соответствуют разные слова, но с одинаковым значением: κακοφρόνος — 'дурно мыслящий' и ἐπίβουλος — 'злоумышляющий', 'коварный'.

В рассмотренных выше случаях суффикс видоизменяет вторую основу, но есть примеры, в которых суффиксом осложняется первая основа: *раболѣпьствие* (Г. Амарт.,

394, 16) (δουλοπρέπεια 'рабский образ мыслей') и *работолѣпьныи* (Г. Амарт., 393, 23). Греч. θηριώδια (θηρίον 'зверь', 'животное', εἶδος 'вид', 'наружность') передается двумя русскими: *звѣрообразие* (Г. Амарт., 318, 17) и *звѣринообразие* (Там же, 305, 4). Такую же пару, имеющую лишь различные суффиксы первой основы, составляют *ликостояние* (Г. Амарт., 406, 11) и *ликствостояние* (Там же, 241, 17). Но им в греческом языке соответствуют разные, правда с одинаковым корнем, слова: сложное χοροστασία — (χορός 'хор', 'хоровод', στασις 'стояние') — во втором и простое χορεία — в первом.

Кроме composita, имеющих в своем составе лексические или словообразовательные синонимы, имеются и такие, компоненты которых совпадают в одном из своих значений. Они, как и синонимы, соответствуют одному греческому слову, но не могут быть отнесены к синонимам, так как не отвечают всем предъявляемым к последним требованиям. Это такие группы слов, как *самобытныи* (ГБ, 254а), *самотворьныи* (Там же, 25), *самоподобныи* (Г. Амарт., 494, 16), соответствующие греч. αὐτόματος (αὐτός 'сам', 'самый', μέρω 'стремиться'); *кръвоядыи* (Ефр. корм., 231а) и *кръвопиица* (Г. Амарт., 495, 11) на месте αἱμοβόριος. В Ефремовской кормчей на месте греч. αρτοτυρίται встречаем русские *хлѣбосырьницы* и *сырохлѣбьницы*. Каждое из этих слов в отдельности не имеет своей особой параллели в греческом тексте в отличие от тех случаев, когда одно греческое compositum переводится двумя русскими, каждое из которых имеет свое соответствие в греческом: в Ефр. корм. *мъногообразьныи* (69б) и *мъногоцѣньныи* (81б) передают греч. πολυτελέσος 'делающий большие издержки', 'роскошно живущий'. Но в том же тексте Кормчей имеем: *мъногоцѣньныи* — πολυτίμητος 'дорогостоящий' *мъногообразьныи* — πολύτροπος, πολυειδής в том же значении, что и русское слово. Здесь можно говорить о неточном переводе πολυτελέσος в соответствии с *мъногообразьныи*.

РУССКОЕ COMPOSITUM НА МЕСТЕ ПРОСТОГО ГРЕЧЕСКОГО

О наличии в древнерусском языке модели сложного слова говорят и такие примеры, в которых имеются параллельные греческие сложное и простое, соотносимые

с одним русским — сложным. Правда, в некоторых случаях соответствующего греческого сложного может и не быть. В исследованных нами памятниках таких примеров встретилось 76.

Значительную часть составляют слова, имеющие в качестве первого компонента *люб-*, а в качестве второго *дѣ-* с различными суффиксами. Здесь встречаются слова, обозначающие действующее лицо, а также слова — отвлеченные понятия: *любодѣи*, *любодѣица*, *любодѣиникъ*, *любодѣяти*, *любодѣиствовати*, *любодѣяние* и др. Основа *люб-* входит в состав compositа, соответствующих греч. πορνεία, μοιχεία, что означает 'блуд'. Большинство русских сложных слов соотносится с греческими образованиями от того же корня, что и μοιχεία: *прелюбодѣи* — μοιχός (Г. Амарт., 421, 13); *прелюбодѣяти* — μοιχᾶσθαι (Ефр. корм., 192б); *прелюбодѣиникъ* — μοιχός (Г. Амарт., 68, 9); *прелюбодѣиница* — μοιχαλίς (Ефр. корм., 188а); *прелюбодѣица* (Г. Амарт., 404, 4; Ефр. корм., 191а). Греч. πορνεία соответствует лишь русское *любодѣяние* (Г. Амарт., 473, 7) и *прелюбодѣяние* (Там же, 474, 1; Ефр. корм., 240а). Как правило греческие слова, образованные от того же корня, что и μοιχεία, переводятся русскими с агентивным значением; лишь в одном случае мы имеем μοιχεία — *прелюбодѣяние* (Ефр. корм., 240б). На месте же πορνεία — всегда русское слово с пассивным значением. Прилагательное *любодѣиныи* в тексте Ефремовской кормчей один раз встречается на месте греч. καρδήλος 'поддельный', 'лукавый'. Как видно, в данном случае значения русского и греческого слов сильно расходятся[23].

О соответствии русских compositа греческому простому слову можно говорить и в следующих случаях: *нововъчиненыи* — τεταγμένος 'поставленный определенным образом' (τάσσω 'ставить в порядок') (Ефр. корм., 61б); *нищекърмителныи* — πτωχεία 'нищета' (Ефр. корм., 10а); *нравоучьнъ* — ἠθικός 'выразительный', 'нравственный' (ГБ, 82γ); *огнежьжение* — πυρετός 'лихорадка', 'горячка' (Г. Амарт.,

[23] Ф. И. Буслаев высказывает мнение о том, что в славянском переводе Евангелия «для выражения греч. πόρνη, πόρνος, μοιχός, μοιχεια и других встречаем уже неологизмы, составленные по образцу грецизмов, как, например: *зълодѣи* — κακοποιός, κακοῦργος ... для πόρνη — *любодѣица* ... а для μοιχός переводчики прибавили к неологизму *любо-дѣиць* частицу *пре* ...» (см.: Ф. И. Буслаев. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории по Остромирову евангелию. М., 1848, стр. 147—148).

158, 8); *правоизвѣтьныи* — εἰκότος (εἰκός 'правдоподобный', 'приличный') (Г. Амарт., 63, 14); *православие* — προτέρημα 'преимущество', 'превосходство' (Г. Амарт., 533, 19); *смѣхоотравьникъ* — γόης 'плакальщик', 'колдун' (Г. Амарт., 452, 21); *устобѣсѣдьствие* — στωμυλία 'болтливость', 'словоохотливость' (Г. Амарт., 72, 24); *благородьство* — δόξα 'слава', 'мнение' (Пчела, л. 89; Там же, 117 об.); *богословие* — δόγμα 'мнение', 'решение' (Г. Амарт., 222, 13); *благоумьство* — ἐργασία 'дело', 'труд', 'ремесло' (ГБ, 115δ); *мьздоимьствовати* — τελωνέω (τελωνία 'взымание податей', 'мытарство') (ГБ, 7δ) и др.

Итак, мы видим большое количество примеров русских compositа, соотносимых с простым греческим словом. Почему оказывался возможным такой перевод? Потому что в древнерусском литературном языке XI—XIV вв. уже существовала утвердившаяся модель сложного слова. По ней переводчик-славянин мог образовывать сложные слова, неизвестные древнегреческому языку. Пример образования *любодѣяти* по образцу греч. κακο-ποιέω, приводимый Ф. И. Буслаевым, не является единичным. Перед нами несколько примеров compositа с первой частью *благо-*, соответствующих простому греческому слову. Но ведь почти все образования с *благо-* являются кальками, известными еще памятникам старославянского языка. Следовательно, те немногие примеры, где калькирования нет, и есть славянские образования, составленные по аналогии с имеющимися в языке словами: *благодѣтие* — χάρισμα 'милость', 'дар' (Г. Амарт., 390, 19); *благодѣтьникъ* — χάριτος (Ефр. корм., 137б); *благодѣть* — χάρις 'радость', 'благодарность' (ГБ, 1δ, 12α, 95β) и др. (Ефр. корм., 55а). В греческом языке этому слову могут соответствовать несколько различных однокорневых слов: χάρισμα 'милость', 'дар' (ГБ, 98α, 117α; χρηστότης — 'доброта', 'добросердечие' (Там же, 361γ); *благодатие* — χάρις (ГА, 134, 22); *благодать* — χάρις (Г. Амарт., 256, 7; Пчела, л. 28; Ефр. корм., 243а). Могут быть и другие греческие слова: χάρισμα (Г. Амарт., 280, 4); ἀγαθός (Пчела, л. 1); ἀγαθότης (Ефр. корм., 229б), передающиеся русским *благодать*.

О том, что русскому языку была известна модель сложного слова с первым компонентом *благо-*, свидетельствует тот факт, что одно греческое однокорневое слово может передаваться русским сложным и даже словосочета-

нием того же значения. Так, греч. ἀρετή 'благородство', 'благодать' могут соответствовать русские *благодѣяние* (Пчела, л. 53), *благоудобие* (Там же, л. 5), а также *добръ нравъ* (ГБ, 148), *нравъ благъ* (Там же, 100).

Вероятно, возможность замены простого слова сложным или сочетанием объясняется тем, что в простом слове греческого языка было заключено то же понятие, что и в русском compositum.

Сложное слово на месте однокорневого имеем и в θάλλασσα 'занимающийся морским промыслом' — *рыболовъ* (Пчела, л. 141), но русскому *рыболовьныи* (Г. Амарт., 81, 1) соответствует другое, хотя тоже простое слово ἁλιεύς. Русскому *душегубьныи* в тексте Пчелы соответствуют греч. βλάβερός — 'вредный', 'пагубный' (л. 29) и σφαλερός 'рискованный', 'опасный' (Там же, 126 об.).

Иногда в греческом языке имеется сложное слово и простое, соотносимые с одним русским compositum. Русскому *кръвопивьць* соответствуют греч. ἁιμοβόριος (αἷμα 'кровь', βόρα 'пища') (Ефр. корм., 231а) и μαιρός — 'обагренный кровью', 'запятнанный убийством' (Пчела, л. 40); *милосьрдие* (ГБ, 53γ) на месте греч. σπλάγχνον 'самое дорогое', но в Ефремовской кормчей имеется калька — εὐσπλαγχνία (182б); *правовѣрьныи* может передавать греческое простое ὀρθός (Ефр. корм., 305б), сложное ὀρθόδοξος (Ефр. корм.) и даже словосочетание ορθῶς δοζαντα (Там же, 90а). Выше уже говорилось о слове *благодѣяние* в соответствии с простым словом русского языка. Но были возможны и случаи калькирования: αγαθοεργίη (Ефр. корм., 23а) (αγαθός 'хороший', 'добрый', εργάζομαι 'делать') εὐχαριστία (ГБ, 240β); εὐεργεσία (Там же, 156β). Кроме простого λυσσή 'ярость', 'бешенство', имеется и сложное слово παραφροσύνη 'безумие', которые в Г. Амарт. переводятся сложным словом.

Русскому *иноязычьныи* (ГБ, 62γ) соответствует простое βαρβαρικός, а сложное ἀλλοεθνής (ἀλλός 'другой', εθνός 'народ', 'племя') передается в Г. Амарт. как *иноязычьникъ* (539, 5).

Сложным словом *велемудръ* и переводятся греч. σεμνεῖος 'почтенный' (Г. Амарт, 227, 12) и μεγαλόφρων 'имеющий возвышенный образ мыслей'; *пътичесъмотрение* — οἰώνισμα — 'предзнаменование по прилету и крикам птиц' (Г. Амарт., 168, 18). Но в том же памятнике

имеется греческое сложное слово с тем же значением ὀρνεσκοπικός — *пътицесъмотрьныи* (Г. Амарт., 70, 3); *нищекърмьць* (Ефр. корм., 33а) соответствует двум греческим словам: простому πτωχεία 'нищета' (33а) и сложному πτωχοτρόφος (Там же, 295а). Наличие в языке compositа *таиноучение* (Ефр. корм., 64б) и *таиносвящение* (Там же, 280б), являющихся кальками греч. μυσταγωγίος (μύστης 'посвященный в таинства'), дает возможность перевести это μύστης в ГБ (257γ) тоже сложным словом с первым компонентом *таино-*: μύστης — *таиновѣдьць*; *свѣтообразьныи*; в Г. Амарт. (332, 27) передают как греческое compositum φωτοειδής (φῶς 'свет', εἶδος 'вид', 'наружность'), так и простое слово διαυγής 'просвечивающий', 'прозрачный'.

Интересным представляется и существительное *звѣриловьць* (Пчела, л. 91 об). Приводим контекст, в котором встретилось данное слово: ловять псомъ заяци и *звѣриловци*. В греческом языке: Θηρεύουσι τοῖς μεν κυσί τούς λαγωούς οἱ κύνηγοί (κυνηγέω 'охотиться', 'отыскивать след'). Как видно из приведенного контекста, русское compositum соответствует греческому отглагольному существительному со значением 'тот, кто занимается охотой', 'кто отыскивает след'. В русском языке имеем compositum, образованное на основе словосочетания со сходным значением по известной языку модели.

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ НА МЕСТЕ ГРЕЧЕСКОГО COMPOSITUM

В ряде случаев переводчик передает сложное слово греческого языка описательно, при помощи словосочетания.

Здесь следует различать случаи, когда наряду с русским словосочетанием, соответствующим греческому compositum, имеется русское сложное слово, и случаи, когда соответствующего русского слова нет.

В Словах Гр. Богослова (сп. XI в.) замена греческого сложного слова словосочетанием является наиболее частой. Как уже отмечалось, для данного списка Гр. Богослова вообще характерна неоднородность в передаче сложных слов; здесь чаще, чем в других рассматриваемых памятниках, имеется несколько русских вариантов к данному греческому compositum.

В соответствии с греч. εἰδωλολατρεία в тексте ГБ имеем сложное слово *капищетворение* (17δ), *идолослужение* (156γ) и словосочетания *коумиромъ жьрение* (334α), *служьба кумирьска* (178α), *поклоняние кумирьско* (337γ).

Словосочетанию *ненавидяи человѣка* (ГБ 5γ, 79γ) соответствует греческое compositum μισάνθρωπος 'ненавидящий людей'. Но в том же тексте есть и сложные слова того же значения: *ненависточеловѣчьныи* и *человѣконенавистьныи*.

Греч. σκιαγραφέω 'рисовать тень', 'начертывать', 'набрасывать' передается то compositum *стѣнеписати* (ГБ, 151β), то словосочетаниями *стѣнемъ писати* (Там же, 184δ), *стѣнемъ въписати* (Там же, 99γ), *стѣнъ въписати* (Там же, 115γ); μικρολογέω соответствует русским *хулословѣсити* (ГБ, 121β), *худѣ съмыслити* (Там же, 363β) — (μικρολογία 'мелочность', 'скряжничество').

Истрин в исследовании Хроники Георгия Амартола [24] приводит много подобных примеров. Так, греческое compositum εἰδωλολατρεῖν переводится здесь двояко: *идоломъ работати* (209, 16), *идоломъ служити* (288, 12) и сложным словом *идолослужити* (280, 14).

Различную передачу греческого compositum мы встречаем в разных списках одного и того же памятника. Так, в рукописи Пчелы ЦГАДА на месте οἰνοπότης 'бражник', 'пьяница' — словосочетание *виномъ пьяница*, а в списке, положенным в основу издания Семенова — сложное слово *винопиица* (84а). Количество примеров можно было бы увеличить.

В другой группе примеров греческому compositum в тексте одних памятников соответствует только словосочетание, в то время как в других — сложное слово, соотнесенное с тем же словом греческого языка: ἐγγαστρίμυθος — *въ утробѣ баснь* (ГБ, 191α) (γάστηρ 'чрево'. μῦθος 'слово', 'речь'). Но в Ефремовской Кормчей (л. 61б) данному греческому compositum соответствует сложное слово *утробобасньникъ*. В тексте ГБ (л. 136) имеется словосочетание *блага воня* в соответствии с греч. μύρον. Но в Пчеле — сложное слово *благовоньныи* (л. 1об.), передающее, правда, сложное слово εὐώδης '*благовонный*'.

В тексте ГБ очень распространено словосочетание на месте греч. αἱμορροέω 'страдать кровотечением' (αἷμα

[24] См.: В. М. Истрин. Указ. соч., т. III.

'кровь', ῥόος 'течение', 'поток'): *кръве источати* (130γ), *точение кръви* (130β) — αἱμορροία. Но в Хронике... имеется эквивалентное сложное слово *кръвоточивыи* — αἱμορρους (360, 17), *кръвоточица* — αἱμορροῦσα (470, 3), хотя и здесь данное греческое слово может быть передано словосочетанием: *кръвь точити* — αἱμορῥγνυνάι (300, 18).

Греч. ἀρχέτυπον — 'первообраз', 'оригинал' (τύπος 'образ', 'вид', αρχή — 'начало') соответствует словосочетание *пьрвое образьнъ* (ГБ, 19β), хотя русскому языку было известно и сложное слово того же значения. Об этом свидетельствует употребление compositum *пьрвообразьныи* в Ефр. корм. (113а). Здесь оно соотносится с греч. πρωτοτύπος (προτον 'до времени', 'раньше'). Как видно, значения первых компонентов двух греческих composita совпадают.

Словосочетанию *рукама сътворенъ* на месте, греч. χειροποίητος (ГБ, 50 а) (χείρ 'рука', ποιέω 'делать') в Хронике соответствует сложное слово *рукотворьныи* (388, 17). Неодинаково передается и греч. χειρόγραφον — 'написанное собственной рукой'. В ГБ (62β) словосочетание *ручьно въписание*, а в Г. Амарт. (159, 26) и Ефр. корм. (225 об.) — *рукописание*.

И только в четырех случаях русским словосочетаниям на месте греческого compositum не нашлось эквивалентного сложного слова в исследуемых нами памятниках: *древодѣля кораблю* (ГБ, 141δ) ναυπηγός 'кораблестроитель' (ναῦς 'корабль', πήγνυμι 'строить'); *купьць Христу* (ГБ, 105α) — χριστέμπορος (ἔμπορος 'купец'); *мъногъ дьнь* (ГБ, 131α) — πολυήμερος — 'многодневный' (πολύς 'большой', 'огромный', ἡμέρα 'день'); *продатель Христу* (ГБ, 105α) — χριστοκάπηλος (κάπηλος 'мелкий торговец', 'барышник'). Правда, в «Материалах...» Срезневского приводится пример слова *мъногодьневьныи* (Мин. 1096 г. (сент.), 72).

Переводчик передавал греческое сложное слово словосочетанием не потому, что в русском языке не было соответствующего compositum и не потому, что данная словообразовательная модель оставалась чуждой языку. Стремление разнообразить язык, сделать его богаче и выразительнее заставляло переводчика использовать самые разнообразные способы передачи сложных слов. Поэтому мы и встречаем на месте греческого compositum эквивалентное русское словосочетание. А если бы модель

сложного слова не была известна языку, разве мог бы переводчик рядом со словосочетанием употребить сложное слово, соответствующее греческому compositum.

Это положение подтверждается и такими примерами, когда сложным словом переводится греческое словосочетание.

Как и в рассмотренных выше примерах, здесь можно выделить две группы явлений:

1. Сложное слово в древнерусском языке на месте греческого словосочетания при наличии параллельно существующего греческого compositum.

2. Сложное слово в древнерусском языке на месте греческого словосочетания при отсутствии соответствующего compositum в греческом.

Первая группа немногочисленна. Она насчитывает всего три примера, но все они из разных источников: *вьседьневьныи* (Г. Амарт., 98, 7) передает греческое словосочетание ὁ καθ ἡμέραν 'каждый день'. При этом в греческом оригинале Ефремовской кормчей (л. 133 об.), Пчелы (134 об.) и в Г. Амарт. (282, 18) имеется эквивалентное греческое сложное слово καθημερινός 'каждодневный'; *правовѣрьныи* (Ефр. корм., 90а) — ορθῶς δόξαντα (ὀρθός 'прямой', δόξα 'мнение', 'предположение' и ορθοδόξος — в том же значении (Там же, 3 об.); *мужежены* — γυναῖκος ανδρός (Ефр. корм., 200 об.) при наличии в ГБ (3β) ἀνδρόγυνος — в том же значении.

Более многочисленна вторая группа: она насчитывает 20 примеров из разных памятников: *добронравие* (ГБ, 12γ) — το καλόν ἕξις (καλός 'хороший', ἕξις 'имение чего-то', 'обладание чем-то'; сѣдалогубитель — καθέδρα λοιμῶν (καθέδρα 'сидение', 'седалище', λοιμός 'зараза', 'язва') (Г. Амарт., 251, 6); *сыновълшвение* — ὄνειρων μαντίκη (ὄνειρος 'сновидение', μαντικός 'пророческий', 'прорицательский') (Там же, 361, 25); *руковъздѣвание* — χειρῶν ἔκτασις (χείρ 'рука', ἔκτασις 'вытягивание', 'растягивание') (Там же, 176, 2); *доброизвѣтьныи* — εὖ μάλα (μάλα 'весьма', 'очень') (Там же, 51, 15); *мясораздробление* — κρεῶν κατακοπή (κρέως 'мясо', κατακόπτω 'разрубать мясо') (Там же, 244, 4), *новокрьстити* — νεωστί βαπτισθείς (νεωστί 'недавно', βαπτίξω 'крестить') — (Ефр. корм., 4а); *новопришьдъшии* — ἀρτί πρόσερχομαι (ἄρτι 'недавно', 'только что', προσέρχομαι 'приходить') (Там же, л. 21а); *доброумьныи* — εὖ φρονοῖ σιν (Там же, 79а) и др.

Многие из этих примеров известны целому ряду памятников. Некоторые же из них, например *сѣдалогубитель*, *сыновълшвение* и др., являются искусственными образованиями, не вышедшими за пределы одного памятника, в данном случае — Хроники Георгия Амартола.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Обзор древнерусских compositа в их отношении к сложным словам древнегреческого языка показывает, что в древнерусском литературном языке определенных жанров сложные слова в исследуемый период занимали значительное место. Мы находим сложное слово не только на месте сложного греческого, но и там, где в оригинале его не было. С другой же стороны, часты случаи, когда греческое compositum описательно передается в древнерусском языке.

Стремление переводчика точнее передать греческий текст очевидно. Отсюда большое количество сложных слов-калек. Но многие из них являются искусственными, составленными в подражание греческому образцу. Такие слова не выходят за рамки одного памятника.

Интерес для исследования представляют прежде всего слова, составленные по греческому образцу, но при помощи русских словообразовательных средств.

В древнерусском языке XI—XIV вв. модель сложного слова была живой продуктивной категорией. Многие заимствованные из греческого языка слова уже перестали восприниматься как заимствования.

Как происходило заимствование модели? Заимствуется не модель, а отдельные слова, образованные по какой-то модели. Закрепление в языке большого количества слов, имеющих одинаковую структуру, дало возможность выделить структурные типы. Сначала это были структурные типы только заимствованных слов, но позднее по этому образцу стали образовываться исконно русские слова, не являющиеся кальками. Теперь можно говорить о заимствовании модели в целом.

Заимствованная модель, закрепляясь в языке, вступает во взаимодействие с национальными моделями. Отсюда — возможность образования compositа, содержащих одинаковые корни, но разные аффиксы в соответствии с одним словом греческого языка.

В. П. Виноградова

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМИ ПРИСТАВКАМИ *БЕЗ-* И *НЕ-* В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ XI—XIV вв.

В статье исследуются образования и значения прилагательных с отрицательными приставками [1]. Материалом для изучения служат оригинальные и переводные памятники XI—XIV вв., которые представлены в картотеке Словаря древнерусского языка XI—XIV вв., создающегося в Институте русского языка АН СССР. Использованы также «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского.

ОБРАЗОВАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ПРИСТАВКОЙ *БЕЗ-*

Почти все прилагательные с приставкой *без-* имеют в своем составе суффиксы.

В наших материалах встретилось лишь одно бессуффиксное прилагательное, образовавшееся путем присоединения к существительному префикса *без-* и окончания прилагательного, — *безрукыи*: Костянтинъ князь полотьскии. нарицяемыи *безрукии* (Мер. праведн., л. 64). В словаре И. И. Срезневского отмечены также бессуффиксные прилагательные: *безвьрхыи* (III Доп., 9), *безлиствии* (I, 57), *безрѣзыи* (III Доп., 11), *бессапогыи* (I, 71), *бессърдыи* (I, 83), причем *безвьрхыи* и *безрѣзыи* со ссылками на памятники XV в.

[1] В статье не рассматриваются вопросы происхождения прилагательных с приставками *без-* и *не-* и их функционирование в памятниках различных жанров (мы находим их в основном в памятниках книжно-славянского типа языка) — это может быть темой особого исследования. Происхождению в русском языке образований с прибавкой *без-* посвящена работа С. П. Обнорского, в которой, однако, не рассматривается подробно материал древнерусского языка в его истории (С. П. Обнорский. Префикс «*без*» в русском языке. «Избр. работы по русскому языку». М., 1960).

Большинство прилагательных с префиксом *без-* имеет в своем составе суффикс *ьн-*. Ряд прилагательных соотносится только с существительными, так как к этим прилагательным отсутствуют соответствующие прилагательные без приставки с суффиксом *-ьн-* или значения приставочного и бесприставочного прилагательного не соответствуют друг другу. В зависимости от того, образуются ли прилагательные от конкретного или абстрактного существительного, они получают разные значения. Образованные от названий конкретных предметов, прилагательные с приставками *без-* и суффиксом *-ьн-* получают значение 'не имеющий чего-то (или кого-то), что обозначено основой'. Здесь можно выделить несколько семантических групп в зависимости от значения основы.

1. Прилагательные, образованные от названий лиц: *безвожьныи* 'не имеющий вождя', *бездружьныи* 'не имеющий друга', *бездетьныи*, *бесчадьныи*, *безматерьныи*, *безмужьныи* (об этом слове см. также ниже), *безотьчьныи*, *бесцарьныи*.

2. Прилагательные, образованные от названий частей тела: *безбрадьныи*, *бесколеньныи*, *безочесьныи*, *безустьныи*, *бесхвостьныи*.

3. Прилагательные, образованные от названий различных конкретных предметов: *бездомьныи*, *бескровьныи*, *безимѣньныи*, 'не имеющий имѣния' (т. е. имущества), 'бедный', *безвѣньныи* 'без приданого', *беспищьныи*, *безводьныи* — 'безводный' и 'испытывающий жажду', *беспеньныи* 'свободный от уплаты пени, подати', *бескореньныи* 'не имеющий корней'.

Интересно, что все эти прилагательные, обладающие прямым значением 'не имеющий чего- или кого-нибудь', легко развивают качественные, переносные значения (а возможно, и не «развивают», а имеют или получают их вслед за греческими словами, для перевода которых они используются). Так, очевидно, из образных выражений (ср.: величавъ чл҃къ дрѣво бесплодьно и *бескоренно*. — Панд. Ант. XI в. — Срезн. I, 73) прилагательное *бескореньныи* переходит к определению человека: и иже и не приносяще труда и *бескореньни* о нихъ же тако реку и бесплодни нѣкако явять(с҃) (Ф. Студ., л. 8а). Ср. употребление слова *бесчадьныи*: да ни единъ же буди тощь ни бесплоденъ. ни *бещаденъ* дш҃ею и безроденъ (Гр. Бог.,

л. 205в); ср. также слово *безводьныи* в таком контексте: еуа(г)льское ученье. предѣла же пото(к) вѣрны(х) цркы преже *безводна* сущи. не приимши таковаго ученья прозябающи дѣянья неплодна (т. е. 'не напоенный евангельским учением' — Гр. Бог., л. 38а). *Бесквасьныи* в наших материалах встречается только в переносном, образном употреблении, основанном на евангельской символике — 'чистыи', 'без примеси' (прямое значение было бы 'без кваса', т. е. 'без закваски', 'неквашенный', 'пресный')[2]: тако лѣпо и на(м) от грѣха отлучающимся не хранити первыя злоби останк(а). но добродѣте(л) *бесквасну* имѣти (Гр. Бог., л. 49а). Прилагательное *безмужьныи* имеет два значения. Одно — в русском памятнике — 'без мужа', 'незамужняя': въплоти(с) от двы чисты *безмужны* бескверны (сб. Увар. Илар. Сл. зак. л., 162 об.). В переводных же памятниках оно имеет значение 'немужественный': да и убо и разумъ и съмыслъ имамы. не *безмужьно* ли дѣтьскы съмъсляще есмы братия (Ж. Ф. Студ., л. 92 об.); ... страшива и *безмужна* [о старце. — *В.В.*] (Гр. Бог., л. 128 г)[3].

Некоторые из прилагательных по своему значению вообще прямо не соотносятся с существительным, которое было использовано для их образования; в этих случаях, очевидно, мы имеем дело с передачей значений соответствующих греческих слов. Слово *безмѣстьныи* означает 'нелепый', 'неуместный', 'неподобающий': елико же съвѣстию печалуете о *безмѣстьныихъ* дѣлѣхъ. рекше о неподобьныихъ не отнечаите себе (Сб. Тр. № 12, л. 60—60 об.); их же учения *безмѣстьнаго* свѣдыи (Г. Амарт., л. 262). Значения прилагательного *мѣстьныи* и существительного *мѣсто* (см. Срезн. II, 245—248 и 250) не дают оснований для развития этого значения у слова *безмѣстьныи*. Остается предположить, что эта калька с греч. ἄτοπος, тем более что оно встречается только в переводных памятниках. Ср. также *безчеловѣчьныи* 'бесчеловечный', 'жестокий', 'суровый' (ἀπανθρωπος): гонение безъмл(с)твьно и *безъчлвчьнаго* по всему въстоку на

---

[2] Ср.: да тѣмъ праздьноуимъ, рече *не въ квасѣ* ветъсѣ, *ни въ квасѣ* злобы и лукавьства (Изб. 1073 г. 77 — Срезн. I, 1202).

[3] Видимо, перевод греч. ἀνανδρος; ср. также *мужьскыи* — 'храбрый', 'мужественный', *мужьство* — 'доблесть' (Срезн. II, 193).

кр(с)тьяны показа (Г. Амарт., л. 201г); не пощадѣ рукы на сородника убииственыи братъ ... порази безъ нужа единоутробнаго *безъчлвчьныи* (Ф. Студ., л. 5в). *Бессловьныи* и *бессловесьныи* — 'неразумный' (ἄλογος).

Некоторые прилагательные, возникнув как кальки, затем переосмысляются в русских памятниках. Так, *безглавьныи*, видимо, первоначально было названием человека, принадлежащего к секте, ереси (греч. ἀκέφαλοι — секта, названная так потому, что она отреклась от своего патриарха, главы).[4] Это прилагательное употребляется чаще в субстантивированной форме (ср. в том же значении *безглавьникъ*): *безглавьныих* ереса (Ефр. корм., л. 283б) и всегда неодобрительно: въ зъловѣрие севгира сущааго *безглавьнаго* кръчьмьника въпадеся (Син. пат. XI в., л. 136). Первоначальное значение, видимо, было неясно и потому название ереси получает такое объяснение: проста того створяя члвка [т. е. бога считая простым человеком. — *В. В.*] и таковымъ неистовьствомь нарицая ся *безглавьны* (Ряз. корм., л. 380г). В древнерусских оригинальных памятниках прилагательное *безглавьныи* употребляется в качественном значении, по-видимому, 'безумный', 'жестокий': Арью... *безглавныи* звѣри (Кир. Тур., 59), и даже без всякого отношения к ереси: въпиющи къ бу не прѣстаеть на безаконьнаго стопълка и гордаго нача же рѣку поганопълка *безглавнаго* звѣри (Парем. чт. о Б. и Г., л. 258 об.).

Большинство прилагательных с приставкой *без-* произведено от отвлеченных существительных. Эти прилагательные значат не только 'не имеющий чего-нибудь', они получают значение качества, свойства, признака, характеризующего человека и различные предметы и явления. Например, *бесплищьныи* — 'тихий', 'спокойный' (*плищь* — 'шум', 'волнение'): *бесплищьное* житие (Никон. Панд., сл. 15 — Срезн. I, 75); *беспомощьный* — 'беспомощный': Г(с)и ... отчаявши(м)ся *беспомощны(м)* помощниче (Ж. Варл. Иоас., л. 109в); *бесчиньныи* — 'делаемый не по порядку (*чинъ* 'порядок'), не по правилу', 'неподобающий' и 'бесчинствующий': ризу свою раз-

[4] См.: Энциклопедический словарь. Под ред. проф. И. Е. Андреевского. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., т. I, 1890, стр. 283; т. 38, 1896, стр. 787.

дравъши. власы же главъныя простерши и ина *бещиньна* къ сему творящи. неправымъ образомъ шествующи (Панд. Ник. Черн. XIV в., л. 185 об.б); запрѣщения же и отлучения сборныя цркве *безъчиннымъ* и непокорнымь бжествьному закону положиша (Ряз. корм., л. 348г).

Если существительное было многозначным, образованное от него прилагательное могло иметь значения, соответствующие значениям существительного. Так, *беспагубныи* употребляется в значении ‘не подверженный гибели’ (ср. *пагуба* ‘гибель’ — Срезн. II, 857): бесмертно и *беспагубно* (Гр. Бог., л. 66) и в значении ‘без убытка’, ‘не понесший убытка’ (ср. *пагуба* ‘убыток’): аще ... по прилучаю бу(д)ть коню врѣдъ или смерть. то слово да вдасть. и гна коневи *беспагубна* да устроить (Ряз. корм., л. 327а)[5]. *Беспокровьныи* — ‘не имеющий покрова’ (т. е. защиты): ты бѣ ... *беспокровнымъ* покровъ обидимымъ заступникъ (Ип. лет. (Г.-В.) л. 304 об. — 305); нищая и *беспокровныя* введи в домъ свои (Сб. Тр. № 9, л. 5); возможно, в этом последнем тексте *беспокровный* осмысливается как ‘не имеющий крыши, дома’ (существительное *покровъ* имело оба значения — см. Срезн. I, 1326; II, 1115—1116). Ср. также: странна введи. *беспокровнаго* в кровъ (Зл. цепь, л. 73 об. а). Как правило, однако, существительные обладают более широким кругом значений, чем прилагательные с приставкой *без-*, которые обычно соответствуют лишь самому общему, абстрактному значению, например, существительное *чинъ* могло употребляться в значениях: ‘порядок’, ‘подчинение’, ‘чиноположение’, ‘правило’, ‘устав’, ‘степень’, ‘должность’, ‘сан’, ‘сонм’, ‘собрание’ и др. (см. Срезн. III, 1520—1522), в то время как прилагательное *бесчиньныи* имело только два значения (см. выше); ср. также *число* и *бесчисльныи*, *образъ* и *безобразьныи* и др.

В основе значений большинства прилагательных с *без-* лежит признак отсутствия чего-то, но иногда прилагательные получают значение наличия высокой степени качества. Возможность для развития такого значения создают существительные, которые сами по себе не обладают значением качества или оценки, а служат лишь для измерения разных величин. Прилагательные с приставкой

[5] Ср. Срезн. I, 74, где отмечено только первое значение.

без- от таких существительных, как *цѣна*, *число*, *чисмя* 'число', *прикладъ* 'образец', 'сходство', 'подобие', *мѣра*, имеют значения, которые можно определить как 'неоценимый', 'неисчислимый', 'несравнимый (ни с чем)', т. е. 'обладающий такой высокой степенью качества, что и оценить нельзя', и т. п.: и створи цр҃кв҃ь и украси ю иконами многоцѣньными. златомъ и каменьемь драгымъ. и жемчюгомь великымь. *безьцѣньнымь* (Ип. лет., л. 205 об.); июда продаеть *бесцѣннаго* на малѣ сребреникъ (Ф. Студ., л. 51в); Начнемъ же сказати. *бещисленыя* рати и великыя крамолы (Ип. лет. (Г. -В.), л. 255); къ *бещисльнѣи* чистоте [о боге. — *В. В.*] (Ряз. корм., 356г); в последнем случае просто высокая степень качества — 'великой, несказанной').

С другой стороны, ряд прилагательных от существительных, не имеющих оценочного характера, получает значение отрицательного качества. Например, прилагательное *безобразьныи* в древнерусских текстах XI—XIV вв. употребляется в двух значениях. В значении 'не имеющий образа', т. е. формы, очертаний, вида, оно противопоставляется прилагательному *образьныи* (см. Срезн. II, 542): понеже бо ни анг҃лъ ни дш҃ю видѣти не мощно *безъобразны* сия исповѣдая (Ряз. корм., л. 356б—в). Другое значение этого слова, возможно, основывается на употреблении существительного *образъ* в значении 'образец', 'пример': *обра(з)* бывати собою въздержанье(м) и бдѣньемь (Пов. вр. л. 6582 г. — Срезн. II, 541). Если это так, то исходным было значение 'такой, который уклоняется от образца', 'неправильный', 'неподобающий', отсюда и 'безобразный' [6]: ни в раздранѣ и безобразнѣ. ни чресъ нужною потребу многоцѣньну [о ризе. — *В. В.*] (Панд. Ник. Черн. XIV в., л. 99 об. б); *безъобразнымъ* симъ видомъ ... игралище дѣт(е)мъ себе створилъ еси (Ж. Варл. Иоас., л. 6а); ср. также в субстантивированной форме: пляшють срамно... *безобразная* творять (Ряз. корм., л. 119б). В этом втором значении *безобразьныи* (как

[6] Возможно и влияние греч. ἄμορφος, которое значило и 'бесформенный', и 'некрасивый', 'безобразный'. Ср. употребление этого слова и некоторых других с приставкой *без-* в произведениях А. С. Пушкина (см.: И. С. Ильинская. К истории словарного состава русского литературного языка XIX в. «Материалы и исследования по истории русск. лит. языка». т. III. М., 1953).

и *необразьныи*, которое употребляется в тех же значениях), видимо, могло быть антонимом прилагательному *благообразьныи*, ср.: ... ни превелья обычая приимающи... да (не) срамоты себѣ сдѣлаете за *необразное* въсприятье. вси бо *блгообразнѣ* научихомъ(с) и по чину творимы (Ф. Студ., л. 173в). Ср. также *безродьныи* 'неблагородный': оно убо зѣло *безродно* и малодушно мни(т) ругати ся страдалцю (Гр. Бог., л. 196а) и 'безродный', 'ничтожный': сию хвалю мдр(с)ть азъ. сию цѣлую. ею же *бездр(о)днии* прославлени быша. ею же уничжении поч(с)тени быша (Там же, л. 109а—б). Прилагательное *безличьныи*, видимо, имеет значения 'ничтожный', 'безличный': нъ млстивъ буди нагому... посрамленому. *безличному* и недьрзновеньному (Сб. Тр. № 12, л. 197) и 'неприличный', 'непристойный' (ср. *съличьныи* 'приличный', 'пристойный'): подобаеть пѣние приносити. таиных видцю бу. а не кликати *безличнымь* воплемь. и ество понужати на вопль (Ряз. корм., л. 158г)[7].

Интересный случай представляет собой прилагательное *бесстудьныи* 'бесстыдный'. Его значение сближается со значением прилагательного *студьныи*, которое также могло употребляться в значении 'бесстыдный' (см. Срезн. III, 576—577). Произошло это, по-видимому, потому, что слово *студъ* имело два значения — 'позор', 'срам', 'бесчестье' и 'стыдливость', 'чувство стыда' (ср. современное *стыд*). Прилагательное *студьныи* соотносилось с первым значением, а прилагательное *бесстудьныи* — со вторым — 'не имеющий чувства стыда', 'совершающий позорные, непристойные поступки': *бестудни* бо суть, иже сами ся хвалять, но члвкомъ достоино стыдѣтися, егда от инѣхъ хвалимъ бываеть (Пчела, л. 91 об.); рачения сквьрньная уныхъ дшамъ *бестуднымь* житиемь съдѣвающе (Ряз. корм., л. 244в); прѣстанѣмъ быти *бес-*

[7] Ср. Срезн. I, 58, где отмечается лишь значение 'некрасивый лицом' (в позднем памятнике). Интересно, что в этом и некоторых других случаях прилагательное с приставкой *без-* противопоставляется прилагательному с приставкой *съ-* (что, видимо, соответствует противопоставленности сочетаний существительных с предлогами *съ* и *без*), ср. *съдушьныи* и *бездушьныи*: ты же оканьны жидовине. *съдшьнъ* сы буда. и несмыслньѣи *бездушнои* земли бы(с) (Пал. 1406 г., л. 5 г).

тудьни и прѣкословьци (Сб. Тр. № 12); луче есть съ дьяволомь бесѣдовати паче. неже ли съ женою *бестудьною* и блудьною (Панд. Ник. Черн. XIV, л. 36а)[8].

Некоторые прилагательные с приставкой *без-* сближаются по значению с причастиями и с отглагольными прилагательными (о которых ниже), иногда с модальным оттенком невозможности действия. Например, прилагательное **безврѣдьныи*[9], по нашим материалам, употреблялось в значении 'неподверженный', 'не могущий подвергнуться вреду' (т. е. злу, болезням и т. п.), 'невредимый' (*врѣдьныи* могло иметь значение 'вредный' и 'поврежденный', 'больной', 'калека'): и снъ бжии приемле(т) и снь члвчь быти же и възвати ся ... сего ради неизмѣсная мѣсят ся ... и вреду *безвредное* и тлѣньну бесмртное (Гр. Бог., л. 20б); тако убо дшю телеси сочьта ... тѣло же тлѣньное. вьсему повинно. ова же *безъвредъна*. тѣло же всякои болѣзни и врѣду. и тлѣнию повиньно (Пал. 1406 г., л. 44б—в). Таким образом, это прилагательное по значению сближается со страдательными причастиями и отглагольными прилагательными с пассивным значением. В следующем примере на близость к глаголу *врѣдитися* указывает сохранение глагольного управления: ... и присно немощь нашу мощну творить *безъвредны от* вражья смышленья и *от* бѣдъ творить (Сб. Тр. № 9, л. 9 об.); ср.: первоя убо изложеныя заповѣди ... ничимь бо *от* нынешнего законоположения *не врѣжена* есть но паче испълняется (Ряз. корм., л. 248в). В том же значении — предложное сочетание *без врѣда*: камение же то имать дѣиство сице. намещемъ на угли горящи. то погасить угли сами же *без вреда* пребывають (Пал. 1406 г., л. 139а). *Безмьздьныи* — 'безвозмездный', 'бескорыстный': ваю гроба *безмѣздьна* врачьба (Стих. 1156—1163); *безмездниии* врачеве дшмъ и тѣломъ боучении цѣлители (Кир. Тур., 63) и 'неподкупный': неудобь избѣгнути ... праведнаго и *без-*

[8] Интересно также сближение значений слов *коньчьныи* и *бесконьчьныи* в таком контексте: кто не кланяеться *безначалному* кто не славить *конечняго* (Гр. Бог., л. 2в); ср. аналогичное употребление слов *безначальныи* и *исконьныи*: кто не покланяеться *исконьнум(у)* кто не славить *конъчьнаго* (Гр. Наз. XI в., 147 об. — Срезн. I, 1277).

[9] Значком * отмечены прилагательные, которых нет в словаре И. И. Срезневского.

мездьнаго суда (Г. Амарт., л. 63б—в). *Безотъвѣтьныи* — ‘неоправдываемый’ (см. *отъвѣтъ* в значении ‘оправдание’ — Срезн. II, 780—781): тяжькая *безъотъвѣтьная* вина бесчисльныихъ погыбающиихъ дш̄ь ожидаеть насъ отъ бога (Ефр. корм., л. 133б). *Безутѣшьныи* — ‘неутешимый’, ‘безутешный’, ‘неподдающийся утешению’: иже надѣеться добра, а зло творя, *безъутѣшныя* страсти прииметь (Пчела, л. 132); в том же значении сочетание *безъ утѣхы*: Многу и *безъ утѣхы* скорбь ихъ (Георг. Ам. (Увар. л. 179) — Срезн. III, 1324). Подобные прилагательные могут развивать значения как пассивных причастий (см. выше), так и активных (ср. современное *безвредный* ‘не причиняющий вреда’), как с оттенком невозможности действия, так и без него: *беззрачьныи* — ‘невидящий’ (?) Вижю... нага на кр(с̄)тѣ висяща, бездушна, *безрачьна*, не имуща видѣния (К. Тур., 26с). И. И. Срезневский приводит это слово в другом значении — ‘невиданный’: слышала бѣ... *безрачную* доброту ея (— ‘невиданную красоту’) (Жит. Екат. 16. — Срезн. I, 63). **Безнапастьныи* — ‘не подверженный бедам и искушениям’: и многыми скорьбьми подобаеть нам внити въ ц(с̄)тво нб(с̄)ное и мужь *безнапастенъ* и неискусенъ. (Панд. Ник. Черн. 1296 г., л. 139 об.); *напастьныи*, видимо, ‘несущий несчастье, беду’ (Срезн. II, 306).

Близость значений прилагательных с приставкой *без-* к значению причастий не свидетельствует, однако, об отглагольном происхождении этих прилагательных. Такие значения были широко распространены в древнерусском языке и у прилагательных, произведенных от существительных, имеющих общую основу с глаголами [10]. Сама форма иногда указывает на отыменное происхождение (ср. *беззрачьныи*, *зракъ* и *зьрѣти*), и значение прилагательного с приставкой *без-* часто соответствует сочетанию существительного с предлогом *без*.

Небольшое количество прилагательных с приставкой *без-* можно соотнести только с глаголами. Например,

[10] См.: М. М. Покровский. Материалы для исторической грамматики латинского языка. «Уч. зап. Московского гос. ун-та, отдел историко-филол.», 1899, вып. 25, стр. 64—70. Ср. также высказывания польского исследователя о прилагательных с суффиксом *-ьн-* в старославянском языке: M. Brodowska-Honowska. Słowotwórstwo przymiotnika w języku starocerkiewnosłowiańskim. Wroclaw, 1960, стр. 95, 132 и др.

**безгазьныи* (ср. *исгазити* 'испортить') — 'неиспорченный' (?): Темь же подобаеть вьсею силою. *безгазна* хранити ся оть нечистыихъ дѣлъ. . . (Изб. 1076 г., л. 115). **Безъисходатайствьныи (исходатаиствовати* 'испросить', 'выхлопотать' и 'заслужить'): сущею безвременьну и присну *безъисходатаиственую*, всякому словеси празну (Г. Амарт., л. 224г; передает греч. ἀμεσίτευτος — отглагольное прилагательное от μεσιτεύειν 'посредничать', 'способствовать', 'устраивать'; прилагательное, видимо, имеет значение 'самостоятельно существующий'). **Безисцѣльныи* и **бесцѣльныи* — 'неисцелимый' (*исцѣлити, цѣлити*): съгрѣшенья... мыслная же внутрь уду от ср(д)ца исходять и сего ради неудобь ицѣльна ли *безицѣльна* бывають (Панд. Ник. Черн. XIV, л. 31в); тѣло ... язвено язвою *бесцѣлною* (Гр. Бог., 183г). *Безлѣчьныи* — 'неизлечимый' (*лѣчити*): въводиши *безлѣчьное* (Гр. Бог., л. 23б). **Безмълчьныи* (*мълчати*) — 'неумолкающий': давъ ... женѣ его *безъмолчены* устъны славяще и хваляще ба (Юр. прол., 208а); ср. англы ... *безмолчьно* поють млтву ему (Г. Амарт., л. 103в). **Беспечьныи* (*печися* 'огорчаться', 'заботиться') — 'не сомневающийся' 'уверенный': кня(з) дмитрию московьско(м). и правду дали. уж ѣде(м) и хоче(м) ся порожни. учинити тоѣ прав(д)ы. про(т) абы коро(л) бы(л) *безпечнѣишии*. у нашеи службѣ и у правдѣ (Гр. 1388 (6, ю.-р.). *Бесплавьныи* — 'незаблуждающийся', 'ясный' (ср. *плавати* в значении 'блуждать' — Срезн. II, 949): хотяи бо бесквьрньнъмь житиемь пожити ... *бесплавьною* мыслью и безъопытьнъмь умъмь простою мыслью. тако бо наидеть на нь обилѣ блгдть стго дха (Сб. Тр. № 12, 86 об.); видимо, перевод греч. ἀρεμβαστος от ῥέμβομαι 'блуждать', 'быть нетвердым' (Срезн. I, 75). В словаре И. И. Срезневского находим еще некоторые прилагательные, соотносящиеся только с глаголами: *безвьртьное* — 'неподвижность' (Срезн. I, 52); *бесстатьныи* — 'непостоянный' (Срезн. I, 77); *бессъмирьныи* — 'непримиримый' (Срезн. I, 83). Эти образования, видимо, имели окказиональное употребление, они создавались переводчиками для передачи греческих слов — в основном, отглагольных прилагательных с отрицательной приставкой ἀ-. Исключение составляет только зарегистрированное в грамоте и со-

хранившееся до настоящего времени прилагательное *беспечьныи*. Возможно, на случаи возникновения отглагольных образований с приставкой *без-* и суффиксом *-ьн-* оказали влияние подобные образования с приставкой *не-*, которые были, видимо, продуктивными (см. ниже).

Особого рассмотрения заслуживают прилагательные с приставкой *без-*, соотносящиеся с бесприставочными прилагательными.

В древнерусском языке XI—XIV вв., согласно нашим материалам, существовало довольно большое количество прилагательных с приставкой *без-*, которые соотносились формально и семантически не только с существительными, но и с прилагательными с суффиксом *-ьн-* от этих существительных и являлись их антонимами. Таковы прилагательные: *безблазньныи*, **безбожьствьныи*, *безболѣзньныи*, *безбоязньныи*, *безбурьныи*, *безвещьствьныи*, *безвещьныи*, *безвиньныи*, *безвлажьныи*, *безврѣменьныи*, *безвѣрьныи*, *безвѣстьныи*, *безгнѣвьныи*, *безгодьныи*, *безгрѣшьныи*, **безгърдостьныи*, *бездързновеньныи*, *бездѣльныи*, **бездѣтельныи*, *безжерельныи*, **безживотьныи*, *беззазорьныи*, *беззаконьныи*, *беззълобьныи*, **безизвѣстьныи*, *безистьлѣньныи*, *бесконьчьныи*, *бескористьныи*, *бескоторьныи*, *бескрамольныи*, **бескрасьныи*, *бескръвьныи*, *безлуньныи*, **безлъжьныи*, *безльстныи*, *безлѣпотьныи*, *безмилостьныи*, *безмирьныи*, *безмутьныи*, *безмълвьныи*, *безмѣрьныи*, *безоружьныи*, *беспамятьныи*, *бесплодьныи*, *бесплътьныи*, *беспользьныи*, **беспоносьныи*, *беспорочьныи*, *беспотребьныи*, *бесправьдьныи*, **бесприрочныи*, *беспричастьныи*, *беспроходьныи*, *безрадостьныи*, *безразумьныи*, *бессквьрьньныи*, *бесскърбьныи*, *бесславьныи*, *бессловесьныи*, *бесстрастьныи*, *бессъблазньныи*, *бессъмысльныи*, *бессъмьртьныи*, *бестьлѣньныи*, *бестѣлесьныи*, *безумьныи*, *безуспѣшьныи*, *безуставьныи*, *безхульныи*, *бесчьстьныи*, *беспечальныи*.

Всего несколько прилагательных с приставкой *без-*, как и соответствующие им бесприставочные прилагательные, соотносятся с существительными конкретными, например *безвлажьныи*: от зноя съжагаеми и *безвлажно* имъ бываеть и сухо (Пал. 1406, л. 35а); **бескръвьныи* 'бескровный': въ время лѣ(по) и дхвно истиною въведе(т) служе(н)е от кровны(х) жертвъ на *бескровную* жертву (Гр. Бог., л. 61в); *бескръвьны* жьртвы... при-

носять славѣ твоеи (Стих. 1156—1163, Ф. Печ., л. 99); **безлуньныи* 'безлунный': путьшествующе в нощь безлуньну трепещу(т) (Пчела, л. 71 об.); ср. *безбурьныи* (Срезн. III. Доп. 9). Бесприставочные прилагательные вполне соответствуют этим прилагательным с приставкой *без-* по значению и могут употребляться в сходных контекстах (см. выше: *кръвьная—бескръвьная* жьртва).

Остальные прилагательные соотносятся с существительными отвлеченными, обозначающими качества и состояния. Несколько примеров:

Бескъзньныи — 'бесхитростный': нага простотою и жизнью бескъзньною (Гр. Бог., л. 8в).

Бескоторьныи и *бескрамольныи* — 'мирный', 'незлобивый', 'без ссор и раздоров': Въ сихъ же ничьтоже тако нѣ слаже, яко же *бескоторьное* и *бескрамольное* (Гр. Наз. XI в., 243 — Срезн. I, 73).

Безмилостьныи — 'немилосердный', 'жестокий' (*милостьныи* — 'милосердный', — см. Срезн. II, 138). Однако прилагательное *милостьныи* употреблялось, видимо, редко. В наших материалах *безмилостьныи* противопоставляется только прилагательному *милостивыи*: блжни *мл(с)тивыи* яко ти помиловани будуть видиши ли како расудну имать мл(с)ть. ни безъ суда милуя. ни же *безъмл(с)тьно* судя. *мл(с)тивъ* бо гь и правьдьнъ (Панд. Ник. Черн. 1296 г., л. 166 об.).

Безмълвьныи — 'спокойный', 'тихий', 'безмятежный' (синонимы: *безмятежьныи*, *бессмутьныи*, *тихыи*): боле же въ п(с)ѣхъ *безмолвное* и безъсмутное держимъ. разумъ бо бѣсомъ смущениемь млтву разаряти (Панд. Ник. Черн. 1296 г., л. 44 об.). В ряде случаев это качество связывается и с отсутствием многословия, молчанием: горе иже с гусльми и сопѣльми поюще ихъ же житье есть *безмолъвно* и ч(с)то иже сочтавъши ся бу яремъ мн(и)шьскыи взяти и сѣсти единому и молъчати (Панд. Ник. Черн. XIV в., л. 37б); и на трапезѣ *безмолвни* и молчаще (Ф. Студ., л. 162в)[11].

Беспамятьныи — 'забытый', соотносится с прилагательным *памятьныи* — 'о котором помнят', 'незабытый': колико члвкмъ множьство бы(с) на земли и *беспамятни*

[11] Впрочем, *мълчати* могло иметь значение и 'быть спокойным' (Срезн. II, 103).

быша (Зл. цепь, л. 7 об. б); а порушитъ поминанье того князя великого александра. тотъ и са(м̄) *беспамятенъ* будеть по свое(м̄) животѣ (Жал. грам. митр. Киприана, 1399).

**Бесприрочьныи* — 'не имеющий недостатков' соотносится с прилагательным *прирочьныи* — 'порочный, с недостатками' (ср. *прирокъ* в значении 'порок', 'недостаток'): начатъ глти к нему. и убо прошенье твое велье и времени нужьно. но съ прирокомь есть и веси я(к̄) в законѣ овьча. или мало или велье. аще не (*бесъ*)*прирочно* будяше. на жертву не приношашеся (Панд. Ник. Черн., XIV в., л. 93а).

Прилагательные с приставкой *без-*, обладающие несколькими значениями, могут во всех значениях противопоставляться соответствующим бесприставочным прилагательным. Прилагательное *безвременьныи* [12] в двух значениях противостоит прилагательному *временьныи*. В значении 'постоянный', 'не ограниченный временем': ... ученье бж(с̄)твных словесъ *безъвременьно* безъмолъвье (Панд. Ник. Черн. XIV в., л. 202в) оно антонимично прилагательному *временьныи* в значении 'кратковременный, временный': сея *временыя* и скверненыя (жизни) ако змииныхъ ядовитыхъ устенъ бѣгаемъ (Илар. сл. — Срезн. I, 319). Значение приставки *без-*, возможно, сближается здесь со значением современной приставки *вне-* — 'вневременный', ср.: дхъ стыи ... невиди(м̄) *безвремене(н̄)*. бес каковьства. безъ образа (Гр. Бог., л. 88б). Прилагательное *безвременьныи* употребляется также в значении 'несвоевременный', 'неуместный': Даи просящему, а не даи пляшющему еда когда съ своимъ имѣниемъ и свою дшю погубиши и оного. ты бо еси повиненъ погыбели того *безъвременъным* даянье(м̄) (Пчела, л. 122—123 об.); зѣло бо есть неправедно симъ. убо даровати *безвременьную* похоть (Ряз. корм., л. 353в); в этом значении *безвременьныи* антонимично прилагательному *временьныи* — 'своевременный': Творяи добро мимоходомъ. а своимъ *временьная* не падая, тать есть (Пчел. XV в. — Срезн. I, 319); *временьно* бо ... молчанье имѣти лѣпо, неже слово *безъвременьно* (Пчела, л. 65 об.—66).

---

[12] Передавая греч. ἄχρονος и ἄωρος.

Образованные от существительных *годъ* и *лѣто*, синонимичных существительному *время*, прилагательные *безгодьныи* и *безлѣтьныи* синонимичны прилагательному *безвременьныи* в разных значениях. Слово *безгодьныи* синонимично прилагательному *безвременьныи* в значении 'несвоевременный', 'неуместный', так же как прилагательное *годьныи* синонимично прилагательному *временьныи* в значении 'своевременный' (см. Срезн. I, 539): Люто бесплодье земля. . . и люто *безгодная* жатва (Гр. Бог., л. 111а); Любы *безгодная* по(д)бна есть ненависти (Пчела, л. 22); вънимати котории блгоговѣино ѣдять котории же *безгодьныя* повѣсти творять. и запрѣщати таковымъ (Уст. Студ., л. 214 об.); чтныя празни(к) г(с)ня тако заповѣдаша дхвно праздновати . . . не чреву работающе *безгодны(м)* пьяньствомь (Зл. цепь, л. 43 об. а—б). Слово *безлѣтьныи* синонимично прилагательному *безвременьныи* в значении 'не ограниченный временем', 'бесконечный'; от оца *безлѣтна* и бес телесе (Гр. Бог., л. 47а; ср. там же, л. 144: отъ оца *без лѣтъ* и бес телесе).

Еще несколько примеров полной антонимичности значений прилагательных с приставкой *без-* и бесприставочных. Прилагательное *бессловесьныи* во всех значениях противостоит прилагательному *словесьныи*. Ср. *словесьныи* — 'наделенный даром слова', *бессловесьныи* — 'лишенный способности речи': *бесловесьнъ* скотъ (Стих. 1156—1163, Ф. Печ., л. 99); *бессловесьныи* в субстантивированной форме — 'животное': и толми въсмердѣ яко и *бесловеснымъ* бѣгати тоя пещеры (К.-Печ. пат., 106б); аще бо о *бесловесны(х)* тольма прилежати требѣ но колма паче о . . . члвцѣхъ (Гр. Бог., л. 104б—в). Со значением 'лишенный способности речи' соединяется значение 'не обладающий разумом': како прилагаем ся скотѣ(х) несмысленыхъ и подобим ся имъ *бесловесны(м)* (Ф. Студ., л. 206г); скверньныхъ и непотребныхъ скотинъ. *бесловеснѣи*. по уму и по словеси. и по дѣянию състави ся (Панд. Ник. Черн. XIV в., 163г). Отсюда, видимо, развилось значение 'неразумный', 'бессмысленный' (ср. *словесьныи* 'разумный'): мятежи и *бесловесъныя* брани . . . (Ф. Студ., л. 198г); ярость же *бесловесну* движеть (Панд. Ник. Черн. XIV в., л. 27б); . . . от *бесло-*

весьнаго вышенья (Гр. Бог., л. 107в). По-видимому, в этом значении прилагательное может получать оттенок ‘не знающий божьего слова’ (т. е. учения): ц(с)рь ... иже языки *бесловесныя* словомъ покори (Ф. Студ., л. 50г); х(с)ъ слово есть бжие и дхъ ... аще ... кромѣ есть ба *бесловесенъ* есть (Ряз. корм., л. 375в); *бесловесьни.* отнасъ наречени ... бжия слова суща присно не приемлюще (Ефр. корм., л. 256б, см. также Срезн. III, Доп. 12: *бессловесьнии* — название ереси). Наконец, прилагательное *бессловесьныи* употребляется в значении ‘чувственный’, ‘животный’, противопоставляясь прилагательному *словесьныи* в значении ‘духовный’, ‘нравственный’: како бо цѣломудрие не твори(т) насъ свершеныхъ, отипудь бо бесчисльная держава страстьная не вдаеть члвкомъ быти яко члвкомъ, но влечеть къ *бессловесному* естьству къ звѣриному, бещиньному (Пчела, л. 11); создавъ зижитель все тѣло члвчьское ... и обѣ естьстве прилѣпистася въкупь, да не *бесловесное* влечеть *словесное* к собѣ, но да *словесное* въсхытаеть *бе(з)словесное* и исправляеть ... (Пчела, л. 111 об.); отчюжени славы бжья. повинувшеся похотемъ своимъ и *бесловеснымъ* стремлень(м) (Ж. Варл. Иоас., л. 74г); *бесловеснымъ* повинувшеся похотемъ (Яр. сб. Кир. Тур., л. 187 об.).

Таким образом, прилагательное *бесловесныи* последовательно противопоставляется почти во всех значениях прилагательному *словесныи* (см. Срезн. III, 416—417); существительное же *слово* соотносится с ним только в значении ‘дар слова’ и ‘закон’, ‘заповедь’ (см. Срезн. III, 417—420) [13].

Как постоянный антоним слову *страстьныи* употребляется прилагательное *бесстрастьныи*, которое, видимо, имело значения ‘не подверженный страданиям’ и ‘не подверженный страстям’ (и то и другое качество приписывается

---

[13] Правда, можно предполагать, что соотношение значений *словесьныи—бессловесьныи* во многом определялось соотношением значений греч. λογικός—ἄλογος. Интересно, что основную массу примеров дают переводные памятники, в которых это слово встречается во всех перечисленных значениях; в русских же (К.-Печ. пат., Лавр. лет., Стих. 1156—1163 г.) оно встречается только в отношении к животным; в Ип. лет., правда, в таком контексте: нбса *бесловесное* естьство суще ... (Ип. лет., л. 244).

'чистый', 'непорочный' и 'незлобивый', *безмилостивыи* — 'немилосердный', 'жестокий', *безръпътивыи* — 'безропотный', *бесчьстивыи* — 'нечестивый'; *-ивьн-*: *безмилостивьныи* — то же значение, что *безмилостивыи*, *бесчьстивьныи* (см. Срезн. I, 82); *-ьлив-*: *безгнѣвьливыи* — 'безгневный' (Срезн. I, 53); *-овит-*: **бесплодовитыи* — 'бесплодный'; *-овьн-*: *бесквасовьныи* (Срезн. I, 72); *-ьск-*: *безбожьскыи* — 'безбожный'.

Все эти прилагательные имеют синонимы с приставкой *не-* (кроме прилагательных *бесчьстивьныи* и *безбожьскыи*); все они имеют варианты с суффиксом *-ьн-*; наконец, все они соотносятся с соответствующими прилагательными без приставок (кроме прилагательного *бесквасовьныи*) и образуют антонимы к ним, что может служить доказательством префиксального способа образования этих прилагательных. Единичное образование со сложным суффиксом *-ьствьн-*: *безгрѣшьствьныи* (Г. Амарт.), видимо, было произведено по образцу прилагательных, где суффикс *-ьств-* относился к основе существительного (ср. *безбожьствьныи* и *божьство*, *безвещьствьныи* и *вещьство*).

ОБРАЗОВАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ПРИСТАВКОЙ *НЕ-*

Прилагательные с приставкой *не-* в огромном большинстве имеют соответствующие прилагательные без приставки и являются антонимами к ним.

Приставка *не-* образует антонимы от ряда непроизводных прилагательных и от прилагательных, суффиксы которых, видимо, уже не выделялись в древнерусском языке XI—XIV вв. Некоторые примеры: **неблагыи* — 'нехороший,' 'негодный (не такой каким следует быть с религиозной точки зрения)': о҃т него бо и Арии вины приять. и по немь неподобныи и *неблазии* и прочии вси (Г. Амарт., л. 190б); **невеселыи* — 'печальный': Епиминодадъ ... на утрия дружине явися дряхлъ и *невеселъ* (Г. Амарт., л. 167в); *негърдыи* — 'смиренный': буди *негордъ* боязнивъ пре(д҃) ц(с҃)рмъ (Зл. цень, л. 76б); **недобрыи* — 'нехороший': злодѣи ... языкъ извесивъ вънъ и *недоброе* гл҃ше (Лобк. прол., л. 45б—в); *немудрыи* — 'неразумный': си лю(д҃)е буи и *немудри*. родъ строптивъ и разьвращенъ (Пал. 1406 г., л. 135г); *нетвьрдыи* — 'непрочный': слава и бг҃ть-

ство без ума *нетвердое* стяжание (Пчела, л. 44) и т. п. Антонимические пары таких прилагательных часто сопоставляются в текстах нравоучительных произведений: *нелѣпыи* — ‘дурной’ и *лѣпыи* — ‘хороший’: исключивая имѣнье свое *нелѣпая*, то не имѣти начнешь что дати на *лѣпѣмъ* (Пчела, л. 115); *неправыи* — ‘неправильный’, ‘ложный’ и *правыи* — ‘истинный’, ‘правильный’: уне есть не разумѣти добромъ, нежели учитися съ зломъ. онъ бо не умѣя отвѣщати скоро на покоренье придеть, се же *неправъ* отвѣтъ о҃т своее утробы съзидаеть, а *права* ученья въборзѣ не можеть въсприяти (Пчела, л. 49); *нескорыи* — ‘небыстрый’, ‘медленный’ и *скорыи*: не коня бо *скора* наричемъ, иже о҃т *скора* родивъся о҃ца, иже са(м҃) *нескоръ* есть ... (Пчела, л. 117); *нечастыи* — ‘редкий’: уне есть *нечастымъ* исповѣданиемъ исправити цѣломудрия, нежели часто исповѣдающе многаж(д)ы съгрѣшати (Пчела, л. 79 об.); *нечистыи* — ‘нравственно нечистый’, ‘порочный’, ‘греховный’ и *чистыи* — ‘исполненный нравственной чистоты’: пьяньства обьяденья блужения и всего того *неч(с҃)таго* не хощемь остати. пути сп(с҃)енаго *ч(с҃)таго* бѣгаемь (Злат. цепь, л. 100 об. б), в Ряз. корм. (л. 213б), возможно, более ярко выражен другой оттенок значения — *чистыи* как ‘согласующийся с религиозными правилами’ и *нечистыи* как ‘противоречащий религиозным заповедям’, ‘греховный’: недалече еси *чистыхъ* убо словесы. *нечистыхъ* же дѣлесы невѣжныхъ наватиянъ. Употребляясь как антоним к однокоренному прилагательному, прилагательное с приставкой *не-* выступает как синоним разнокоренного прилагательного, например, *немалыи* синонимично слову *великыи* в таком тексте: едва исправлена бываютъ добродѣтели и трудом *немалымъ* улавляють(с҃). мню, яко добрѣ изъгла нѣкто елиньскыи мудрець како можеши *великая* купити малымъ потомъ (Пчела, л. 124—124 об.); прилагательное *несвѣтьлыи* синонимично прилагательному *мрачьныи*: тма бо бяше несвѣтла и мрачна (Жит. Варл. Иоас., л. 112б).

Несколько примеров образований от прилагательных с суффиксами, видимо, в то время уже непродуктивными, но еще выделявшимися: суффикс *-к-*: **невеликыи* — ‘незнатный’: мукарь бы(с҃) и *невеликаго* рода (Г. Амарт., л. 252 об.); суффикс *-ък-*: *некрѣпъкыи* — ‘слабый’, ‘робкий’, ‘лишенный мужества’: (Л)истваная трясанья устрашають

заяци, а мужии *некрѣпкыхъ* стѣнь невѣщьныи (Пчела, л. 73 об.); *несладъкыи* — ‘неприятный’: Якоже ластовица, чястящи пѣ(с) сладость пѣсньную отгонить. тако и многорѣчистыи, чясто бесѣдующе, *несладъкы* являють(с) слышащим (Пчела, л. 98); *некротъкыи* — ‘грубый’, ‘жестокий’ (Срезн. II, 392).

Приставка *не-* легко присоединяется к качественным прилагательным с различными продуктивными суффиксами, среди которых наиболее употребительным является суффикс *-ьн-*.

Прилагательные с этим суффиксом, обладающие способностью присоединять приставку *не-*, образуются от отвлеченных существительных со значением качества, состояния и т. п. В большинстве случаев прилагательные с приставкой *не-* также имеют значения, противоположные значениям бесприставочных прилагательных и часто противопоставляются им в текстах. *Невольныи* — ‘ненамеренный’ и *вольныи* — ‘преднамеренный’: паче же всѣхъ горше убиистьво раздѣляемое на *волное* и *неволное* (Ряз. корм., л. 204в); исправления же *вольныихъ* и *невольныихъ* грѣховъ (Ефр. корм., л. 1 об.). *Невѣрьныи* — ‘неверящий’, ‘безбожник’ и *вѣрьныи* — ‘верящий’, ‘христианин’: кое бо сочтание х(с)ви·къ дьяволу. или кая ч(с)ть вѣрному с невѣрными (Ряз. корм., 43в); эти прилагательные противопоставляются и в значениях ‘сомневающийся в вере’ и ‘не сомневающийся, твердый в вере’: и не буди невѣренъ, нъ вѣренъ. отвѣща Фома, гля: вѣрую, Г(с)и, яко ты еси бъ мои (Кир. Тур., 24). **Ненужьныи* и *нужьныи*: поч(с)ти имъ бъ днь семыи. да от всѣхъ *нужьныхъ* и *ненужныхъ* дѣлъ. покои имуть изльтьстии людие (Пал. 1406, л. 130б). *Неправьдьныи* — ‘грешный’, ‘неправедный’ и *правьдьныи*: яко же ре(ч) пркъ. о *неправьднѣмь* гра(д), не оскудѣеть от пути его лихва и льсть. о *правьднѣмъ* же не дажь срѣбра своего в лихву. и паки от неправьды избавить я гь (Лобк. прол., 52 в—г). *Неумьныи* и *умьныи*: люто есть, еда члвкъ неуменъ сы мнить ся *уменъ* быти (Пчела, л. 125 об.).

Интересный пример представляет противопоставление слов *мощьныи* и *немощьныи* в Пчеле. Вообще прилагательное *мощьныи* как будто только в значении ‘сильный’

противополагается прилагательному *немощьныи* в значении 'слабый', ср.: всемощныи творець от *немощныхъ*. заплевание ударение. . . распятие претерпѣ (Пал. 1406 г., л. 151б). В Пчеле же [14] происходит нечто вроде «обратного словообразования» — слово *мощьныи* употреблено в значении 'здоровый': въпросимъ бы(с) кто можеть быти лѣчець съвершенъ и отвѣща. иже *мощная* и *немощная* может разлучити (л. 100 об.—101).

Прилагательные с приставкой *не-* часто используются как синонимы: *неложны* учитель. *правыя* вѣры (Зл. цепь, л. 26 об. а). В ряде случаев такие образования, видимо, являются окказиональными, создаются в целях эмоционального воздействия, ср. использование в одном контексте в сущности однозначных слов: члвчьско естьство *бьдѣнъно* и *несонъно* есть на большее иманье (Пчела, л. 80); *слѣпым* же и *невистнымъ* тщета есть имъ(ж) таковои ... красоты не видять (Пал. 1406 г., л. 18а—б); ср. приведенное выше прилагательное *несвѣтьлыи*.

Отглагольные прилагательные с приставкой *не-* в значении невозможности действия могут иметь или не иметь соответствующих прилагательных без приставки со значением возможности действия. Несколько примеров прилагательных с *не-*, которым соответствуют прилагательные без приставки: *незабытьныи* — 'незабываемый': вл(д)кы же украшають(с) славою бесмртною, дѣла оставляюще *незабытная* (Пчела, л. 8) [15]; *неотрочьныи* — 'неизбежный': бѣда велика и неотрочна (Ряз. корм., л. 97б); състарѣся и ближися къ *неотрочьнѣи* смрти (Гр. Бог., л. 32б, ср. *отрочьныи* — 'отложимый' — Срезн. II, 766); *неотъходьныи* — 'неотступный': се бѣсо(м) прогнание ее англу хранителю *неотходное* сблюдение (Зл. цепь, л. 91 об. а—б); *непроходьныи* — 'непроходимый': море же по пришествии излвѣ пребы(с) *непроходно* (Пал. 1406 г., л. 125б—в); *непоступьныи* — 'недвижимый': ни подвигнути себе не могу: нозѣ имѣю *непоступнѣ* (Кир. Тур., 38), иныя в цркви

[14] Стиль этого памятника отличается изобилием противопоставлений прилагательных их антонимам с приставкой *не-*, основная часть приведенных пар, встреченных в одной фразе, именно отсюда (см. выше).

[15] И. И. Срезневский отмечает также значение 'незабывающий' (Срезн. II, 384)

стояща. яко и каменыи *непоступны* (Зл. цепь, л. 3а), ср. *поступьныи* — 'двигающийся' (Срезн. II, 270).

В некоторых случаях прилагательные с приставкой *не-* могут развивать качественные значения в дополнение к тому значению, которым они противополагаются прилагательному без приставки. Прилагательное *непотрѣбьныи* в значении 'ненужный', 'бесполезный' соответствует прилагательному *потрѣбьныи* — 'нужный', 'необходимый', 'полезный': изведе земля дхъ животныи по роду и(х). *потребная* же и *непотребная*... но смотри(м) убо. яко не без лѣпоты створи си вл(д)ка. *потребная* же убо от тѣ(х) преда на(м) *непотребная* же яко нѣкако страшило на ны устави (Пал. 1406 г., л. 23а); не рьку вам привести васъ на жестъко житие, но излиха отимѣмъ, а *непотребная* отрѣжемъ (Пчела, л. 80 об.). Прилагательное *непотрѣбьныи* развивает и значение болѣе сильной эмоциональной оценки, которое, видимо, отталкивается от значения 'угодный' прилагательного *потрѣбьныи* (Срезн. II, 1299), однако не является антонимом по отношению к нему, это значение 'недостойный, порочный': аще оклеветанъ будеть хотяи поставитися. яко *непотрѣбенъ*. да отложить(с) тогда поставления... и аще обрящеть(с) поставляемъ ими повиненъ по закономъ и по правиломъ да възбранить(с) (Ряз. корм., л. 306а); ср. сочетание *непотрѣбьныя вещи* в значении 'злоупотрѣбления' (Срезн. II, 412).

Прилагательное *неповиньныи*, кроме значения 'невиновный в чем-либо': рѣзанью... не лѣчець есть повиненъ, но недугъ. тако же и градьныя погибели от съгрѣшающи(х) начало имѣють... а ба являють всѣмъ тѣмъ *неповинъна* (Пчела, л. 76 об.) — получает значение 'невинный', 'безгрешный' (которое не имеет соответствия в слове *повиньныи* — см. Срезн. II, 998—999): обычаи поганьскии имате волхвамъ вѣру имете и пожагаете огнемъ. *неповинныя* чловѣки (Серап. Вл. V, 13); тяжю велику въздвиже на *н(е)повинныя* и многы мучивъ бес правды (К.-Печ. пат., 122в).

Оба члена пары прилагательных с приставкой *не*, и без приставки могут развивать качественные значения-причем это развитие иногда происходит параллельно и, видимо, взаимообусловленно. Ср., например, значения

прилагательных *неприятьныи* и *приятьныи* (см. Срезн. II, 1506). В одних случаях слово *неприятьныи* однозначно со страдательным причастием, означает, видимо, ‘непринимаемый’; может быть, с некоторым модальным оттенком — ‘не должен быть принят’, ‘не может быть принят’: Рабъ в причетъ *не приятенъ* без воля гдии своихъ (Ряз. корм., л. 49б). Очевидно, сочетание *неприятьныи богу* — ‘неугодный богу’ создавало основу для развития качественного значения ‘неприятный’, ‘противный’, ‘не нравящийся своими качествами’, ‘дурной’: яко мерзокъ азъ х(с)ви и *неприятенъ* есмь яко отступни(к) и супостатъ ему бывъ (Ж. Варл. Иоас., л. 121б); а иже языкъ доброгливъ имѣеть, а дша его непоставъна и ненаказана, то *неприятенъ* есть (Пчела, л. 48 об.); безъчинныи вопль поющаго въ цркви *неприятенъ*... тако же и прилагая къ црквному пѣнию неподобная *неприятенъ* (Ряз. корм., л. 158в). В этом качественном значении *неприятьныи* образует антоним к словам *приятьныи* и *благоприятьныи* в значении ‘приятный, хороший’: схранисте заповѣди.... уготовисте ср(д)ца за любовь х(с)ву на смрть. вся ваша *приятна* и похвална *блгоприятна*. вься ста и многоизбрана и нб(с)ная (Ф. Студ., л. 191а).

Как в этом случае, так и в некоторых других развитию качественных безотносительных значений способствует, видимо, употребление слова без управления. Потеря управления служит признаком обращения *не-* в приставку и помогает оформлению в слове значения противоположного качества, антонимического значения, тогда как наличие управления указывает, видимо, на простое отрицание. Ср.: аще нѣкыи от еп(с)пъ извѣстить и исповѣсть о нѣкоемь гля яко *достоинъ* есть *еп(с)пъскаго степени*. и потомъ некоего ради стр(с)тнаго начнеть глти *не достоина* суща *еп(с)пия*... своея чти да будеть лишенъ (Ряз. корм., л. 108б—в); уне бо есть *достоины(х)* ради и *недостоиныхъ* миловати неже *достоины(х) недостоины(х)* ради отгнати (Пчела, л. 32 об.).

Не всем отглагольным прилагательным с приставкой *не-* соответствуют прилагательные без приставки. Поэтому можно предположить и возможность префиксально-суф-

фиксального способа образования с суффиксом *-ьн-* от глаголов. Такие прилагательные имеют модальное значение невозможности действия. Например, **неизбѣжьныи* — 'неизбежный', 'неминуемый': сия и таковая мудрующю въ *неизбѣжна* и непроходима впадъша пути (Г. Амарт, л. 198в); *неизмѣрьныи* — 'неизмѣримый': *неизмѣрна* нб(с̄)ная высота (Кир. Тур. стр., 36); *неисцѣльныи* — 'неисцелимый': имѣхъ бо недугъ *неицѣльнъ* (Син. пат., л. 16 об.); **неотъемьныи* — 'неотъемлемый, который не может быть отнят': скровища и стязания цр̄ковная неподвижна и *неотемна* и непродаема (Ряз. корм., л. 208а); *непрѣложьныи* — 'не могущий быть изменяемым': (о заповеди) по всему же в неи узаконенымъ. крѣпкомъ сущемъ и *непрѣложномъ* (Ряз. корм., л. 248в). Нет соответствующих прилагательных без приставки *не-* также у следующих отглагольных прилагательных: *невъзборьныи* — 'неодолимый', *невъзбраньныи* — 'неодолимый', *недостижьныи* — 'недостижимый', *неизбытьныи* — 'неотвратимый, неизбежный', *незыбьныи* — 'незыблемый', *неизмутьныи* — 'несмешанный', 'который нельзя смешать', *неизмѣсьныи* — в том же значении, *неизрочьныи* — 'неописуемый', *необратьныи* — 'неисправимый' (в другом списке — *необратимыи*), *неопальныи* — 'неопаляемый, несгораемый', *неотърѣзьныи* — 'неотдѣлимый', *неотърѣшьныи* — 'неотвязываемый', 'неразрывный', *непокорьныи* — 'непокорный', *непосрамьныи* — 'неопороченный', *неприкосьныи* — 'неприкосновенный', *непрѣборьныи* — 'непреоборимый', *непрѣклоньныи* — 'непоколебимый', *несъвратьныи* — 'твердый, несовращаемый', *нерѣшьныи* — 'неразрешимый', *несътърпьныи* — 'нестерпимый', *несъчьтьныи* — 'неисчислимый', *неходьныи* — 'непроходимый', *неудьржьныи* — 'безудержный' и т. п.

Выше приведены примеры отглагольных прилагательных с приставкой *не-*, близких по значению к пассивным причастиям. Меньшая часть подобных образований соответствует причастиям действительным, например, *неоскудьныи* — 'неоскудевающий': друзии же ядять неоскудную пищу въ цр̄твии нб(с̄)нѣмь (Прилуцк. прол.); в том же значении — *неисскудныи* (интересно, что и в наших материалах и в словаре И. И. Срезневского нет этого глагола с приставкой *ис-*): изливающа цѣлбам блг̄дать *неискудную* (Чт. Б. и Г., л. 29б); ср. также *неослабьныи* —

'неослабевающий, постоянный', *неотълучьныи* — 'неотлучающийся', *непочивьныи* — 'непочивающий', *неусъпьныи* — 'неспящий', 'бодрствующий', *неудальныи* — 'неудаляющийся'.

Отметим еще некоторые суффиксальные образования, которые легко образуют прилагательные с приставкой *не-*.

Прилагательные с суффиксом *-ив-*, имеющие значение признака как склонности к чему-либо, образуют антонимы со значением 'не склонный к чему-либо', например, **нелѣнивыи*: на добрая дѣла и къ бу при(во)жения есмы слаби и *лѣнивы*. и немощни... а не злая дѣл(а) есмъ крѣпци есм(ы) *нелѣнивы* (Зл. цепь, л. 100 об. а); *неразумивыи* — 'неразумный', 'нерассудительный': дша... в друзѣм же *неразумива* в друзѣм же размыслива и нравомъ обдержащи(с) (Пал. 1406 г., л. 29); *непокоривыи* — 'непокорный': безаконьным же и *непокоривымъ*. и противящеся сдравому учнию... славы бия не наслѣдовати (Зл. цепь, л. 25 об. а—б); *нечьстивыи* — 'нечестивый, безбожный'; хотя в словаре И. И. Срезневского (III, 1570) и приведено слово *чьстивыи* в единичном употреблении в библейском тексте, регулярным, видимо, было противопоставление *нечьстивыи — благочестивыи*: сь, въпросимъ, чимъ разлучаеться страдолюбець от лѣнивыхъ, и ре(ч), якоже *блгч(с)твыи* от *неч(с)твыхъ*, упованиемъ благыхъ (Пчела, л. 38).

Прилагательные с этим суффиксом, имеющие антонимы с *не-*, образуются от отвлеченных существительных: *невазнивыи* — 'несчастливый', *нежалостивыи* — 'безжалостный', *незълобивыи* — 'беззлобный', 'непорочный', *неклеветивыи* — 'не склонный к клевете, злословию', *нелѣнивыи*, *немилостивыи* — 'немилосердный', *неправьдивыи* — 'лживый', *непрѣзоривыи* — 'негордый, смиренный' (ср. *прѣзоръ*, *прѣзоровати* — Срезн. II, 1648), *непрѣльстивыи* — 'необманчивый', *неразумивыи*, **нестрашивыи* — 'безбоязненный', *нечьстивыи*; образуются они также и от глаголов: *незаяпѣивыи* — 'неожиданный'; *нелюбивыи* — 'недоброжелательный', *неоплазивыи* — 'нетщеславный', *непокоривыи* — 'непокорный', *нерадивыи* — 'нерадивый' (ср. *нерадити* — Срезн. II, 420). Прилагательные с производным суффиксом *-ивьн-*: *незълобивьныи* и *немилостивьныи* употребляются в том же

значении, что однокорневые прилагательные с суффиксом *-ив-*.

В том же значении, что и с суффиксом *-ив-*, употребляются прилагательные с производным от него суффиксом *-лив-*, образующим прилагательные от глаголов, например, **непотъщаливыи*, вероятно, ‘нестарательный’, ‘неревностный’: г. лѣ(т) да припадають... и аще *непотъщаливи* суть или *потъщаливы* еп(с)пъ расмотривъ. чл҃вколюбье ли нечл҃вколюбие явить (Ряз. корм., л. 60г); *негнѣвьливыи*: бѣ бо мужь съмѣреномудръ... млъчаливъ. негнѣвьливъ, друголюбивъ (Син. пат., л. 119); ср. также *невъздьржьливыи* — ‘невоздержанный’; *неопытьливыи* — ‘беспечный’, *неослушьливыи* — ‘послушный’, *неподатьливыи* — ‘не склонный к подаянию’, *непокорьливыи* (в том же значении, что *непокоривыи* — см. выше), *непослушливыи* — ‘непослушный’, *несъмотрѣливыи* — ‘безрассудный’, *нетьрпѣливыи* — ‘не склонный к терпению’ (а также в пассивном значении ‘нестерпимый’: мука нетерпѣлива (Георг. Ам. (Увар.) 98 — Срезн. II, 535).

Часть прилагательных с суффиксами *-ив-* и *-лив-* могла образоваться префиксально-суффиксальным способом от глаголов (в наших материалах нет соответствующих прилагательных без приставки). Они также имеют значение ‘не склонный к какому-либо действию’. Примеры с суффиксом *-ив-*: *несътяживыи* — ‘не склонный к стяжанию’, ‘бескорыстный’: сребролюбивии събирають вылагаюште на земли, а *нестяживы* на небеси (Панд. Ант. XI в., л. 23 (Амф.) — Срезн. II, 432), ср. также *невъздьржживыи* — ‘невоздержанный’; *неприимивыи* — ‘неподатливый’, *нехранивыи* (клятве), *необьщивыи* — ‘необщительный’. Примеры с суффиксом *-лив-*: *несъбирьливыи* — ‘не склонный к собиранию, к стяжательству’: бѣ же и *несъбирьливъ*. въ вьсемь бо дому его. иного не бѣ видѣти тъчию книгы (Син. пат. XI в., л. 119); ср. также *недрѣмливыи*, *неразумливыи*, *несварьливыи*, *неслушливыи* — ‘непослушный’, *неудьржаливыи* — ‘несдержанный’.

Нужно упомянуть также некоторые единичные примеры с другими суффиксами качественных прилагательных, например, образование от глагола с приставкой *не-* и суффиксом *-ист-*: **неизрушистыи* — ‘ненарушимый’: вѣрность правая и *неизрушистая* (Гр. 1388 г., 6, ю.-р.); образование с приставкой *не-* от отыменного прилагатель-

ного с суффиксом *-оват-*: *невиноватыи* — 'невинный': ли милуя. ли премилуя. ли виноватъи за *невиноватаго*. ли хуляи нехулящаго (Ф. Студ., 164 г).

Относительные прилагательные с суффиксом *-ьск-*, становясь качественными, также могли образовывать антонимы с приставкой *не-* (видимо, редко): *нечадьскыи* — 'не такой, как принято у людей', 'неблагородный' (Срезн. II, 440 и III, 1470), *нечловѣчьскыи* — 'бесчеловечный' (Срезн. II, 441). Впрочем, возможно, качественное значение первоначально возникает именно у образований с приставкой *не-* [16] (в наших материалах прилагательные *чадьскыи* и *чловѣчьскыи* не имеют значения качества).

Наконец, в значении качественного употребляется прилагательное с приставкой *не-* от притяжательно-относительного прилагательного *нечловѣчии* 'нечеловеческий', 'превышающий то, что свойственно человеку': имѣяшеть борца нѣкоего преславна... и хваляшеся о немь максимьянъ яко не обрѣстися мужю противу. нечлвчи его дерзости (Пал. 1406 г., л. 189а; в другом списке — *нечлвц(с)тии*).

* * *

Прилагательные с приставками *без-* и *не-*, как это видно из приведенного материала, отличались прежде всего способом образования. Приставка *без-* в основном участвовала в префиксально-суффиксальном образовании прилагательных только с суффиксом *-ьн-* от существительных конкретных и отвлеченных. Приставка *не-* обладала способностью образовывать прилагательные префиксальным способом от прилагательных как непроизводных, так и производных, от существительных и глаголов, а также могла участвовать в префиксально-суффиксальном образовании прилагательных от глагола. В связи с этим области использования обеих приставок совпадали лишь частично. Только приставка *без-* могла образовывать прилагательные от конкретных существительных со значением 'не имеющий кого или чего-нибудь'. Только приставка *не-* могла образовывать путем префиксации прилагательные от качественных прилагательных непроизводных, и в основном только с приставкой *не-*

---

[16] В связи с передачей греч. ἀγεννής и ἀπάνθρωπος.

могли образовываться отглагольные прилагательные со значением невозможности действия. Прилагательные с приставкой *без-* (за исключением прилагательных типа *безрукыи*) в качестве обязательной морфемы имеют в своем составе суффикс *-ьн-*, который вместе с приставкой является и непосредственным словообразующим элементом. Прилагательные с приставкой *не-* могут не иметь суффиксов вообще и могут иметь в своем составе различные суффиксы качественных прилагательных, от которых они образованы, причем эти суффиксы не являются непосредственным словообразующим элементом, они участвуют в словообразовании на предшествующих стадиях. Таким образом, область, где преимущественно возможны образования с обеими приставками — это область качественных прилагательных с суффиксом *-ьн-*, соотносящихся с отвлеченными существительными. В наших материалах представлено довольно большое число однозначных прилагательных с приставками *без-* и *не-* и суффиксом *-ьн-* (а также несколько слов с суффиксами *-ив-* и *-лив-*).

Рассмотрим некоторые примеры аналогичных образований с приставками *без-* и *не-*. Прилагательные *бездѣиствьныи* и *недеиствьныи* употребляются в значении 'бездеятельный': сии на областьныя еп(с̄)пы дѣиствовати чьсо никако же тъ можеть вьсякого црк̄внаго обыштения отъселѣ уже съборъмь отъвьржень и бездѣиствьнъ (Ефр. корм., л. 28 об.); обою естьств(ӯ) хв̄оу. без воля рекше бесъ хотѣния. и *недѣиствьну* быти (Ряз. корм., л. 5г—6а). В том же значении **бездѣтельныи* и *недѣтельныи*: явися змии ... и устрьмися пожрети ю. и створши Х(с̄)во знаменье *бездѣтелна* и мр̄тва яви (Прол. 1383 г., л. 115г); невольну же и *недѣтельну* мыслью дш̄евьную гн̄ю плъть проповѣдающе быти (Ефр. корм. Епиф. Кипр. о ерес. 99 — Срезн. Доп. III, 181)[17].

[17] Здесь как будто можно усмотреть некоторое различие в значении приставок *без-* и *не-*: прилагательные *недѣиствьныи* и *недѣтельныи* относятся к постоянному свойству предмета; прилагательные *бездѣиствьныи* и *бездѣтельныи* характеризуют состояние, в котором оказываются по принуждению, насильственно; возможно, здесь приставка *без-* обладает более сильным оттенком лишения признака, а не просто отсутствия. Однако интересно, что в Ефр. корм. словами *бездѣиствьныи* и *недѣтельныи* передано одно греческое слово — ἀνενέργητος.

Видимо, в одном значении в аналогичных контекстах употребляются прилагательные *беззазорьныи* и *незазорьныи* — ‘находящийся вне подозрения’: токмо аще кто имать у себе в дому жену от *безазорныхъ* лиць. в нихъ же нѣ(с) боязни ни порока, яко же се матерь. или сестру... (Ряз. корм., л.144б); причетникъ... чюжая да не держить в дому своемь, развѣ мтре или сестры или дщери и инѣхъ *незазорныхъ* лиць (Новг. корм., л. 321. — Срезн. III, Доп. 181). Оба эти прилагательные имеют и другое значение — ‘безукоризненный’, ‘безупречный’: правилъмь испытани быша. аште непорочни и *безазорьни* явяться... да свщени будуть... аште ли испытание непотребьны я обрѣтаеть. измѣщати я подобаеть (Ефр. корм., л.24); как убо въ *незазорьныихъ* сумнишися, а възбраненая прѣобидиши (Изб. 1073 г., 31 — Срезн. II, 384).

Безлѣпотьныи и *нелѣпотьныи* имеют значение ‘нехороший, некрасивый’, ‘неприличный’: уловимь праведника руганиемь, и ранами истяжимъ его и смртию *безлѣпотною* осудимъ его (Кир. Тур. стр. 28); и нагъ азъ и *безлѣпоте(н)* и наготу разумѣ(х) (Гр. Бог., л. 208б); *нелѣпотно* что и ужасно показающе или вѣщающе (Ж. Варл. Иоас., л.85г); гнушаются и ручнаго дѣла. яко *нелѣпотна* крьстьяномъ (Ряз. корм., л.368г).

Беспользьныи и *непользьныи* — ‘не приносящий пользы, добра’, ‘бесполезный’, ‘вредный’: отступимъ *беспользнаго* дшевредьнаго праздьнословия (Лобк. прол., л. 112а); чтуще кумиры мртвы и *неполезны* (Ж. Варл. Иоас., л. 99б). Оба прилагательных употребляются и в субстантивированной форме — *беспользьное* и *непользьное* (в форме ед. и мн. числа, ср. *пользьное* — ‘добро’, ‘благо’, ‘польза’ — Срезн. II, 1150); не долъжни суще ни на что же *неполезное*... (Ф. Студ., л. 131а); что бо павла правѣднѣее бысть. нъ поне же *бесполезньныхъ* просяше не услышанъ бы(с)... *неполѣзно* же бѣаше не попусти бъ (Панд. Ник. Черн. 1296 г., л. 152).

Одинаковы по значению прилагательные с суффиксами *-ив-* и *ивьн-*: *безмилостивыи* и *немилостивыи*, *безмилостивьныи* и *немилостивьныи* — ‘немилосердный’, ‘жестокий’: *безъмл(с)твъ* сыи мучитель... муча немл-

(с)тьвнѣ (Лавр. лет., л. 119 об.); а князи и велможи судите мл(с)твно. судъ бо *безъмл(с)твъ* есть. не створьшему мл(с)ти (Увар. сб., 66 об.); начала хвалити домы мл(с)тивыхъ. и за нихъ ба молити. тако же и *немилостивыя* укаряти (Лобк. прол., л. 25в); оканьнии убици *немил(с)твии* звѣрие. дшю изимающе безъ мл(с)ти (Юр. пр., л. 8б); гонение *безъмл(с)твьно* и безъчлвчьнаго... на кр(с)тьяны показа (Г. Амарт., л. 201г); фарѣсеи ськрежтаху зубы. люты же и *немл(с)твьны* образы своя являюще на и(с)са х(с)а (Пал. 1406 г., л. 85б).

В приведенных примерах прилагательные как будто не отличаются по значению, трудно сказать также что-нибудь и о степени употребительности каждого члена пары, число зарегистрированных примеров почти одинаково. Есть, однако, ряд случаев, когда употребительность прилагательных с приставками *не-* и *без-* явно неодинакова, когда само количество примеров показывает, что закрепляется в языке лишь одно прилагательное, а второе появляется только как особенность индивидуальной речи автора или переводчика. В следующих парах количественно преобладают примеры на употребление прилагательных с приставкой *не-*.

При совпадении значений прилагательных *безлъжьныи* и *нелъжьныи* 'истинный', 'настоящий' есть отличие в степени употребительности — *безлъжьныи* встречается только в Г. Амарт.: стую Мрью истинную и *безложную* бцю (л. 256в); по истине *безложно* многы скорби праведным (л. 66б); *нелъжьныи* употребляется достаточно широко: се *неложное* правило да будеть бодухновеньныхъ писании (Ряз. корм., л. 203б—в); ты еси пр(с)ноживыи бъ *неложенъ* единъ (Ж. Варл. Иоас., л. 1г) и т. п.

Прилагательные *безльстьныи* и *нельстныи* означают 'истинный', 'правдивый', 'без обмана и хитрости'; более употребительным является *нельстьныи*: стое хво крщние чстою и нельстьною дшею и срдцемь и вѣрою истиньною прошю прияти (Ряз. корм., л. 402б) и др; *безльстьныи* — см. Срезн. I, 58.

Употребительным было прилагательное *некрасьныи* — 'некрасивый', 'безобразный': отвьрзеныма же ковьчегома.

злыи смрадъ повѣя иж нею. и *некрасная* видена бысть видь (Лобк. прол., л. 70а); въскрсе г(с)ь *некрасная* миру украсивъ просвѣти (Зл. цепь, л. 86 об. б) и т. п. Прилагательное *бескрасьныи* фигурирует в единственном тексте: откуда исхоша земледѣлания умалиша(с) красная земля... не искапаш(а) горы сладости. до послѣди праведны(м). но *бескрасьни* быша и беществованы (Гр. Бог., л. 116в) [18].

Прилагательные *беспорочьныи* и *непорочьныи* имеют одно значение 'безгрешный', 'чистый', 'безупречный'. *Непорочьныи* употребляется гораздо шире и в русских и в переводных памятниках: узрѣша и сѣдяща яко агня. *непорочно* (Ип. лет., л. 208); аще чистъ же и *непороченъ*... будеть (Ряз. корм., л. 220в); прч(с)тую *непрчну* бескверную двцю бцю мрью (Пал. 1406 г., л. 25а). Прилагательное *беспорочьныи* встретилось лишь в Г. Амарт. и в Пчеле, причем в Пчеле употребляется и *непорочьныи*. Интересен текст в Г. Амарт., где прилагательное *беспорочьныи* называет более высокую степень качества, чем ряд других синонимичных определений: .а. бо и внѣшняя всѣмъ ту живущемъ и иноплеменьником ходити повелено бѣ., в. е же июдѣемъ оставлено бѣ входити въ. г. ее же единѣмъ молящемъся иерѣемъ *ч(с)тымъ* и *прч(с)тымъ* сущемъ, въ. д.е же иерѣемъ единѣмъ *пречиствующимъ*, въ самую же црквь иерѣемъ *беспорочнымъ*, въ одежа ч(с)тительскыя одѣномъ (Г. Амарт., л. 125г).

В ряде других случаев получает распространение прилагательное с приставкой *без-*. Ср. прилагательные *беззаконьныи* и *незаконьныи* — 'беззаконный', 'противозаконный', 'преступающий религиозные или светские законы'. *Беззаконьныи* употребляется очень широко и в оригинальных русских и в переводных памятниках: не сътворю неподобьнааго и *безаконьнааго* дѣяния сего (Син. пат., л. 54 об.); прииде... блгоч(с)тивыи... яросла(в) на беззаконьна(г) и оканьнаго стополка (К.-Печ.

[18] Правда, здесь возможно и понимание образования *бескрасьныи* как отглагольного (ср. *украсити* — 'почитать'), и тогда это слово значило бы не 'некрасивый', 'безобразный', а 'непочитаемый'. Такое толкование подтверждается рядом стоящим *беществованы*.

пат., 163б) и т. п.; это прилагательное является «постоянным эпитетом» нехристиан, всех преступающих законы морали и справедливости, а также разнообразных врагов Руси. Прилагательное *незаконьныи* употреблено лишь в нескольких текстах, ср. рядом с *безаконьныи*: вьсе убо *незаконьное безаконьно* вьсяко... (Ефр. корм., л. 240б); *незаконьная* тряпеза имѣнимая роду и рожаницамъ въ гнѣвъ бу [рожаница — божество древних славян. — *В. В.*] (Зл. цепь, л. 2 об. а); в аналогичном тексте: *безаконная* тряпеза (Паис. сб. Сл. христ., л. 32 — Срезн. II, 141).

Употребительным было прилагательное *беззълобьныи* в значении 'непорочный', 'чистый' (ср. *зълоба* — 'порок', 'грех'): якы агнець непороченъ и *безлобенъ* по подобью вл(д)кы своего (Ф. Студ., л. 180б); ища чади бии и чади свѣту и блгоч(с)тья *безлобна*... и непорочна (Там же, л. 223а). Это слово могло употребляться и для обозначения таких положительных качеств, как 'незлобливый', 'кроткий': *безлобни* кротци мирни (Ф. Студ., л. 229в); молися за врагы и *безлобенъ* еси (Панд. Ник. Черн. 1296 г., л. 20) и 'доверчивый', 'бесхитростный', в следующем тексте даже 'излишне доверчивый', 'глуповатый': аще бо имѣла бы коварьсътво сие евга. не быста прельщена была прародителя от змиѣ. убо *безлобнаго* еже вѣровати всякому глу. удобь растлити разумная (Панд. Ник. Черн. 1296 г., л. 35 об.). В этом последнем оттенке значения мы находим в Пчеле прилагательное *незълобьныи* — единственный пример употребления, причем в другом списке стоит *беззълобьныи*. Интересно, что употребляющиеся в тех же значениях прилагательные *беззълобивыи* и *незълобивыи* примерно одинаковы по частоте использования и в русских и в переводных памятниках: яко агня непорочьно и *безлобиво* (Сказ. о Б. и Г., 14г); Болеславъ. добрыи тихии кроткии смиреныи *незлобивыи* (Ип. лет. (Г.-В.), л. 292 об.) и т. п.

Прилагательное *безмѣрьныи* часто встречается в значении 'неизмеримый', 'огромный': *безмѣрною* сию мл(с)тию (Зл. цепь, л. 9 об. б); множъст(в)а бо щедроть бии(х) не исчести и велью мл(с)ть щедро(т) его измѣрити нѣ(с) мощно... грѣси наши бесчисленую мл(с)ть и *безмѣр-*

ны(х) щедротъ бжиихъ побѣдити не могуть (Ж. Варл. Иоас., л. 47в—г). В этом же значении прилагательное *немѣрьныи* (единственный пример): видѣхъ... нбо и бяшеть высота в немь *немѣрна* (Пал. 1406 г., л. 102г). Слово *безмѣрьныи* имеет также значение 'неумеренный', 'чрезмерный', 'непомерный': въ яденьи бо мнозѣ и питьи *безмѣрнѣ* въздрастають помысли лукавии (Лавр. лет., л. 62); мнихомъ не велю имѣти стяжанья *безмѣрьна* и непотребна (Панд. Ник. Черн. 1296 г., л. 162); питие же *мѣрьное* сыть напълняеть и веселить. *безмѣрьное* же бѣщеньство есть (Изб. 1076 г., л. 237).

Закрепилось в употреблении также прилагательное *бесплътьныи* в значениях 'бесплотный', 'нематериальный' и 'духовный' (при частом противопоставлении прилагательному *плътьныи*): а иже от плотьскыхъ стр(с)тии бореми. трѣбують наставника мужа мала не англ(с)ко. и *бесплотно* житие живуща въздержалива. явѣ и бестр(с)тна. яко да постомь движания *плотная* умртвить (Панд. Ник. Черн., 1296 г., л. 49). Прилагательное *неплътьныи* — см. Срезн. II, 406 (Гр. Наз. XI в.).

Рассмотрение однокоренных прилагательных с приставками *не-* и *без-* показывает, что значения их были одинаковыми в тех случаях, когда была одинаковой их употребительность. Когда же частота их употребления была настолько разной, что приходится одно прилагательное считать «нормой» употребления, а соответствующее ему прилагательное с другой приставкой лишь «окказионализмом», тогда, естественно, значение последнего иногда соответствует только одному из значений или употреблений первого.

Таким образом, различие в значениях, которое усматривают в том, что «сложения с *без-* имеют безусловное, абсолютное значение лишительности в отношении к основному признаку, входящему в состав сложения», а «в сложениях с *не-* лишь обозначается непричастность к данному признаку» [19], в текстах древнерусской литературы XI—XIV вв. не было выражено. Не прибегая к натяжкам, пожалуй, невозможно, объяснить употребление прилагательного с той или другой приставкой различием в их значениях.

[19] С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 201.

Подводя итоги, можно сказать, что прилагательные с приставками *без-* и *не-* отличались в основном способом образования. Для прилагательных с приставкой *без-* характерным является префиксально-суффиксальный способ образования, в котором в преобладающем большинстве случаев принимает участие суффикс *-ьн-*. Образованные от основ конкретных существительных, прилагательные с этой приставкой имеют значение ‘не имеющий, не обладающий тем, что обозначено в основе’. Образованные от основ абстрактных существительных, прилагательные с приставкой *без-* получают значения качества и состояния. Незначительная часть этих прилагательных производится префиксально-суффиксальным способом от глагола, приобретая при этом значение невозможности действия. Прилагательные с приставкой *без-* в ряде случаев соотносятся с бесприставочными прилагательными и являются антонимами к ним. Однако такое соотношение, во-первых, не исключает параллельного самостоятельного образования приставочных и бесприставочных прилагательных от абстрактных существительных (ср. отсутствие образований с приставкой *без-* от непроизводных прилагательных). Во-вторых, оно наблюдается почти исключительно в кругу прилагательных с суффиксом *-ьн-*. Поэтому для древнерусского языка рассматриваемого периода можно говорить об ограниченной возможности префиксального способа образования с приставкой *без-* или, вернее, о наличии основы для развития такого способа в более позднее время [20]. Развитию префиксального способа образования с приставкой *без-* способствовало влияние многочисленных однозначных префиксальных образований с *не-*.

Основной способ образования прилагательных с приставкой *не-* — префиксальный. Этим прилагательным

---

[20] Ср. В. Д. Романовская. Словообразование прилагательных в древнерусском языке (автореф. канд. дисс.). М., 1953, стр. 11; А. К. Соколова. Префиксальное и префиксально-суффиксальное образование прилагательных (на материале южновеликорусских памятников XVII в.). «Филол. сборник Воронежского ун-та», т. LXIII, 1961; Е. А. Голушкова. К вопросу о способах префиксального словообразования прилагательных в русском языке. «Уч. зап. Пермского пед. ин-та», 1960, вып. 25, стр. 41—51; П. С. Щетинин. Словообразовательная функция приставки *без-* в современном русском литературном языке (автореф. канд. дисс.). Алма-Ата, 1963, стр. 12.

в большинстве случаев соответствуют в древнерусском языке качественные прилагательные непроизводные и производные от существительных и глаголов. Приставка *не-* шире, чем приставка *без-*, участвует также в префиксально-суффиксальном образовании прилагательных от глаголов со значением невозможности действия.

Основной функцией обеих сосуществующих и взаимодействующих отрицательных приставок в древнерусском языке XI—XIV вв. было образование антонимов к качественным прилагательным (функцией приставки *не-* в большей мере, чем приставки *без-*). Таким образом, можно сделать вывод, что в древнерусском языке рассматриваемого периода категория качественности прилагательных была уже развита [21], так как был представлен один из самых характерных показателей качественности — антонимия и, наряду с лексической антонимией, возможность ее формального выражения при помощи отрицательных прѐфиксов [22].

---

[21] В научной литературе развитие качественности у прилагательных часто относят к более позднему времени, ср.: Е. А. О х о м у ш. Суффиксы прилагательных *-н-*, *-ск-* в русском языке (на материале исторических повестей XVI и XVII вв.). «Наукові записки Дніпропетр. держ. університету», 1958, т. 64, вып. 15.

[22] Отмечая антонимию как один из признаков качественности, обычно имеют в виду лишь лексические антонимы, см., например: И. С. М е р к у р ь е в. Признаки качественных прилагательных древнерусского языка XI—XIV вв. «Историко-филол. сборник». Мурманск, 1959, стр. 124. О распространенности взгляда на антонимию лишь как на лексическую категорию см.: А. Ю. М а к с и м о в. Антонимия как один из показателей качественности прилагательных (на материале русского языка) (автореф. канд. дисс.). М., 1958.

Н. П. Зверковская

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСАМИ *-ОВ-* И *-ЬН-*

(на материале памятников XI—XV вв.)

Существует мнение, что для древнерусского языка было характерно в основном старое, унаследованное от общеславянского периода словообразовательное значение суффиксов *-овъ* (*-евъ*), *-овыи* (*-евыи*) [1].

В древнейших памятниках славянской письменности — памятниках старославянского языка — исследователи отмечают две группы отсубстантивных прилагательных, произведенных при помощи суффикса *-ов-*: 1) притяжательные, образованные от одушевленных существительных, и 2) относительные, произведенные от неодушевленных существительных и показывающие отношение по материалу. Примеры употребления суффикса *-ов-* во второй функции немногочисленны: *тръновъ*, *аворовъ* [2]. Остальные прилагательные с суффиксом *-ов-* произведены от наименований лиц, частично — животных, и имеют значение личной или (редко) коллективной принадлежности.

Связывая происхождение суффикса *-ов-* с *й*-основами, среди которых были и одушевленные и неодушевленные существительные, обычно не могут найти объяснения тому факту, что уже в самых ранних памятниках славян-

[1] См.: И. И. Кунец. История словообразования прилагательных с суффиксами *-ів-*, *-ов-* (*-ев-*), *-ськ-*, *-н-* в древнерусском и украинском языках (автореф. канд. дисс.). Львов, 1962, стр. 15.

[2] М. Бродовская-Гоновская в монографии, посвященной старославянским прилагательным, отмечает все прочие случаи употребления суффикса *-овъ* при основах нарицательных неодушевленных существительных: *дъждевъ*, *громовъ*, *адовъ*, *сѣверовъ*, *юговъ*, свидетельствующие о персонификации. См.: M. Brodowska-Honowska. Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków—Wrocław—Warszawa, 1960, стр. 16, 17, 23 и др.

ской письменности *-ов-* имел широкое распространение в качестве притяжательного суффикса и особенно специализировался на выражении личной принадлежности.

М. Бродовская-Гоновская считает, что суффикс *-овъ*, абстрагированный из *й*-основ, не мог сам по себе иметь значение посессивности, а приобрел его лишь постепенно, употребляясь чаще всего при личных основах. В формах *тръновъ*, *аворовъ* она видит «реликты прежнего состояния» [3]. А. Лескин находит такие реликты в прилагательных на *-овьнъ*, имеющих относительное значение (*доуховьнъ*, *доушевьнъ*, *грѣховьнъ* и под.); однако их относительное значение связано не с суффиксом *-овъ*, который «мог иметь первоначально более общее значение» [4], а с суффиксом *-овьнъ*, отвлеченным из образований на *-ьн-* от *й*-основ (типа *вьрховьнъ*, *ледовьнъ*).

С. В. Фролова в исследовании, посвященном истории притяжательных прилагательных в русском языке, также обращает внимание на то, что суффикс *-овъ*, отвлеченный из образований от основ на *-й* (типа *сыновъ*), «начал функционировать за пределами основ на *-*й* как вторичный суффикс имен прилагательных, притяжательный по своему значению». При этом она замечает, что, поскольку среди имен с йотованной основой, по-видимому, было немало оканчивающихся на *-*jй-*, то «можно думать, что в очаг первоначального сложения суффикса *-*ovo* включались и мягкие основы» [5]. Указание на это находим, например, и у А. Вайана, и у М. Бродовской-Гоновской [6].

Возникает вопрос, не следует ли искать очаг первоначального сложения суффикса *-овъ* прежде всего как раз в старых основах на *-jй*, точнее — в образованных от них так называемых «производных согласованных ге-

---

[3] См.: M. Brodowska-Honowska. Указ. соч., стр. 25—28.

[4] А. Лескин. Грамматика древнеболгарского (церковнославянского) языка, ч. 2. Образование именных основ. Казань, 1915, стр. 138.

[5] См.: С. В. Фролова. История образования притяжательных и притяжательно-относительных прилагательных с суффиксами *-j/-ьj* и *-ов/-ев* в русском языке (автореф. докт. дисс.). Куйбышев, 1961, стр. 16.

[6] См.: M. Brodowska-Honowska. Указ. соч., стр. 28; см. также: A. Vaillant. Les adjectifs en-*ovй*. «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», t. 29, fasc. 1. Paris, 1929, стр. 40 и след.

нитивах» [7]. Именно в этих производных от существительных на *-*jй*, к которым относились имена деятеля (на *-tel-*, *-arjь* и др.[8]), мог вычленяться элемент *-ov-*(*-ev-*) как суффикс, образующий по преимуществу притяжательные прилагательные: от имен деятеля на *-*jй* (*учителевъ*, *спасителевъ* и др.), от личных имен, прежде всего — заимствованных, от персонифицированных неодушевленных существительных с основой на *-о* (*юговъ*, *громовъ*, *сѣверовъ* и под.) и, наконец, от одушевленных существительных на *-о*, с которыми основы на *-*jй* рано начали взаимодействие [9].

Этот вопрос, как и вопрос о дальнейшей эволюции употребления суффикса *-ov-* от состояния, зафиксированного памятниками старославянского языка, требует специального рассмотрения. Заметим только, что первоначальное направление развития определялось по крайней мере двумя важнейшими факторами: морфологическим (близость основ на *-*jй* и *-*jo*) и семантическим (одушевленность).

Немногие примеры, дошедшие из старославянского, а также многочисленные данные различных славянских языков позволяют предположить и другую семантическую линию этого развития — тенденцию, идущую, как полагают, еще из общеславянского языка [10]: образование «материальных» прилагательных при помощи суффикса *-ов-* от названий растений. Примеров образований от иных неодушевленных существительных старославянский

---

[7] О категории производных согласованных генитивов см.: С. В. Ф р о л о в а. Указ. соч., стр. 29—30; О н а ж е. К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка. «Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та, каф. русск. яз.», 1960, вып. 32, стр. 326.

[8] А. М е й е. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 281, 288.

[9] По мнению ряда ученых, именно с мягкой разновидности склонения началось взаимодействие основ на *-й* и *-о*, приведшее к раннему поглощению *jй*-основ основами на *-jo*. Ср. указание А. Лескина на слабые следы влияния старых *jй*-основ в склонении славянских *jo*-основ: A. L e s k i e n. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891, стр. 328.

[10] См., например: V. V o n d r á k. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I. Lautlehre und Stammbildungslehre. Изд. 2. Göttingen, 1924, § 473; H. H a r t m a n n. Studien über die Betonung der Adjektiva im Russischen. Berlin, 1936, стр. 3—5; H. K u r k o w s k a. Budowa słowotwórcza przymiotników polskich.— Polska Ak. N. Komitet językoznawczy. Prace językoznawcze, 1. Wrocław, 1954, стр. 80.

не дает. Реализацию этой тенденции в славянских языках освещает Г. Гартман в работе, связанной с исследованием ударения русских прилагательных [11].

В древнерусских памятниках XI—XIII вв. употребление суффикса *-ов-* очень близко к старославянскому. Кроме притяжательных прилагательных (от наименований лиц и животных, от персонифицированных, чаще всего заимствованных существительных, ср. *краниевъ*, *адовъ*, *аеровъ* и под.), он образует прилагательные от названий растений (не только мужского, но и женского рода: *тьрнъ*, *орѣхъ*, *вьрба*, *тиса*). Однако и в этот период заметны небольшие отличия: помимо «материального» значения, относительные прилагательные на *-ов-* обнаруживают иногда значение более общей отнесенности к тому, что названо в производящей основе. Отсюда синонимичность некоторых дублетов на *-ов-* и *-ьн-*, пока еще очень редких. Приведем дублеты, встретившиеся уже в памятниках XI—XIII вв.

Наряду с *вьрбовъ*, обозначающим материал, находим *вьрбьныи*, выражающее самую общую отнесенность к вербе: ицѣляя *вьрьбовъмъ* жьзломь (Срезн. — Мин. май XII в., 113); *врьбовомъ* (Срезн. — Мин. май XIII в.); ср.: праздьникъ *вьрбьны* (Срезн. — Изб. 1073 г., 194); до *врьбьныя* недѣля (Срезн. — Нест. Жит. Феод., 10); въ вторник *веребныя* нед. (Срезн. — Парем. 1271 г.); *вербны* и олшаны вѣтви (Срезн. — Лев. XXIII. 40 по сп. XIV в.).

От названия другого растения *тьрнъ* (старая основа на *-й*) встретились прилагательные на *-овъ*, *-овьнъ*, *-ьнъ* и *-янъ*. *Тьрновъ* передает отношение к терну, чаще всего по материалу: *трьновъ* вѣньць (Срезн. — Остр. ев.; ср. там же: *трьнянъ* вѣньць); *тьрновъ* вѣнець (Срезн. — Кир. Тур. о черн. чин. 112, по сп. 1280-х гг., под сл. *куста*); но: ишьдъши же ис пещеры потрѣбы ради нѣкыя. и въстоупи на *тьрновъ* гвоздъ. . . (СДР — Лобк. прол. XIII в., 48а—б) [12]. *Тьрньныи* и *тьрновьныи* синонимичные относительные прилагательные, показывающие отношение к терну в прямом и переносном смысле, на-

[11] См.: H. Hartmann. Указ. соч.

[12] Ср. также ранние примеры с прилагательным *орѣховъ*: *орѣховъ* жезлъ (Срезн. — Златостр. [XII в.], сл. 23); но: коутия. . . съ сушенъмь винъмь, и съ *орѣховы* ядрьци (Срезн. — Уст. XII в. 207, под сл. *коутия*).

пример: *тьрновьная* дрѣва (Срезн. — Пат. Син. XI в. 258); яко же гла(с) тростьныи и *терновныи* подъ котломъ, тако же и смѣхъ безоумнаго (Срезн. — Пчел. И. публ. б. л. 117); *тьрновьное* (без)бжие (Срезн. — Мин. 1097, л. 59); *трьновьными* мысльми (Срезн. — Панд. Ант. XI в., л. 109); ср.: путь бо прияти удобь гладъкыи..., неже *трьнѣнъи* и грудьнъи (Срезн. — Гр. Наз. XI в., 188).

От слова *конь* в старославянском были употребительны только прилагательные на *-ьнъ* и *-ьск* [13]. В древнерусских памятниках начиная с XIII в. появляется также прилагательное с суффиксом *-ев(ыи)* как в притяжательном значении: къ *коневу* хвосту привязати (Срезн. — Псков. I л. 6496 г.), так и в относительном: аче боудеть *коневыи* тать а выдати князю на потокъ (Срезн. — Р. Прав. по Син. сп.); стадъ *коневыхъ* (Срезн. — Дух. гр. Ив. Ив. д. 1359 г.); рать новгородцкая *коневая* и пѣшеи рати велми много (Срезн. — Новг. IV л. 6894 г.); а *коневого* корму пять коробеи овса (Срезн. — Дан. гр. Новг. ок. 1437 г.) и др. В ряде случаев с теми же значениями употребляется *коньныи*, оно может определять те же слова, встречается в тех же сочетаниях, как и *коневыи*, например: стада их *конные* (Срезн. — Ярл. Узб. 1315 г.; ср. также: стада *коньска* и кобылья — Срезн. Ип. л. 6733 г.; стада *конские* — Срезн. Ярл. Атюл. 1379 г.); греческое ἱπποδρόμιον одинаково переводится следующими сочетаниями слов: к *коневому торгу* идучи (Срезн. — Сказ. Ант. Новг. 8); на *коньное оуристание* съходитися (Срезн. — Ефр. Крм. Крф. 61); *коньная оуристания* (Там же, Трул. 66); ср. в том же значении: ц(с)рь же побеже о(т) нихъ и оугони е на *коньнемь търгоу* (Срезн. — Новг. I л., 6712 г.).

Наконец, дублеты на *-овъ* к относительному прилагательному *громьныи* являются притяжательными прилагательными от персонифицированного *громъ*; см. примеры: сна *громова* (Срезн. — Гр. Наз. XI в. 369); страшно и грозно нача. иоанъ бословъ. иже есть снъ *громовъ* (СДР — Пал. 1406, л. 2 а); ср.: *громънъи* гласъ (Срезн. — Гр. Наз. XI в. 362); како можаше страдати о(т) шибения *громнаго* (СДР — Г. Амарт. XIII—XIV вв., л. 36 б); внутрь церкви отъ огня *громнаго* попалѣло (Срезн. — Псков. I л. 6967 г.).

[13] См.: M. Brodowska-Honowska. Указ. соч., стр. 64, 112 и др.

В памятниках XIV в. среди многих впервые встретившихся прилагательных на *-ов(ыи)* по крайней мере четыре имеют дублеты на *-ьн-*: это прилагательные от слов *береза*, *мечь*, *соудъ*, *дѣлъ*.

Березовый — обычное относительное прилагательное в группе уже засвидетельствованных к этому времени производных от названий деревьев. Ср. примеры: ядяху люди листъ липовъ короу *березовоу* (Срезн. — Новг. купч. XIV—XV в., XV); съ иви на *берьзовои* пень (Там же, XX) и др.; прилагательное на *-ьн-* сохранилось в топонимах, как например: *Березьно* — поток близ Новгорода: на оусть *Березна* (Срезн. — Грам. кн. Всев. Юр. м. до 1136 г.).

Мечь и *соудъ* наряду с более древними производными на *-ьн-*, отмеченными уже в памятниках от XI—XIII вв., в XIV—XV вв. образуют также относительные прилагательные с суффиксом *-ов(ый)*. Приведем примеры:

Мечьныи: *мечьное* оусѣчение (Срезн. — Мин. 1096 г., окт., 27); *мечьное* моучение (Срезн. — Ефр. Крм. LXXXVII, 5); оузрѣ. . блистания оружия и *мечное* оцѣщение (Срезн. — Иак. Бор. Гл. 75); *мечевыи*: потом же видивъ брата, добрѣ борющася. . . и сулици его кровавѣ сущи и оскѣпищю исѣчену о(т) даренья *мечеваго* (Срезн. — Ип. л. 6739 г.); яко же отъ конца остроты *мечевыи* шерьсти претятѣ бывши на стегнѣ коня его (Там же).

Соудьныи 1) ‘отн. к суду’: мечь бо си *соудьныи* готоваеть (Срезн. — Сб. 1076 г. л. 70); тогда Господинъ сѣдъ на *суднѣмъ* престолѣ, и начатъ има судити (Срезн. — Кир. Тур. Притч. о чел. душ. 152); д ь н ь с о у д ь н ы и, ч а с ъ с о у д ь н ы й ‘день страшного суда’: въ *дьнь соудьнъıи* (Срезн. — Остр. ев.); въ *дн҃ь соудьныи* (Срезн. — Мин. 1096 г., сент., л. 33); вь *дьнь судьныи* (Срезн. — Панд. Ант. XI в. л. 80); въ *день судныи* (Срезн. — Поуч. Стеф. еп. ок. 1382 г.); *часъ судьныи* (Срезн. — Мин. 1097 г. л. 94); 2) ‘судебный’: законъ *судныи* людемъ (Срезн. — Варс. Крм. XIV в., Зак. судн.); отъ *судные* грамоты (Срезн. — Уст. Дв. гр. 1397 г.); ино ему ѣхать на свою землю по *суднои* грамотѣ (Срезн. — Новг. судн. гр. 1471 г.); а которои истецъ на *суднѣи* ротѣ не станетъ, ино ему заплатитъ бе(з) целованья (Срезн. — Псков. судн. гр. 23); *соудовыи*: ‘отн. к суду’, ‘судебный’: а *судовыхъ* пошлинъ не имати. . . (Срезн. — Жал. гр. Дм. Ив.

Троиц. мон. д. 1389 г.); положилъ. листъ кролевскии. и такѣ иныѣ листы *судовыѣ* (Укр. Гр. сл., 51) [14].

Из дублетов от слова *дѣлъ* ‘раздел’ в терминологическом употреблении в XIV—XV вв. чаще находим *дѣловыи*: д ѣ л о в а я г р а м о т а ‘грамота о разделе’: а *грамоту* писа(л) дьякъ Рудель Кирилова монастыря *деловую* (Срезн. — Грам. дел. о гран. Кир. мон. 1395 г.); по *дѣловымъ... грамота(м)* (Чер., 35); а *дѣловую* писалъ гридя (Двин. гр. XV в., 182); а сия на(м) *дѣловая* (Там же); д ѣ л о в а я з е м л я ‘земля, вошедшая в раздел’: опричь *дѣловои земли*, что дѣти дѣлилися (Срезн. — Дух. Новг. XIV в. XI); с лѣсо(м) и з бортьми, и з *деловою землею* (Срезн. — Купч. 1490 г. 12 сент.); ср.: д ѣ л ь н а я г р а м о т а ‘грамота о разделе’: по отца моего рукописанью и по моему и по *дѣлнои грамотѣ* (Срезн. — Дух. Новг. и Дв. XIV—XV вв. II); по купнымъ грамотамъ и по *дѣлные грамоты* дѣтемъ моимъ чисто (Там же, VI). *Дѣльныи* имеет и другое значение — как омонимичное производное от слова *дѣло*; очевидно, такое совпадение могло способствовать предпочтительному употреблению термина *дѣловыи*. Впрочем модель с суффиксом *-овый* вообще оказалась продуктивной в терминологическом отношении, ср. широко распространенные названия податей, грамот, должностных лиц и т. п., произведенные от парицательных неодушевленных существительных при помощи суффикса *-ов-*.

К XV в. возникают новые дублеты на *-ов-* и *-ьн-*. Это связано с тем, что молодой суффикс *-ов(ыи)* функционирует в той же сфере (неодушевленные существительные), что и древнейший славянский суффикс *-ьн-*, предпочитая, однако, односложные основы мужского рода, близкие по типу к прежним основам на *-й* и подвергшиеся их сильному воздействию. Имена на *-*о*, к XIV в. тесно связанные едиными словоизменительными и словообразовательными процессами с прежними основами на *-й* [15], легко присоеди-

---

[14] Ср. омонимичное *соудовыи* ‘корабельный’: послалъ рать свою князь великии *судовую* на Казанские мѣста (Срезн. — Соф. вр. 6978 г.).

[15] С. П. Обнорский отмечает, что флексии, заимствованные из старого склонения на *-й* существительными прежнего склонения на *-о* и свидетельствующие о влиянии постепенно утраченной категории имен на *-*й*, в русских памятниках «с большей или меньшей отчетливостью. . . идут лишь с XIII в.» (см.: С. П. О б н о р с к и й.

няют суффикс *-ов-*. С того времени, когда *-ов-*, в результате переразложения основ, перестает восприниматься как элемент основы на *-й* и становится лишь элементом флексий, общих для ряда старых основ на *-о* и на *-й*, суффикс *-ов(ыи)* окончательно формируется как полноправный суффикс относительных прилагательных и продуктивность его резко возрастает. В образованиях на *-овьн-* от прежних основ на *-й* суффикс *-ьн-* становится к этому времени излишним, как бы дублирующим «первичный» относительный суффикс *-ов-*. Рядом с ними и вместо них с XIV в. появляются образования от тех же имен с новым суффиксом *-ов(ыи)* [16].

Так, например, среди массы примеров с суффиксом *-ьн-* от слова *медъ* (XI—XIV вв.) встречаем с XIV в. прилагательное *медовыи*: оброкомь *медовымь* городьскимь (Срезн. — Дух. Ив. Кал. 1327—1328 г.); не надобѣ имъ. . . ни кормъ, ни *медовое* (Срезн. — Жал. гр. кн. Тв. д. 1365 г.; Жал. гр. Твер. кн. 1437—1461 г.); *медова* чаша (Срезн. — Сб. Кир. Белоз. XIV в.). Ср.: безмѣрие *медвьное* (Срезн. — Сб. 1076 г. 529, — В.); паче съта *медвьна* (Там же, 166, — В.); *медвьное* обѣдение и насыщение (Срезн. — Гр. Наз. XI в. 291); аще бо възьмъ пелына мало въ съсудъ *медвьнъ* вълѣеши, то не вьсь ли медъ прокоудѣеть (Срезн. — Панд. Ант. XI в. л. 243, под сл. *пелынъ*); *медвеныи* сотъ (Срезн. — Сл. Дан. Зат.) и мн. др.

Вместо старого *воловьныи* (супругъ *воловьныихъ* коупихъ пять. — Срезн. Остр. ев.) в грамотах XIV в. находим *воловыи*: отъ сто кожи *воловыхъ* десять гроши (Гал. гр., 28).

Наряду с *дъждевьныи* (*дъжгевьныи*, *дъждовьныи*) в XIV—XV вв. выступает в тех же значениях относитель-

---

Именное склонение в современном русском языке, вып. I. Единственное число. Л., 1927, стр. 99 и след.). Он приводит списки слов, имеющих род. пад. на безударное *-у* (иногда параллельно с *-а*) и местн. пад. на *-ý*. Сюда входят старые неодушевленные имена на *-*й* и ряд неодушевленных существительных муж. рода со старой основой на *-о*, преимущественно односложных. Характерно, что в этой обширной группе слов оказываются и все те слова, от которых уже в XIV—XVI вв. засвидетельствованы относительные прилагательные с суффиксом *-ов-*.

[16] *-овьн-* сохраняется по традиции главным образом в церковнославянских текстах или в тех случаях, когда за данным словообразовательным вариантом закрепляется значение, требующее особого формального выражения, ср., например, *върховьныи* и под.

ное прилагательное *дъждевыи* (*дъжгевыи*, *дъждовыи*) [17]. Приведем некоторые примеры. В значении 'дождливый': стояше вся осенина *дъждева* (Срезн. — Новг. I л., 6651 г.); и ста всѣ лѣ(т) *дъжгево* (Там же, 6709 г.); и до Ильина дни бысть *дождево*, и потомъ преста (Срезн. — Псков. I л., 6912); 'дождевой': . . . теплотою *дождевою* ли водою и пищею телеса въздвизають. . . (СДР — Г. Амарт. XIII—XIV в., л. 87б); вшедши туча *дождевая*, и двигнушася облацы (Срезн. — Псков. I л. 6978); *дождевою* водою живуть вси людие и скоти въ градѣ томъ (Дан. иг., 40); воды по труба(м) возведены, а другая *дождовая* (Срезн. — Сказ. Ант. Новг. 8). Ср.: аще ли сѣверныи рогъ ч(с)тъ будеть. то оугыбающа западныя вѣтры назнаменуеть. но егда почернѣеть луна полна будущи свѣта. *дождьвьна* бываеть (СДР — Пал. 1406 г., л. 17в); *дъждевьными* каплями (Срезн. — Сб. 1076 г. 83. — В.); *дъжгевнии* облаци (Срезн. — Прол. XIII в. 268); Езавель же по блг(д)ти *дожгевнѣи* на смрть готовляше ся предати (СДР — Прол. 1383 г., л. 123в); како можаше страдати о(т) шибения громнаго и о(т) множьства капль *дъжевны(х)* (СДР — Г. Амарт. XIII—XIV в., л. 36б) и др.

Рядом со *становьныи* 'неподвижный', 'постоянный' (ср. глагол *становити*) появляется *становыи*, показывающее отношение к стану, ср.: полудънию *становьномоу* пришъдшоу (σταθερᾶς μεσημβρίας) (Срезн. — Ио. Леств. XII в. — В.); шествование *становное* (βάδισμα εὐσταθές) (Срезн. — Георг. Ам. — Увар., л. 157); не надобе ему... ни *становое*, ни въѣздное, ни мимоходное на дорозе послу (Срезн. — Ярл. Атюл. 1379 г.); городць[кои человек или *становои*. . .] (А. Земл., 3).

От слов *домъ*, *ледъ*, *пиръ* и *рядъ*, кроме многочисленных образований на *-овьн-*, встречающихся с XI в., и позднейших производных на *-ов(ыи)*, имеются и прилагательные на *-ьн-*. Приведем примеры.

Домовьныи 1) 'отн. к дому': ръпътааху. . . на домовьнааго влку (οἰκοδεσπότης) (Срезн. — Панд. Ант. XI в. — Амф.); *домовьная* молитва (Срезн. — Сб. 1076 г. — В.); о(т) *домовьныихъ* своихъ (Срезн. — Ефр. Крм. LXXXVII.16); 2) 'принадлежащий дому (храму)', 'церковный': а что дѣется *в домовны(х)* люде(х) в црквны(х) и въ самѣхъ

[17] В старославянском известно также *дъждьнъ* (см.: M. Brodowska-Honowska. Указ. соч., стр. 24).

монастырехъ... (Срезн. — Сбор. Кир. Белоз. XV в.); меня пожаловалъ.... митрополитъ всеа Руси селомъ *домовнымъ* Пречистыа Богородици (Срезн. — Зап. Бор. Тютш. 1461—1464 г.); домовьное 'имение', 'имущество': а кто почнеть вступатися, или обидѣти *домовное* святого Иоанна Богослова..., а на того Богъ и святыи Иоаннъ Богословъ (Срезн. — Новг. дан. XIV—XV в.); ср. в том же значении домовое: *домовое* церковное Пречистыа Богородици (Срезн. — Менов. 1499 г. окт.); *домьныи* 'отн. к дому (храму)': гора *домная* будетъ въ лугъ дубравьнъ (в нов. — гора храма) (Срезн. — Иер. XXVI. 18, Упыр.).

Ледовьныи 'холодный': во дни зноиныя и въ нощи *ледовьныя* (Срезн. — Ефр. Сир. XIII в.); *ледьныи* 1) 'отн. ко льду': отъ множества воды попрану быти мосту великому и тяжкаго нашествия *леднаго* (Срезн. — Лет. Новг. церк. 6929 г.); 2) 'холодный': во дни зноиныя и в нощи *ледьныя* (Срезн. — Ефр. Сир. 1377 г. л. 11), ср. *ледяныи* в том же значении; *ледовыи* 'отн. ко льду, связанный со льдом': сие бысть побоище силно, яково же бысть *Ледовое* и у Раковора (Срезн. — Псков. I л. 6915 г., под сл. *сии*).

Пировьныи 'отн. к пиру': не подобаеть... *пировьныя* игры послоушати (Срезн. — Ефр. Крм., Бусл. 377); очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго дому *пировнаго* (Срезн. — Сл. Дан. Зат. 236); *пирьныи* — то же, что *пировьныи*: *пирьнааго* плясания (Срезн. — Стихир. XII в. л. 92); црца вьниде въ храм *пирныи* (Срезн. — Дан. V.10, Упыр.); *пировыи* 'пира, отн. к пиру': не боуди кощюньникъ..., ни пьяница, ни складъ *пировыхъ* творя (в др. сп. *пировныхъ*) (Срезн. — Поуч. свящ.); в пиру ино *к пировому* старосте, и(л) пивцамъ явити, а г(с)дрю *пировому*... нѣтъ (Срезн. — Псков. судн. гр.).

Рядовьныи 'следуемый', 'должный', 'правильный': *рядовьное* есть въздрьжание и трьпѣнье (Срезн. — Панд. Ант. XI в. л. 251); *рядьныи* 1) 'обычный', 'простой': елико же *рядьныихъ* и елико же скровитъихъ (Срезн. — Гр. Наз. XI в. — В.); 2) прил. к сущ. *рядъ* 'договор': оу Ондрѣя вытягалная грамота и *рядная* с шоуриею своею (Срезн. — Дан. гр. на зем. Ник. Чухл. мон. не позже XV в.); а что *ряднеи* грамотѣ у Ивана у посадника с Васильемъ, а тѣ грамотѣ посадникъ Иванъ подраше (Срезн. — Новг. рядн. XV в.); въ *рядныхъ* грамотахъ

(Срезн. — Двинск. гр. 1456 г.); *рядовыи* 1) ‘последовательный’, ‘идущий по порядку’: обычная кафизма *рядовая* (Срезн., Доп. — Грам. митр. Фот. к Псков. 1419 г.), ср. также: послѣдоуе(т) сице *рядовыи* чинъ, его(ж) содержи(т) книга библиа (Срезн. — Библ. 1558 г. л. 2, Оп. I. 3); 2) ‘отн. к договору’: отказываете людеи монастырьскыхъ серебрениковъ, и половниковъ, и *рядовыхъ* людеи, и юрьевскихъ, а отказываете не о Юрьевѣ дни (Средн. — Грам. Бѣлоз. кн. Мих. Андр. и в. к. Вас. Вас. ок. 1450 г.), ср. также пример XVI в. в значении ‘отн. к договору, условию’: а кто купитъ на торгу что поношено. . ., и тому купити съ порукою съ *рядовою*; а кто купитъ безъ поруки, и тому тѣмъ быти и виноватy (Срезн. — Судебн. 1550 г.).

Садовыныи ‘отн. к саду, растениям’: вода бо подъземныя къря *садовыныи*. . . питаеть (Срезн. — Ио. Леств. XII в.); грьздъ *садовныи* (Срезн. — Книг. откр. Авр. XIV в.); *садовыи* ‘выращенный в саду, не дикий’: бысть градъ великъ, съ яблоко съ *садовое* (Срезн. — Псков. I л. 6995 г.).

Мирьныи имеет дублет *мировыи* только в значении ‘мирный’, ‘отн. к миру (в противоположность войне, ссоре)’. Ср. примеры: а грамоту *мирную* имъ отверзите (Срезн. — Псков. II л. 6979 г., под сл. *грамота*); взяли межь себя. . . *мировые* грамоты въ земляхъ (Срезн. — Зап. догов. о розъезд. зем. 1498—1499); *мировую* запи(с) (А. Суздал., 490); запи(с) *мировую* (там же). *Мировьныи* встретилось лишь в значении ‘мирской’, ‘светский’: *мировьная* благыни крамолою кажеться (Срезн. — Гр. Наз. XI в. 216).

Таким образом, в памятниках XIV—XV вв. от старых основ на *-й* появляются производные на *-овый*, где *-ов-* воспринимается уже, очевидно, не как признак основы, но как вполне сложившийся суффикс относительных прилагательных. У некоторых прежних основ на *-о*, морфологически близких к старым основам на *-й*, приблизительно в то же время также обнаруживаются дублетные формы на *-ов-* рядом с образованиями на *-ьн-*.

Поудьныи ‘отн. к пуду (весу)’, ‘весовой’: соль вѣсити оу *пудныи* рѣмѣнь (Срезн. — Дог. гр. Пол. с Риг. 1330); соль вѣсити *пуднымь* рѣмѣнемь (Там же); *поудовыи* ‘отн. к пуду’ употреблялось в грамотах как название по-

шлины с взвешиванья — п о у д о в о е: а женѣ своеи княгинѣ Оленѣ далъ есмь свою треть тамги Московьские, . . . и *пудовое*, и пересудъ (Срезн. — Дух. Влад. Андр. 1410 г.); а волостели мои. . . въ ту варницю не въступаются и *пудового* и половнико(в) с неѣ не емлю(т) (Срезн. — Жал. льгот. гр. Нерек. вар. 1447—1453 г.); и гостиное, и вѣсчее, *пудовое*. . . (Чер., 17).

Кърмьныи приближается по значению к причастию от глагола *кърмити*: и во скалвахъ живуть аки во утробѣ. и темнѣ суще *кормьную* животную силу и о(т) ба пр(и)емлюще валяются (СДР — Пал. 1406 г., л. 42в); ср. *кърмовыи* 'отн. к корму': подвозники меховыи, подвозники *кърмовые* (Срезн. — Дог. вз. гр. Ряз. кн. Фед. Вас. съ Ряз. в. кн. Ив. Вас., 1496 г.)

О дальнейшем расширении круга основ, на которые распространялся суффикс *-ов-*, свидетельствуют производные от двусложного существительного *топоръ* и от существительного среднего рода *поле*.

Топоровыи 'сделанный топором': а на трехъ елехъ положены новые грани и знамяна *топоровые* положены (Срезн. — Отводн. гр. Кив. вол. 1482 г.); ср. *топорьныи*: *топорная* земля (Срезн., Доп. — Дог. Сид. Сем. Княжеостр. ц. XV в.).

В отличие от *польныи* 'полевой' с XV в. в терминологическом употреблении встречается *полевыи* 'отн. к полю (судебному поединку)', например: а кто утяжетъ кого въ татбѣ. . . или въ розбоѣ или о *полевои* грамотѣ (Срезн. — Новг. судн. гр. 1471 г.); о *полевыхъ* пошлинахъ (Срезн. — Судебн. 1497 г., 149); п о л е в о е 'пошлина с судебного поединка': виры и *полевое* по новгородцкому суду (Срезн. — Дог. гр. Новг. и Каз. IV. 1470—1471 г.); ср.: а о(т) кругло(г) боло(т)ца до дороги. . . до *польные* (А. Суздал., 471).

Название грамоты от основы *мѣн(ов)-* (ср. *мѣна*, *мѣнять*, *мѣновати*) образуется трояко: м ѣ н о в ь н а я г р а м о т а: а *мѣновную грамоту* сию писалъ митрополичь диакъ Карло (Срезн. — Менов. 1456 г. июл. 11); списокъ съ *грамоты* съ *мѣновныя* (Срезн. — Прав. гр. Сим. мон. 1462—1464 г.); *меновъную* писал (А. Земл., 19); ся *меновная* (Там же); к сеи грамоте *меновнои* (Там же); м ѣ н о в а я г р а м о т а: *грамоту мѣновую* (А. Суздал., 472); м ѣ н ь н а я г р а м о т а: по *мѣннои грамотѣ* (Срезн. — Дух. Фед. Остафьев.).

Наконец, среди производных на *-ов-* от семантически разнородных основ по-прежнему находим прилагательные, образованные от наименований растений; у некоторых из них засвидетельствованы дублеты с суффиксом *-ьн-* [18]. Приведем примеры.

Доубьныи: вершие *дубное* (Срезн. — Афанас. о Мелхсд., под сл. *вьршие*); вьршиемь *доубьнымь* питаемо (Там же, Никон. Панд. гл. 34); *доубовыи*: три древа поставя... и брусъ *дубовъ* обѣсивъ на ужищи посреди ихъ поперекъ (Срезн., Доп. — Соф. II л. 6983 г., под. сл. брусъ); корень же *доубовъ* (СДР—Панд. Ник. Черн. XIV в., 145 об. а); *доубовоую* кору (Срезн. — Переясл. л. 6722 г.).

Хмельныи: а что, кнѫже, мытъ по твоеи земли..., а то, кнѫже, имати по в̀ векши о(т) лодье и о(т) воза, и (от) лну, и о(т) *хмелна* короба (Срезн. — Дог. гр. 1264—1265 г.); *хмелевыи*: хмелевыи докладъ 'пошлина с хмеля': не надобѣ съ тѣхъ варницъ... ни дань, ни ямъ..., ни *хмелевого докладу* (Срезн. — Жал. гр. в. к. Мар. Яр. 1473—1478 г.).

Итак, уже к XIV в., по свидетельству древнерусских памятников, параллельно с древнейшим суффиксом *-ьн-* для производства относительных отсубстантивных прилагательных все активнее применяется молодой славянский суффикс *-ов(ыи)*. При этом охватываемые им основы неодушевленных существительных семантически столь разнородны (в отличие от старославянского и раннего древнерусского периода до XIII в.), что целесообразнее в данном случае говорить не о множестве смысловых разрядов [19], а о практическом отсутствии семантических ограничений. Как указывалось выше, в этот период существуют некоторые словообразовательные ограничения преимущественно морфологического характера: пред-

---

[18] О многочисленных подобных дублетах на *-ьн-* и *-ов*, сохранившихся в современном русском языке и обнаруживающих частичное вытеснение суффикса- *ьн-* суффиксом *-ов-* в данной области, см.: Г. Ф. Плотицына. Параллельные образования прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-* (*-ев-*), *-н-* и *-ск-*. «Уч. зап. Курганского ГПИ», 1959, вып. II.

[19] Так, в хронологически близких памятниках старопольского языка до XVI в. отмечается около 25 семантических разрядов прилагательных с суффиксом *-ow(y)*. См.: M. Zembaty-Michalakowa. Przymiotniki z przyrostkami *-ow*, *-in* w tekstach staropolskich do XVI wieku. «Wrocławskie towarzystwo naukowe. Komisja językowa. Rozprawy kom. językowej», t. 4. Wrocław, 1963. стр. 243—251.

почтительно оформляются суффиксом *-ов(ыи)/-ев(ыи)* (помимо производных от названий растений мужского и женского рода) прилагательные от односложных неодушевленных существительных мужского рода со старыми основами на *-й* или на *-о*. Однако суффикс *-ов(ыи)* начинает уже распространяться на основы существительных женского и среднего рода, а также на неодносложные основы [20]. Функциональную близость суффикса *-ов(ыи)* к суффиксу *-ьн-* подтверждает массовое употребление с XIV в. параллелей на *-ов(ыи)* от старых основ на *-й*, дававших в старославянском и в ранних древнерусских памятниках только производные на *-овьн-* (с относительным суффиксом *-ьн-*).

Таким образом, уже данные памятников XIV—XV вв. свидетельствуют об этапе развития, во всяком случае качественно отличном от того, который был засвидетельствован памятниками старославянской и древнерусской письменности до XIII в.: заметный рост продуктивности суффикса *-ов(ыи)*, употребление его наряду с суффиксом *-ьн-* в качестве полноправного суффикса отсубстантивных относительных прилагательных.

---

[20] М. Зембаты-Михалякова на основании изучения материала средневековых польских и старопольских письменных памятников до XVI в. также приходит к выводу, что уже в средневековый период начало складываться в функционировании суффикса *-ow(y)* все то, что в полной мере развилось в XVI в. (см.: M. Z e m b a t y - M i c h a l a k o w a. Указ. соч., стр. 251 и след.).

Ю. С. Азарх

ИЗ ИСТОРИИ ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

(существительные женского рода на *-ль*)

В настоящей статье рассматриваются существительные женского рода III склонения, образованные бессуффиксным, фонетико-морфологическим, способом от основ отглагольных прилагательных на *-л-*, восходящих генетически к действительным причастиям прошедшего времени.

В работе использован материал памятников старославянского и древнерусского языка, картотек словарей древнерусского языка XI—XVII вв., хранящихся в Институте русского языка АН СССР, словарей старославянского, древнерусского и современного русского литературного языка, а также областных словарей [1]. Для сравнения использовались словари других славянских языков.

Непродуктивные в современном литературном языке и малопродуктивные в древнерусском, существительные на *-ль* не привлекали к себе специального внимания исследователей, хотя эти имена не являются единичными образованиями, весьма употребительны в говорах русского языка, а часть их принадлежит не только к восточнославянскому словарному фонду (*гниль*, *досталь*, *заросль*, *небыль*, *невидаль*, *недосталь*, *поросль*, *прель*), но и к общеславянскому (*быль* 'трава', *леторасль*), часть же является общей для восточнославянских и польского языков (*водоросль*, *отрасль*, *заросль*, *поросль*, *наросль*).

Слова на *-ль*, встречающиеся в переводной литературе XI—XIV вв., однородны по своей семантике. Они обозначают названия растений и их частей. В памятниках до XV в. они могут употребляться как единичные и собирательные имена. Приведем примеры:

[1] При ссылках на словари том и страница не указываются.

Быль: Акы дикая *быль* о собѣ възникши на недѣланѣи земли (Иак. посл. Дм. после 1078 г. — Срезн.); *побыль*: Аз сотру плоти ваша тернием въ пустыни и *побылью* (Остр. б. Суд. VIII, 7 — Вост.); *зябль*: Похотьныи бо врѣдъ *зябль* праздьния есть (Панд. Ант., 154); *израсль*: . . . средняя *израсль* бываше ему (Иоанну Постнику) пища и питие (ВМЧ сент. 1—13, 143); *прозябль*: Пустыньная *прозябль* (Стих. 1156—1163 г., 95). *Прозябль* развивает и переносное отвлеченное значение: Безгнѣвия *прозябль* (Панд. Ант., 231).

Слова на *-ль* с корнем *рас-* в переносном употреблении обозначают потомство человека:

Лѣторасль: И малая *лѣторасль* она виноградъ добролозна бывае(т) (Гр. Бог. XIV в., л. 122б); Ис того бо корене въсияста. . . дъвѣ *лѣторасли* (Сл. Похв., л. 170); *новорасль*: Кореніа мелагриева и *новорасли* (Ж. Кирияк. 24 — Срезн.); *отрасль*: О(т) неплодьнаго бо корене *о(т)расль* живоносьна издрасти намъ мт̄рь свою (Мин. 1096 г. 071); . . . о(т) ве(л)каго вл(д)чства прѣславнаго града Киева о(т) него же *о(т)ра(с)* мы быхо(м) (Ряз. Корм. 1284 г., л. 402); *прорасль*: *Прорасль* злая растущи о(т) тебе (Кирил. Иерус, Огл. — Вост.); *расль*: Всякои *расли* подобаеть каятися (Пат. Син. XI в., 224). К этой же лексико-семантической подгруппе примыкает *съхль* 'сухие ветки', 'хворост': И обряштетъся яко *съхль* пустынъная (Панд. Ант., 65)

Слова с вещественным значением среди древнейших имен на *-ль* единичны, например *гниль*: *Гниль* нѣкую предъложиша [2] (Никон. Панд., сл. 63. Трул. 2. — Срезн.), но *гниль* уже в древнерусский период соотносится не с действительным причастием прошедшего времени *гнил*, а с качественным прилагательным *гнилый* и производными от него *гнилость* и *гнильство*.

Древние образования на *-ль* с корнем *рас-* очень употребительны в книжно-литературном языке XV—XVI вв. в переносном употреблении: *лѣторасль*: Ра(д)ися ч(с)тное древо самого рая иже израсти намъ стыя *лѣторасли* стая мч̄ника Бориса и Глѣба (Пал. 1406 г., л. 88); *отрасль*: Бл̄говѣрного кн̄зя корень и бл̄говѣрная *о(т)расль* (Ип.

[2] *Гниль* здесь используется для перевода греч. νότια — 'влага'.

лет. 1126 г., л. 108 об.); *расль*: Князя Владимира корене благоплодная *расль* (Соф. врем. 6979 г.).

Русские слова на *-ль* с корнем *рос-* не встречаются в деловых документах XV—XVI вв. в переносном употреблении. Помимо собирательного наименования деревьев, они обозначают пахотные и сенокосные угодья, образуя с другими существительными III склонения[3] весьма обширную в этот период лексико-семантическую группу названий угодий: *заросль*: . . .монастырьские два наволока. . . и *заросли* тѣхъ наволоковъ. . . (Мухан. Разъезж. гр. 1462—1505 гг., 559); Микитка вгородилъ к себѣ в поле сильно манастырьскую пожню · Крестьцы да *заросль* поженную (Лих. Исх. XV ст., 129); *поросль*: Перелогу *поросли* десятину въ полѣ (Сотн. Ив. Бор. 1557 г. — Срезн.). В этом терминологическом значении *поросль* продолжает употребляться в деловом языке вплоть до начала XVIII в.: Да сѣнныя *поросли* 2 десятины и та *поросль* запущена (Докл. в Сен. III, 1713 г., 295).

Таким образом, русские и старославянские образования на *-ль* с корнем *рас-/рос-* не образуют единой лексико-семантической группы.

Древние *побыль*, *израсль*, *прорасль* не встречаются в изученных нами памятниках после XIV в.; *быль* продолжает употребляться в церковной литературе, а *прозябль* в качестве абстрактного имени — в книжно-литературном языке: Кольми паче нам оставити святую свою христианскую веру и покоритися нам вашей *прозябли* (Пов. об осаде Пск., сп. нач. XVII в., 155—156). В деловых документах XVI в. находим *зябль* ‘холод’, которое семантически не связано с древним *зябль* ‘растение’, ‘порождение’: . . . и ис тех обеж пусто 12 обеж без четверти от голоду и от *зябли* и от мору (Кн. п. Обон. пят. 1563 г., 158).

В деловом языке с конца XIV в. появляется ряд отвлеченных имен на *-ль* с общим значением меры, количества. Слова этой лексико-семантической группы принадлежат к терминологической лексике, образуются от глагольных основ с корнями *бы-* и *ста-* и составляют антонимические пары: *досталь* и *недосталь*: . . . елико *досталь* останетъ,

---

[3] Например: *залежь*, *мякоть*, *новь*, *выпашь*, *перепашь*, *припашь*, *пропашь*, *роспашь*, *упашь*, *чисть*, *зачисть*, *росчисть*, *некось*, *роскось*, *подель*, *выгарь*, *гарь* и т. д.

или часть, или все должны есмы отдавати, по числу *недостали*, бѣлкы добрыя тысячу по пяти рублевъ, яко же уставлено и съглашено бысть промежи насъ (АИ I, 1389 г., № 252); *прибыль* и *убыль*: Денги будут съ *прибылью* (Домостр., л. 68 об.), Денгамъ *убыли* не было (Арх. Строева I, 1589 г., 661).

Досталь в деловых документах XV—XVI вв. употребляется не только как отвлеченное существительное со значением 'остаток': А что съостанетъ у моихъ приказщиковъ. . . и имъ та *досталь* отдати жене моеи Овдотье (Арх. Строева I, 1506 г., 130), но и в качестве наречия со значением 'довольно', 'достаточно', 'до сих пор': Люди. . . всѣ вышли (из-за засухи) за Перекопъ а и *досталь* идуть (Крм. д. 2, 1517 г. 358). К этой же лексико-семантической группе относится *тягль* 'пошлина': . . . и тѣмъ числены(м) люде(м) и орди(н)цо(м) *тягль* всякую тянути по старинѣ (ДДГ № 94, 1504 г., 374).

Пополняется в деловом языке XV—XVI вв. и группа слов на *-ль* с вещественным значением: *Гнилью* и *затъхолью* не пахнуло (Домостр. л. 93); *Опухоль* на все уды (Домостр., л. 38 об.)

Одушевленные имена на *-ль* в этот период единичны и также встречаются лишь в деловых документах: *усталь* 'уставшая лошадь': На ямъ не учнетъ *усталей* отводить (Гр. в. к. Ив. Вас. 1534 г. — Срезн.).

Итак, слова на *-ль*, употребляющиеся в памятниках XV—XVI вв., представляют собой как бы два слоя: древние, встречающиеся в церковной литературе и летописях преимущественно в переносном значении, и новые, принадлежащие в основном к терминологической (сельскохозяйственной и социально-экономической) лексике, характерные для делового языка.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в памятниках XVII—XVIII вв. Из группы древних имен на *-ль* со значением растений, их частей в литературном языке XVII—XVIII вв. в активном употреблении остается лишь *отрасль*, которое развивает ряд новых значений. В литературном языке оно сохраняется как в прямом, так и в переносном значениях: От того древа семдесят сем *отрослей* (Сипов. Яропол., 190); Не стало их государей *отросль* царевны Феодосьи (Ст. Зв., 234 г.). В научных сочинениях того времени *отрасль* может обозначать 'отрог горного хребта': Горы оныя . . . суть *отрасли*

или отдѣлившиеся хребты (Журн. Птр. I, 28); ‘отдельная область деятельности’: На сию важную *отрасль* правления (Мат. Ком. ул. XIV, 75). Изредка в литературном языке XVII в. встречается еще древнее *быль*: Антоней же ухватихся за камышную *быль* и оторвахъ тое *быль*, а не удержахся в том мѣсте. . . (Посольство Елчина 1640 г., 368). *Сохль* в словарях XVII в. является собирательным именем: ‘сушь’, ‘хворост’ (Берында); ‘дрязг или хворост’ (Алф. XVII в., 215).

Отвлеченные имена на *-ль* пополняются лишь существительными с корнем *бы-*, принадлежащими к терминологической лексике делового языка. Это *избыль* ‘избытие от счета’ и его синоним *пробыль*, встречающиеся во фразеологических выражениях *быть (жить) в избыли* (*пробыли*) или *в избыляхъ (пробыляхъ)*: *Живутъ в избылѣ* лехко (Арх. Строева II, 1601 г., 21); Чтобы которые волости и князьцы промеж нами *в ызбыли не были* и государев ясак на них не залег (Гр. Сиб. Милл. 1605 г.); А будетъ которые люди *живутъ в ызбыляхъ*. . . (Писц. д. II, 1628 г., 64—65); . . . чтобы однолично *въ пробыли не был* никто (ДАИ, 1612 г. I, 295); Бобыли *живутъ въ пробылѣхъ* (А. тихв. мон. 1637 г. карт. 2). Из народного языка в литературный проникают *быль* и *небыль*: *Быль* молодцу не укора (Богданов Посл. 1741 г., л. 10 об.); . . . сплетены смуты слагающе много сугубы *небыли*, и народ смущающе (Авр. Пал., л. 37 об.).

В деловых бумагах XVIII в. встречается *упаль* ‘изъян’: А вылито . . . всѣхъ болши 110 пушекъ, толко въ нихъ *упаль*, за неискуствомъ майстеровъ будетъ (Птр. I, 856). В близком значении к *упаль* в актах этого времени употребляется *зябль*: . . . что(б) у них плотниковъ всяко(и) дащани(ч)но(и) лѣс был вывоже(н) на пло(д)бище в мѣру бе(з) *зябли* и бе(з) вѣтреницъ. . . (А. Верхотур. съезж. избы 1692 г. карт. № 37).

Из диалектов проникают в деловой язык названия оттепелей: *отталь*: Здѣсь морозы послѣ *отталей* великие еще стоятъ (Птр. VII, 126); *росталь*: А изо Твери тѣхъ пушекъ, за *росталью*, и за послѣднимъ путемъ, тверские ямщики не повезли (АИ, 12, 1699 г.); *оттеп(е)ль*: А *о(т)тепль* г(с)дрь стала великая и вода стои(т) све(р)хъ лду бо(л)шая. . . (Якут. ак. I, № 1, 1639 г.); у насъ *оттепель* великая и дожди (Птр. VII, 260).

Появляются в деловом языке этой эпохи названия мест по какому-либо признаку — *прѣль*: Есть трава земляница, ростетъ по *прѣлямъ* кустиками, что снѣгъ бѣла (Леч. Н. 3, л. 10); наименования животных и человека по какому-либо отрицательному признаку, свойству: *присталь* ‘уставшая лошадь’: Чтобъ они съ лошадми ѣхали не скоро и *присталей* не метали (ДАИ, VIII, 1678 г., 37); *присталь* и его синоним *усталь* в сочетании с предлогом *за* часто употребляются в роли наречия: Свою лошадь *за усталью* покинулъ (Арх. К. III, 1709 г., 101); Оставилъ он по тракту въ Черкасскихъ городахъ в разныхъ мѣстахъ *за присталью* и за худобою 5 лошадей (Докл. в Сен. III, I, 1713 г., 334); *невидаль* ‘странный, чудной человек’: *Невидаль* корову купилъ, будетъ ли на лѣто трава (Кург. Письм. I, 1790 г., 132).

Не претерпевают изменений в своем значении и употреблении в этот период имена на *-ль* с вещественным значением, например *гниль*, *затхоль* и *опухоль*: Въ корабляхъ. . . *гниль* явилась, и то зѣло дивно отъ чево (Птр. IV, 3 (4); И в которой бы ржи *затхоли* и отпаху ника(ко)го не было (Хоз. Мор. 1600 г., 129); И ту *опухоль* и чернь вылѣчилъ дохтуръ (Арх. К. III, 1718 г., 234).

Досталь в XVII—XVIII вв. выступает почти исключительно в роли наречия: Крестьяне монастырские и *досталь* розбрелись (АИ II, 1606 г., 91); *Досталь* не погинути (Арх. Строева II, 1612 г., 259).

Итак, большинство новообразований на *-ль*, известных деловым документам XVII—XVIII вв., проникли в деловой язык, по-видимому, из диалектной речи, о чем свидетельствует их семантика. Эти слова произведены по моделям имен на *-ль*, большей частью однокоренных с ними (*быль*, *небыль*, *избыль*, *пробыль*), и образуют синонимические по значению ряды однокоренных слов (*избыль* и *пробыль*, *отталь* и *росталь*, *присталь* и *усталь*).

Областные словари отражают ряд слов на *-ль*, не встретившихся в изученных нами памятниках. В подавляющем большинстве эти слова принадлежат к лексике севернорусских говоров. Мы находим среди этих имен ряд собирательных названий древесных растений. Все они, как и древние имена этой лексико-семантической группы, образованы от основ с корнем *рос-*: *паросль* ‘молодой лес’

(Даль), *перерослъ*[4] ‘переросшие растения, деревья’ (Даль), *проросль* ‘мелкий ельник’, ‘березняк’ вят. (Васнецов), *пустороспь* ‘дрянной кустарник’ (Даль). К этой же группе примыкает *выцвель* — ‘подсеченные деревья’, ‘сухостой’ (Даль). Собирательность у имен на *-ль*, как и у большинства существительных женского рода III склонения, связана обычно с присутствием в семантике слова указания на неполноценность, недостаточность, отрицательный характер признака, свойства называемого предмета, вещи [5].

Среди диалектных имен на *-ль* с вещественным значением можно выделить названия продуктов распада, гниения: *изгниль* [6] ‘гниль, плесень’ (Даль); *пагниль* ‘перегнившие остатки чего-либо’ (Даль); *издохоль* ‘дохлятина’, ‘падаль’ пск., твр. (Даль); *одох(о)ль* ‘дохлятина’, ‘снулая рыба’ пск., твр. (Даль); *потухоль* [7] ‘что-либо тухлое’ (Даль); *цвель* ‘плесень’ кур.[8] К этой же подгруппе вещественных имен на *-ль* примыкает *нажиль* ‘слой земли из перегнивших листьев, хвои’ новг. (Герасимов); названия остатков чего-либо, непригодных к употреблению: *пропадаль* ‘упалые колосья по жниву’ (Даль); *пропаль* ‘что-либо негодное, пропавшее’ (Даль); *пухоль* ‘изгреби, очески льна’ новг. (Герасимов); *трухоль* ‘рухлядь, старье, прах, сор’ арх. (Гранд.).

К группе диалектных существительных на *-ль* с вещественным значением относятся также названия болезненных наростов на тканях растительных и животных организмов: *впухоль* ‘опухоль’ (Даль); *роспухоль* то же (Даль); севернорусские названия снежного покрова: *вталь* ‘тонкая корка рыхлого снега после оттепели и нового мороза’ арх. (Даль); *таль* ‘подтаявший снег’ новг. (Герасимов); *настыль* ‘настывшая намерзшая кора’

---

[4] *Перерослъ* в качестве названия деревни встречается в украинских грамотах XV в.: Продалъ свою половицю *Переросли* брату своему (Розов, 106, 1424 г.).

[5] Ср.: *молодь*, *нечисть*, *калечь*, *голь*, *чернь*, *погань*, *нежить*, *мелочь*, *шваль* и т. п.

[6] Приводится без помет в Словаре 1847 г.

[7] Ср.: *Потухлая* рыба, *потухнуть* пск. твр. (Даль).

[8] М. Халанский. О некоторых особенностях народного говора в северной части Путивльского у. Курской губ. — РФВ, 1886, т. 16. — *Цвель*, известное украинскому и белорусскому языкам, в словари литературного языка включается с пометами «простореч». (Сл. 1847 г.), «обл». (Ушаков).

(Даль). К диалектным существительным на *-ль* с вещественным значением принадлежат также *застыль* ‘студень’ влгд. (Даль); *перезябль* ‘земля, вспаханная с осени’ ярс. (Даль). Древнерусское *досталь* в вятских говорах [9] обозначает ‘самотканину из льняных и бумажных ниток’ (Васнецов).

Ряд диалектных имен на *-ль* обозначает не только продукт распада, гниения, но и место распада, гниения: *загниль* [10] — ‘гниль, загнившее место’ (Даль); *запрель* ‘прель, прелое место’ (Даль); *перепрель* — то же пск. твр. (Даль); *напрель* [10] то же (Даль); *опрель* — то же (Даль). Среди диалектных названий места находим обозначения проталин: *отталь* (Даль), *проталь* (Даль).

К этой же лексико-семантической группе названий места примыкает *присталь* — ‘пристанище’, ‘убежище’ арх. (Подвыс.), ряз. (Деулино, МС); *присталь* ‘помост на реке для мытья белья’ кур.[11]

Диалектные названия времени года, погоды в основном являются наименованиями оттепелей: *затепель* (Даль), *ростепель* (Даль), *тепель* олон. (Кулик.), *таль* прм. (Даль); вошедшее в деловой язык XVII—XVIII вв. *оттепель* также диалектного, севернорусского, происхождения [12]; *сутепель* сев. (Даль), *усыхоль* ‘середина лета’ пск., твр. (Даль).

Диалектные названия животных на *-ль*, как и известные деловому языку *усталь* и *присталь*, характеризуют лошадь по отрицательному признаку, свойству: *неималь* ‘лошадь, которую трудно поймать’ прм. (Опыт); *усталь* ‘скоро устающая лошадь’ твр. (Смирнов), урал. (Карпов).

Наименования орудий и их частей немногочисленны: *наковаль* — ‘наковальня’ арх. (Опыт), *оплеталь* ‘оплет бороны’ (Даль), *тяголь* ‘проволока’ вор. (Даль).

Отвлеченные существительные на *-ль* диалектного происхождения представляют собой обозначения физического и психического состояния человека, большей частью отрицательного свойства, что вообще характерно для имен

---

[9] Круч’о́нку база́р’ску, *дбстал’* тка́л’и, из е́тово ш’и́л’и (д. Новожилы Шабалинского р-на Кировской обл. — БСТ).

[10] Приведено без помет в Словаре 1847 г.

[11] М. Халанский. Указ. соч.

[12] А. Ф. Марецкая. Говор Старорусского р-на Новгородской обл. (канд. дисс.). Л., 1953, стр. 230.

этой лексико-семантической группы III склонения [13]: *безусталь* [14] (Даль); *присталь* 'усталость' арх. (Опыт), новг [15]; *усталь* — то же (Даль), смол. (Добр.), *подстыль* состояние по глаголу (Даль); *утихоль* — то же пск. (Даль). По-видимому, диалектного происхождения и *тужиль* у С. Есенина [16].

Среди отвлеченных диалектных имен на *-ль* находим и наименования отрицательных свойств человеческого характера, что также свойственно существительным этой лексико-семантической группы III склонения [17], например: *неудаль* 'недостаток смелости, отваги' (Даль).

Ряд диалектных отвлеченных имен на *-ль* представляет собой однокоренные образования со словами, известными деловому языку до XVII в., и составляет с ними по значению один синонимический ряд: *забыль* 'быль', 'правда' свр., сиб. (Даль); *поубыль* 'малая убыль' пск., твр. (Даль).

К диалектной лексике принадлежит и ряд слов на *-ль* со значением отвлеченного качества: *вызрель* 'что-либо созревшее' (Даль); *невидаль* 'что-либо диковинное' олон. (Кулик.); *отсталь* 'все отставшее' (Даль); *рдель* 'что-либо красивое' смол. (Добр.).

Таким образом, основную массу диалектных слов на *-ль* составляют имена собирательные, вещественные и существительные со значением отвлеченного качества, свойства. Эти лексико-семантические разряды наиболее характерны для существительных женского рода III склонения.

Подавляющее большинство слов на *-ль*, включенных в словари современного литературного языка, — древние имена, известные памятникам до XVII в. (*быль*, *гниль*, *заросль*, *леторасль*, *опухоль*, *оттепель*, *отрасль*, *поросль*, *прель*, *прибыль*, *убыль*). В словарях первой половины XIX в. находим несколько имен на *-ль* с вещественным значением, неизвестных современному литературному

---

[13] Ср.: *боль*, *болезнь*, *боязнь*, *дрожь*, *забыть*, *немощь*, *одурь*, *хворь* и т. д.

[14] В современном литературном языке лишь в роли наречия *безусталь*.

[15] В. И. Чагишева. Говоры восточного побережья озера Ильмень (канд. дисс.). Л., 1949, стр. 399.

[16] Оттого-то вросла *тужиль* /В переборы тальянки звонкой... (С. Есенин, Сорокоуст).

[17] Ср.: *бездарность*, *бестолковость*, *зависть*, *глупость*, *дурость*, *лень*, *корысть*, *ненависть*, *неприязнь*, *пошлость* и т. д.

языку: *завяль* [18] ‘завядшие, залежавшиеся овощи, листья, коренья’ (Сл. 1847 г.); *наросль* ‘нарост’ (Сл. ак. азб., Сл. 1847 г.) *отпаль* ‘осадок белка и желтка в лежалых яйцах’ (Сл. ак. азб., Сл. 1847 г., Даль). С XVIII в. известны литературному языку *падаль* [19] и *удаль*, оба проникли в литературный язык из народной речи. За последние более чем сто лет в литературный язык входит всего два новых слова на *-ль*: *водоросль*, включенное в учебный словарь П. И. Соколова 1834 г., и экономический термин *сверхприбыль*, утвердившийся в начале XX в., по-видимому, калька англ. superprofit.

Новообразования в языке художественной литературы единичны, что также свидетельствует о совершенной непродуктивности описываемой словообразовательной модели в современном литературном языке, например, созданное по образцу *невидаль* слово *несказаль* [20] и поэтическое *тополецвель* [21].

Обзор лексико-семантических групп существительных на *-ль* по памятникам письменности и диалектным словарям показывает, как отглагольные по происхождению (от основ действительных причастий прошедшего времени с суффиксом *-л-*) имена под влиянием принадлежности к грамматической категории существительных, и именно существительных III склонения, претерпевают ряд изменений в своем значении. Древние слова на *-ль* обозначают названия растений и их частей. В XV—XVI вв. образуются существительные на *-ль* со значением вещества, места по какому-либо признаку. В XVII—XVIII вв. появляются собирательные существительные этого словообразовательного типа, проникают из диалектов названия животных и лиц по какому-либо признаку, а в говорах отмечены также имена со значением отвлеченного качества. В постепенном убывании слов с предметным значением и возрастании слов со значением качества, собирательности и вещественности и проявляется влияние на

---

[18] В словаре Даля *завяль* мужского рода.

[19] Словарь Академии Российской 1793 г. и словари первой половины XIX в. включают это слово без помет; в словаре Ушакова в значении ‘опавшие плоды’ с пометой «обл.».

[20] А проклятый фокстрот, или блюз, или еще какая-нибудь *несказаль* бытуют («Лит. газета», 1.III 1962 г.).

[21] Пушится белками /*Тополецвель*,/ Блистая в воздухе/На солнцескате (В. Каменский, У реки на песке).

семантику имен на *-ль* принадлежности их к III склонению, для продуктивных словообразовательных типов которого (слова на *-ость*, бессуффиксные отприлагательные и отглагольные имена) характерны существительные с указанным значением.

Древнейшие образования на *-ль* произведены от основ действительных причастий прошедшего времени непереходных глаголов. В памятниках XI—XIII вв. находим *быль* (='трава'), *гниль*, *зябль*, *израсль*, *отрасль*, *побыль*, *прозябль*, *прорасль*, *расль*, *съхль* и сложные слова — *лѣторасль* и *новорасль*, кальки греческих παραφύτον и νεοφύτον. Приставочные имена на *-ль* в этот период возможны только при наличии однокоренных бесприставочных существительных этой словообразовательной модели.

В деловых документах XIV—XVI вв. появляются новые [22] существительные III склонения на *-ль*, но уже образованные почти исключительно от основ причастий приставочных непереходных глаголов: *досталь*, *заросль*, *затхоль*, *недосталь*, *опух(о)ль*, *поросль*, *прибыль*, *тягль*, *убыль*, *усталь*. В XVI в. происходит в русском языке изменение словообразовательных связей имен на *-ль*: они начинают образовываться не от основ действительных причастий прошедшего времени, а от основ отглагольных прилагательных на *-л-*. Если до XVI в. нам не встретились рядом с древними *быль*, *зябль*, *расль*, *досталь* и т. д. соответствующие однокоренные прилагательные [23], то в памятниках делового языка с XVI в. отмечены *зарослый*, *избылый*, *изгнилый*, *отъпалый*, *прибылой*, *присталый*, *рослый*, *тяглый*, *удалой*, *усталый*, а с XVII в. — *затхлый*, *небылой*, *опухлый*, *осталый*, *перепрелый*, *переросльй*, *прелый*, *пропалый*, *убылый*.

Таким образом, к концу XVI в. существительные на *-ль* начинают осознаваться как производные от основ отглагольных прилагательных на *-л-*, а с XVII в. образуются исключительно от последних, весьма продуктивных в этот период [24]. В языке XVII—XVIII вв. находим

---

[22] Они отсутствуют в памятниках до XV в., что связано в первую очередь с характером этих памятников (церковная литература).

[23] Исключением является древнее *гнилый*.

[24] См.: Е. А. Земская. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. «Очерки по исторической грамматике русск. лит. языка XIX в.». М., 1964, стр. 417—418.

быль (='правда'), *избыль*, *небыль*, *невидаль*, *отталь*, *прель*, *присталь*, *пробыль*, *росталь*, *удаль*, *упаль* и соответствующие производящие прилагательные *былой*, *избылый*, *небылой*, *прелый*, *присталый*, *пробылый*, *удалой*, *упалый* [25].

Как большинство имен непродуктивных словообразовательных моделей, существительные на *-ль* производятся от ограниченного круга основ, образуя цепи слов одного корня: *расль*, *заросль*, *израсль*, *наросль*, *отрасль*, *паросль*, *перерослъ*, *поросль*, *прорасль*, *подросль* (м. р.), *недоросль*, сложные слова *водоросль*, *леторасль*, *новорасль*, *пустороспь*; *быль*, *забыль*, *избыль*, *небыль*, *побыль*, *поубыль*, *прибыль*, *пробыль*, *убыль*; *безусталь*, *досталь*, *недосталь*, *осталь*, *отсталь*, *присталь*, *усталь*, *вдосталь*; *таль*, *вталь*, *отталь*, *проталь*, *росталь*; *прель*, *запрель*, *напрель*, *опрель*, *перепрель*; *паль*, *опаль*, *отпаль*, *пропаль*, *упаль*; *тепель*, *затепель*, *оттепель*, *ростепель*, *сутепель*; *гниль*, *загниль*, *изгниль*, *пагниль*; *зябль*, *перезябль*, *прозябль*; *застыль*, *настыль*, *подстыль*; *опухоль*, *впухоль*, *опухоль*, *роспухоль* и т. п.

Причастный по происхождению суффикс *-л-* у существительных описываемого типа, зафиксированных по памятникам до XVII в., присоединяется к глагольным корням, оканчивающимся на гласные *-а-*, *-о-* и согласные *-б-*, *-п-*, *-с-*, *-г-*, *-х-*. Между конечными задненебными согласными и губными корня и суффиксом *-л-* появляются гласные *-о-* (реже *-е-*) после задненебных и *-е-* после губных. О позднем появлении гласного между конечным согласным корня и суффиксом свидетельствуют такие факты, как наличие древнего *съхль*, колебание форм *опухль* и *опухоль* (реже *опухель*), *оттепль* и *оттепель* в памятниках конца XVI—XVII вв. и употребление диалектных имен с корнями на задненебные и губные согласные с вставочными *-о-* и *-е-* между конечным согласным корня и суффиксом *-л-*: *впухоль*, *пухоль*, *роспухоль*, *издохоль*, *одохоль*, *трухоль*, *тяголь* [26], *усыхоль*, *утихоль*. В памятниках XVII в. появляются существительные на *-ль* с конечной гласной корня *-ѣ* (*прѣль* и однокоренные), с XVIII в. становятся известны литературному языку образования на *-ль* с глагольным суффиксом *-а-* в производящей основе (*невидаль*,

---

[25] Ср. белор. *одталы*, вероятно, случайно не встречающееся в памятниках XVII в.

[26] Ср. *тягль* в памятниках XVI в.

падаль); единичны среди диалектных имен на *-ль* существительные с глагольным суффиксом *-и-* в производящей основе (*нажиль*, *тужиль*). Наиболее характерный состав морфем существительных на *-ль*: «приставка + корень + *ль*», только диалектные имена могут быть построены по типу: «приставка + корень + глагольный суффикс + *ль*» и иметь двойные приставки (*безусталь*, *поубыль*). Сложные слова на *-ль* могут быть только с *расль* / *росль* во второй части слова.

Все приставочные существительные на *-ль*, как и большинство имен непродуктивных словообразовательных типов III склонения, ударение имеют на приставке. При наличии в слове двух приставок или отрицания и приставки ударение может падать как на первую (*поубыль*), так и на вторую приставку (*безусталь*, *неудаль*). Сложные слова имеют ударение на первом слоге (*водоросль*, *леторосль*, *пусторосль*).

От существительных на *-ль* могут образовываться прилагательные на *-ный* (*безустальный*, *быльный*, *достальной*, *опухольный*, *прибыльный*, *убыльный* и др.), реже с суффиксом *-ев-* (*отраслевой*, *порослевый*).

Изменение словообразовательных связей существительных на *-ль* проявляется и в том, что в XVII—XVIII вв. они составляют один синонимический ряд с однокоренными производными от прилагательных на *-ина*, *-ота*, *-ость*, тогда как древние существительные на *-ль* входили в один синонимический ряд с отглагольными именами на *-нъкъ*, *-ние*, *-тъ*, *тъкъ*, а в памятниках XV—XVI вв. они синонимичны словам на *-ть*, *-тъкъ* одного с ними корня. Приведем примеры:

прозябль[27] *прозябение*: Лукавьная *прозябения* усѣкая вьсею блгстию (Мин. 1096 г., 44);
прозябление: Вся *прозябления* земная влагою растить и плодить (Окр. посл., м. Фот. 1415—1416 г.— Срезн.);

прорасль *прорасть*:[28] *Пр(о)расти* всѣкого сада (Шестод. 1263 г., л. 5);

---

[27] Примеры употребления слов, помещенных в левой половине страницы, см. в разделе, посвященном описанию лексико-семантических групп имен на *-ль*.

[28] Ср.: белор., укр. *прорість*, вят. *прорость* (Васнецов), срб.-хрв. *прораст*.

отрасль — *отрость*[29] (Космогр. 1670 г.);
израсль — *изращение и израсль* (Поликарпов)[30];
заросль — *зарость*[31]: Четыре стожья *зарость* косити (Арх. Строева 1, 1483 г., 56);
поросль — *поростль*[32]: Дикое поле и *поростль* и дуброва (Арз. а, 166).

Словообразовательные синонимы с суффиксами *-тъ*, *-ть*, *-тъкъ* и др. характерны не только для имен на *-ль* с корнем *рас-/рос-*:

досталь — *достать*: Село Судниково Федору Щадрину, указу ему из празничныхъ денег рубль, *достать* на монастырь (Кн. ключей, 72);
достатокъ: ... вели, государь, нас отпустить на Русь, чтобы нам, холопам твоимъ, и *достатка* вконецъ не погинуть (Дон. дел. П, 1644 г. 691);
недосталь — *недостанъкъ*: Не дажь своего никому же, еда како *недостанъкъ* ти будеть (Ж. Нифонт. 70);
недостатъкъ: Ныня *недостатъкъ* наконьчаемъ (Ио. екз. Бог. 281.— Срезн.);
прибыль — *прибытъкъ*: *Прибытъкъ* будеть мьздѣ и въздаянию (Сб. 1076 г., 246); *Прибытъкъ* нищимъ раздаяти (Никон. Панд. сл. 17 — Срезн.)[33];

---

[29] Ср.: арх. *отрост* (Даль), срб.-хрв. *одраст*, чеш. odrost, пол. odrostek.
[30] Ср.: болг. *израстъ*, срб.-хрв. *израстак*, словен. izrastek.
[31] Ср.: ряз. *зарость* (Деулино, М. С.), костр. то же (БСТ), укр. *зарість*, срб.-хрв. *зараст*, пол. zarost, zarośl.
[32] Ср.: сиб. *порость* (Даль), укр. *порість*; *порост* (Даль), укр. *поріст*, срб.-хрв. *пораст*, болг. *подраст*, пол. porost, чеш. podrost. Почти все имена на *-ль* с корнем *рас-/рос-* имеют в славянских языках словообразовательные синонимы с суффиксом *-т-*: Ср.: сорб.-хрв. *летораст*, укр. *леторосток*, чеш., словац. letorost; русск. *нарост*, укр. *наріст*, болг. *нарастък*, срб.-хрв. *нарастак*, пол. narost, narostek, чеш. nárůstek; белор. *нарасць*, пол. narość; русск. *паросль* и укр. *парост*, пол. parość; *водоросль* (Даль), белор. *водарасць*, укр. *водорість*, пол. wodorost. Даже в географических названиях с элементом *рос-* в памятниках вплоть до XVII в. встречаем написания с *-л-* и *-т-*: Ярославл(ь) стоит над рѣками Волгою да *Которостью* (Космогр. 1670 г., л. 269).
[33] Ср.: белор. *прибыток*, укр. *прибиток*, пол. przybytek.

прибывание: Большее приимати паче того *прибывание* доброкупно съ прилаганиемь не мьне четвьртыя части оставленааго количьства (Ефр. Крм. LXXXVII, 26 — Срезн.); *прибыть* (Даль);

убыль — *убытъкъ*: Изби мразъ рожь и бысть *убытъкъ* Християномъ хлѣбомъ (Пск. л. 1435 г., л. 70)[34];

убывание: лѣность велико *убывание* творитъ (Менандр. — Срезн.);
убыть (Даль).

Изменение семантических и словообразовательных связей существительных на *-ль* в XVI—XVII вв. сказывается и в том, что они все чаще входят в один синонимический ряд с однокоренными образованиями на *-ина*, *-ота*, *-ость*. Уже в древнейших памятниках являются синонимами:

гниль — *гнилость*: Хотящиимъ свою *гнилость* отъложити (Панд. Ант., 232 — Срезн.)[35], *гнильство*: Молитися бу да очистить ны отъ *гнильства* нашего (Панд. Ант., 108 — Срезн.).

Общеславянское *быль* в памятниках XI—XVII вв. является синонимом *былие* (*былье*): *Былие* дивьее варя ѣдяше бесъ соли (Сб. Троиц., л. 40 об.). В начале XVIII в. в одном синонимическом ряду с *быль* и *былье* — *былина*: *Былиною* или *былиемъ* порастаю (Поликарпов) [36].

Косвенным свидетельством сближения древних имен на *-ль* с прилагательным на *-л-* по семантике и словообразовательным связям служат также образования с суффиксами *-ина*, *-ость* от тех же корней и в других славянских языках, например в польском: dostałość, zaroślina, porośliną, przybyłość.

---

[34] Ср. пол. ubyt, ubytek.

[35] Ср. белор., болг. *гнилина*, срб.-хрв. *гњилина*, чеш. hnilina, белор. *гниласць*, болг. *гнилость*, срб.-хрв. *гнилост*, чеш. hnilost, пол. gniłość, болг. *гнилота*, словен. gnilota.

[36] Ср.: белор. *былина*, укр. устар. *билина*, чеш., пол. bylina.

Слова на *-ль*, встречающиеся в памятниках не ранее XVI в., в большинстве своем синонимичны однокоренным существительным на *-ина*, *-ота*, *-ость*:

затхоль	*затхлина*: Вода не имѣетъ *затхлины* (Нзр. 9); *затхлость* (Сл. 1847 г.);
опухоль	*опухлина*: (вода) приводитъ ко *опухлинѣ* (Нзр. 11б).[37]

Однако в памятниках книжно-литературного языка XVII—первой половины XVIII в. еще возможны в качестве синонимов к *затхоль* и *опухоль* однокоренные с ними отглагольные существительные на *-ние* и *-тие*: (воды) приимутъ загнилость и *затхнение* (Нзр. 12); Кости же от *опухнутиа* в связании составех видими бываху (Авр. Пал., л. 105).

Слова на *-ль*, отмеченные в памятниках не ранее XVII в., синонимичны как правило однокоренным образованиям с суффиксами *-ина*, *-ость*, если они не произведены от основ с глагольными корнями *бы-*, *рос-* и *ста-*, последние, как и древние имена с этими корнями, продолжают входить в один синонимический ряд с отглагольными именами на *-тъ*, *-ть*, *-токъ*:

присталь (='усталость')	*пристаток* прм. 'усталость' (Даль).
избыль	*избыток*[38]; *избыть*: Иску *избыть* (АЮБ 1547 г., 52).

В отличие от имен с корнем *бы-*, обозначающих количество, вошедшие в литературный язык в XVII в. *быль* и *небыль* обнаруживают семантическую и словообразовательную связь с отвлеченными существительными, производными от прилагательных:

быль	*былина*: Начаша им повѣдати по дѣлом и по *былинам* (Задон., 199); *быль-былина* (Лекс. Татищева, 3);
небыль	*небывальщина*, *небылица*, *небыть* (Даль)[39].

[37] Ср. чеш. opuchlina.

[38] Ср.: белор. *збыток*, укр. *збиток*, болг. *избитъкъ*, пол. zbytek.

[39] Ср. пол. niebylica, niebyłość.

Остальные имена описываемой словообразовательной модели в XVIII в. и позднее, а также в диалектах синонимичны чаще всего существительным с суффиксом *-ина*: *выцвель* и *выцвелина* (Даль); *зябль* и *зяблина*: И буде. . . в нем (дереве) ни *зяблины*, ни иной какой признаки хворостной, то заклеймить его. . . (Пос. О скуд. и бог., 213); *издохоль* и *издохлина*: (Татаре) токмо кобилячимъ молокомъ кормятся и мясомъ . . . хочь *издохлина*, то в честь за доброе мясо почитаютъ (Космогр. нач. XVIII в., л. 66); *одохоль* и *одохлина* пск., твр. (Даль); *прель* и *прелина* олон. (Кулик); *опрель* и *опрелина*: Также пособляетъ бѣлокъ на *опрѣлину* (Леч. н. 3, 60), *опрелость* (Сл. акад. азб., Сл. 1847 г.); *отпаль* и *отпалина* (Сл. акад. азб.); *отталь* и *отталина* (Даль, Ушаков с пометой «обл.»); *проталь* и *проталина* (Даль); *падаль* и *падалина* (Даль) [40]; *неудаль* и *неудалость* (Даль) и др.

Итак, непродуктивность существительных на *-ль* женского рода в русском языке обусловлена рядом причин, главными из которых являются:

1) Непродуктивность производящих основ: после XVII в. в русском литературном языке появляются новые прилагательные на *-л-* лишь от основ отыменных приставочных глаголов на *-еть*, *-ать* [41], а именно от этого типа основ прилагательных существительные на *-ль* не образуются.

2) Семантическая неоднородность имен на *-ль*, отсутствие специфического значения, присущего только существительным этого словообразовательного типа.

3) Постепенное вытеснение существительных на *-ль* однокоренными образованиями с продуктивными суффиксами *-ина* и *-ость*.

---

[40] Ср.: белор., смол. *падлина* (Добр.), чеш. padlina.
[41] Е. А. Земская. Указ. соч., стр. 418.

И. Г. Добродомов

О НЕКОТОРЫХ РУССКИХ СЛОВАХ, ЗАИМСТВОВАННЫХ ИЗ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ТЮРКСКОЕ ПОСРЕДСТВО

В течение долгого времени восточные славяне были отделены от Черного моря кочевыми тюркскими племенами, которые занимали степи Северного Причерноморья начиная с нашествия гуннов (ок. IV в. н. э.). Поэтому естественно, что эти тюрки (авары, булгары, печенеги, хозары, половцы и др.) могли выступать в качестве посредников в заимствовании славянами слов, относящихся к области морской терминологии и топонимики. Правда, о языках этих кочевников мы знаем очень мало [1]. Однако их принадлежность к языкам тюркской группы можно считать доказанной. И это дает нам возможность объяснить ряд спорных вопросов славянской исторической лексикологии и этимологии.

Например, тюркское посредство объясняет, почему греческое название города Χερσών дало в древнерусском языке *Кърсунь*, *Корсунь*. Изменение спиранта *х* в смычный *к* могло произойти только на тюркской почве: заднеязычные спиранты не характерны для древних тюркских языков [2].

Не исключена возможность, что общеславянское заимствование из греческого языка *корабль* (зап.-сл. korab) < греч. καράβιον прошло тюркское посредство. На это наталкивает передача греч. β как *б*. Греч. β в начале нашей эры звучало как *в*, поэтому для славян при заимствовании слова *корабль* давно предполагалось чье-то посредство [3].

---

[1] Исключение составляет половецкий язык, отдельные памятники которого дошли до нас.

[2] См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. М., 1952, стр. 56—57.

[3] A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, стр. 256.

В. Махек относит слав. *корабль* к заимствованиям из классического греческого языка [4], когда звук β еще звучал как *б*. Но столь раннее заимствование маловероятно. Оно могло иметь место позже при тюркском посредстве: тюркские языки не имели звука *в* в исконных словах, заменяя его в заимствованных словах близким по звучанию звуком *б*. Это тем более вероятно, что, по свидетельству польского тюрколога А. Зайончковского, в тюркских языках есть слово, соответствующее славянскому *корабль* и греческому καράβιον. Это мамелюкско-кыпчакское *кереб* (*кярäб*) и караимское *г'ер'аб*. Правда, А. Зайончковский полагает, что тюрки-кыпчаки заимствовали эти слова от славян [5]. Эта возможность также не исключена, особенно если учесть, что кыпчакские и славянские слова не являются словами одной эпохи: славянское *корабль* засвидетельствовано несколькими веками раньше, поэтому возможно обратное заимствование.

Следы тюркского посредства видны в заимствовании древнерусским языком греческого слова λισγάρι(ον) 'кирка', которое отмечено в Повести временных лет под 1074: *лыскарь* 'кирка', 'лопата'. Для тюркских языков весьма характерна прогрессивная ассимиляция, поэтому сочетание σγ было передано тюрками как *ск* (т. е. *г* под влиянием предыдущего *с* оглушилось), ср. крымско-татарское *ӱлӱскäр* 'заступ'. Возникший на тюркской почве начальный *ӱ* является слабоартикулируемым протетическим звуком. Он был чужд древнерусской языковой системе, поэтому и исчез в древнерусском *лыскарь*. Исконные же непротетические гласные были, вероятно, долгие, поэтому *ӱ* дало *ы*, который тогда, возможно, еще сохранял лабиализованность; *ä* дало древнерусское *а*, ибо заднеязычный *к* в древнерусском языке был невозможен перед гласным переднего ряда. Мягкость конечного согласного *р*, вероятно, развилась из полумягкости, характерной для тюркских согласных в словах с гласными переднего ряда. Что касается полумягкости других согласных, то в древнерусском языке она просто утратилась без поддержки гласных, которые стали в древнерусском гласными заднего ряда (*а*, *ы*).

---

[4] V. Machek. Slovník etymologický jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 221.

[5] A. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949, стр. 15.

Тюркское посредство устраняет звуковые трудности возведения русского *лохань* (при др.-русск. *лохань* и *лоханя* — с XII в.) к греческому λεκάνη, диал. λακάνη. Общеизвестно, что для многих кыпчакских языков (к их числу причисляется и половецкий язык) характерна спирантизация согласных, в частности заднеязычных [6]. Отсюда русское *х* в соответствии с греческим *к*. Гласный *о* отражает безударное *а*, более краткое, чем *а* ударного слога.

Большой интерес представляет также древнерусское *лимень*, *лименъ* и *лимѣнь*. Обычно это слово выводят из греческого λιμήν (в косвенных падежах основа λιμέν — 'гавань', 'убежище') и производного от него λιμένιον (уменьшительная форма) [7]. Но это объяснение неполное. От основы косвенных падежей греч. λιμεν- могло быть заимствовано древнерусское *лименъ*, а от λιμένιον —*лимений* (последняя форма встречается в Типографской летописи в рассказе об осаде Владимиром Корсуни (вариант) — (ПСРЛ XXIV, 75). От формы λιμένιον можно вывести и *лимень* (ср. *Лимонарь* и *Лимонарий* от греч. λειμόναριον). Однако тюркское посредство в заимствовании этого слова также не следует исключать, тем более что в Codex Cumanicus отмечено слово limen со значением 'порт', 'гавань' ('portus')[8]. В данном случае колебание *лименъ* — *лимень* можно объяснить тем, что слово заимствовалось в период, когда смягчение полумягких согласных в древнерусском языке уже заканчивалось, т. е. около XI—XII вв.[9] Согласные в тюркских словах с гласными переднего ряда являются полумягкими. Последняя согласная в слове *лимень* — *лименъ* передается двояко. Это говорит о том, что смягчение полумягких согласных в древнерусском уже заканчивалось тогда, когда заимствовалось слово, и поэтому возникли колебания в его написании. О первоначальной полумягкости *н* говорит следующее обстоя-

---

[6] Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 144, 153.

[7] M. Vasmer, II, стр. 42.

[8] K. Grønbech. Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu «Codex Cumanicus». Kopenhagen, 1942, стр. 151.

[9] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 145; Л. Э. Калнынь. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961, стр. 22. См. также: Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *і* и *у*. «Вестник МГУ», 1947, № 1.

тельство. Слово *лимень* является существительным мужского рода: *лимень добръ* (Дан. иг.), *Кафиньский лимень* (Х. Игн. см.). Но склоняется *лимень* как существительное со старой основой на *-ĭ*: *от лимени* (Львов. лет. под 6961 г.), *к лимени* (Пчела), местный падеж *в лимени* (Пов. вр. л. под 6496 г.), *на Апапловѣ лимѣни* (Г. Амарт.)[10]. Окончание существительных со старой основой на-*jo* слово получило позже (с XVI в.).

Уже в древнем русском церковнославянском языке для слова *лимень* отмечается значение, которого нет у греческого λιμένον, λιμήν: 'залив', 'бухта'. В частности, в новых значениях это слово отмечается в Великих Минеях — Четьях Макария: Наутріа обрѣтес‹я› лéжа на брезѣ *лúменю* (апр.); Препялъ *лимень* моря (окт.). Новое значение возникло не без влияния другого греческого слова λίμνη 'залив', 'озеро', 'болото'. Ср. ударение: *на брезѣ лúменю*[11]. Формы *лименъ*, *лимень* за пределами древнего русского церковнославянского языка не встречаются, что касается укр. *лименъ*, *лимень*, приводимых в Этимологическом словаре Фр. Миклошича и вслед за ним в словаре А. Г. Преображенского, то их существование украинскими словарями не подтверждается.

Производное от *лимень* — *лименъ* в значении 'мокрый, заболоченный луг' известно в памятниках XVII в. Три сѣнные покосы. . . Слобоженинова: один противъна Назаровицѣ, а другой — *лименець* на Ивакине. . . (Кн. п. Хлын.).

Половецкое limen в Codex Cumanicus сохраняет еще признак своего иноязычного происхождения: начальное *л*

---

[10] Старые основы на *ĭ*, как известно, имели полумягкий конечный согласный основы. Что касается формы *лимѣнь* с *ѣ*, то звук *ѣ* может быть двояким по происхождению. Во-первых, это новый *ѣ* в закрытом слоге. Он мог распространяться и на косвенные падежи, см. пример из Г. Амарт. Во-вторых, этот *ѣ* мог восходить к тюркскому широкому *ä* > *ѣ*. Ср. др.-русск. *печенѣгъ* < тюркск. *пачанаг, гласный *ä* последнего слога был более долгим звуком, ибо находился под ударением. Второе объяснение представляется более убедительным.

[11] Толчок к сближению греч. λιμήν и λίμνη дал, по-видимому, тюркский язык, в котором греческий именительный падеж λίμνη весьма походит на тюркский родительный или винительный с окончанием *-ни*. В этом тюркском языке греч. λίμνη должно было изменить свой Auslaut, чтобы не восприниматься как косвенный падеж, отсюда и совпадение с λιμήν.

нехарактерно для тюркских языков. Обычно перед начальным *л* тюркские языки развивают протетический гласный, поэтому половецкое limen могло также звучать как **илимäн* или **илимен*, причем *и* произносилось в кыпчакских языках очень кратко и редуцированно, а согласные были полумягкими. Ср. турецкое iliman-liman [12].

От этого предполагаемого тюркского *илимен* с редуцированными *и* в древнерусском языке легко могло получиться *ильмень* [13] (с конечным ударением в им. падеже). В косвенных падежах ударение в разных источниках разное: И. А. Бодуэн де Куртенэ в дополнениях, внесенных в словарь В. И. Даля, дает форму родительного падежа с конечным ударением: *ильменя́*; такое же ударение отмечается в словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в четырехтомном академическом словаре. Семнадцатитомный академический словарь, следуя за академическим словарем 1847 г., дает форму родительного падежа *ильме́ня*. Отмечаемая М. Р. Фасмером в «Этимологическом словаре» форма с начальным ударением *и́льмень* неправильна; она, вероятно, навеяна его объяснением этого слова [14].

Значения слова *ильмень* по разным говорам колеблются в деталях, но среди них можно выделить главные: 1) озеро, особенно проточное или остающееся от разлива реки; 2) яма с водой; 3) старица; 4) разливы среди камышей (по словарю В. И. Даля). В. И. Даль отмечает, что все *ильмени* заросли камышами, «голое озеро — не ильмень». Вполне естественно, что «народная» этимология связала это название со словом *ил*, что нашло свое

---

[12] В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I. СПб., 1893, стр. 1489.

[13] Можно объяснить *ильмень* и как результат развития др.-русск. **льмень* (греч. λιμεν- — *limen-*) с возникновением протетического *и* как в род. падеже слова *лён* (диал. *ильна*) или *иржи* (от *рожь*). Но такое предположение не подкрепляется памятниками: слово *ильмень* известно в современной форме только с XVII в.

[14] Неправильно отмечено ударение и в названиях *Ильме́нские* горы (*Ильме́нь-тау*) и *Ильме́нский* заповедник в «Словаре географических названий» М. С. Боднарского (М., 1958) и БСЭ (Изд. 2). Эти названия с оз. *И́льмень* ничего общего не имеют. Они образованы от распространенного там слова *ильме́нь*.

отражение и в «научных» этимологиях (Р. Экблом и частично А. И. Попов) [15].

На наличие в тюркских языках соответствия слову *ильмень* (*илимäн*), согласно А. И. Попову, может указывать крымскотатарское название мыса в Крыму, близ Алупки: *Ильмень-бурну*. Ср. также *Ильмень-тау* на Южном Урале.

Диалектные словари и словарь В. И. Даля отмечают это слово как распространенное преимущественно на юге. Да и памятники начиная с XVII в. отмечают его на юге: Вода в *ылменях* и в мочаках вымелела (Астр. а. 1614 г.). В Книге Большому чертежу так называется Днепровский лиман. Издатели Книги считают это слово собственным именем. Разные списки Книги Большому чертежу дают много вариантов: Въ Черное въ морѣ, проливу морскую въ *Ильмень*, пала рѣка Днѣпръ (вар. в *Илмень*, в *Илминъ*, в *Ылмень*, в *Ильминь*, в *Илминъ* и даже *Лиманъ* — последнее встречается в издании Д. Языкова 1838 г., стр. 99). В списке Книги Большому чертежу 1680 г. (рукопись Уварова) отмечено конечное ударение: *илмéнь* (по выписке из этой книги в картотеке ДРС Института русского языка АН СССР). Как топоним *Ильмень* широко представлен в «Списке рек Донского бассейна» П. Л. Маштакова (Л., 1934) в названиях озер и болот (см., например, стр. 10, 40). Ср. также озера *Ильмень* в Оренбургской и Саратовской областях [16], *Ильменские* горы (Ильмень-тау) и *Ильменский* заповедник на Урале.

Вероятно, с широким распространением тюркского заимствования *ильмень* связана и предполагаемая М. Фасмером мена суффиксов (Suffixstausch) в названии большого озера вблизи Новгорода — оз. *Йльмень*, в котором однако сохранилось ударение на начальном слоге в соответствии с ударением в финно-угорском *Йльмерь*. Вплоть до XVI в. это озеро называлось *Ильмерь* (*Илмерь*), *Елмеръ*.

М. Фасмер придерживается противоположного мнения. Он считает, что исходным пунктом было название оз. *Йльмень* (*Йльмерь*) вблизи Новгорода, которое якобы «стало нарицательным у новгородцев и распространилось

---

[15] R. E k b l o m. Lovat'. Etude sur un nom de riviére russe. Studier i modern språhvetenskap, VIII. Uppsala, 1921, стр. 19; А. И. П о п о в. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, стр. 70.

[16] А. И. П о п о в. Указ. соч., стр. 70.

благодаря новгородской колонизации»[17]. Этому толкованию, однако, противоречит география распространения названия *ильмень*, которое широко известно на юге, в то время как области новгородской колонизации лежали на севере. М. Фасмер также не принял во внимание ударение, противоречащее его построениям.

Трудно сказать, относится ли сюда упоминаемое в Хождении Ф. А. Котова слово *илым* 'место для рыбной ловли' или же оно объединяется с отмеченным в словаре В. И. Даля донским *илым* 'малый невод'. Ср. у Ф. А. Котова: . . .на той же сторонѣ рыбная ловля астроханьского монастыря какарꙋзикъ [вероятно, *караузик* 'черная река'. — *И. Д.*], по русскому тоня а в астрохани зовут *илым*. Слово *ильмёнка* 'часто вязанный невод для ловли рыбы, живущей в тине' (Даль), возможно, только вторично получило связь с *ильмень*. Ср. половецк. ilim (j̈lim) 'рыболовная сеть' (Codex Cumanicus).

Уже давно было обращено внимание на близость значений у слов *Ильмень* и *лимен* (Я. К. Грот, Г. И. Спасский[18] и др.), а этимологи Н. В. Горяев и А. Г. Преображенский даже допускали возможность переделки (видоизменения) слова *лиман* — в *ильмень*, но путей этого видоизменения они показать не смогли. Поэтому М. Фасмер отказался искать связь между этими словами. Между тем эта связь несомненна: оба слова связаны общностью происхождения. Русское *лиман*, а также украинское *лиман* (отсюда польск. liman), болг. *лиман*, сербск. *лиман*, рум. liman и алб. liman все этимологи возводят к турецкому и крымско-татарскому liman (слово есть также в азербайджанском языке)[19]. Однако само турецк. liman является заимствованием, ибо нарушение сингармонизма в турецком языке свидетельствует о заимствова-

---

[17] V a s m e r, I, стр. 479.

[18] Я. К. Г р о т. Заметка о названиях мест. «Филол. разыскания». СПб., 1899, стр. 203; Г. И. С п а с с к и й. Книга, глаголемая Большой чертеж. М., 1846, стр. 257; Д. Я з ы к о в. Книга Большому чертежу. СПб., 1838, стр. 77.

[19] А. Зайончковский возводит русск. *лиман* к новогреч. λιμάνι (см.: A. Z a j ̨ą c z k o w s k i. Указ. соч., стр. 15). Но Г. Мейер считает новогреческую форму заимствованием из турецкого языка. Возможно, что турецк. liman является заимствованием из арабск. /لِيمَانٌ/ [лӣмāн] 'залив', 'гавань', 'порт'. Арабск. /لِيمَانٌ/ [лӣмāн] совместило в себе значения греч. λιμήν и λίμνη, так как они были восприняты арабами как слова одного корня *лмн* لمن.

нии слова. Такое заимствование могло произойти и из славянских языков, где более древнее тюркское **лимäн* (с широким *ä*) могло перейти в **лимян* или *лиман*, так как звук *ä* чужд славянской фонетике. Можно допустить, что русск. *лиман* является обратным заимствованием из турецкого или крымскотатарского языка или же восходит к **лимäн* какого-то теперь неизвестного тюркского языка. В памятниках русской письменности по картотеке ДРС слово *лиман* встречается только с XVII в. (Книга Большому чертежу, Особая повесть об Азове, Проскинитарий Арсения Суханова).

Таким образом, предположение М. Фасмера об этимологическом тожестве названия оз. *Ильмень* (из более древнего *Ильмерь*) и известного на территории южнорусских говоров слова *ильмéнь* следует признать неверным. Название оз. *Ильмень* восходит к финно-угорскому *Ильмерь* с позднейшей заменой *р* на *н*, может быть, под влиянием южного *ильмéнь*. Южное же *ильмéнь*, а также примыкающие к нему *лиман* и древнерусское *лимень*, *лименъ* заимствованы из греческого языка через тюркское посредство.

Вопрос о тюркском посредстве в заимствовании греческих слов славянами, и восточными славянами в частности, до сих пор еще не ставился. Между тем восточные славяне в течение длительного времени отделялись от греков Византии и Северного Причерноморья территорией, по которой кочевали многочисленные тюркские племена. Эти тюркские племена южнорусских степей могли быть посредниками в распространении предметов греческой материальной культуры и отдельных понятий вместе с соответствующими названиями. Тюркское посредство в заимствовании ряда греческих слов восточнославянскими языками помогает точнее объяснить своеобразие отражения греческих звуков в славянских языках. Кроме того, здесь представляются возможности для более точной датировки некоторых заимствований. Данная проблема является частью большой исторической проблемы культурных связей Древней Руси с миром кочевников. В настоящей работе сделана лишь первая попытка выделить следы тюркского посредства в заимствовании ряда греческих слов восточными славянами.

Л. В. Вялкина, Г. Н. Лукина

МАТЕРИАЛЫ К ЧАСТОТНОМУ СЛОВАРЮ ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТОВ

Данная статья посвящена статистическому изучению словарного состава некоторых древнерусских памятников. В качестве отправной точки был взят текст Мерила праведного (ГБЛ, Троицкое собрание № 15). Этот памятник, возникший в конце XIII в., дошел до нас в наиболее раннем списке, который датируется большинством исследователей серединой XIV в. Мерило праведное является сборником и состоит из ряда слов и поучений о праведных и неправедных судах, а также собственно юридической части, включающей 30 глав. Сюда наряду с русскими входят и некоторые византийские юридические памятники — в основном те, которые содержатся в кормчих [1].

Для сравнения привлекаются тексты древперусских памятников другого жанра — житий: Жития Феодосия Печерского, Сказания о Борисе и Глебе, дошедших в списке XII в., и Чтения о Борисе и Глебе (список XIV в.) [2].

Основой для статистического анализа указанных текстов явились составленные авторами частотные словари этих текстов. Самый большой по протяженности из обследованных текстов (Мерило) содержит 31 262 слово-

[1] Текст Мерила праведного взят нами не полностью, а в том виде, как он был расписан для картотеки СДР XI—XIV вв., т. е. за вычетом отдельных частей, о которых в литературе нет данных, что они были переведены непосредственно на Руси.

[2] Статистические данные, касающиеся лексики этих текстов, см.: Л. В. Вялкина, Г. Н. Лукина. Опыт применения некоторых методов математической статистики к изучению древнерусских текстов. «Исследование по исторической лексикологии древнерусского языка». М., 1964.

употребления, а длина его словника — 4311 слов. Статистическая структура словаря этого памятника в сжатом виде представлена в табл. 1. В первой графе этой таблицы указана частота слова, во второй — количество слов с данной частотой. Все слова расположены в порядке убывания частот. С помощью этой таблицы можно установить, сколько имеется в тексте Мерила слов, встретившихся данное число раз, а также сколько слов встретилось не более n раз. Из табл. 1 наглядно вытекает, что с уменьшением частоты слова объем группы слов с данной частотой закономерно увеличивается.

Табл. 2 выясняет соотношение между количеством слов в тексте Мерила и соответствующим ему количеством словоупотреблений, т. е. соотношение между словником и текстом. Для построения этой таблицы все слова Мерила были расположены по убыванию частот. Они рассматривались по увеличивающимся группам: первые 5 наиболее частых слов, 7 наиболее частых слов, 15, 21, 30, 45 наиболее частых слов и т. д. (графа 1). В графе 2 указано количество словоупотреблений, приходящееся на данную группу частых слов. Так, 15 самых частых слов соответствуют 8 516 словоупотреблениям. В графе 3 показано, какой процент всего текста составляет данное количество словоупотреблений. В результате оказалось, что 1000 самых частых слов покрывает 85,8% всего текста, 2000 — 93,1, а 3000 — 96,5%. Первые 100 частых слов при этом покрывают 52,6% объема текста. Для сравнения можно указать, что в ранее исследованных текстах (меньших по объему) 100 наиболее частых слов покрывают соответственно 65% (Житие Феодосия Печерского), 68 (Чтение о Борисе и Глебе) и 60% (Сказание о Борисе и Глебе) всего текста. В словаре языка Пушкина с длиной словника 21 197 слов и общим количеством словоупотреблений 544 697 слов 97 самых частых слов покрывают лишь 44,94% [3].

В табл. 3 представлена относительная употребительность некоторых частей речи, характерная для рассмотренного вида древнерусского текста (светские юридические произведения).

---

[3] «Материалы к частотному словарю языка Пушкина (проспект)» М., 1963, стр. 31.

Таблица 1

Частота	Количество слов	Частота	Количество слов	Частота	Количество слов	Частота	Количество слов
1952	1	135	1	61	1	29	5
981	1	123	4	58	4	28	7
847	1	114	1	57	4	27	5
621	1	113	2	56	1	26	7
594	1	109	1	55	2	25	4
507	1	105	1	54	3	24	12
441	1	103	1	53	2	23	4
365	1	102	1	51	2	22	7
361	1	101	1	50	1	21	11
354	1	99	1	49	2	20	15
311	1	98	2	48	1	19	6
307	1	95	1	47	1	18	17
300	1	94	1	46	5	17	11
288	1	93	1	45	3	16	11
287	1	90	1	44	2	15	26
260	1	89	1	43	3	14	23
245	1	87	1	42	7	13	15
229	1	85	1	41	5	12	26
214	1	84	1	40	4	11	40
208	1	82	1	39	4	10	50
200	1	81	1	38	2	9	49
188	1	76	1	37	2	8	60
181	1	75	2	36	4	7	78
180	1	71	2	35	3	6	114
175	2	70	3	34	2	5	148
172	1	69	2	33	1	4	218
162	1	68	1	32	5	3	334
156	1	65	2	31	4	2	706
154	1	63	1	30	3	1	2147
142	1	62	1				

Таблица 2

Количество слов	Количество словоупотреблений	Объем текста в %	Количество слов	Количество словоупотреблений	Объем текста в %
1	1 925	6,2	400	22 727	72,1
5	4 995	15,6	500	23 700	75,8
7	5 943	19,0	600	25 472	81,3
15	8 516	27,3	800	25 977	82,7
21	9 625	30,8	900	26 422	84,5
30	11 097	35,4	1000	26 822	85,8
45	12 781	40,8	1500	28 086	89,8
55	13 678	43,7	2000	29 086	93,1
100	16 438	52,6	3000	30 182	96,5
150	18 348	58,7	3599	30 693	97,8
250	20 655	66,1	4311	31 262	100
300	21 433	65,3			

Полученные сведения интересно сопоставить с соответствующими цифрами, приводимыми Э. А. Штейнфельдт для современного русского языка [4]. По данным Э. А. Штейнфельдт, в современном русском литературном тексте имена существительные составляют 44%,

Таблица 3

Часть речи	Количество слов	То же, в %
Существительное	1811	42
Прилагательное	697	16,2
Глагол	1501	34,8
Другие части речи	302	7

прилагательные — 13, глаголы — 24%. В анализируемом древнерусском тексте глаголы составляют больший процент, так как вместе с ними рассматривались также и причастия.

[4] Э. А. Штейнфельдт. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963, стр. 40.

Сравнивая группы слов с определенной частотой, можно установить, что внутри их соотношения различных частей речи являются далеко не одинаковыми. Так, в группе 50 наиболее частых слов преобладают служебные слова, которые составляют здесь около 70% словника. Это же характерно и для 100 самых частых слов. Лишь в группе 150 частых слов начинают преобладать знаменательные части речи, в первую очередь существительные, число которых в дальнейшем возрастает. Эта закономерность представлена в табл. 4.

Таблица 4

Группы слов по частоте	Знаменательные части речи					Служебные слова	
	существительное	прилагательное	глагол	количество слов	% текста	количество слов	% текста
№ 1—50	7	1	7	15	30	35	70
№ 1—100	28	3	15	46	46	54	54
№ 1—150	51	8	23	82	54	68	46
№ 1—200	70	15	35	120	60	80	40
№ 1—250	94	20	47	161	64	89	36
№ 1—300	114	27	60	201	67	99	33

Ниже приводятся списки наиболее употребительных слов в пределах отдельных частей речи применительно к тексту Мерила Праведного. Рассматривая наиболее частотные существительные, прилагательные и глаголы, можно отметить, что среди них представлено много стилистически нейтральных, русских по происхождению слов. Особое место занимают термины, характер которых зависит от специфики самого текста.

Так, например, в группе имен существительных можно выделить слова, обозначающие термины родства: *братъ, дѣтя, жена, мужь, отьць, сынъ, родитель, дъщи, чадо* и др.; слова, обозначающие социально-правовые отношения: *бракъ, послухъ, законъ, кънязь, судия, цѣсарь, рабъ, властелинъ, господинъ* и др. Значительную часть существительных составляют слова с конкретным значением: *рука, око, дьнь, домь, мечь, уста* и т. п.

Наиболее употребительные существительные

Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
судъ	162	братъ	43	неправьда	26
богъ	156	дѣтя	42	бракъ	25
правьда	123	имѣние	42	апостолъ	24
глава	109	умъ	42	пророкъ	24
господь	105	часть	42	старьць	24
послухъ	95	люди	41	съвѣтъ	24
жена	90	образъ	41	милость	23
мужь	89	рабъ	41	съвѣщание	23
человѣкъ	85	мьзда	40	мѣра	22
слово	81	сьрдьце	40	уста	22
законъ	75	домъ	39	завѣтъ	21
лице	69	даръ	37	заповѣдь	21
душа	65	разумъ	37	небо	21
кънязь	65	цьркы	36	огнь	21
судия	63	правило	35	путь	21
вина	61	сила	35	родъ	21
чадо	58	епископъ	32	съмьрть	21
дьнь	57	судьба	32	тѣло	21
отьць	57	око	30	языкъ	21
дѣло	54	властель	28	время	20
лѣто	54	господинъ	28	духъ	20
рука	54	градъ	28	пристрои	20
цѣсарь	51	миръ	28	мечь	19
вещь	49	съборъ	28	нужа	19
земля	48	житие	27	братия	18
грѣхъ	46	имя	27	гнѣвъ	18
истина	46	мати	27	дъщи	18
мѣсто	46	наслѣдьникъ	27	кръвь	18
власть	45	вѣкъ	26	повелѣние	18
сынъ	45	дългъ	26	премудрость	18
родитель	44				

Наиболее употребительные глаголы

Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
быти	847	судити	135	имѣти	114
рѣчи	180	творити	123	сътворити	113

Окончание

Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
глаголати	93	въдати	24	повелѣвати	15
прияти	82	показати	24	приводити	15
дати	69	послушати	24	призъвати	15
мочи	58	бити	23	родити	15
написати	58	хранити	23	съвѣщати	15
хотѣти	57	отдати	22	въздати	14
приити	51	ити	21	въстати	14
видѣти	49	нѣсмь	21	даяти	14
бывати	46	дьржати	20	заповѣдати	14
разумѣти	46	обрѣсти	20	изьбърати	14
осудити	45	обрѣстися	20	предати	14
приимати	42	оставити	20	убити	14
умьрѣти	41	погубити	20	даровати	13
имати	38	подати	20	зъвати	13
повелѣти	38	положити	19	исповѣдати	13
вѣдѣти	36	възискати	18	обрѣтатися	13
подобати	34	съгрѣшати	18	пояти	13
възяти	32	явитися	18	пребывати	13
писати	32	привести	17	съвѣдѣти	13
слышати	30	учити	17	испълнити	12
любити	29	ходити	17	испытати	12
обидѣти	29	боятися	16	отъити	12
поставити	29	дѣяти	16	отъяти	12
съвьршити	29	оставляти	16	погыбнути	12
послушьствовати	27	стати	16	пребыти	12
осужати	26	въсхотѣти	15	принести	12
повинити	25	красти	16	приносити	12
		начати	15	родитися	12
				съпасти	12

Наиболее употребительные прилагательные

Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
божии	98	подобьныи	32	прочии	24
великыи	44	малыи	30	цьркъвьныи	24
зълыи	40	чистыи	28	людьскыи	22
добрыи	36	правыи	26	человѣчьскыи	20
достоиныи	34	простыи	25	дължьныи	19

Окончание

Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
сильныи	18	законьныи	14	благыи	11
убогыи	18	ненаписаныи	14	градьскыи	11
ближьнии	17	нищии	14	крѣпъкыи	11
высокыи	17	ровьныи	14	лукавыи	11
свободьныи	17	чьстьныи	14	сирыи	11
мудрыи	16	христовъ	13	женьскыи	10
блаженыи	15	горькыи	12	истиньныи	10
нечьстивыи	15	живыи	12	небесьныи	10
чьстивыи	15	разумьныи	12	неправьдьныи	10
				сладъкыи	10

Наиболее употребительные союзы

Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
и	1952	а	142	поне	20
аще	307	акы	41	убо	19
яко	245	паче	39	зане	10
нъ	154				

Наиболее употребительные предлоги

Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
въ	594	къ	175	подъ	26
отъ	507	ради	94	у	24
на	441	предъ	75	при	20
о	311	безъ	70	надъ	16
по	214	за	53	изъ	11
съ	181	до	36		

Наиболее употребительные местоимения

Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
е́го	365	иже	200	таковыи	101
тъ	361	е́ѣ	123	язъ	99
свои	288	ты	123	себѣ	87
ихъ	287	къто	113	мы	84
вьсь	260	твои	103	вьсякыи	76
сии	229	иныи	102		

Список наиболее частых слов

(по четырем исследуемым памятникам XI—XIV вв.)

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
1	и	1952	и	1544	и	923	и	565
2	не	981	же	827	быти	230	же	343
3	быти	847	быти	555	же	229	быти	230
4	же	621	тъ	538	въ	188	святыи	185
5	въ	594	въ	537	святыи	148	его	178
6	отъ	507	сь	394	сь	148	тъ	157
7	на	441	его	376	вьсь	127	на	123
8	его	365	яко	324	его	127	не	117
9	тъ	361	на	278	не	109	ихъ	113
10	да	354	отъ	244	на	104	сь	102
11	о	311	не	226	яко	93	яко	100
12	аще	307	вьсь	212	мои	90	свои	99
13	ли	300	свои	198	отъ	90	вьсь	89
14	свои	288	иже	189	къ	77	отъ	80
15	ихъ	287	блаженыи	187	по	73	бо	79
16	вьсь	260	тако	172	язъ	73	язъ	71
17	яко	245	къ	169	о	67	иже	70
18	сь	229	по	161	свои	63	къ	70

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
19	по	214	бо	155	тыи	63	възяти	69
20	или	208	отьць	150	рѣчи	57	блаженыи	63
21	иже	200	о	145	еѣ	56	съ	61
22	ни	188	богъ	141	ты	56	нъ	60
23	съ	181	ихъ	141	господь	55	по	56
24	рѣчн	180	съ	138	а	54	цьркы	55
25	къ	175	глаголати	125	видѣти	53	еѣ	52
26	бо	172	да	121	мъногыи	50	богъ	51
27	судъ	162	святыи	114	съ	50	о	51
28	богъ	156	братия	110	нъ	48	рѣчи	49
29	нъ	154	нашь	109	цьркы	46	онъ	47
30	а	142	язъ	106	богъ	45	видѣти	45
31	судити	135	видѣти	104	ихъ	45	да	42
32	еѣ	123	пакы	101	да	41	отьць	42
33	правьда	123	манастырь	100	бо	37	сътворити	42
34	творити	123	нъ	95	вы	36	тако	41
35	ты	123	единыи	88	иже	34	глаголати	40
36	имѣти	114	мъногыи	87	земля	34	господь	40
37	къто	113	ити	84	мученикъ	34	ити	39

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
38	сътворити	113	приити	73	отьць	34	мои	37
39	глава	109	великыи	71	тако	33	братъ	36
40	господь	105	рѣчи	71	братъ	32	мъногыи	35
41	твои	103	тъгда	71	глаголати	32	ты	35
42	иныи	102	мѣсто	69	ни	32	градъ	34
43	таковыи	101	сътворити	69	убо	32	слышати	34
44	язъ	99	таче	69	мы	31	единыи	33
45	божии	98	себѣ	63	твои	31	страстотьрпьць	32
46	единыи	98	ты	63	начати	29	въ	28
47	послухъ	95	еѣ	62	приити	29	погубити	27
48	ради	94	хотѣти	62	сътворити	29	мѣсто	26
49	глаголати	93	молитва	60	рука	28	тѣло	26
50	жена	90	преподобьныи	60	сьрдьце	28	хотѣти	26
51	мужь	89	онъ	59	кънязь	27	приити	24
52	себѣ	87	аще	58	онъ	27	таче	24
53	человѣкъ	85	творити	56	тѣло	27	ни	23
54	мы	84	божии	55	ити	26	рука	22
55	прияти	82	малыи	55	единыи	24	твои	22
56	слово	81	имати	54	имати	23	божии	21

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
57	вьсякыи	76	слышати	54	прияти	23	вы	21
58	законъ	75	ни	53	чудо	23	земля	21
59	предъ	75	ту	52	мочи	22	имя	21
60	вы	71	господь	51	сицѣ	22	посълати	21
61	мъногыи	71	цьркы	50	слышати	22	молитися	20
62	безъ	70	ради	49	творити	21	повѣлѣти	20
63	мои	70	мы	47	акы	20	самыи	20
64	святыи	70	кънязь	45	блаженыи	18	аще	19
65	дати	69	мои	45	душа	18	изъ	19
66	лице	69	дьнь	44	зълыи	18	како	19
67	чьто	68	иныи	42	молитися	18	ради	19
68	душа	65	ти	41	себѣ	18	чьто	19
							а	18
69	кънязь	65	оныи	39	чьто	18	оканьныи	18
70	судия	63	вы	38	аще	17	сынъ	18
71	тако	62	градъ	38	лежати	17	ту	18
72	вина	61	повѣлѣти	38	око	17	яти	18
73	мощи	58	начати	37	како	16		
74	написати	58	отъити	37	ли	16	дьнь	17

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
75	преже	58	молитися	36	мѣсто	16	изити	17
							кънязь	17
76	чадо	58	самыи	36	пакы	16	нашь	17
77	дьнь	57	таковыи	36	братия	15	преже	17
78	отьць	57	домъ	35	время	15	рака	17
79	правьдьныи	57	молити	35	гробъ	15	чудо	17
80	хотѣти	57	нощь	33	дьнь	15		
81	какыи	56	слово	33	любити	15	братия	15
82	другыи	55	дѣло	32	русьскыи	15	иныи	15
83	самъ	55	житиѳ	32	слава	15	начати	15
84	дѣло	54	одѣжа	32	сльза	15	нога	15
85	лѣто	54	сицѣ	31	люди	15	нынѣ	15
86	рука	54	келия	30	повѣлѣти	14	пакы	15
87	за	53	твои	30	съказати	14	старыи	15
88	нѣкыи	53	благыи	29	сынъ	14	у	15
89	приити	51	божьствьныи	28	у	14	акы	14
90	цѣсарь	51	душа	28	имѣти	13	владыка	14
91	чужии	50	или	28	иныи	13	дати	14
							душа	14
							малыи	14

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
92	вещь	49	както	28	митрополитъ	13	мы	14
93	видѣти	49	мати	28	молитва	13	небо	14
94	земля	48	пещера	28	нашь	13	но	14
95	нашь	47	уже	28	нога	13	пасти	14
96	бывати	46	мъногашьды	27	положити	13	сице	14
97	грѣхъ	46	приимати	27	рака	13	слава	14
98	истина	46	духъ	26	абие	12	сѣдѣти	14
99	мѣсто	46	игуменъ	26	великыи	12	христолюбьць	14
100	разумѣти	46	никъто	26	лѣто	12		
101	власть	45	отърокъ	26	людие	12	архиепископъ	13
102	осудити	45	отътолѣ	26	мъножьство	12	лежати	13
103	сынъ	45	съповѣдати	26	оканьныи	12	нощь	13
104	великыи	44	братъ	25	предъ	12	образъ	13
105	родитель	44	вънити	25	ради	12	себѣ	13
106	братъ	43	егда	25	смьрть	12	страна	13
107	ничьто	43	имѣти	25	тъгда	12	тъкъмо	13
108	пьрвыи	43	преже	25	божии	11		
109	дѣтя	42	тѣло	25	господинъ	11	за	12
					до	11		

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
110	имѣние	42	чьто	25	иде	11	идеже	12
111	кыи	42	съмѣрение	24	къто	11	молити	12
112	онъ	42	хлѣбъ	24	лице	11	молитва	12
113	приимати	42	дати	23	миръ	11	положити	12
114	умъ	42	доньде	23	паче	11	предъ	12
115	часть	42	ныне	23	ту	11	пьрвыи	12
116	акы	41	прѣдъ	23	уже	11	старѣишина	12
117	люди	41	приходити	23	узьрѣти	11	супротивитися	12
118	образъ	41	боляринъ	22	христовъ	11	абие	11
119	рабъ	41	възяти	22	человѣкъ	11	благодать	11
120	умьрѣти	41	зѣло	22			възвѣстити	11
121	зълыи	40	стадо	22	имя	10	въстати	11
122	мьзда	40	сынъ	22	повѣдати	10	вѣкъ	11
123	себѣ	40	възвратитися	21	преже	10	исповѣдати	11
124	сьрдьце	40	до	21	прославити	10	ли	11
125	вашь	39	изити	21	пѣти	10	люди	11
126	дъва	39	любы	21	слово	10	лѣто	11
127	домъ	39	потрѣба	21	хотѣти	10	мыслити	11
128	паче	39	пьрвыи	21	благодать	9	сьрдьце	11

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
129	имати	38	сѣсти	21	владыка	9	творити	11
130	повѣлѣти	38	убо	21	вѣдати	9	ходити	11
131	даръ	37	ходити	21	горькыи	9	человѣкъ	11
132	разумъ	37	богородица	20	добрыи	9	великыи	10
133	вѣдѣти	36	вьсякыи	20	другъ	9	вѣрьныи	10
134	до	36	еще	20	дъва	9	или	10
135	добрыи	36	изъ	20	за	9	мочи	10
136	цьркы	36	рука	20	малыи	9	смьрть	10
137	господинъ	35	жити	19	печаль	9	храмъ	10
138	правило	35	мьнѣти	19	посълати	9	благовѣрьныи	9
139	сила	35	разумѣти	19	самъ	9	вѣдѣти	9
140	достоиныи	34	сьрдьце	19	съподобити	9	духъ	9
141	подобати	34	бѣсъ	18	таковыи	9	дѣлати	9
142	написание	33	имя	18	тѣмь	9	егда	9
143	възяти	32	лѣпыи	18	убииство	9	крьститися	9
144	епископъ	32	обаче	18	безъ	8	отрокъ	9
					воля	8		
145	писати	32	отъходити	18	въстати	8	послушати	9
146	подобьныи	32	пребывати	18	гласъ	8	приходити	9

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
147	судьба	32	прияти	18	дати	8	часъ	9
148	егда	31	у	18	еликыи	8	благыи	8
149	любо	31	брашьно	18	жена	8	богородица	8
							вьсякыи	8
150	пакы	31	въстати	17	жити	8	вѣра	8
151	Христосъ	31	гласъ	17	или	8	гробъ	8
152	малыи	30	дѣлати	17	милыи	8	до	8
153	око	30	миръ	17	нощь	8	жена	8
154	слышати	30	посълати	17	пребывати	8	къто	8
155	любити	29	свѣтъ	17	призъвати	8	нести	8
156	обидѣти	29	тъкмо	17	противу	8	нѣкыи	8
157	поставити	29	чадо	17	увы	8	поставити	8
158	си	29	а	16	чьстьныи	8	правьдьныи	8
159	съвьршити	29	владыка	16			предати	8
160	боле	28	зълыи	16	вои	7	приступити	8
161	властель	28	иде	16	възъпити	7	свѣтъ	8
162	господинъ	28	како	16	вънезаапу	7	сухыи	8
163	градъ	28	ли	16	еще	7	уже	8
							христолюбивыи	8

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
164	миръ	28	ничьто	16	житие	7	цѣлыи	8
165	съборъ	28	поклонитися	16	зане	7		
166	чистыи	28	положити	16	истина	7		
167	житие	27	путь	16	княжение	7	вои	7
168	имя	27	учити	16	кръвь	7	десьныи	7
169	мати	27	христолюбьць	16	литургия	7	домъ	7
170	наслѣдьникъ	27	чистыи	16	мужь	7	другыи	7
171	послушьствовати	27	чьрноризьць	16	мѣсяць	7		
172	вѣкъ	26	благодать	15	нѣсть	7	зъло	7
173	дългъ	26	гнѣвъ	15	отрокъ	7	истина	7
174	неправьда	26	другыи	15	поити	7	кыи	7
175	никъто	26	истина	15	предати	7	людие	7
176	осужати	26	мочи	15	приходити	7	мужь	7
177	подъ	26	небесьныи	15	просити	7	никъто	7
178	правыи	26	обычаи	15	прочии	7	нищии	7
179	бракъ	25	паче	15	свѣща	7	область	7
180	въторыи	25	сѣдѣти	15	слѣпыи	7	отити	7
181	повинити	25	врата	14	тъкъмо	7	повѣдати	7

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
182	простыи	25	время	14	умъ	7	подъ	7
183	апостолъ	24	възвѣстити	14	умыслити	7	пребыти	7
184	въдати	24	вѣра	14	хромыи	7	прияти	7
185	кыижьдо	24	духовьныи	14	шатьръ	7	столъ	7
186	показати	24	исходити	14	безаконие	6	убо	7
187	послушати	24	мужь	14	възмочи	6	умьрѣти	7
188	пророкъ	24	мъножьство	14	възьрѣти	6	цѣловати	7
189	прочии	24	обрѣсти	14	вьрхъ	6	аминь	6
190	старьць	24	печаль	14	вьсякыи	6	болѣти	6
191	съвѣтъ	24	повѣдати	14	вѣкъ	6	бывати	6
192	три	24	прославити	14	вѣровати	6	врагъ	6
193	у	24	радость	14	грѣхъ	6	възградити	6
194	цьркъвьныи	24	стати	14	забыти	6	евангелие	6
195	бити	23	частыи	14	зъвати	6	житие	6
196	милость	23	явитися	14	зьрѣти	6	идольскыи	6
197	съвѣщание	23	абие	13	зѣло	6	имѣти	6
198	хранити	23	вода	13	изъ	6	милосьрдие	6
199	вѣрьныи	22	жена	13	красота	6	митрополитъ	6
200	людьскыи	22	имѣние	13	крьстъ	6	мьртвыи	6

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
201	мѣра	22	манастырьскыи	13	мьнити	6	остати	6
202	овыи	22	нѣсть	13	нынѣ	6	погыбнути	6
203	отдати	22	отвѣщати	13	оставити	6	подати	6
204	уста	22	подати	13	пасти	6	посредѣ	6
205	явѣ	22	пѣние	13	плакатися	6	пребывати	6
206	завѣтъ	21	сиции	13	погрести	6	прозьрѣти	6
207	заповѣдь	21	такыи	13	помышляти	6	прославити	6
208	ити	21	увѣдѣти	13	поставити	6	противитися	6
209	небо	21	услышати	13	приступити	6	путь	6
210	нѣсмь	21	ученикъ	13	рабъ	6	свѣча	6
211	огнь	21	благословити	12	страсть	6	скорыи	6
212	путь	21	велѣти	12	съзьдати	6	славити	6
213	родъ	21	врагъ	12	таче	6	сльза	6
214	съмьрть	21	добрыи	12	убити	6	съконьчати	6
215	тѣло	21	исповѣдати	12	услышати	6	съподобити	6
216	языкъ	21	келарь	12	утрьнии	6	такыи	6
217	время	20	конь	12	явитися	6	тъгда	6
218	духъ	20	оставити	12	апостолъ	5	убогыи	6
219	дьржати	20	призъвати	12	богородица	5	угодьникъ	6

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
220	луче	20	си	12	бывати	5	уныи	6
221	нынѣ	20	скърбь	12	вашь	5	хожати	6
222	обрѣсти	20	старьць	12	възвратитися	5	христовъ	6
223	обрѣстися	20	съпасение	12	въздати	5	хромыи	6
224	оставити	20	трудъ	12	възложити	5	цьрковьныи	6
225	погубити	20	бити	11	възстати	5	чьстьныи	6
226	подати	20	благословление	11	възяти	5	явитися	6
227	поне	20	въспять	11	въсприяти	5	апостолъ	5
228	при	20	другъ	11	въторыи	5	възрѣти	5
229	пристрои	20	земля	11	вѣра	5	въскорѣ	5
230	ти	20	къжьдо	11	глава	5	даяти	5
231	человѣчьскыи	20	лѣто	11	градъ	5	древо	5
232	дължьныи	19	нарицати	11	дондеже	5	дьяволъ	5
233	мечь	19	отъпустити	11	другыи	5	дѣтьскыи	5
234	нужа	19	пастухъ	11	животъ	5	заповѣдати	5
235	положити	19	послѣ	11	зъло	5	изнести	5
236	тъкъмо	19	послушати	11	исцѣление	5	истиньныи	5
237	убо	19	поставити	11	клирикъ	5	корабль	5
238	братия	18	село	11	крьщение	5	лѣпыи	5

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
239	възискати	18	служьба	11	къде	5	мѣсяць	5
240	гнѣвъ	18	страна	11	мати	5	миръ	5
241	дъщи	18	тьрпѣти	11	милость	5	мьнѣти	5
242	кръвь	18	три	11	минути	5	наречи	5
243	межу	18	чудо	11	молити	5	овъгда	5
244	пискупъ	18	вашь	10	мьртвыи	5	погубление	5
245	повелѣние	18	вельми	10	пожити	5	показати	5
246	премудростъ	18	възградити	10	помиловати	5	понѣ	5
247	причьтьникъ	18	годъ	10	поне	5	праздьникъ	5
248	сильныи	18	двьрь	10	преславьныи	5	прельсть	5
249	сирота	18	за	10	преставитися	5	рабъ	5
250	страхъ	18	мука	10	припадати	5	радоватися	5
251	судище	18	мѣсто	10	радость	5	ратьныи	5
252	съгрѣшати	18	надъ	10	свѣтъ	5	слуга	5
253	убогыи	18	недѣля	10	сиции	5	слѣпыи	5
254	явитися	18	нѣколи	10	славити	5	стояти	5
255	ближьнии	17	нѣкыи	10	стати	5	съзьдати	5
256	врагъ	17	облѣчи	10	стояти	5	съкровеныи	5
257	высокыи	17	обѣщатися	10	страна	5	течи	5

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
258	гласъ	17	плакатися	10	страстотьрпьць	5	тьрпѣти	5
259	еликыи	17	поити	10	страхъ	5	увѣдѣти	5
260	животъ	17	пребыти	10	съвьршити	5	умъ	5
261	зълоба	17	пѣти	10	съпати	5	цѣльба	5
262	привести	17	свѣтьлыи	10	сѣдѣти	5	чисти	5
263	свободьныи	17	славити	10	течи	5	явити	5
264	учити	17	славьныи	10	убогыи	5	ясти	5
265	ходити	17	сльза	10	умьрѣти	5	близъ	4
266	боятися	16	страхъ	10	устроити	5	виноградъ	4
267	въдовица	16	умъ	10	ходити	5	властелинъ	4
268	дѣяти	16	утрии	10	цѣсарь	5	внезаапу	4
269	Иисусъ	16	цѣсарьствие	10	аминь	4	воля	4
270	любы	16	человѣкъ	10	ангелъ	4	въспрянути	4
271	мудрыи	16	бесѣдовати	9	благовѣрьныи	4	грясти	4
272	надъ	16	возъ	9	благыи	4	даръ	4
273	оставляти	16	въкусити	9	бързыи	4	заклати	4
274	свѣтъ	16	въписати	9	въздыхание	4	заповѣдь	4
275	стати	16	вѣдати	9	въити	4	заутреняя	4
276	такыи	16	господьнии	9	въсхотѣти	4	звѣрь	4

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
277	ангелъ	15	грѣхъ	9	вьсьгда	4	имати	4
278	блаженыи	15	достоиныи	9	вѣньць	4	Каинъ	4
279	въсхотѣти	15	кънига	9	горѣти	4	литургия	4
280	жити	15	мнихъ	9	двьрь	4	милостыня	4
281	задьница	15	наставьникъ	9	деревяныи	4	мъногажьды	4
282	зъло	15	носити	9	дивитися	4	мьне	4
283	красти	15	образъ	9	домъ	4	ненавидѣти	4
284	лѣть	15	обѣдъ	9	дружина	4	оружие	4
285	му́ка	15	отъврѣщи	9	дѣло	4	отъбѣжати	4
286	наказание	15	плачь	9	епискупъ	4	отъпустити	4
287	начати	15	повелѣние	9	игуменъ	4	пиръ	4
288	нечьстивыи	15	покорение	9	имѣние	4	покланятися	4
289	обручение	15	помыслити	9	испълнитися	4	посылати	4
290	одинъ	15	попечися	9	исходити	4	праздьныи	4
291	отроковица	15	правьдьныи	9	камяныи	4	преподобьныи	4
292	писание	15	призывати	9	коликыи	4	приблизитися	4
293	повелѣвати	15	рабъ	9	колѣно	4	просити	4
294	приводити	15	радоватися	9	конь	4	прочии	4
295	призъвати	15	скорыи	9	красьныи	4	пѣти	4

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
296	родити	15	стояти	9	кыи	4	рѣка	4
297	сестра	15	сьде	9	мечь	4	свѣтитися	4
298	страна	15	умьрѣти	9	наречи	4	свѣтлыи	4
299	съвѣщати	15	уста	9	небесьныи	4	слово	4
300	тьма	15	храмъ	9	недѣля	4	страхъ	4
301	часъ	15	ангелъ	8	неже	4	съказати	4
302	чьстивыи	15	близь	8	ничьто	4	тамо	4
303	въздати	14	болѣзнь	8	обои	4	убити	4
304	въстати	14	вечерьнии	8	обрясти	4	ужасьныи	4
305	даяти	14	вино	8	обѣщатися	4	чьсть	4
306	дѣвица	14	воля	8	оковати	4	являтися	4
307	дѣля	14	дворъ	8	оружие	4	ангелъ	3
308	еда	14	доити	8	остати	4	благословити	3
309	законьныи	14	еда	8	отити	4	бѣжати	3
310	заповѣдати	14	зъло	8	отътолѣ	4	вдовица	3
311	зачало	14	испълнити	8	память	4	вельми	3
312	избърати	14	коньць	8	повезти	4	велѣти	3
313	кънига	14	кыи	8	поповьство	4	вопияти	3
314	лъжа	14	масло	8	послушати	4	время	3

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
315	ненаписаныи	14	наипаче	8	праздьникъ	4		
316	нищии	14	небо	8	праздьновати	4	въздвигнути	3
317	норовъ	14	нести	8	пребыти	4	вълѣзти	3
							вьчера	3
318	плъть	14	николи	8	презвутеръ	4	высокыи	3
319	предати	14	область	8	презьрѣти	4	вѣровати	3
320	равьныи	14	обличати	8	пробости	4	глава	3
321	трудъ	14	пакость	8	пролияти	4	гнѣватися	3
322	тъгда	14	плъть	8	пророкъ	4	грубость	3
323	убити	14	послушати	8	противитися	4	грѣшьныи	3
324	чьсть	14	присьныи	8	путь	4	двьрь	3
325	чьстьныи	14	прозвутеръ	8	разумъ	4	дивии	3
326	бѣда	13	служити	8	родъ	4	добро	3
327	горе	13	смьрть	8	сани	4	доити	3
328	даровати	13	столъ	8	свѣтлыи	4	дондеже	3
329	звати	13	съвьршати	8	сила	4	древодѣля	3
330	исповѣдати	13	съжалитися	8	скорыи	4	дъва	3
331	крьстъ	13	съпасти	8	сухыи	4	дьньсь	3
332	нога	13	съподобити	8	съконьчати	4	дьрзнути	3

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
333	оба	13	уготовати	8			еда	3
334	обрѣтатися	13	утрьнии	8	съмѣрение	4	единаче	3
335	пояти	13	утѣшати	8	съмѣреныи	4	елинъ	3
					сънъ	4		
336	пребывати	13	часть	8	съпасти	4	желѣзо	3
337	пьря	13	безъ	7	съпастися	4	зьрѣти	3
338	рыба	13	блюсти	7	сьде	4	идолъ	3
339	съвѣдѣти	13	большии	7	такыи	4	изгънати	3
340	христовъ	13	боятися	7	тришьды	4	икона	3
341	беззаконие	12	вечеръ	7	трудъ	4	имѣние	3
342	вино	12	възмочи	7	тьрпѣти	4	испълнити	3
343	владыка	12	къдѣ	7	угодьникъ	4	исходити	3
344	горькыи	12	довольныи	7	ужь	4	исцѣление	3
345	живыи	12	дъва	7	умиленыи	4	иуль	3
346	злато	12	евангелие	7	уность	4	колѣно	3
347	зѣло	12	елико	7	уповати	4	крьстианинъ	3
348	инако	12	затворити	7	хвала	4	крьщение	3
349	испълнити	12	зьрѣти	7	цѣловати	4	кънига	3
350	испытати	12	изволити	7	чадо	4	корабльць	3

Продолжение

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
351	камение	12	иконом$ъ$	7	частыи	4	любы	3
352	мѣрило	12	людие	7	языкъ	4	милосьрдовати	3
353	отъити	12	медъ	7	архиепископъ	3	мощи	3
354	отъяти	12	отълучитися	7	благословити	3	мученикъ	3
355	погыбнути	12	пасти	7	близъ	3	мъножьство	3
356	пребыти	12	печи	7	боле	3	напасти	3
357	принести	12	пити	7	болѣзнь	3	немилосьрдие	3
358	приносити	12	побѣдити	7	болярьство	3	немилосьрдыи	3
359	противу	12	подавати	7	боязнь	3	нечьстивыи	3
360	разумьныи	12	подвизатися	7	бѣсъ	3	ничьто	3
361	родитися	12	помогати	7	веселитися	3	нѣчьто	3
362	сълньце	12	послушание	7	власть	3	овьца	3
363	съпасти	12	послѣдьнии	7	воня	3	опалити	3
364	съхранити	12	предати	7	врагъ	3	отвѣчати	3
365	ту	12	принести	7	въложити	3	открыти	3
366	учение	12	слѣдъ	7	вълѣзти	3	очищатися	3
367	благыи	11	събьратися	7	вънити	3	память	3
368	богатьство	11	съвязати	7	вънѣ	3	паче	3
369	владѣти	11	съмѣреныи	7	въставити	3	поваръ	3

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
370	врѣдъ	11	течи	7	въсылати	3	погребъ	3
371	възимати	11	тъщание	7	высокыи	3	поклонитися	3
372	вѣра	11	убогыи	7	вѣдѣти	3	покои	3
373	градьскыи	11	укоряти	7	годѣ	3	покорение	3
374	другъ	11	уныи	7	госпожа	3	получати	3
375	дѣдъ	11	христовъ	7	грѣшьникъ	3	похвалити	3
376	изъ	11	худыи	7	гънати	3	почудитися	3
377	исправити	11	чьстьныи	7	дивьныи	3	пояти	3
378	кромѣ	11	чудитися	7	дияволъ	3	преблаженыи	3
379	крѣпъкыи	11	вельможа	6	драгыи	3	прекрьстити	3
380	лукавыи	11	веселитися	6	духъ	3	призъвати	3
381	монастырь	11	въдати	6	дьрзновение	3	принести	3
382	мьне	11	възлечи	6	дѣятися	3	припадати	3
383	наслѣдовати	11	възложити	6	евангелие	3	прозвутеръ	3
384	носити	11	вънъ	6	жалостьныи	3	прозьрѣние	3
385	обличити	11	въпоминати	6	изимати	3	пророкъ	3
386	отинудь	11	вьсьгда	6	изити	3	противу	3
387	полъ	11	даяти	6	исцѣлити	3	пустити	3

Окончаниие

№ слова	Мер. праведн.		Ж. Ф. Печ.		Ск. о Б. и Г.		Чт. Б. и Г.	
	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота	Слово	Частота
388	попъ	11	дрѣва	6	коньць	3	разумъ	3
389	посълати	11	извести	6	крамола	3	русьскыи	3
390	право	11	икона	6	крѣпъкыи	3	рядъ	3
391	престолъ	11	литургия	6	къжьдыи	3	стадо	3
392	развѣ	11	лице	6	лѣпыи	3	стольныи	3
393	разрѣшение	11	любити	6	любы	3	судъ	3
394	самыи	11	надежа	6	межю	3	събьрати	3
395	санъ	11	никако	6	мысль	3	съвѣдѣти	3
396	сирыи	11	нога	6	насытитися	3	съньце	3
397	сице	11	нощьныи	6	недугъ	3	сънъ	3
398	слухъ	11	обрѣстися	6	ненавидѣти	3	съпасение	3
399	стадо	11	остатися	6	неправьда	3	съпасти	3
400	строение	11	остричи	6	ниць	3	съпасъ	3
401	съвъкупление	11	островъ	6	ночь	3	съпати	3
402	съвѣсть	11	отъгънати	6	обида	3	съписати	3
403	тварь	11	подвигъ	6	образъ	3	сьдѣ	3
404	уставъ	11	поимати	6	обратитися	3	сѣсти	3
405	число	11	показати	6	обрѣсти	3	тварь	3
406	явити	11	покаяние	6	одъва	3	трѣба	3

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собр. в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук, т. 1—4. СПб., 1836.

Авв. ж. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Изд. Археогр. комиссии. Пг., 1916.

Авв. Кн. бес. — А в в а к у м. Книга бесед. «Памятники истории старообрядчества XVII в.», кн. I, вып. I.— РИБ, т. 39. Л., 1927.

Авв Кн. толк. — А в в а к у м. Книга толкований и правоучений. Там же.

Авв. Посл. братии — А в в а к у м. Послание братии на всем лице земном. Там же.

Авв. Сотв. мира — А в в а к у м. О сотворении мира, грехопадении первого человека и о потопе. Там же.

А. Верхотур. съезж. избы — Акты Верхотурской съезжей избы 1613—1699 гг. Хран. в ЛОИИ.

Авр. Пал. — Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955.

Азб. — Азбука о голом и небогатом человеке. См.: «Рус. дем. сатира». М.—Л., стр. 30—36.

А. Земл. — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. II. М., 1956.

Аз. п. — А. О р л о в. Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты. М., 1906 (сп. XVII—XVIII вв.).

АИ — Акты исторические, собр. и изд. Археографическою комиссиею. СПб., т. I—III, 1841; т. IV—V, 1842.

Акты Х. и У. — Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. 2 (1500—1706 гг.). — РИБ, т. 14. СПб., 1894.

Ал-др рос. двор. — История о Александре российском дворянине. См.: В. В. С и п о в с к и й. Русские повести XVII—XVIII вв., I. СПб., 1905, стр. 129—170.

Алф. XVII в. — Алфавит иностранных речей. Рукопись XVII в.— БАН, Арх., д. № 446.

АМГ — Акты Московского государства. Под ред. Н. А. Попова, т. I—III. Разрядный приказ. Московский стол. СПб., 1890—1901.

Апокал. — Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского (XII—XIII вв.). Рукопись БАН, собр. Ник. № 1, пергам., л. 1—108.

Арз. а. — Арзамасские поместные акты (1578—1618). Собрал и редактировал С. Б. Веселовский (Смутное время Московского

государства. 1604—1613, вып. 4). «Чтения ОИДР», 1916, кн. I.

Арс. Сух. — Проскинтарий Арсения Суханова 1649—1653 гг. Под ред. Н. И. Ивановского. «Православный палестинский сборник», т. XVII, вып. 3. СПб., 1889.

Артик. воин. — Артикул воинский с кратким толкованием. СПб., 1715.

Арх. К. — Архив. кн. Б. А. Куракина, кн. I—X. СПб., 1890—1902 (1661—1727).

Арх. Строева — Архив П. М. Строева, т. I — РИБ, т. 32. Пг., 1915; т. II — РИБ, т. 35. Пг., 1917.

А. Свир. м. — Акты Александро-Свирского монастыря XVII в. Хранятся в ЛОИИ.

Астр. а. — Акты Астраханской воеводской избы (XVII в.). Хранятся в ЛОИИ.

А. Суздал. — Акты из архива Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. «Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в.», т. II. М., 1958.

А. Тихв. м. — Акты Тихвинского монастыря к. XVI в. (1699 г.). Хранятся в ЛОИИ.

Аф. Ник. — Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472 гг. М.—Л., 1948 (Троицкий список XVI в.).

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изд. Археогр. комиссиею под ред. Н. Калачова, т. I—III. СПб., 1857—1884 (XIV—XVII вв.).

БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).

Баязет — Баязет и Тамерлан.— В кн.: Н. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. I. СПб., 1874, стр. 204—242.

Берында — Памво Беринда. Лексикон словенороський. Київ, 1961.

Бес. Вал. — Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. Апокрифический памятник XVI в. «Летопись занятий Археогр. комиссии 1885—1887 гг.». СПб., 1895, вып. 10, отд. II, стр. 1—32 (после 1553—1555 гг., сп. XVII в.).

Беседа отца с сыном.— Притча о женской злобе. Сказание и беседа премудра и чадолюбива отца, предание и поучение к сыну... о женстей злобе. «Памятники старинной русской литературы, изд. г. Кушелевым-Безбородко», вып. II. СПб., 1860, стр. 460—470 (XVII в. сп. XVII в.).

Библ. Генн. — Книги Ветхого и Нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде при дворе архиеп. Геннадия. Рукопись б. Синод. б-ки, № 1.

Богданов Посл. — Собрание пословиц и присловиц российских... по алфавиту оные... расположены... 1741 году. Рукопись БАН 17.7.33.

БСТ — Материалы Большого северного тома Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы. Хранятся в Ин-те русского языка АН СССР.

Булав. восст. — Булавинское восстание 1707—1708 гг. «Труды Ист.-археогр. ин-та АН СССР», т. XVII. М., 1955.

Варс. корм. — Кормчая Варсонофьевская конца XIV в. — ГИМ, Чуд. № 4.

В. арх. Б. Палех — Вотчинный архив Бутурлиных. Палех. Хранится в Ивановском обл. архиве (1708—1795 гг.).

Васнецов — Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1908.

ВМЧ — Великие Минеи-Четьи, собр. всероссийским митрополитом Макарием (XVI в.). Изд. Археогр. комиссией. М., 1910.

ВНП — Великорусские народные песни, собр. А. И. Соболевским, т. I—VII. СПб., 1895—1902.

Вопр. Кир. — Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа Новгородского и других иерархических лиц. 1130—1156 гг. «Корм. Новг»., л. 518—538.

Вост., Востоков — А. Х. Востоков. Словарь церковнославянского языка, т. 1, 2. СПб., 1858—1861.

Втор. Курб. — Второе послание Ивана Грозного Курбскому. См.: «Соч. князя Курбского», т. I (РИБ, т. 31). СПб., 1914, стр. 117—124.

Втор. челоб. — Вторая челобитная. См.: «Соч. Пересв.», стр. 79—81.

Гал. гр. — Я. Ф. Головацкий. Памятники дипломатического и судебноделового языка в древнем Галицко-Волынском княжестве и в смежных русских областях со второй половины XIV в. Львов, 1867.

Г. Амарт. — Книги временныя и образныя Георгия Мниха, славянорусский перевод (XI в., в сп. XIII—XIV вв.). Изд.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст. Пг., 1920; т. II. Исследования. Л., 1930; т. III. Словарь. Л., 1930.

ГБ — XIII слов Григория Богослова по рукописи XI в. Исследование А. С. Будиловича. СПб., 1875.

Гб. 1661 г. — Иван Гебдон, комиссариус и резидент, 1660—1661. Изд. И. Я. Гурлянд. Материалы по истории администрации Московского государства второй пол. XVII в. Ярославль, 1903.

ГБЛ — Государственная б-ка СССР им. В. И. Ленина.

Герасимов — М. К. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора. «Сб. ОРЯС», 1910, т. LXXXVII, № 3.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ГПБ — Государственная публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Гр. 1382 г. — Грамота договорная Московского вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского с рязанским кн. Олегом Ивановичем, 1382 г. (список конца XV в.). Хран.: ЦГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. II, № 6.

Гр. 1388 г. (6, ю.-р.) — Грамота присяжная брянского кн. Дмитрия Ольгердовича на верность польскому королю Ягеллу, Ядвиге и польской короне, 16 декабря 1388 г. Изд.: В. Розов. Укр. гр., I, № 23. Киев, 1828.

Гр. Башк. — Материалы по истории Башкирской АССР, ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. «Труды Ист.-археогр. ин-та АН СССР», т. XVIII. М.—Л., 1936.

Гр. берест. — А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; А. В. Арци-

ховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.

Гр. Бог. — Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского (XIV в.). — ГИМ, Син. № 954.

Гр. вел. кн. Вас. Иоанн. — Грамота вел. кн. Василия Иоанновича Федору Ромоданову (1533). — АИ, т. I, стр. 195.

Гр. вел. кн. Иоанн. Вас. — Грамота вел. кн. Иоанна Васильевича в станы и волости Переславского уезда (1537). — АИ, т. I, стр. 200—201.

Гр. вел. кн. литовск. Витовта, 1400 г. — Грамота вел. кн. литовского Витовта, 1400 г. Изд.: И. П. Сахаров. Образцы древней письменности, снимки с судебного письма русского, литовско-русского и малорусского (XII—XVIII вв.). СПб., 1841, № 18.

Гр. вел. кн. Сем. Гордого, 1353 г. — Грамота духовная московского вел. кн. Семена Ивановича Гордого (1353 г.). «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.—Л., 1950.

Гр. Галиц., 1393 г. — Грамота раздельная галицкого старосты Гневоша. Изд.: А. И. Соболевский и С. Пташицкий. Палеограф. снимки, № 27.

Гр. Дв. 1691 г. — Грамоты Двинского уезда (XVII—XVIII вв.). «Сб. грамот коллегии экономии», т. II. Л., 1929.

Гр. Доконч. кн. Дм. Ив. — Докончание вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. тверским Михаилом Александровичем. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.—Л., 1950, № 9.

Гр. дух. II. кн. Дм. Ив., 1389 г. — Грамота духовная (вторая) московского вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского, 1389 г. Хран.: ЦГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. I, № 7.

Гражд. об. дет. — Гражданство обычаев детских. См.: В. В. Буш. Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918.

Гр. львов. воев. Мацины, 1400 г. — Грамота львовского воеводы Мацины о продаже Ходором Шидловским именья пану Клюсу, 1400 г. Изд.: А. И. Соболевский и С. Пташицкий. Палеограф. снимки, № 29.

Гр. неизв. смол. кн. немцам, ок. 1230 г. — Грамота договорная неизвестного по имени смоленского кн. с немцами, ок. 1230 г. Хран: Рижский городской архив, ф. I, caps «А», № 16.

Гр. Новогорода о пограбл. товаре, 1373 г. — Грамота договорная Новгорода с Готским берегом и Любеком о пограбленном разбойниками товаре, 1373 г. Изд.: П. Иванов. Сборник палеограф. снимков и почерков древнего и нового письма разных периодов времени. М., 1844, № 8.

Гр. риж. к кн. Мих. Конст., ок. 1300 г. — Грамота рижан к витебскому князю Михаилу Константиновичу о его обидах, ок. 1300 г. Изд.: И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., 1863, стр. 240.

Гр. рижск. архиеп. кн. Ростиславу 1281—1297 г. — Грамота рижского архиепископа смоленскому вел. кн. Федору Ростилавичу, 1281—1297 гг. «Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв». СПб., 1857, снимок № 3.

Гр. Сиб. Милл. — Г. Ф. Миллер. История Сибири (материалы 1556—1661 гг.). I—II. М.—Л., 1937—1941.

Гр. смол. кн. Федора рижанам 1284 г. — Грамота смоленского вел. кн. Федора Ростиславича по судному делу о немецком колоколе, 1284 г. Хран: Рижский городской архив, ф. 2, caps 18, № 6.

Гр. старосты Бенка, 1398 г. — Грамота Бенка старосты галицкого и снятинского, 13 сентября—15 ноября 1398 г., Изд.: И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., 1866, снимок № 47.

Гр. Фебруна о продаже, 1391 г. — Грамота продажная перемышльского воеводы Фебруна, 1 января 1391 г. Изд.: А. И. Соболевский и С. И. Пташицкий. Палеограф. снимки, № 26.

Гр. 1361—1365 гг. — Жалованная грамота Кашинского вел. кн. Василия Михайловича и удельных тверских князей. — ААЭ, т. I. СПб., 1836, стр. 2.

Гр. 1375 г. — Грамота ок. 1374—1375 гг. московская. Хран.: ЦГАДА, ф. 135, отд. I, руб. II, № 4.

Гр. 1386—1418 гг. (ю.-р.) — Грамота (донесение) перемышльского судьи Костька польскому королю Ягеллу. В. Розов. Українські грамоти, т. I. Київ, 1928.

Гранд., Грандилевский — А. Грандилевский. Родина Ломоносова М. В. СПб., 1907.

Гр. доконч. кн. Вас. Дм. с кн. Серпух., 1390 г. — Грамота докончальная московского вел. кн. Василия Дмитриевича с кн. серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем, 1390. Хран.: ЦГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. II, № 9.

Гринч., Гринченко — Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. I—IV. Фототип. изд. АН УССР. Киев, 1958.

Гудз., Гудзий — Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. Сост. Н. К. Гудзий. М., 1955.

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собр. и изд. Археогр. комиссией, т. I—XII. СПб., 1846—1872.

Даль — Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1955.

Дан. гр. кн. Фед. Анд. Стародуб., 1392—1427. — Грамота, данная стародубским кн. Федором Андреевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Никону на озера Смехно (Смехро) и Боровье, 1392—1427 гг. Хран.: ГБЛ, ф. 303 (Архив Тр.-Серг. лавры), № 821.

Дан. иг. — Житье и хоженье Данила Русской земли игумена. Под ред. М. А. Веневитинова. «Православный палестинский сборник», т. I, вып. 3; т. III, вып. 9. СПб., 1883—1885.

Двин. гр. — А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.

Дог. гр.кн. Евн., Кейст., Люб. с кор. Казимиром, 1350 г. — Грамота договорная литовско-русских князей Явнута, Ейступа, Любарта Гедиминовичей, Юрия Наримонтовича и Юрия Кориатовича. . ., 1350 г. Изд.: А. И. Соболевский и С. Пташицкий. Палеограф. снимки, № 46.

Добр., Добровольский. — В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Докл. в Сен. — Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого (1711—1716 гг), т. I—VI. Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1880—1901.

Дом. — А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908.

Домостр. — Домострой. По рукописям Имперской публичной библиотеки. Под ред. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1867.

Дон. дел. — Донские дела, кн. 1—5. — РИБ. СПб., т. 18, 1898; т. 24, 1906; т. 26, 1909; т. 29, 1913; т. 34, Пг., 1917.

Д. о. Суздальском вале. — Дело о земляном Суздальском вале. . ., 1643. Архив П. М. Строева, т. II, стб. 1098—1121. — РИБ, т. 32. Пг., 1915—1916.

Д. о. Шем. — Дело о князе Василии Иоанновиче Шемякине, 1517—1523. — АИ, т. I, стр. 177—183.

ДРС — Картотека словаря древнерусского языка XI—XVII вв. Храп.: Ин-т русского языка АН СССР (сохраняются сокращения, принятые в картотеке).

Дух. Климента, до 1270 г. — Грамота духовная Новгородца Климента, до 1270 г. Изд.: М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952 (снимок).

Дух. регламент 1721 г. — Духовный регламент. СПб., 1721.

Д. Шакловит. — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках . Изд. Археогр. комиссии, т. I—IV. СПб., 1884—1893 (1685—1725 гг.).

Епископ. поуч. — Поучение епископское собору епархиального духовенства, XIII в. «Варс. корм.», л. 189—190.

Ермол. лет. — Ермолинская летопись (XV в., сп. XVI—XVII вв.).— ПСРЛ, т. 23. СПб., 1910.

Euch.— Euchologium Sinaiticum Starocerkvenoslovanski glagolski spomenik, t. II. Ljubljana, 1942.

Ефр. корм. — Ефремовская кормчая XII в. Изд.: «Древнеславянская кормчая. XIV титулов без толкований, труд В. Н. Бенешевича», т. I. СПб., 1906; см. также: ГИМ, Син., № 227.

Евфр. Отразит, 1691 г. — Житие пр. Евфросинии Суздальской по сп. XVII в. «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. I. Владимир, 1899.

Ж. Авр. Смол. — Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему (XIII в., сп. XIV в.). Приготовил к печати С. П. Розанов. «Памятники древнерусской литературы», вып. I. Изд. ОРЯС. СПб., 1912.

Ж. Андр. Юр. — Житие Андрея Юродивого по нескольким спискам XV и XVI в. И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867.

Жал. гр. вел. кн. Вас. Иоан. — Жалованная грамота вел. кн. Василия Иоановича Суздальскому Покровскому монастырю, 1514.— АИ, т. I, стр. 173—174.

Жал. гр. кн. Владислава Ладомиру.— Жалованная грамота кн. Владислава Ладомиру Волошину 1378 г. Изд.: А. И. Соболевский и С. Пташицкий. Палеограф. снимки, № 16.

Жал. гр. кор. Ягелла Данилу, 1394 г. — Грамота жалованная польского короля Владислава Ягелла своему слуге Данилу Дажбо-

говичу Задеревецкому на именья в Галиции 29 июня 1394 г. Изд.: А. И. Соболевский и С. Пташицкий. Палеограф, снимки, № 15.

Жал. грам. митр. Киприана, 1399.— Жалованная грамота митрополита Киприана, 1399 г. Хран: ЦГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. IV, № 3.

Жал. гр. 1388 г. — Грамота жалованная литовского вел. кн. Александра Витовта. «Акты, относящиеся к истории Западной России, собр. и изд. Археографической комиссией», т. I. СПб., 1846.

Ж. Варл. Иоас. — Житие Варлаама и Иоасафа. «Сб. житий и слов», XIV—XV в. — ГПБ, Соф. № 1365.

Ж. Вас. Нов. — Житие Василия Нового (перевод середины XI в.). «Пролог мартовской половины XIV—XV вв.». ГИМ, Чуд. № 17, л. 38 об.—40.

Ж. Епиф. — А. Н. Робинсон. Жизнеописание Аввакума и Епифания. М., 1963.

Ж. Кириак — Житие св. Кириака из Г.-М. сент. 25—30. М., 1866, стр. 392—414.

Ж. Леонт. Рост. — Житие святого Леонтия, епископа Ростовского. (Рук. XII в., сп. XVI вв.). «Православный собеседник», ч. I. Казань, 1858.

Ж. Мих. Кл. — Повести о житии Михаила Клопского. М.—Л., 1958.

Ж. Нифонт. — Матеріяли з історії візантійско-слов'янської літератури та мови. Одесса, 1928.

Ж. Сав. осв. — Житие св. Саввы освященного составленное св. Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе. По рукописи ОЛДП издал И. Помяловский. СПб., 1890 (XIII в.).

Ж. Ф. Печ. — Житие преподобного Феодосия, игумена Печерского (по Успенскому сборнику XII в.). «Чтения ОИДР», 1899, кн. II.

Ж. Ф. Студ. — Жития Нифонта и Федора Студита, XII—XIII вв. ГБЛ, ф. 178 (Муз.) № 1832: л. 33 об., 171. Житие Феодора Студита.

Журн. Птр. — Журнал, или Поденная записка Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира, ч. I—II. СПб., 1770—1772.

Заб. Б. I. 1663 г. — И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст., ч. I. Изд. 3, с доп. М., 1895.

Заб. Мат. — И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, ч. I. Изд. Моск. городск. думы. М., 1884.

Задон. — В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. «Труды отдела древнерусской лит-ры», т. V. М.—Л., 1947.

Зак. Судн. изд. — Закон Судный людем пространно-исводной редакции. М., 1912.

Зап. Нащокина 1759 г. — Записки Василия Александровича Нащокина 1759 г. СПб., 1842.

Зап. Уст. Студ. — Устав студийский, 1388 г. — ГИМ, Син. № 333, л. 151 об. — запись.

Зап. XIV в. — Запись писца. Служебник XIV. — ГИМ, Син. № 601, Fn I 73.

Зерц. богосл. Кир. Транкв. Бусл. — Зерцало богословия Кирилла Транквелиона. См.: Ф. Буслаев. Историческая хресто-

матия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861.

Зл. цепь — Златая цепь (конец XIV в.).— ГБЛ, ф. 304, № 11.

Зогр. — Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. . . Berolini, 1879.

Иак. посл. Дм. — Макарий, еп. Винницкий. История русской церкви, т. II. СПб., 1857.

Изб. Св. 1073 г. — Изборник вел. кн. Святослава Ярославича 1073 года. «Чтения МОИДР», 1882, кн. 4.

Изб. 1076 г. — Изборник 1076 г. — ГПБ, Эрмит., № 20 по тексту, подготовленному к изданию Ин-том русского языка АН СССР.

Изм. XVI в. — Измарагд XIV—XV вв. Рукопись БАН, сп. XVI в.

Илар. Мол. — Молитва Илариона «. . . бо мы люди твоя. . .». «Канонник XIV в.».— ГБЛ, ф. 304 (Тр.-Серг.) № 254, л. 53—56.

Илар. Посл. — Наказание Илариона к отрекшимся от мира (или: Послание к брату столпнику). «Сборник XIV в.».— ГБЛ, ф. 29 (Беляевск.), № 1548.

Им. Тат. — Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева во 116 г. «Временник ОИДР», 1850, кн. 8 (1608 г.).

Ин. сказ. — Так называемое Иное Сказание. — РИБ, т. 13, Изд. 3. Л., 1925, стб. 1—144 (Сп. XVII в.).

Ио. екз. Бог. — Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Екзарха Болгарского. «Чтения ОИДР», 1877, кн. 4.

Иос. Флав. — Иосиф Флавий. О полонении Иерусалима, кн. 4—7 (XII в.), сп. XVI в. Копия с рукописи Волоколамского монастыря, л. 100^2—261^2.

Ип. лет. — Ипатьевская летопись (ок. 1425 г.) — ПСРЛ, т. 2. Изд. 2. СПб., 1908.

Ип. (Г.-В.) — Ипатьевская летопись (Галицко-Волынская). — ПСРЛ, т. 2. Изд. 2. СПб., 1908, стб. 285—938.

Ист. о вел. кн. Моск. — История о вел. кн. Московском (XVI в., сп. XVII в.). «Соч. князя Курбского», т. I (РИБ, т. 31). СПб., 1914.

Ист. о Каз. ц. — История о Казанском царстве. — ПСРЛ, т. XIX. СПб., 1903.

Кан. Кир. Тур.— Канон молебный Кирилла Туровского. «История русской церкви» преосвящ. Макария (Голубинского), т. III. СПб., 1857.

Карпов — А. Б. Карпов. Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1913.

Кат. Рост. — Повесть кн. Ивана Михайловича Катырева-Ростовского (1626 г., сп. XVII в.) — РИБ, т. 13. Изд. 3. Л., 1925.

Кирил. Иерус. Огл. — Оглашения св. Кирилла, архиепископа Иерусалимского, из сб. XIII в.

Кир. Тур.— Слова Кирилла Туровского из сб. XIV в. Изд.: М. Сухомлинов. Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. СПб., 1858 (слова II—IX, XII).

Кир. Тур. о черноризч. чине.— Кирилла Туровского сказание о черноризческом чине по Новгородской кормчей 1282 г., л. 604—611.

Клоц. — Glagolita Clozův. Praha, 1893.

К.-Печ. пат. — Киево-Печерский патерик (Арсениевская редакция) 1406 г.— ГПБ, Оп. I, 31.

Кн. ключей — Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.—Л., 1948.

Кн. пер. Новг. № 324 — Переписная книга гор. Новгорода и новгородских пригородов, 1698—1699 гг. Рук. ЛОИИ (собр. рукоп. кн., № 324).

Кн. писц. Новг. XVII в. — Писцовая книга 1621—1629 гг. «Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду» (РИБ, т. 17). СПб., 1898.

Кн. п. Обон. пят. — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г. «Материалы по истории народов СССР», вып. I. Л. 1930.

Кн. п. Хлын. — Писцовая книга 1629 г. Хлыновского уезда. «Труды Вятской ученой археогр. комиссии», 1914, вып. I.

Кн. расх. Болд. мон. 1585—1589 гг. — Монастырские приходо-расходные книги. Болдин-Дорогобужский монастырь, вып. I — РИБ, т. 37. Л., 1924, стб. 20—187.

Космогр. нач. XVIII в.— Книга нарицаемая Космография сиречь всемирное описание земель и назнаменование степенем во округах небесных. Рукопись нач. XVIII в. из собр. В. Н. Перетца. F IV. 91.

Корм. Балаш. — Кормчая Балашева с прибавлениями. Рукопись БАН, 21. 5. 4. XVI в., прибавл. XVII в.

Корм. Новг. — Новгородская летопись по Синодальному и Харатейному списку. Светопечатное воспроизведение. Изд. Археограф. комиссии. СПб., 1875.

Космогр. 1670 г. — Книга глаголемая космография, сиречь описание всего света земель и государств великих. Космография 1670 г. СПб., 1878—1881.

Котош., Котошихин — Г. К о т о ш и х и н. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 1906.

Крм. Д. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею, т. I, II. В сб.: «Русск. истор. об-во». СПб., т. 41, 1884; т. 95, 1895.

Кс. Ш. — С. Ш у м а к о в. Сотницы, грамоты и записи. вып. 2. Костромские сотницы 7068—7076 г. «Чтения ОИДР», 1903, кн. 3 (1560—1568 гг.).

К. Тур. Кан. — Каноны Кирилла Туровского, XII в. По рук.: «Обиход церковный XIV в». ГПБ, Соф. № 1052, лл. 219 об.—232.

Кулик., Куликовский — Г. К у л и к о в с к и й. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.

Купч. грам. Мих. Фед. на с. Медну, ок. 1380—1417 гг. — Грамота купчая Михаила Федоровича и Юрия Ванцифорова на село Медну. Изд.: «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв»., т.I. Под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. М., 1929, № 25.

Курб. Пис. — Письма князя Курбского к разным лицам (XVI в., сп. XVII в.).— РИБ, т. 31. СПб., 1914, стб. 359—472.

Кург. Письм. — Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забавного вещесловия. 4 изд. вновь выправленное, приумноженное и разделенное на 2 части профессором и кавалером Н. Курганом, ч. I и II. СПб., 1790.

Лавр. лет. — Лаврентьевская летопись.— ПСРЛ, т. I, вып. I — Повесть временных лет. Изд. 2. Л., 1926; вып. 2 — Суздальская летопись. Изд. 2. Л., 1927.

Лавр. лет. 1377 г. — Лаврентьевская летопись 1377 г. — ПБ, IV, 2.

Лавров — R. Lavrov. Les feuillets du Zographe. — RETSE 6. Paris, 1926.

Лекс. Татищева — А. П. Аверьянова. Рукописный Лексикон Татищева. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова, серия филол. наук», 1957, вып. 23. Очерки и исследования по истории языка.

Лет. Рус. — Летописец Русский (Московская летопись). Приготовил к изд. А. Н. Лебедев. «Чтения ОИДР», 1895, кн. 3.

Леч. н. З. — Лечебник без заглавия. Рукопись в 132 главах из собр. В. Н. Перетца. Q № 76, 1672.

Лих. Исх. XV ст. — Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895.

Лобк. прол. — Пролог (Лобковский) сентябрьской половины, 1262 г. ГИМ, Хлуд. № 187.

Ложн. и отр. кн. XVII в. — Ложные и отреченные книги русской старины, собр. А. Н. Пыпиным. «Памятники старинной русской литературы», вып. III. СПб., 1862.

ЛОИИ — Ленинградское отделение Ин-та истории АН СССР.

Львов. лет. — Львовская летопись. — ПСРЛ, т. XX. СПб., 1910—1914.

Мак. Римл. — Сказание о Макарии Римлянине. «Паисиевский сборник конца XIV—начала XV в.». — ГПБ Кир.-Белоз. № 4—1081, л. 147—167.

Мар. — Мариинское четвероевангелие. СПб., 1883.

Матица злат. Бусл. — Матица златая. См.: Ф. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861.

Мат. Ком. ул. — Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового уложения. «Сб. русского истор. об-ва», т. 4. СПб., 1869—1911, ч. I (. . . т. 4, 1869) — 1767; ч. III (т. 14, 1875) — 1768.

М. Гр. — Сочинения преподобного Максима Грека, ч. I, III (Изд. 2). Казань, 1894—1897; ч. II, 1860.

Мем. 1719 г. — Мемориал каков по указу его царского величества подан Аглинскому двору 1719 году. СПб., 1720.

Менандр — Изречения Менандра по рукописи: Пчела, XIV—XV вв. Fn I, 44, л. 182 об.—188 об.

Мер. праведн. — Мерило праведное, XIV в., — ГБЛ, ф. № 304 (Тр.-Серг.) № 15.

Mikl., Miklosich. — Miklosich. Fr. Lexicon palaeoslovencico-graecolatinum. Vindobonae, 1862—1865.

Мин. Пр. — Минея праздничная (Трефологий), XIII—XV в. ГПБ, Соф., № 382, 396.

Мин. 1095—1097 гг. — Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. Труд И. В. Ягича. СПб., 1886.

Мин. 1096 (окт.) — Минея служебная, октябрь 1096 г.— ЦГАДА, ф. 381, № 89 (тип. № 200).

Мин. 1097 г. — Минея служебная, ноябрь 1097 г. — ЦГАДА, ф. 381, № 91 (тип. № 202).

М. Мед. — Материалы для истории медицины в России XVII в., вып. I—IV. СПб., 1881—1885.

Моск. вед. — Ведомости времени Петра Великого (1703—1719 гг.), вып. I—II. Изд. Московской синод. типографии. М., 1903—1906.

МС — Материалы словаря одного южновеликорусского говора на территории Рязанской Мещеры. Хранятся в Ин-те русского языка АН СССР.

Мухан. — Сборник Муханова. Изд. 2. СПб., 1866 (XIV в. — 1747).

Нак. воев. Лод. — Наказ Пермского воеводы Гавриила Васильевича Лодыгина. . ., 1619. Архив Строева, т. II, стб. 487—494.

Наказ кн. Вас. Мосальск. — Наказ князю Василию Мосальскому. Акты, касающиеся событий со второй половины XIV в. до половины XVII в. — РИБ, т. II. СПб., 1875.

Наказ Ф. Булгакову — Наказ Федору Булгакову. — Там же.

Наука красноречия — Наука краснореч ия си есть Риторика (рукопись).

Нзр — Книга глаголемая «Назиратель», сиире чь «Уряд домовых детель». Рукопись Барсова (ист. муз.), № 371, 2-й пол. XVI в.

Никон. лет. — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — ПСРЛ, т. IX—XIV. СПб., 1862—1910.

Новг. гр. 1270 г. Шахм. № 3 — Грамота договорная Новгорода с вел. кн. Тверским Ярославом Ярославичем (третья) 1269 или 1270 г. Изд.: А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV вв. «Исследования по русск. яз.», № 3. СПб., 1885—1895, стр. 241—243.

Новгр. гр. 1304—1305 гг. — Грамота договорная Новгорода с кн. тверским Михаилом Ярославичем — Там же, № 11.

Новгр. гр. 1325—1327. Шахм. № 15 — Грамота договорная Новгорода с великим князем Тверским Александром Михайловичем, между 1325—1327 гг. — Там же, № 15, стр. 261—263.

I Новгр. лет. — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Светопечатаное воспроизведение. Изд. Археогр. комиссии. СПб., 1875, стр. 1—338.

Новг. I лет. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.

Ог. поуч. Феод. Студ. — Огласительные поучения Феодора Студита. — ГБЛ, ф. 173 (Фундам.), № 52, 1—230.

О днях лун., Пам. отр. лит., II — О днях лунных. «Памятники отреченной русской литературы, собраны и изданы Н. Тихонравовым», т. II. М., 1863.

Опросн. р. стар. — Опросные речи старцев Каргопольского Спасского монастыря, 1634. Архив Строева, т. II, стб. 879—884.

Опыт. — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Остр. б. — Острожская библия 1581 г. СПб., 1913.

Отпис. Тобол. в. 1616—1624 гг. — Отписки Тобольских воевод царю Мих. Фед. о путях сообщения из Мангазен на Руси. 1616—1624 гг. — РИБ, т. II. СПб., 1875.

Отр. д. П. Фр. — Отрывок розыскного дела о побеге за границу Петра Фрязина, 1539. — АИ, т. I, стр. 202—204.

Отр. роз. д. Иоанна Иоанн. — Отрывок розыскного дела о бегстве из Москвы рязанского кн. Иоанна Иоанновича, 1521. — Там же, стр. 187—190.

Пал. 1406 г. — Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова, вып. I. М.,1892; вып. II, 1896.

Пам. дипл. М. т. (П.-лит.) — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством, 1560—1571 гг., т. III. «Сб. Русск. истор. об-ва», т. 71. СПб., 1892.

Пам. Зап. Храповиц. 1787 г. — Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. Изд. полное с примеч. Г. Н. Геннади. «Чтения ОИДР» 1862, кн. 2.

Пам. отр. лит. — Памятники отреченной русской, литературы. Собр. и изд. Н. Тихонравовым, т. I. СПб., 1863.

Панд. Ант. — Пандекты Антиоха, XI в. М., 1913.

Панд. Ник. Черн. 1296 г. — Пандекты Никона Черногорца, 1296 г.— ГИМ, Син. № 836 и рукопись ГИМ, Чуд. № 16, XIV в.

Панд. Ник. Черн. XIV в. — Пандекты Никона Черногорца. — ГИМ, Чуд. № 16, XIV в.

Парем. чт. о Б. и Г. — Паремийное чтение о Борисе и Глебе. Паремийник, 1271. ГПБ, Qn I 13, л. 256—260 об.

Парем. 1370 — Паремийник 1370 г. — ГБЛ, ф. 256 (Рум.), № 302, л. 113 — запись писца.

Пат. Син. XI в. — Патерик Синайский XI в. — В кн.: И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, т. III. СПб., 1879.

Перв. Курб. — Первое послание Ивана Грозного Курбскому. «Соч. князя Курбского», т. I (РИБ, т. 31). СПб., 1914, стр. 9—102.

Перв. челоб. — Первая челобитная. См.: «Соч. Пересв.», стр. 59—69.

Перепис. Алекс. Мих. — Переписка царя Алексея Михайловича. Письма патриарха Никона. «Письма русских государей и других особ царского семейства». Изд. Археогр. комиссии, т. I. М., 1848.

Переп. Хован. — Частная переписка кн. Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников (XVII в.). Сообщено Г. Лукьяновым. «Старина и новизна», кн. 10. М., 1905, стр. 283—462.

Песни Петр. — Н. М. Петровский. Рукописный песенник XVIII в. «Изв. ОРЯС», 1907, т. XII, кн. 1, стр. 273—294.

П. и б. Петра Вел. — Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I—IX. СПб. — М.—Л., 1887—1950.

ПКМГ — Писцовые книги XVI в. Писцовые книги Московского государства, т. I. Изд. РГО. Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1877.

Пов. вр. л. — Повесть временных лет по Лаврентиевскому списку. Изд. Археогр. комиссии. СПб., 1910. См. также: ПСРЛ. Изд. 2. Л., 1926; М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Пов. Кат.-Ростовского.— Повесть кн. Ивана Михайловича Катырева-Ростовского (во 2-й ред.).— РИБ, т. 13. Изд. 3. Л., 1925 (XVII в., сп. XVIII в.).

Пов. об аз. сид. — Повесть об азовском осадном сидении донских казаков. См.: Гудзий, стр. 357—373.

Пов. об осаде Пск. — Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием. «Русские повести XV—XVI вв.». М.—Л., 1955.

Пов. об осн. моп. — Повесть об основании тверского Отроча монастыря. См.: Гудзий, стр. 436—442.

Пов. о Горе и Злоч. — Повесть о Горе и Злочастии. См.: Гудзий, стр. 386—396.

Пов. о Ерше. — Повесть о Ерше Ершовиче. См.: С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. II, вып. I. М., 1949.

Пов. о Ерше — Повесть о Ерше Ершовиче. «Рус. дем. сатира», стр. 7—19.

Пов. о Карп. Сут. — Повесть о Карпе Сутулове. — Там же, стр. 114—120.

Пов. о Ник. Зар. — Повесть о Николе Зарайском XIV в. Рукопись б. Моск. дух. акад. № 523, XVI в. См.: «Труды Отделения древнерусской литературы», VII. М.—Л., 1949, стр. 282—301.

Пов. о П. и Ф. — Повесть о Петре и Февронии. См.: Гудзий, стр. 233—241.

Пов. о Сав. Грудц. — Повесть о Савве Грудцыне. См.: Гудзий, стр. 400—415.

Пов. о Солом. — Повесть о Соломоне (XVII в.). См.: «Ложн. и отр. кн. XVII в.».

Пов. о Фр. Скоб. — Повесть о Флоре Скобееве. См.: Гудзий, стр. 416—425.

Пов. о Шем. суде. — Повесть о Шемякином суде. «Рус. дем. сатира», стр. 20—29.

Пов. Ск.-Шуйск. — Повесть о смерти и о погребении кн. Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. — Гудзий, стр. 316—323.

Пов. Ульян. XVII в. — Повесть об Ульянии Муромской. «Памятники старинной русской литературы», вып. I. Изд. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860, стр. 63—67.

Пов. Цр. — Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора-Искандера XV в. «Памятники древней письменности и искусства», вып. LXII. СПб., 1886.

Подвыс. — А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Поликарпов — Ф. Поликарпов. Лексикон триязычный. М., 1704.

Польск. д. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством.— «Сб. Русск. истор. об-ва», 71, 137, 142. М.—СПб., 1892—1913.

Пор. гр. Ряз. кн. Ол. Ив. кор. Ягеллу, 1393 г. — Грамота поручная рязанского вел. кн. Олега Ивановича польскому королю Владиславу Ягеллу. Изд.: А. И. Соболевский и С. Пташицкий. Палеограф. снимки, № 87.

Посл. в К.-Б. мон. — Послание в Кирилло-Белозерский монастырь. «Послания Ивана Грозного». М.—Л., 1951, стр. 162—192.

Посл. митр. Фил. — Послание митрополита Филиппа Новгородскому архиепископу Ионе и Новгородцам, 1467 г. — АИ, I.

Посл. Нил. — Нила Сорского предание и устав. Вступит. статья М. С. Воровковой-Майковой. «Памятники древней письменности и искусства», вып. 179. СПб., 1912.

Посл. Стеф. Бат. — Послание польскому королю Стефану Баторию. «Послания Ивана Грозного». М.—Л., 1951, стр. 213—238.

Посл. Ю. Крижанича ц. Фед. Ал. — Послание Ю. Крижанича царю Феодору Алексеевичу. — «Уч. зап. Казанского ун-та», 1865, вып. I, стр. 4—21.

Пос. Мыш. 1640—1643 гг. — Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарова в Кахетию 1640—1643 гг. Документы издал и введением снабдил М. Полиевктов. «Междунар. сношн. Грузии с иноземн. государствами», 2. Тифлис, 1928.

Посольство Елчина — Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639—1640 гг.). С предисл. С. А. Белокурова. «Чтения ОИДР», 1887, кн. 2, стр. 257—376.

Посольство Леонтьева, 1616 г. — Посольство в Персию Федора Исаковича Леонтьева, 1616—1618 гг. «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», т. III. СПб., 1898.

Пос. о скуд. и бог. — Книга о скудости и богатстве. «Соч. Ивана Посошкова». Изд. М. Погодиным. М., 1842.

Пос. отеч. поуч. — Отеческое завещательное поучение посланному для обучения в дальние страны юному сыну. — Там же.

Поуч. Ал. митр. — Поучение Алексея митрополита всея Руси. Сборник XIV в. ГИМ, Увар. № 589 (1770, 361), л. 64 об.—69 об.

Поуч. о спас. — Поучение о спасении души (русское). Сб. XIV в. ГИМ, Хлуд. № 30м, л. 98—111. Изд.: А. Н. Попов. Первое прибавление к описанию рукописей и каталогу книг церковной печати б-ки Хлудова. М., 1875, стр. 45—52.

Поуч. Ф. — Поучение, слово к келарю святого Феодосия, игумена Печерского монастыря в Киеве-Лестовица, XIV—XV вв. — ГПБ, оп. I, л. 12, 139—139 об.

Пох. журн. — Походный журнал 1695—1726 гг. СПб., 1853—1855.

Прав. Иоан. II — Иоанна митрополита русского правило. — ГИМ, Син. № 132. М., 510—518.

Прав. Кир. II — Правила Кирилла митрополита русского и сошедшихся епископов. . . на поставление епископа Владимирского Серапиона 1274 г. — Кормч. Новг., л. 539—546в.

Праж. — Н. К. Грунский. Пражские глаголические отрывки. «Памятники старославянского языка», т. I, вып. 4. СПб., 1905.

Предск. фил. и докт. — Предсказания философов и докторов. «Соч. Пересв.», стр. 78—79.

Пренес. мощ. Николая — Память (слово) на перенесении мощей святого архиепископа мюрского в Белград. Пролог на май-июнь, XIII в. ГПБ, Fn I, 47.

Преображенский — А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914.

Прилуцк. пр. — Пролог (Прилуцкий) на март—август, XIV—XV вв. — ГПБ, Дух. Акад., AI 264, т. 2.

Прол. конца XIV—XV вв. — Пролог мартовской половины XIV—XV вв. — ГИМ, Чуд. № 17.

Прол. н. XIV в. — Пролог сентябрьской половины. XIV в. — ЦГАДА, ф. 381, № 153 (Тип. № 153).

Прол. н. XIV в. (Син. 239). — Пролог сентябрьской половины первой четв. XIV в. — ГИМ, Син. № 239.

Прол. XIII в.— Пролог. на май—июль, XIII в. — ГПБ, Fn I, 47.

Прол. 1383 г. — Пролог мартовской половины 1383 г. — ЦГАДА, ф. 381, № 172 (тип № 367).

Прол. (II) — Славяно-русский пролог. ч. I. Сентябрь—декабрь. «Пам. древнерусской церк.-учительской лит-ры», вып. 2. СПб., 1896.

ПС — Синайская псалтырь. Приготовил к печати С. Северьянов. «Памятники старославянского языка». т. 4. СПб., 1922.

Псалт. Симон. — Древле-славянская псалтирь симоновская до 1280 года сличенная по церковно-славянским и русским переводам. Изд. 2. Труд арх. Амфилохия. М., 1881.

Псков. а. — Псков и его пригороды, кн. 2 (1580—1733 гг.). «Сб. Московского архива юстиции», т. VI. М., 1914.

Псков. I лет. — Псковская I летопись (1559—1650 гг., сп. XVI—XVII вв.) — ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848.

Псков. II лет. — Псковская II летопись. Синод. список. — В кн.: «Псковские летописи», вып. 2. М., 1955.

II Псков. лет. — Псковская II летопись (к. XV—н. XVI в.). — ПСРЛ, т. V. СПб., 1851.

Птр I — Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. I (1688—1701 гг.). СПб., 1887.

Пуст. Сб. — Книга сил, глаголемая ответ православных. См.: В. Г. Дружинин. Пустозерский сборник. Изд. Археогр. комиссии за 1913 г., вып. 26. СПб., 1914.

Пут. Арс. Сух., Сах. II, кн. 8 — Путешествие Арсения Суханова. «Сказания русского народа», собр. И. Сахаровым, т. II, кн. 5—8. СПб., 1849.

Пут. Иг. Даниила Сах. II, кн. 8. — Путешествие игумена Даниила.— Там же.

Пчела — Пчела, XIV—XV вв. Изд.: В. Семенов. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. «Сб. ОРЯС», т. IX, № 4. СПб., 1893; Пчела, XIV—XV вв. — ГПБ, I, № 44.

Радз. лет. — Радзивиловская или Кенигсбергская летопись, т. I. СПб., 1912.

РИБ — Русская историческая библиотека.

Римск. имп. д. — Памятники дипломатических сношений с Римскою империею, т. II. СПб., 1852.

РЛА — Русско-ливонские акты (XIV—XV вв.), собр. К. Е. Напьерским. СПб., 1868.

Рогож. лет. — Рогожский летописец. — ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Изд. 2. Пг., 1922.

Розов — В. Розов, Українськи грамоти, т. I (XIV в. і перша полов. XV в.). Київ, 1928.

Розыск. о Шаклов. — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках (1685—1725 гг.), т. I—IV. Изд. Археогр. комиссией. СПб., 1884—1893.

Росп. узор. тов. — Росписки узорочным товарам, винам и другим предметам. . . — РИБ, т. II. СПб., 1875, стр. 560.

Рус. дем. сатира — Сб. «Русская демократическая сатира XVII в». М.—Л., 1954.

Русск. правда по Акад. сп. — «Русская Правда» краткой редакции по Академическому списку XV в. Изд.: Б. Греков. Правда Русская. т. I. М.—Л., 1940, стр. 70—73.

Русск. правда по Мус.-Пушк. сп. — «Русская Правда» полной редакции по Мусин-Пушкинскому списку в Сб. юридич. XIV в. — ЦГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. I, № 1.

Русск. правда 1282 г. — «Русская Правда» полной редакции Новгородской кормчей 1282 г. — ГИМ, Син. № 132.

Рычков журн. — Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по различным провинциям Россий-

ского государства в 1769—1770 гг., кн. I—II. СПб., 1770—1772.

Ряз. корм. — Кормчая рязанская 1284 г. — ГПБ, Fn I, 1; Fn II, 1.

Сб. 1076 г. — Сборник Святослава 1076 г. — В кн.: И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863.

Сб. Паис. — Паисиевский сборник конца XIV в.—начала XV в. ГПБ, Кир. Бедоз., № 4—1081.

Сб. Соф. XIV—XV вв. — Сборник XIV—XV вв. — ГПБ, Соф., № 1262.

Сб. Толст. — Сборник XIV—XV вв. — ГПБ, Qn I 7 (бывш. Толст. III, № 65).

Сб. Тр. № 9 — Иоанна Златоустого и других поучения, конца XIV в. — ГБЛ, ф. 304 (Тр.-Серг.), № 9.

Сб. Тр. № 12 — Сборник (Торжественник) конца XII—начала XIII вв. — ГБЛ, ф. 304 (Тр.-Серг.), № 12.

Сб. Троиц. — Сборник поучений XII в. В кн.: И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, т. II. СПб., 1876.

Сб. Увар. — Сборник XIV в. — ГИМ, Увар. № 589 (1770, 361).

Сб. Хлуд. — Сборник XIV в. — ГИМ, Хлуд. № 30.

Сб. Чуд. — Сборник Чудова монастыря № 20 — ГИМ, Чуд. № 20.

СДР — Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Хран. в Ин-те русского языка АН СССР.

Серап. Вл. — Поучения Серапиона Владимирского, сп. XIV в. См.: Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, прибавление к исследованию, стр. 1—15.

Син. пат. — Синайский патерик, к. XI в. — ГИМ, Син. № 551, л. 1—187.

Сипов. Яропол. — Гистория о Ярополе цесаревиче в кн.: В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII в., I. СПб., 1915.

Сказ. об Астрах. — Сказание об Астрахани летописное и о мучении пр. Иосифа. Рукопись ГПБ, Q, 1V, 59, первой пол. XVIII в.

Сказ. о Б. и Г. — Сказание о св. мучениках Борисе и Глебе. «Сб. XII в. Московского Успенского собора», вып. I. Изд. под наблюд. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. «Чтения ОИДР», 1899, кн. 2.

Сказ. о кн. — Сказание о книгах. — «Соч. Пересв.», стр. 81—84.

Сказ. о куре и лис. — Сказание о куре и лисице. — «Рус. дем. сатира», стр. 73—106.

Сказ. о Маг.-салт. — Сказание о Магмете-салтане. «Соч. Пересв.», стр. 71—78.

Сказ. о пер. Черм. моря по сб. 1602 г. Ложн. и отр. кн. — Сказание о переходе Чермного моря по сборнику 1602 г. «Ложн. и отр. книги XVII в.».

Сказ. о созд. церкви св. Соф. Лет. рус. лит. и древн. II. — Сказание о создании церкви св. Софии. «Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым», т. II. М., 1859.

Сказ. о царе Конст. — Сказание о царе Константине. «Соч. Пересв.», стр. 69—71.

Скрижаль — Скрижаль Арсения Грека. М., 1656.

Slawski — F. Slawski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. Kraków, 1952—1956.

Сл. ак. азб. — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. I—VI. СПб., 1806—1822.

Сл. 1847 г. — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. вторым отд. АН, т. 1—4. СПб., 1847.

Сл. и Дел. — Н. Новомбергский. Слово и Дело Государевы, т. I (XVII в.), т. II (1690—1764). «Зап. Моск. археол. ин-та», т. XIV. М., 1911.

Сл. Иосип. о полон. Иерус., т. I—II — Слово Иосипово о полонении Иерусалима. «La prise de Jérusalem de Joséphe le Juif. Texte vieux-russe publie integralement par V. Istrin», t. 1—2. Paris, 1934—1938.

Сл. и поуч. против языч. — См.: Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. II. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. «Зап. Моск. археол. ин-та», т. XVIII, 1913.

Сл. каб. — Служба кабаку. — «Рус. дем. сатира», стр. 46—64.

Сл. о знам. — Слово о знамении святой богородицы в 1169 году в Новгороде — Минея праздничная (Трефологий), XIV—XV в. ГПБ, Соф. № 396, л. 1 об.—4 об.

Сл. о ж. Дм. Ив. — Слово о житии и о преставлении вел. кн. Дмитрия Ивановича. — ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 104—111.

Сл. о исх. души — Слово о исходе души и о входе на небеса по смерти; приписывается Кириллу Туровскому. «Паисиевский сборник», к. XIV—XV в. — ГПБ, Собр. Кир.-Белоз. монастыря, № 4—1081, л. 100—103 об.

Сл. о плк. Иг. — Слово о полку Игореве, изд. под ред. В. Н. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 1—46.

Сл. Похв. — Похвальное слово св. Кириллу и Мефодию первоучителям славянским. Успенский сборник XII в., вып. I. «Чтения ОИДР», 1899, кн. 2.

Смир. Каш. сл. — И. Смирнов. Кашинский словарь. «Сб. ОРЯС», т. 70, № 5. СПб., 1901.

Смол. гр. 1229 г. сп. А. — Грамота договорная смоленского кн. Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом, 1229 г., сп. А (1-я ред.). Хран.: Рижский городской архив, ф. I, caps «А», № 14.

Смол. грам. 1229 г. сп. Д. — Грамота договорная смоленского кн. Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом, 1229, сп. Д (2-я ред.). Хран: Рижский городской архив, ф. I, caps «А», № 17.

Соболевский и Пташицкий. Палеограф. снимки — А. И. Соболевский и С. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. СПб., 1903.

Соф. врем. — Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год. Изд. П. Строев, ч. I—II. М., 1820—1821.

Соф. I лет. — Софийская первая летопись. — ПСРЛ, т. 5—6. СПб., 1851—1853.

Соч. Курбск. — Сочинения князя Курбского, т. I. — РИБ, т. 31. СПб., 1914.

Соч. Пересв. — В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов. Публицист XVI века. М., 1908.

Спаф. К. — Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678 гг.). Изд. Ю. В. Арсеньева. «Вестник археологии и истории», вып. 17, отд. II. СПб., 1906.

Спаф. Сиб. — Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерченска и границ Китая русского посланника Николая Спафария с введением и примеч. Ю. В. Арсеньева. «Зап. Русского геогр. об-ва по отд. этнографии», т. X, вып. I. СПб., 1882.

Сп. Двин. зем. I — Первый список Двинских земель.

Сп. Двин. зем. II — Второй список Двинских земель.

Сп. Двин. зем. III — Третий список Двинских земель.

Срезн., Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1912. — Сохраняются сокращения, принятые Срезневским (см. т. I. Указатель сокращений, стр. 1—49; т. II. Дополнения, стр. 1—15; т. III. Дополнения, стр. 1—13).

Стгл. — Стоглав. Изд. 2. Казань, 1887.

Ст. Зв. — Посольство в Персию кн. Андрей Дмитриевича Звенигородского. «Труды Вост. отд. Русского археол. об-ва», 1892, т. 20, стр. 221—334 (1594—1596 гг.).

Стих. 1156—1163 — Стихирарь 1156—1163 гг. — ГПБ, Соф. № 384. Стихиры, посвященные Борису, Глебу и Георгию, л. 72—75, 97—107 об.

Супр. — Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова. «Памятники старославянского языка», т. II, вып. I. СПб., 1904.

Там. кн. Тихв. мон. — Таможенные книги Тихвина монастыря 1624—1698 гг. Рукопись ЛОИИ, № 4347.

Тархан. Гр. Кир. — Бел. мон. АИ. I — Тарханная грамота Кирилло-Белозерского монастыря. — АИ, т. I, стр. 184.

Тат. Духовн. — Духовная Василия Никитича Татищева. Изд. под наблюд. А. Островского. Казань, 1885.

Указец Арс. Высокого — Шляпкин И. Указец книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря Арсения Высокого 1584 г. «Памятники древней письменности и искусства», № 184. СПб., 1914.

Указ о крест. — Указ о крестьянах 1361—1365 гг. — ААЭ, I, № 5.

Улож. Ал. — Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении ... государя царя и вел. кн. Алексея Михайловича. М., 1649.

Уст. кн. Влад. — Устав князя Владимира о судах церковных конца X в. — Корм. Новг., л. 628—630.

Уст. Студ. — Устав студийский, конца XII или начала XIII в. — ГИМ, Син. № 330.

Ушаков — Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. I—IV. М., 1935—1940.

Vasmer — M. Vasmer. Russisches etimologisches Wörterbuch, t. I—III, Heidelberg, 1953.

Флор. ек. — Флоринова экономия. Изд. 3. СПб., 1775.

Ф. Студ. — Огласительные поучения Феодора Студита XIV в. — ГБЛ, ф. 173 (фундам.), № 52, л. 1 об.—230.

Х. Игн. См. — Хождения Игнатия Смольнянина 1389—1405 г. Под ред.: С. В. Арсеньева. «Правосл. палест. сб.», т. IV, вып. 3. СПб., 1887.

Хил. — Хиландарские листки. Сообщил С. М. Кульбакин. «Памятники старославянского языка», т. I, вып. I. СПб., 1900.
Хождение Котова — Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. «Изв. ОРЯС», 1907, т. XII, кн. I.
Хоз. Мор. I—II. — Хозяйство боярина Б. И. Морозова, ч. I—II. «Материалы по истории феодально-крепостнического хозяйства», вып. 1—2. М.—Л., 1933—1936.
Хрон. Г. Амарт. XIII в. — См. Г. Амарт.
Х. Тр. Кор. — Хождение Трифона Коробейникова. 1593—1594 гг. Под ред. Х. М. Лопарева. «Правосл. палест. сб.», вып. 27 (т. IX, вып. 3). СПб., 1889.
Цар. гр. иг. Гер. — Царская грамота игумену Тихвинского монастыря Герасиму. . ., 1638. Архив Строева, II, стб. 960—961.
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.
Челоб. Авраам. — Челобитная старца Авраамия. «Летопись занятий Археогр. комиссии 1872—1875 гг.», вып. 6, отд. II. СПб., 1877.
Челоб. Лаз. 1668—245 — Челобитная Лазаревская. См.: «Материалы для истории раскола за первое время его существования», т. 1—4. Под ред. Н. Субботина. М., 1875—1877.
Чер. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950.
Чт. Б. и Г. — Чтение о Борисе и Глебе, написанное Нестером в конце XI в. по сп. «Сильвестровского сборника» XIV в. Изд.: И. И. Срезневский. Сказания о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860.
Чуд. Ник. Торж. — Торжественник при Златоструе. — ГПБ, I 46.
Шестодн. 1263 г. — Шестоднев, сост. Иоанном екзархом Болгарским. «Чтения ОИДР», 1879, кн. 3.
Юр. прол. — Пролог (Юрьевский) сентябрьской половины XIV в.— ЦГАДА, ф. 381, № 153 (Тип. № 153).
Якут. а. — Якутские акты 1639—1646 гг. Рукопись ЛОИИ.
Яр. сб. — Сборник XIII в. Спасо-Преображенского монастыря, № 5. Ярославский областной краеведческий музей.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Г. Н. Лукина. Прилагательные с первичным значением вкусового признака в древнерусском языке XI—XIV вв. 5

Н. Г. Михайловская. Синонимические прилагательные в значении 'знатный' в древнерусском литературном языке 19

Н. Г. Михайловская, В. С. Филиппов. Существительные, обозначающие актера в древнерусском литературном языке 40

О. И. Смирнова. Один случай энантиосемии 56

Г. И. Белозерцев. О соотношении элементов книжного и народного языка в памятниках XV—XVII вв. (на материале глаголов с приставками *вы-* и *из-* выделительного значения) 68

И. С. Улуханов. Глаголы с приставкой *предъ-* в древнерусском языке XI—XVII вв. 123

Л. В. Вялкина. Греческие пареллели сложных слов в древнерусском языке XI—XIV вв. 154

В. Н. Виноградова. Прилагательные с отрицательными приставками *без-* и *не-* в древнерусском языке XI—XIV вв. 189

Н. П. Зверковская. Параллельные прилагательные с суффиксами *-ов-* и *-ьн-* (на материале памятников XI—XV вв.) 224

Ю. С. Азарх. Из истории именного словообразования (существительные женского рода на *-ль*) 238

И. Г. Добродомов. О некоторых русских словах, заимствованных из греческого языка через тюркское посредство 255

Л. В. Вялкина, Г. Н. Лукина. Материалы к частотному словарю древнерусских текстов 263

Список сокращений 293

Лексикология и словообразование древнерусского языка

Утверждено к печати Институтом русского языка Академии наук СССР

Редактор издательства *Л. М. Гаврилова*
Технические редакторы *Л. А. Кленовская, Т. И. Анурова*

Сдано в набор 15/XI 1965 г. Подписано к печати 30/V 1966 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 9,75. Усл. печ. л. 16,38. Уч.-изд. л. 16,8. Тираж 3200 экз. Изд. № 757/66. Тип. зак. 711.

Цена 1 р.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
139	4 св.	предъпологати	прѣдъполагати
147	7—8 сн.	предъсвътити	предъстити
159	16 св.	εὐαγγελίροξαι	εὐαγγελίζομαι

1 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА"

